

BAND 11

1983

GEWIDMET

IGOR' A. MEL'ČUK

ZUM FÜNFZIGSTEN GEBURTSTAG

**WIENER
SLAWISTISCHER
ALMANACH**

HERAUSGEBER

Aage A. Hansen-Löve
Tilman Reuther

REDAKTION

Literaturwissenschaft:

Aage A. Hansen-Löve

Sprachwissenschaft:

Tilman Reuther
Gerhard Neweklowsky

EIGENTÜMER UND VERLEGER

Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, Wien

REDAKTIONSADRESSE

Institut für Slawistik der Universität Wien
A-1010 Wien, Liebiggasse 5, Tel. (0222) 4300-2934

ERSCHEINUNGSWEISE

zweimal jährlich

DRUCK

Offsetschnelldruck Anton Riegelnik,
A-1080 Wien, Piaristengasse 19

I N H A L T

Ju.K.ŠČEGLOV, O Mel'čuke	7
A.K.ZHOLKOVSKY, O Mel'čuke	15

A U F S Ä T Z E

Ju.D.APRESJAN (Moskva), Sintaksičeskie priznaki dlja atributivnyh konstrukcij s objazatel'nym zavisimym pri attribute	25
L.H.BABBY (Ithaca), The Relation between Causative and Voice: Russian vs. Turkish	61
J.BIEDERMANN (Gießen), Über die Termini <i>ustojčivost'</i> und <i>idiomatičnost'</i> : Rezeptionsversuche	89
F.DREIZIN (Haifa - Edmonton), Verbal Nouns: Hybridizing Montague and Mel'čuk	111
A.V.GLADKIJ - F.A.DREJZIN (Kalinin), O semantike ruskogo otricanija	123
W.HONSELAAR (Amsterdam), Word Order in Russian Noun Phrases	153
L.P.KRYSIN (Moskva), O "social'nom" komponente leksičeskich otnošenij	169
R.RATHMAYR (Innsbruck), Zur Polyfunktionalität kleiner Wörter am Beispiel von russisch <i>tol'ko</i>	189
P.SGALL (Praha), On Some Main Directions in the Development of the Typology of Languages	217
A.WIERZBICKA (Canberra), <i>Skirts and Trousers</i> : Lexicography and Conceptual Analysis	229
D.S.WORTH (Los Angeles), Conditions on <i>á</i> -Plural Formation in Russian	257
S.I.EL'NICKAJA (Montréal), O nekotorych čertach poëtičeskogo mira M. Cvetaevoj (IV): 'Nesoedinenie istinnogo i neistinnogo'	263
Ju.K.ŠČEGLOV (Montréal), Iz nabljudenij nad poëtičeskim mirom Achmatovoj (II). (<i>Ja s toboj ne stanu pit' vino</i>)	325
A.K.ZHOLKOVSKY (Ithaca), 19 oktjabrja 1982 g. or The Semiotics of a Soviet Cookie Wrapper	341

B I B L I O G R A P H I E

K.HARTENSTEIN - P.SCHMIDT (Bochum - Konstanz), Kommentierte Bibliographie zum "Smysl ↔ Tekst"-Modell	355
--	-----

R E Z E N S I O N

I.A.Mel'čuk, Towards a Language of Linguistics. A System of Formal Notions for Theoretical Morphology. (W.LEHFELDT, Konstanz)	411
---	-----

T E X T E

- I.A.MEL'ČUK, Suppletivological Studies: On a Lexicocoitonic Case in Contemporary French. 421
- I.ISLAHI, Ešče odin fonetičeskij paradoks 441

Igor A. Mel'čuk

Prof. I.A. Melshuk

Professor I.A. Melycuk

M. Igor A. Melicuk

M. Meltchouc I. A.

IGOR MELTCHOUK

Prof. Igor Mel'čuk

M. Igor Melcuk

M. Melczuk

Prof. Igor A. Mel'cuk

I. Melcuk

Prof. Igor Mel'čuk

Prof. Igor A. Melčuk

M. Melu'k

Professor Mel'tchuk

MEL TCHOUCK IGOR ALEXANDROVICH

Igor A. Mel'čuk

Igor MEL'Č'UK

Igor a Melcuk

MEL'THOUC I.

Igor A. Melcukl

M. Melcuk Igor

M. Igor Mel'cuk

Dr. Igor Mel'cuk

Monsieur le Professeur Igor Mel'čuk

MELSHIK

M. Igor Mel'ček

Igor Melcuk Esq.

Prof. Igor Mil'cuk

Igor A. MEL-ČUK

Prof. Igor Melchouk

Monsieur Ygor Mel'čuk

CUK IGOR MEL

MEL'cuk, Igor

Professor Ingor Melchuk

M. Igor MAL'CUK

I. Mel'čuk

Dieser Band des "Wiener Slawistischen Almanachs" ist Igor' A. Mel'čuk (* 19. Oktober 1932) zum fünfzigsten Geburtstag gewidmet. Unter den Autoren sind Freunde des Jubilars - viele davon haben schon mehrmals in dieser Zeitschrift publiziert - und Wissenschaftler, die sich in dieser oder jener Weise mit den Ideen I.A. Mel'čuks auseinandergesetzt haben bzw. deren Arbeiten vom Jubilar stets mit Interesse verfolgt worden sind.

Die Freude des Herausgebers über das Zustandekommen dieses Festbandes ist verbunden mit dem Dank für eine nunmehr achtjährige Bekanntschaft mit Igor' Mel'čuk, die sich über die Stationen Moskau - Wien - Montréal und viele andere Orte der Begegnung zu persönlicher Freundschaft entwickelt hat und auch vielfach der Anstoß zur herausgeberischen Tätigkeit war.

Den wissenschaftlichen Beiträgen, die den Kern der Festschrift bilden, gehen zwei biographische Essays voran, die besser als jede Sammlung von Daten einen Eindruck von der Person und dem Wirken Igor' A. Mel'čuks geben; seine "Würze" erhält der Band durch die am Schluß stehenden (para)linguistischen Texte.

Über alle Linguistik hinaus, die das Leben Igor' Mel'čuks erfüllt und von der man weiß, ohne ihn persönlich zu kennen, seien hier Worte von B. Okudžava zitiert, die wohl viele auch mit ihm gesungen haben:

*Виноградную косточку в теплую землю зарю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
И друзей созову, на любовь свое сердце настрою,
А иначе зачем на земле этой вечной живу?
Собирайтесь-ка гости мои на мое угощение,
Говорите мне прямо в лицо кем пред вами слышу.
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья...
А иначе зачем на земле этой вечной живу?*

Wir wünschen dem Jubilar noch viele erfüllte Jahre. "Sto lat!"

Tilmann Reuther

Юрий К. ЩЕГЛОВ

О МЕЛЬЧУКЕ

Игоря Мельчука я впервые увидел около 30 лет назад, на эстраде Коммунистической (бывшей Богословской) аудитории Московского университета. Был вечер студенческой самодеятельности, из которого в памяти остались только два номера: сыгранная по-английски сцена из "Пигмалиона" (та, где Элиза швыряет в Хиггинса его туфли) и выступление какого-то хора, не помню что и на каком языке певшего. Хором дирижировал невысокий рыжий студент с удлинённой головой физика или шахматного гроссмейстера. Приковывала внимание его яростная невероятно четкая жестикуляция. Это был Игорь. Мы знаем из литературы, что первое появление героя на страницах романа часто оформляется символически и содержит некую формулу его характера и будущего поведения. Именно таким кажется мне теперь тот далекий, уже едва видный сквозь толщу времени образ раннего Мельчука - прирожденного организатора и вдохновителя всякого рода массовых предприятий. Всю жизнь он кем-нибудь руководил, кого-то спланировал, воспитывал примером, вел, учил, поправлял - словом, дирижировал.

В этих необыкновенных свойствах Игоря я вскоре убедился воочию, отправившись под его началом собирать картошку в совхоз Юрлово, Можайского района. Это было в сентябре 1955 года. В небольшой, но пестрой группе участников поездки царил авторитет Мельчука, умевшего одухотворить эту всем знакомую советскую повинность поэзией туристских, альпинистских и геолого-разведочных песен, полный репертуар которых был ему известен. Они навсегда запомнились тем, кто учился в университете в пятидесятые годы: "Глобус", "Мадагаскар", "Помнишь, товарищ, белые снега", "Мне не забыть той долины" и многие другие. В этих песнях, которые Игорь запевал с заражавшей всех энергией и силой, жили слегка бутафорская романтика и наивный идеализм предвоенных студенческих общежитий, вероятно, уже прочно забытые на сегодняшнем филфаке МГУ. С таким же бодрым напором, без тени стеснения, ни на минуту не сомневаясь в поддержке аудитории, Игорь вдруг заводил массовые словесные игры или начинал декламировать стихи. Помню, как в грузовике, мчавшем нас в серенький подмосковный денек к

местам произрастания картошки, после нескольких хором спетых песен, лежа на груди рюкзаков, он обратился к одетой в тулупы публике: "А вот какое есть стихотворение..." и прочел с истовым пафосом строфы Светлова: "Черный крест на груди итальянца...". Время вообще было поэтическое: приближалась достопамятная "оттепель", и совсем еще молодые Ахмадулина и Евтушенко только-только начинали читать свои стихи в не слишком переполненных студенческих аудиториях.

Уже тогда Игорь Мельчук пользовался на факультете прочной репутацией "вундеркинда", "полиглота" и "светила". Вскоре на заседаниях научного студенческого общества и в кулуарах филфака впервые раздались сакральные слова "машинный перевод" (МП). В конце пятидесятых годов машинному переводу суждено было стать знаменем наиболее передовых лингвистических идей, каким-то Сезамом, который, как ожидалось, вот-вот откроет перед нами целую анфиладу чудесных и таинственных дверей в науке. Молодые носители светлых голов "шли" в машинный перевод, как некогда люди шли в революцию. Заниматься МП значило быть "при деле", и новообращенные готовы были на первых порах выполнять в нем любую, хотя бы черную работу (например, подбрасывать лопатой тексты на вход переводящей машины, как говорил один мой друг и сокурсник, разочаровавшийся в литературоведческой премудрости и искавший "настоящего дела"). Традиционные гуманитарные науки с их расплывчатыми понятиями вызывали саркастические улыбки; в школе МП люди учились совершенно новой для того времени строгости и формализованности мышления, под лучом которой разваливались многие общепринятые истины. Помню, с каким элорадным торжеством один известный ленинградский лингвист публично объявлял, - скандализуя этим сидевших в президиуме седых профессоров, - что с точки зрения МП оказывается удобным считать русское слово "поросся" не существительным, а возвратным глаголом. Явился новый, невиданный жанр лингвистического творчества - алгоритм (система команд, предназначенная для ввода в ЭВМ), быстро становившийся одним из самых престижных. Читались лекции, в которых тогдашние законодатели научной моды связывали машинный перевод с идеями Нильса Бора и о. Павла Флоренского, с языком африканских сигнальных барабанов, нейрохирургией и письменами острова Пасхи. Публика стонала от восторга и высаживала двери лекционных залов.

Игорь Мельчук, еще будучи студентом, стал едва ли не главной фигурой этого нового движения в науке. И пока все сливались в экстазе по поводу машинного перевода, он усиленно *делал* МП и успел создать несколько настоящих, действующих (они были проверены на машине) и весьма мощных алгоритмов, - подобно тому умному мальчику из фельетона Ильфа и Петрова, который собирал пробки, пока взрослые дяди сочиняли статьи и оратории о сборе пробок. При этом Игоря нисколько не беспокоило мнение, имевшее тогда некоторое хождение среди маститых лингвистов, что данный вид деятельности представляет-де собой голую технику, не имеет собственно научного значения и может осуществляться мало-мальски грамотным лаборантом. Подобный взгляд исходит из представления, что теория в гуманитарных науках должна иметь литературную, дискурсивную форму, желательна на философском фундаменте, а всякие схемы, таблицы и иная формальная арматура - это уже детали, которыми "чистый" ученый вправе не интересоваться, доверяя их разработку ученикам. Но мне, как и многим моим сверстникам, было гораздо интереснее разбираться в сложной инженерии мельчуковских алгоритмов, чем читать глубокомысленные, но неудобоваримые, логически невнятные статьи традиционных языковедов. Один из первых уроков, усвоенных мною у Игоря, состоял в том, что научная теория в принципе должна быть реализуема в виде технического аппарата, *моделирующего* изучаемый объект (язык), если же она не ставит перед собой такой цели, то скорее всего представляет собой ни к чему не обязывающую болтовню, "бла-бла-бла", как выражаются французы. Модель - это и есть теория. Действительно, таблицы и блоки команд в ранних мельчуковских алгоритмах МП были окружены изящнейшей теоретической аурой, незаметной для профанов, но безотказно пленявшей посвященных. В их устройстве находили себе точное выражение весьма глубокие, тонкие и новаторские представления о языковой структуре. Позже я прочел труды Блумфилда, Якобсона, Хомского и других корифеев лингвистики, но лишь немногие из них поражали такой же верностью и полнотой проникновения в скрытые механизмы языка, как эти "чисто технические" работы, бывшие моим первым лингвистическим чтением. Те, с кем я разделял тогда это мнение, не ошиблись. Через 10-15 лет из машинного перевода Мельчука выросли его фундаментальные труды по морфологии, семантике и другим разделам

науки о языке, которым, я убежден, суждено занять одно из первых мест в классическом фонде современной лингвистики.

В годы, о которых я вспоминаю (конец пятидесятых), авторитет Мельчука среди лингвистической молодежи был необычайно высок. Каждая его новая работа расхватывалась, как когда-то статьи Белинского. Его идеи служили пищей и для высоколобых научных дискуссий, и для повседневного разговора, и для веселых шуток. Крупной вехой в развитии машинного перевода стало его исследование о "языке-посреднике в МП", суть которого, в упрощенном виде, состояла в том, что между языками А и Б при автоматическом переводе должен стоять третий язык, "посредник", искусственно конструируемый как совокупность - или, как тогда говорили, пучок - лексических и грамматических соответствий между многими языками мира. Один наш общий друг и коллега (ныне заведующий русской кафедрой Корнельского университета) популяризировал эту мысль следующими стихами:

Свой посредник-язычок
Строит Игорь как пучок.
Соответствия в пучке
Налицо в посредничке.
Всех научит Мельчучок
Посредник строить язычок.

Последнее двустишие особенно точно отражает действительность, ибо Мельчук, как я уже говорил, в самом деле всегда всех учил - как машинному переводу, так и всему остальному, что он открывал и во что верил. Вокруг него группировались адепты, готовые следовать за учителем по крутым горным тропам не только в метафорическом смысле (я имею в виду известную цитату из Маркса о каменистых тропах науки), но и буквально. Еще в университете Игорь прославился как великий турист и альпинист, способный в любой момент кликнуть клич, взвалить на спину грубый, доисторического вида рюкзак чуть ли не вдвое больше его самого и повести преданные ему "народы" (его выражение) в любую из четырех стран света - в Хибины, в леса Подмоскovie, на Памир, в Хевсуретию, в Карпаты. В этих походах обсуждение проблем залога и эргативности чередовалось с уже упоминавшимся выше туристическим фольклором и с юмором на темы "материально-телесного низа" (пользуясь терминологией Бахтина), в области которого мельчуковская эрудиция и фантазия, пожалуй, не имеет себе равных в мире. Ездил он и в лингвистические экспедиции,

занимавшиеся описанием малоизученных языков Кавказа и Камчатки. Все эти странствия, давно уже обросшие легендами, ждут своих мемуаристов и историков.

Как у него на все хватало времени - остается тайной, но статьи и книги Мельчука продолжали выходить в свет непрерывным потоком, постепенно перерастая рамки машинного перевода и превращаясь в одну из самых блестящих и всеохватывающих теорий языка, когда-либо созданных в лингвистике. Стиль научного мышления Игоря оказал неизгладимое влияние на всех, кто имел счастливую возможность его слушать и читать, в том числе и на меня, хотя мои занятия и протекали в другой сфере. В частности, под его воздействием сформировалось мое представление об идеальной научной работе, сочетающей конструктивную сложность (поскольку очень сложен моделируемый объект - язык или литературный текст) со здравым смыслом и полной логической ясностью, и исключающей всяческую философскую туманность, расплывчатость понятий, элитарную герметичность и аллюзивность. Нежелательно также эссеистское красноречие: описание проделанной работы должно быть сухим и деловым, поскольку научное построение обладает собственным изяществом и внутренней убедительностью, не нуждаясь в эффектном словесном преподнесении. Об отрицательном отношении Игоря к метафизическим мудрствованиям в такой точной науке, какой в его понимании, является лингвистика, выразительно говорит следующий случай. В конце 60-х годов Мельчуку пришлось переводить для одного весьма солидного сборника пространное сочинение не менее солидного западного лингвиста, изобиловавшее умозрениями в жанре "философии языка". Делая перевод, Игорь не переставал возмущаться крайней невразумительностью мыслей автора и самим фактом существования работ в подобном стиле, претендующих на научность. Наконец, терпение его лопнуло, и он выразил свое неодобрение оригинальным способом. В абзаце, содержащем глубокомысленные рассуждения о "языковой потенции", он дополнил текст почтенного автора собственной фразой, гласившей: "Потенция в данном случае не должна рассматриваться как импотенция". Это ценное уточнение никого не озадачило, и книга беспрепятственно вышла в свет.

Подобного рода practical jokes отнюдь не чужды настоящим ученым, но они обычно раздражают завистников и педантов. Осенью 1962 г. Мельчуку исполнилось тридцать лет, и по этому случаю в

стенах московского Института иностранных языков состоялась импровизированная веселая церемония. Перед началом очередного заседания Объединения по машинному переводу несколько друзей и почитателей Игоря во главе с Вяч. Вс. Ивановым продемонстрировали публике археологическую сенсацию - клинописную надпись (начертанную за полчаса до этого на старом засаленном листе настольной бумаги) об автоматическом переводе в древнем Вавилоне. После этого в честь юбиляра были произнесены краткие речи на древнееврейском, греческом и португальском языках. Я зачитал на древнеисландском языке, которым тогда занимался, начало новонайденной саги, повествующей о подвигах Игоря. Было много смеха. Все это длилось минут десять, после чего началась научная часть вечера. Я для чего-то вышел из зала, и первым, кто мне повстречался в коридоре, был Егор Клычков, индоевропеист, человек молодой, но уже очень важный, усердно делавший партийную карьеру и снискавший известность в институте своими иезуитскими выступлениями против местных инакомыслящих. Он был уже в шляпе и пальто и в большом негодовании удалялся домой. Увидев меня, он остановился и, сверкая мне в лицо стеклами пенсне, отчеканил: "Устроителям заседания следовало бы заранее известить аудиторию о том, что состоится идиотский балаган, чтобы не отнимать время у тех, кто пришел слушать доклад".

С того дня прошло - или, верней, промчалось, промелькнуло - двадцать лет, в течение которых я не очень часто виделся с Игорем, хотя, конечно, был в курсе его деятельности, по-прежнему занимавшей все умы, и продолжал читать его публикации. Впечатление от них не ослабевало, ибо Мельчук, как всякий подлинный ученый, не стоял на месте, усложнял свой научный аппарат и расширял сферу приложения своего блестящего, я бы сказал - пронзительного аналитического дара. Он без колебаний вступил в такую неизведанную область науки, какой в 60-е годы была лингвистическая семантика, и создал в ней, вместе с талантливыми сотрудниками и учениками, основополагающую теорию моделей "Смысл ↔ Текст", которой посвящена его последняя вышедшая в Советском Союзе книга. Любая тема, которой он касался, освещалась ярким светом, начинала "играть", открывая перед читателем увлекательные перспективы. В эти годы постепенно раскрылись две черты творческого облика Игоря, которые более или менее латентно присутствовали всегда, но не всем были заметны, а

именно - его универсализм, в принципе не позволяющий удовлетвориться чем-либо меньшим, нежели перестройка всей науки о языке, и его вполне закономерные связи с классической лингвистической традицией, ранее не бросавшиеся в глаза из-за новаторского характера его работ, ассоциаций с такой технической материей как машинный перевод и некоторого радикализма во внешнем поведении самого Игоря. Переезд на Запад шесть лет назад ничего не изменил: по-прежнему Игорь все успевает, находится в движении, выпускает книгу за книгой, не говоря о бесчисленных статьях и докладах, воспитывает учеников и продолжает оставаться неутомимым землепроходцем в туристическом плане, чувствуя себя в лесах Квебека или на холмах Вермонта так же уверенно, как где-нибудь под Москвой.

Я не могу закончить этих кратких воспоминаний, не сказав хотя бы двух слов об исключительном гуманизме Мельчука, о его готовности оказать срочную и эффективную помощь всем, кто в ней нуждается и ее заслуживает. Как и все, чему посвящает свое время Игорь, эта сторона его жизни имеет сугубо рационализированный и деловой характер и четко организована, идет ли речь о помощи друзьям или об общественной деятельности в международном масштабе (Мельчук, помимо прочего, активный член Эмнести Интернешнл). На него можно положиться, и его настойчивость и энергия порой делают чудеса, в чем пишуший эти строки убедился на собственном примере.

Я счастлив, что являюсь современником, коллегой и другом этого удивительного человека, и рад присоединить свой голос к тем, кто сегодня приносит ему дань привязанности и почтения.

Alexander K. ZHOLKOVSKY

О МЕЛЬЧУКЕ

Юбилейные воспоминания - род прижизненного некролога. Впрочем, в нашем случае подобный жанр имеет определенные преимущества, ибо речь, в сущности, пойдет о "другой жизни", чуть ли не о предыдущей инкарнации, о том, что умерло и живет лишь в памяти. Здесь шумят чужие города, и поминать про Китеж, про битвы, где вместе рубились они, и про прустово ложе нашего прошлого стоит разве с тем, чтобы поэта в нем законопатить. А уж там вырвется ли он, подобно дыму, из дыр эпохи роковой и т.д., - неизвестно. Все это было давно и неправда, или, как сказал поэт, но кто мы и откуда, когда от всех тех лет остались пересуды, а нас на свете нет. Итак, несколько штрихов и эпизодов в глубоко прошедшем времени, в *plus-que-perdu*, из жизни человека, который был a legend in his time.

За безусловно украинским "Игорь Мельчук" скрывался огненно-рыжий еврей Иегошуа (т.е. Иисус, как он с гордостью пояснял), похожий на Романа Якобсона и Вуди Аллена. Он в буквальном смысле слова не мог молчать и пребывать в неподвижности; отсюда, наверно, лингвистика и походы. На заре туманной юности он был положительным героем стенгазеты филфака "Комсомолия" ("Человек, Который Знает 10 Языков, 100 Песен и 1000 Анекдотов"). О его научной славе распространяться не буду, но когда "мельчуки" шли в поход ("Надо пройти!"), Игорь мог несколько раз в течение одного уик-энда встретить в лесу знакомых - отдельных лиц или целое туристское кодро. С ним все хотели быть, говорить, быть им замечены, взяты с собой. Однажды в поход явилось 108 человек, с детьми и собаками.

Тогда была популярна какая-то американская социо-психологическая анкета, включавшая вопрос: "Помогаете ли Вы старушкам на улице?" Так вот, однажды наша очередная встреча для совместной работы сорвалась из-за того, что он взялся вызвать скорую помощь старушке, кем-то подобранной на улице и оставленной у него на руках. Скорая не приезжала, старушку нельзя было бро-

сильней... Еврейское счастье преследовало его самого и его знакомых, и его долг был "управиться". Когда одного его приятеля (отнюдь не ближайшего друга) сбила машина, оставив на дороге практически в виде груды разрозненных костей, не кто иной, как Игорь, сделал все, что было нужно, чтобы собрать его по частям и поставить обратно на ноги. Помощь какого-то совершенно незаменимого и недоступного хирурга он обеспечил; явившись к нему после ста безрезультатных звонков на дом, где застал его в залитой квартире (лопнули трубы), и вычерпав вместе с ним всю воду. Я уж не говорю о бесчисленных лингвистах, которым он совершенно бескорыстно - и напрасно, учитывая их бездарность и неблагодарность, - помогал в работе, подавая идеи, читая рукописи и отвечая на вопросы о смысле жизни и науки. Наверно, треть отпущенного ему времени он провел в коридорах Института Языкознания (ИЯ), остановленный за пуговицу по дороге к действительно важным делам.

Как мог такой человек быть не только любим, но и ненавидим? Однажды он шумно разглагольствовал в коридоре Института (тихо говорить он просто не мог). Пожилая дама выглянула из своего сектора и сделала ему замечание, он стал возражать, она сказала: "У Вас, Игорь, ни стыда ни срама нет!" - "Ну, насчет стыда не знаю, а срам точно есть. Показать?"

Еще совсем молодой Мельчук делает доклад в Институте, проповедует в храме. Почтенная старая лингвистика, профессор, доктор, и прочая, и прочая, что-то спрашивает. "Очень, очень неглупый вопрос", - удивленно констатирует Мельчук. "Сейчас отвечаю."

Как-то раз он пожаловался мне, что один видный коллега, которого он, Игорь, по-своему уважает и даже просил прочесть рукопись своей книги, перестал здороваться. Из расспросов выяснилось, что тот книгу прочел, но от замечаний воздержался, сказав, что все это ему не близко, он германист, компаративист и в тонкостях моделирования не разбирается. "Да нет, сказал Мельчук, мне как раз интересно мнение среднего лингвиста."

Разумеется, такой стиль поведения - да еще в сочетании с научным новаторством и политическим диссидентством - не мог привести ни к чему хорошему. Мельчук был постепенно отторгнут системой, как инородное тело, - несмотря на его огромные заслуги,

популярность и готовность идти на определенные компромиссы. Один забавный пример. Был период когда он - неофициально и бесплатно - руководил договорной работой лаборатории, где реализовывалась (на военные деньги) модель "Смысл ↔ Текст". Ректор института, однако, так ненавидела Мельчука и боялась то ли его дурного влияния, то ли ответственности (это было после подписанства 1968 г.), что запретила ему физически бывать в лаборатории. Она взяла честное слово с нашего шефа, что "ноги Мельчука не будет в Институте". Запрет (чем-то напоминающий сталинское запрещение Ворошилову, как английскому шпиону, бывать на Политбюро) соблюдался.

А потом, конечно, он устал от компромиссов, взбунтовался. Последовало письмо в "Нью-Йорк Таймс" в защиту Сахарова, часовое, вдохновенное и свободное выступление на языковедческой конференции в ИЯ (1975?) с лейтмотивом: "Давайте поговорим о нашей науке так, как будто мы не на конференции, где много посторонних (кивок в сторону начальства), а где-то на воле", и наконец отъезд, т.е. смерть, воскресение, реинкарнация, как угодно...

Был и Гефсиманский сад. Из толпы друзей, учеников, поклонников, накормленных, излеченных, воскрешенных, в общем, никто не восстал против его увольнения из ИЯ "по профнепригодности". Да и заключительный аккорд той жизни был вполне в духе легенды. Когда он в последний раз махал друзьям со знаменитой галерейки в Шереметьеве, случившийся рядом совершенно посторонний провожатант воскликнул: "Простите, но ведь это Мельчук?! Разве он уезжает?"

На моем горизонте Мельчук впервые появился в пятьдесят втором году. Я стал думать о поступлении на филфак, и мама сказала, что пригласит "своего рыженького", который одновременно блестяще учится на филфаке МГУ и у нее в Музыкальном училище, хотя времени для занятий у него почти нет. Он провел у нас вечер, потешая всех рассказами об университетской жизни, в частности о том, как Петька Палиевский (ныне замдиректора Института Мировой Литературы) на экзамене никак не мог удовлетворить преподавательницу марксизма-ленинизма, которая перебивала его громовым "Неверно!" каждый раз как он пропускал хотя бы одно слово в сакраментальной фразе из "Краткого курса": "В 1934 году, по-

сле злодейского и подлого убийства Сергея Мироновича Кирова...". Знание этого источника требовалось тогда (при жизни автора) безупречное, и Игорь пронес его через всю жизнь. Когда в 1966 г. "Вопросы литературы" напечатали нашу со Щегловым статью (в дискуссии о кибернетике и литературоведении), Мельчук, услышав, что этому способствовал редактор отдела теории некто Л., вскричал: "Как? Морально-политический урод?!" - "Почему? Он симпатичный человек." Оказывается, в "Кратком Курсе" есть упоминание о "морально-политических уродах типа Ш. и Л." (причем последний - отец нашего редактора). Забавно, что знакомство с Л., приведшее к публикации, началось тоже с соответствующей цитаты. Обратиться к нему посоветовал В.В.И., сказавший: "Есть у них один замечательный грузин..."

Провожая Игоря в тот первый вечер к метро, я задал ему неизбежный юношеский вопрос о счастье. Не колебаясь ни секунды, он ответил: "Счастье - это знать, что надо делать и делать это. Например, для меня счастье в том, чтобы описать суффиксы испанских отглагольных существительных -ción и -miento." В дальнейшем смысл жизни, счастье и единственная разумная цель лингвистики состояли в том, чтобы строить алгоритмы машинного перевода, в том, чтобы строить не алгоритмы, а исчисления, в создании модели "Смысл ↔ Текст"... Все прочее каждый раз объявлялось ненужным и даже вредным. Как сказано у Шкловского: "Я верен любви - люблю другую."

Последующие десять лет Игорь был моим научным кумиром, а потом еще десять лет мы проработали вместе над нашим "словарем нового типа". Несколько выдержек из разговоров Гете с Эккерманном.

"Игорь, как бы не забыть эту мысль. Давай запишем." - "Не надо. То, что можно забыть, не стоит запоминать."

К лженаучным занятиям он относил всякого рода статистику, веруя исключительно в "работающие", главным образом, дискретные модели. "Только лентяи могут заниматься статистикой." - "Как это лентяи? Подумай, сколько труда и времени уходит на все эти подсчеты." - "Вот-вот, думать лень, они и считают."

Что касается создания работающих систем, то оно прекрасно шло на бумаге, но ввиду особенностей русской жизни все не получало технического воплощения. Одно время нашей любимой шуткой

было называть себя братьями Ползуновыми. Была ли она пророческой? Сегодня братья имеют возможность наблюдать как медленно, но верно их паровоз заново изобретается американскими Уаттами и Стеффенсонами.

Разумеется, сказать, что не осуществлялось совсем ничего, было бы неверно. Однажды, в декабре, то есть в конце финансового года, на оставшиеся неизрасходованными институтские деньги я был командирован в Тбилиси. По рекомендации Игоря я познакомился с Г.Ч. и все время проводил с ним и его друзьями. Но представители другой ветви грузинского МП [машинного перевода] во главе с Г.М., тоже пожелали меня увидеть, тем более, что я был чем-то вроде эмиссара Мельчука, которого они очень чтили.

В назначенное время я зашел к М. в ВЦ. В просторной комнате сидела лаборантка, М. не было. На стене на почетном месте висел аккуратный список - 31 синтаксическое отношение Мельчука. Я решил дождаться М. - девушка сказала, что он ненадолго спустился в столярную мастерскую Вычислительного центра. Она рассказала также, что работает недавно, только два года. За это время она изучила алгоритм русского синтаксического анализа Мельчука и занимается его проверкой - вручную прогнала 60 фраз. Работа интересная, алгоритм хороший, она не жалуется. В общем, стало ясно, что если машина еще не моделирует человека, то человек уже вполне успешно моделирует машину. А вскоре пришел М., огромный человек, с огромным носом, огромными глазами и огромными губами. В руках он держал какую-то полочку, изготовленную по его заказу для домашних нужд. Он пригласил меня к себе в гости, и угостил на славу, поднимая бесконечные тосты за Мельчука, за московскую лингвистику, за машинный перевод и вообще за прогресс науки.

Вера в этот прогресс была основным кредо Мельчука. Философию он считал ерундой, но делал это, конечно, с определенных философских позиций, исповедуя крайний и вполне оптимистический рационализм. (Недаром про него было однажды сказано, что он хотя и анти-, но настоящий ленинец.) Философия, религия, всякие там гуманитарные печки-лавочки - безобидная, а чаще вредная болтовня, ведущая в конечном счете к тоталитаризму. Поэтики никакой нет и быть не может - ну разве что Алику (т.е. мне), раз он такой ум-

ный, а главное "свой", можно разрешить это странное времяпровождение, чтобы ему было хорошо и он лучше занимался делом, то есть лингвистикой.

Но и лингвистика хороша не всякая, так, например, какая может быть польза от занятий (талантливое, милое, но странное) Арона Долгопольского ностратикой (гипотезой о родстве языков мира)? Зная Игоря и в духе моей роли маркиза Позы при нем ("Алику можно"), я однажды предложил ему такую апологию ностратики.

На Земле высаживаются представители высшей, разумной цивилизации. Они быстро разочаровываются в человечестве и задумываются, не вывести ли его в расход. О моральном его лице говорить не приходится, но даже и научные достижения (во вкусе Мельчука) не могут перетянуть чашу весов. "Ну, что вы еще открыли?", спрашивают пришельцы. Люди предъявляют синхрофазотроны, генетические коды, лексические функции Мельчука и Жолковского и т.д., и т.п., но все это мало впечатляет утомленных высшим образованием марсиан. И тут, когда все висит на волоске, вперед выталкивают Арончика, который совершенно завораживает пришельцев рассказом об общем корне слов *черный*, *кара-кум* и *куро-сиво*, а тем самым и о родстве индоевропейских, урало-алтайских и дальневосточных языков. "Ну, если они до этого додумались, - качают головами марсиане, - то, пожалуй, их можно оставить на развод." Таким образом казалось бы беспредметные занятия Долгопольского приносят ощутимую пользу: спасают человечество, в том числе многосемейного Мельчука с чадами и домочадцами.

Что и говорить, жизнь рационалиста в абсурдном мире тяжела, но иногда преданность прогрессу неожиданно окупается. Помню, что когда он уезжал (1977 г.), то ограничения и пошлины на вывоз книг, изданных до 1946 года, беспокоили его меньше всего: "Ну что хорошего могло быть написано до 1946 года?!"

Нужны были поистине гротескные ситуации, чтобы поставить его в тупик перед противоречивостью собственных убеждений. Как-то работая у меня, мы сделали перерыв, то есть, я лег на диван и поставил "Итальянский концерт" Баха в исполнении Глена Гульда, а Игорь занялся переписыванием набело. Он не любил работать при музыке, но все же слушал с удовольствием. Во второй части он, не отрывая глаз от бумаги, сказал: "Подумать только, что это было

написано больше двухсот лет назад, в XVIII веке!" Я подыграл ему: "Ну да, когда не было не только квантовой механики и булевой алгебры, но даже и порядочной теории электричества." - "Вот именно, - не замечая подвоха подхватил он, - и ведь это не какие-нибудь там эмоции, а чисто интеллектаульная музыка, логика, разум!" - "Просто удивительно, как эта обезьяна Бах, фактически еще не слезшая с дерева и к тому же вместо принципа моделирования верившая в дурацкого бога, могла написать столь разумную вещь, приемлемую для тебя! Ты это имеешь в виду?" - "Логически рассуждая, да." Он покрутил головой. "Хмырь болотный, как ты все это придумываешь? Я вижу, ты уже отдохнул, давай работать."

Наверно, именно в противоречии между смехотворно узкими рационалистическими прецептами Мельчука и его страстной, разнообразно одаренной натурой и заключался основной секрет его обаяния. Конечной целью и оправданием "правильных" научных занятий объявлялось создание такого общества, в котором все решения принимают машины, и следовательно, безопасность и счастье его, Мельчука, детей не будут под угрозой. Гарантировано же это будет тем, что машины он создаст сам. (Возражение, что технический прогресс, наоборот, ведет к конструированию foolproof machines, доступных любому идиоту, террористу и т.д., он с раздражением отметал.) Отсюда недалеко до другой его излюбленной идеи. "Человек это разум. Все остальное в нем от животного, все эти чувства, желания, всякое там подсознательное, искусство и проч. Человечество давно было бы счастливо, если бы все руководствовались разумом - как я."

Самое смешное, что в действительности он руководствовался тысячью желаний и потребностей, диктуемых всем его существом. В результате он вечно куда-то спешил, опаздывал, писал рефераты в вагоне метро, разрывался на части между разными соавторами, большими родственниками, детьми, изданиями, учреждениями, походами, городами, - в буквальном смысле слова жил под огромным напряжением, так что у него, как у какого-нибудь прибора, от перегрузок все время выходила из строя то одна, то другая деталь: ломалась рука или нога, пропадал сон, начинали мучить фурункулы, не поворачивалась голова, разрушались зубы и т.д. Очередной поломкой механизма стала затяжная ангина, которой он пренебрегал, бегая по делам, в результате чего она привела к потере обаяния

и вкуса. Тем не менее он продолжал работать, только просил приехать к нему. За работой разговор, естественно, опять зашел о том, что человек это разум. Потом идем ужинать, садимся за стол, Игорь говорит: "Надо же, все так аппетитно выглядит, а я ничего не чувствую, ни запаха, ни вкуса." Я говорю: "Tu l'as voulu: колено у тебя из нейлона, в локте железо, вкус и обоняние потеряны, ты постепенно превращаешься в чистый разум. Чем ты недоволен? Ешь и сознавай, что это нужно тебе для продолжения работы над созданием цивилизации мыслящих машин." Однако эта программа его явно не устроила, потому что он усиленно лечился антибиотиками и наконец вернул себе утраченные способности. Помню, однако, что я с определенным удовлетворением наблюдал эту наглядную критику чистого разума. Наверно, в этом и крылась привлекательность Мельчука. Нестерпимый блеск его научных и человеческих достоинств смягчался как очевидной наивностью его философских установок, так и теми поломками, которые то и дело выводили из строя эту совершенную машину. Чтобы на солнце можно и даже приятно было смотреть, на нем должны быть пятна.

Смягчался его героический облик и стилем его остроумия, носившего сугубо уборнографический характер. (Мы называли его "доктор говнорис кауза" - "настоящим" доктором филологии он в России так и не стал.) В сколь угодно дамском обществе он из любой точки разговора находил кратчайший путь к унитазу ("веритас ин унитаз"). А с некоторых пор к этому добавились и сексуальные заявления самого лихого свойства, полные технических подробностей. Помню, как во время лыжного похода в Хибинах (апрель 1966 г.) Игорь пустился в отчаянно неправдоподобную похвальбу на этот счет в присутствии Н.С., математика и "энойной женщины" (по словам самого Мельчука). Тут, однако, номер со стыдом и срамом не прошел. "Слушай, Игорь, - сказала Н.С., утрированно блатным жестом отбрасывая сигарету и растирая ее ногой на снегу, - чего ты кипятиться? Пойдем, проверим." Она мотнула головой в сторону леса. Мельчук, как все оверкомпенсанты, человек в сущности глубоко застенчивый, тут же замолчал, покраснел и совершенно сник. (Н.С. теперь тоже по эту сторону занавеса and is a newsmaker, но не в этом дело.)

Одним из литературных мечтаний Мельчука было создать подлинную историю советской лингвистики. Недавно он написал, как я по-

нимаю, одну из ее глав - воспоминания о своем учителе Реформатском (см. в настоящем номере). Он буквально смаковал различные анекдоты из жизни лингвистов. Однажды он пересказал мне следующий диалог между создателем аппликативной грамматики Шаумяном и его учеником и подчиненным Гинзбургом. Г.: Себастиан Константинович, я полагаю, что Ваша модель потянет не меньше, как на аксиомы Риманова пространства. Ш. (удовлетворенно покручивая ус) : Да-а, а Вы мне не напомните, в чем состоят аксиомы Риманова пространства, а то я что-то не вполне...э-э...удерживаю в памяти... . Г.: Собственно,...я...затрудняюсь, Себастиан Константинович.

PS: Игорь, с пятидесятилетием тебя. Прими, и мою скромную главу и не обессудь, если, что не так.

Итака, ноябрь 1982 г.*

* Eine verkürzte Fassung dieses biographischen Essays ist unter dem Titel "Грани таланта" in der New Yorker Wochenschrift *Новая газета*, 5-11 февраля 1983 г., S. 18-19 erschienen (Anm. d. Red.).

Юрий Д. АПРЕСЯН (Москва)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ДЛЯ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С
ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ЗАВИСИМЫМ ПРИ АТТРИБУТЕ

*Брат, покинем
все, что меняется быстро.
Иначе мы не успеем
подумать о том, что
для всех неизменно. Подумать
о вечном.*

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Н. Рерих

После выхода в 1957 году книги Н.Хомского "Синтаксические структуры" в теоретической лингвистике началась многолетняя дискуссия вокруг выдвинутой в этой работе идеи автономности синтаксиса. Н.Хомский утверждал, что грамматическая правильность предложений не зависит от их лексического наполнения: если в терминальные узлы синтаксической структуры вводятся слова именно тех грамматических классов, которыми помечены узлы, то предложение, воплощающее данную синтаксическую структуру, будет грамматически правильным, хотя, может быть, и бессмысленным.

Как известно, реализовать эту идею не удалось. По мере того, как трансформационная грамматика осваивала с помощью своего формализма все более широкий языковой материал, становилось все более очевидным, что синтаксис не безразличен к лексике. В 1965 году в своей новой книге "Аспекты синтаксической теории" Н.Хомский вынужден был признать, что синтаксис естественного языка лексикализован. Одним из условий правильности синтаксической структуры является такой набор лексем для имеющихся в ней терминальных узлов, который удовлетворяет так называемым селекционным ограничениям - правилам изобретательной сочетаемости лексем друг с другом в пределах определенных фрагментов структуры. При этом и сам Хомский, и представители некоторых других школ трансформационализма полагали, что селекционные ограничения могут быть заданы с помощью правил "строгой субкатегоризации" - иерархической классификации лексики на основе чисто семантических признаков. Считалось, что правила, верные для одного слова семантического класса К, будут верны и для всех остальных слов этого класса.

Хотя в дальнейшем трансформационная теория Н.Хомского много раз перестраивалась и ревизовалась, в результате чего последова-

тельно возникали стандартная теория, генеративная семантика, лексикалистская гипотеза, расширенная стандартная теория, падежная грамматика, реляционная грамматика и другие направления и ответвления трансформационализма, идея "строгой субкатегоризации" лексики в разных формах пережила все эти революции и до сих пор сохраняет свои позиции. Не только трансформационалисты, но и представители большинства других направлений современной лингвистики убеждены в том, что единственно возможным описанием лексики для целей синтаксиса является классификация слов на основе (более или менее) априорных семантических признаков.

Другая идея описания лексики для целей синтаксиса была выдвинута в работах И.А.Мельчука по автоматическому синтаксическому анализу (Мельчук 1964), а затем воплощена в рамках предложенной им общей лингвистической модели "Смысл \leftrightarrow Текст"¹ в формальных моделях или фрагментах моделей поверхностного синтаксиса ряда конкретных языков (Мельчук-Саввина 1974, Мельчук-Перцов 1975, Иомдин-Мельчук-Перцов 1975).

Идея И.А. Мельчука покоилась на убеждении, что синтаксическое поведение слов не детерминируется стопроцентно их семантическими свойствами. Даже если слово X_1 входит в те же семантические классы K_1, K_2, \dots, K_n , что и слово X_2 , и не входит ни в какие другие семантические классы, в своем синтаксическом поведении оно может обнаруживать черты, отличающие его от X_2 . В каждом синхронном состоянии языка синтаксическое поведение слов в любых типах сочетаний, начиная с вполне свободных и кончая фразеологически связанными, предстает как отчасти семантически мотивированное, а отчасти случайное и идиосинкратичное. Разница только в степени. Поэтому никакие статичные и последовательно семантические классификации лексики не годятся для целей синтаксиса.

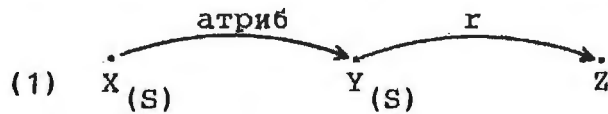
В число средств, описывающих способность слова участвовать в одних синтаксических конструкциях и его неспособность участвовать в других, И.А.Мельчук ввел специальные теоретические конструкты, носящие название синтаксических признаков. По существу, каждый синтаксический признак является сокращенным обозначением набора синтаксических конструкций, в которые данное слово может или не может входить в качестве главного, зависимого или какого-либо третьего члена.

Синтаксические признаки слова перечисляются в специально отведенной для этого зоне его словарной статьи. Обращение к зоне синтаксических признаков слова возможно в любых типах правил поверхностно-синтаксического компонента, устанавливающего (в рамках модели "Смысл \leftrightarrow Текст") соответствие между глубинно-морфологическим и поверхностно-синтаксическим представлениями предложения. К числу таких правил относятся синтагмы (правила распознавания или формирования разного рода синтаксических конструкций), операторы (правила соответствия грамматических характеристик или лексических свойств двух связанных друг с другом слов в различных контекстуальных условиях), правила порядка слов и пунктуации, общие и частные условия правильности поверхностно-синтаксических структур (включая и селекционные ограничения), правила коммуникативной организации предложения и ряд других. Не исключено, что необходимость в ссылках на синтаксические признаки может возникнуть и на более глубоких уровнях представления предложений, чем поверхностно-синтаксический. Из сказанного следует, что в строе естественного языка синтаксические признаки играют фундаментальную роль.

Представление о синтаксических признаках не чуждо и традиционной лингвистике. Такие привычные грамматические понятия, как три рода, одушевленность и неодушевленность существительных, качественность и относительность прилагательных, личность, указательность, неопределенность и отрицательность местоимений, порядковость числительных, переходность и непереходность глаголов и т.п., - суть понятия о синтаксических признаках. Однако раньше понятие синтаксического признака никогда не формулировалось явно, что тормозило формирование общей концепции синтаксических признаков и препятствовало ясному осознанию их роли в системе языка и их места в его теоретическом описании.

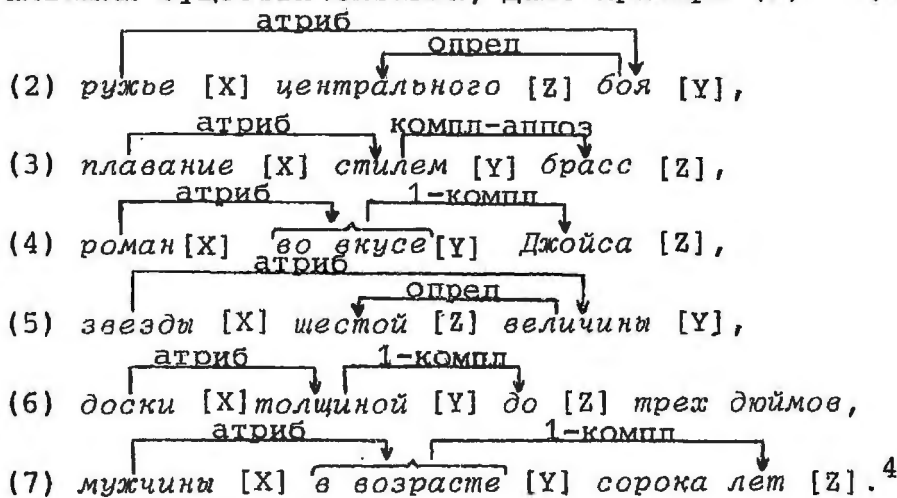
В данной статье мы рассмотрим некоторые синтаксические признаки русских существительных, определяющие их способность употребляться в одном классе атрибутивных конструкций.² Нас будут интересовать некоторые атрибутивные конструкции со следующими общими свойствами: 1) главный элемент X атрибутивной конструкции - существительное; 2) зависимый элемент Y - падежная или предложно-падежная форма другого существительного; 3) существительное Y имеет при себе обязательное зависимое Z, подчиненное Y-у определительным, атрибутивным, квазиагентивным, комплетивным или комплетивно-

аппозитивным поверхностно-синтаксическим отношением (ПСО)³. В общем виде:

В качестве конституирующего элемента конструкций с указанными свойствами выступает существительное Y, являющееся, в самом первом приближении, обобщенным названием класса систематики (РОД, ТИП), характерного свойства объекта (ФОРМА, ЦВЕТ), физической величины (ВЫСОТА, РАЗМЕР) и т.п. Назовем такие существительные категориальными.

Представление о конструкциях, которые формируются категориальными существительными, дают примеры (2) - (7):

Краткие сведения о конструкциях (2) и (6) сообщаются в Грамматике 60: 235 и в Грамматике 80, II: 65, 66, 71. При этом Грамматика 60 характеризует их главным образом со стороны значения. В Грамматике 80 указаны, кроме того, некоторые лексические классы категориальных существительных, способных формировать конструкцию (2), и некоторые синтаксические варианты конструкции (6). В работе Шведова 1960 содержатся интересные наблюдения над сокращением возможностей лексического наполнения конструкции (2) в литературном русском языке XX века по сравнению с литературным языком XIX века. Однако специальных исследований, в которых все конструкции (2) - (7) были бы выделены в качестве самостоятельного предмета изучения, мы не знаем. Между тем, они образуют синтаксически достаточно четкий класс и представляют значительный научный интерес.

Конструкции (2) - (7) интересны как тип полусвободных словосочетаний, занимающих промежуточное положение между вполне сво-

бодными и фразеологически связанными словосочетаниями. Для них характерна довольно значительная поляризация разных подтипов вдоль оси "свободные словосочетания" - "лексические и синтаксические фраземы". Эти подтипы создаются разнообразными ограничениями, в том числе синтаксическими и семантическими, накладываемыми по крайней мере на два элемента конструкции - Y и Z. Естественный способ описания синтаксических ограничений - самых многочисленных и интересных, - это описание через синтаксические признаки. Как мы увидим ниже, природа синтаксических признаков такова, что они создают идеальную основу для формулировки парадоксальных, но в высшей степени характерных для естественного языка правил - п р о д у к т и в н ы х правил образования п о л у с в о б о д н ы х, л е к с и к а л и з у ю щ и х с л о в о с о ч е т а н и й. Данное соображение явилось для нас дополнительным аргументом в пользу того, чтобы изложить и проиллюстрировать понятие синтаксического признака именно на материале конструкций (2) - (7).

Обратимся непосредственно к разбору этих конструкций и выяснению того, какие синтаксические признаки следует приписывать существительным Y, способным их формировать, и каким именно Y-ам они должны приписываться.⁵

2. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Категориальным существительным русского языка предлагается приписывать один или несколько из следующих шести признаков: (характрод), (характтвор), (характпр), (парамрод), (парамтвор), (парампр). Первая часть названия синтаксического признака содержит намек на общее значение класса существительных, которым он присваивается ((характ)еристика) vs. (парам)етр), а вторая - указание на ту (предложно-)падежную форму существительного ((род)ительный), (твор)ительный) и (пр)едложный)падежи), в которой оно выполняет функцию атрибута. Тот факт, что в обеих сериях фигурируют три одинаковых падежа, не случаен. Он отражает общий синтаксический закон, верный не только для русского языка (ср. Курилович 1962), в силу которого основной синтаксической функцией указанных падежей является атрибутивная функция в широком смысле слова.

Для более тонкого описания рассматриваемой атрибутивной конструкции всем её составляющим, включая категориальные существительные, необходимо было бы присвоить еще некоторые синтаксические признаки. Они будут так или иначе упомянуты в дальнейшем, но в более глухой форме, чем шесть основных признаков, поскольку для окончательных суждений об их статусе необходимо провести отдельное исследование.

1. *Существительные со значением характеристики.*

а) *Признак (характерод).*

(ХАРАКТРОД) - признак существительных Y, называющих характерное категориальное свойство объекта и способных выступать при существительном X в функции атрибута в родительном падеже с обязательным определительным, атрибутивным, квазиагентивным, комплетивным или комплетивно-аппозитивным зависимым Z. Определительное зависимое Z (часто реализующее вторую семантическую валентность Y-a) возможно при любых Y-ах, все остальные типы зависимых Z - лишь при некоторых.

По типу синтаксических, семантических и лексических ограничений, накладываемых на Y, Z или X, существительные (характерод) делятся на три класса, содержащих по три подкласса каждый. Классы и подклассы имеют зыбкие семантические границы и образуют плавную гамму перехода к существительным (парамрод). Вот эти классы и подклассы: I. Названия 1) классов систематики, 2) действий, процессов, явлений, 3) отрезков времени; II. Названия 4) ценных материалов, 5) ценных свойств, 6) признаков личности; III. Названия 7) стилей, 8) классов иерархии, 9) неколичественных параметров.

Мы допускаем, что это разбиение существительных (характерод) может показаться излишне дробным, но оно облегчает обзор материала и создает предпосылки для более тонкой формулировки ряда синтаксических правил.

I. Категориальные существительные первого класса (характерод) отличаются от существительных второго и третьего классов более широкими возможностями реализации зависимого Z.

1) Первый подкласс (характерод) включает лексемы ВИД 1, ГРУППА 1, ЖАНР, КАТЕГОРИЯ, КЛАСС 1, КРОВИ (ср. *арабских кровей*), КРУГ 2, МАРКА, МОДЕЛЬ, НАПРАВЛЕНИЕ 2, ОБРАЗЕЦ, ОТРЯД, ПОДВИД, ПОДГРУППА, ПОДКЛАСС, ПОЛ, ПОРОДА 1, ПОРЯДОК 1, РАЗНОВИДНОСТЬ, РАЗРЯД 1,

РОД 1, СЕМЕЙСТВО, ТИП, ФОРМАЦИЯ, ШКОЛА и некоторые другие с общим значением 'класс систематики'. Сюда же входят и лингвистические термины - названия грамматических категорий: ВИД 2, ВРЕМЯ 2, ЗАЛОГ, ЛИЦО, НАКЛОНЕНИЕ, ПАДЕЖ, ПОРОДА 2, РОД 2, ЧИСЛО 2 и т.п.

(здесь и дальше списки представительны, но заведомо неполны).

- (8а) предложения такого вида <типа> ,
- (8б) примеры группы А ,
- (8в) продукция высшей категории качества ,
- (8г) богатые старики его круга (В.Катаев) ,
- (8д) машины новейших марок <моделей> ,
- (8е) писатель реалистического направления ,
- (8ж) танки образца 1932 года ,
- (8з) птица отряда воробьиных ,
- (8и) огорчения неожиданного порядка (А.Твардовский) ,
- (8к) животное семейства гризунов ,
- (8л) прилагательные множественного числа .

У большинства существительных со значением 'класс систематики' (исключения должны оговариваться полексемно) Z может быть не только определительным, но и атрибутивным (8ж), квазиагентивным (8г), комплетивным ((8з), (8к)) или комплетивно-аппозитивным (8б) зависимым.

Некоторые существительные этого подкласса (ВИД, ГРУППА, ЖАНР, КАТЕГОРИЯ, КЛАСС, МАРКА, МОДЕЛЬ, РОД, СЕРИЯ, ТИП), в отличие от других существительных (характерод), допускают семантически инвариантную трансформацию атрибутивной конструкции (8) в актантную квазиагентивную конструкцию (9), если зависимым Y-а является местоименное или порядковое определение Z:

- (9а) такой вид <тип> предложений ,
- (9б) вторая группа примеров ,
- (9в) эта марка <модель> машины .

Семантически к рассматриваемому подклассу существительных примыкают математические термины ГРУППА 2, МНОЖЕСТВО, ПОДМНОЖЕСТВО, ПОЛУГРУППА и некоторые другие. Однако признак (характерод) им приписывать нельзя хотя бы потому, что в словосочетаниях типа

(10) элемент [X] этого [Z] множества [Y]

зависимое Y-а, т.е. слово Z, легко опускается, тогда как в (8) оно совершенно обязательно. Объясняется это тем, что (10) - не атрибутивная, а квазиагентивная конструкция: у слова ЭЛЕМЕНТ есть

семантическая и синтаксическая валентность на слова МНОЖЕСТВО, ПОДМНОЖЕСТВО и т.п. Иначе говоря, в семантическом отношении пара математических терминов ЭЛЕМЕНТ - МНОЖЕСТВО устроена не как пары ЖИВОТНОЕ - СЕМЕЙСТВО, ЛОШАДЬ - ТАБУН, КОРОВА - СТАДО, а как пара ЧАСТЬ - ЦЕЛОЕ.

Квазиагентивная, а не атрибутивная конструкция представлена и в словосочетаниях

(11а) *формы [X] (множественного [Z]) числа [Y] ,*

(11б) *категория [X] (глагольного [Z]) вида [Y] ,*

хотя внешне они похожи на (8). В (11), как и в (10), существительное Y насыщает семантическую и синтаксическую валентность существительного X, вследствие чего зависимое Z становится факультативным.

2) Во второй подкласс (характерод) входят слова БОЙ, ВЫПУСК, ДЕЙСТВИЕ, ИЗДАНИЕ, ЛИТЬЕ, НАЗНАЧЕНИЕ, ОЧИСТКА, ПИСЬМО 2, ПОСТРОЙКА, ПРОИЗВОДСТВО, РАБОТА, РАЗЛИВ, РЕАГИРОВАНИЕ, СГОРАНИЕ, СПРОС, ТОК и другие отглагольные существительные - названия действий, процессов, явлений, мыслимых как характеристика предмета, - часто в составе терминов и терминообразных словосочетаний. Основу этого подкласса составляют существительные, образованные от переходных глаголов со значением действия, создающего артефакт, или от непереходных глаголов со значением действия, выполняемого артефактом:

(12а) *ружьё выпуска 1930 года ,*

(12б) *взрыватель <бомба> замедленного действия ,*

(12в) *книга издания Ситина ,*

(12г) *отряд специального назначения ,*

(12д) *холодная, московская, двойной очистки водка (М.Булгаков) ,*

(12е) *дом изумительной постройки (М.Булгаков) ,*

(12ж) *портрет работы Рембрандта ,*

(12з) *силы быстрого реагирования ,*

(12и) *двигатель внутреннего сгорания <постоянного тока> ,*

(12к) *товары повышенного спроса .*

Зависимое Z при существительных с общим значением 'действие', 'процесс', 'явление' может быть не только определительным, но и квазиагентивным ((12в), (12д)) или атрибутивным (12а).

Рассматриваемый подкласс существительных замечателен крайней пестротой семантических отношений между главным словом конструкции X и его атрибутом Y. Два основных типа семантических отноше-

ний между X-ом и Y-ом прямо соответствуют двум основным источникам отглагольных существительных: а) объект [X] - действие [Y], продуктом которого является X (для существительных, образованных от переходных глаголов, ср. *икона византийского письма*); б) субъект [X] - действие [Y], для выполнения которого он предназначен (для существительных, образованных от непереходных глаголов, ср. *сила быстрого реагирования*). Другие типы отношений между X-ом и Y-ом - предмет и его характеристика (*отряд специального назначения*), предмет и принцип его действия (*двигатель внутреннего сгорания*), предмет и источник его функционирования (*двигатель постоянного тока*) и т.д.

Существительные всех остальных подклассов (характрод) порождают семантически гораздо более однородные конструкции, каждая из которых имеет ровно одно значение.

Вряд ли есть необходимость специально оговаривать тот факт, что признак (характрод) может быть приписан лишь ничтожной части существительных со значением действия, процесса или явления. Несовпадение семантического и синтаксического классов в данном случае разительное.

3) Третий подкласс (характрод): ВЕК1, ВРЕМЕНА, ГОДЫ, ДНИ, МЕСЯЦ, ПОРА, СТОЛЕТИЕ, ЭПОХА, ЭРА и некоторые другие существительные со значением отрезка времени. Наряду с признаком (характрод) им приписывается еще несколько синтаксических признаков, в частности, признак (врем)я. Существенно, что при Y-ах, обладающих совокупностью признаков (характрод) и (врем), Z может быть не только определительным, но и атрибутивным зависимым (ср. (13б) и (13д)):

(13а) *церковь <икона> четырнадцатого века,*

(13б) *оружие времен Петра Первого,*

(13в) [*Достоевского*] *справедливо считают величайшим гением всех времен и народов (В.Каверин),*

(13г) *На страницах его дневника мы видим комсомольца сороковых годов (В.Лакшин),*

(13д) *драматурги эпохи Шекспира.*

II. Категориальные существительные второго класса (характрод) отличаются от существительных первого и третьего классов общим значением положительной характеристики объекта, которое они сообщают атрибутивной конструкции в целом.

4) В четвертый подкласс (характрод) входят слова БЕРЕЗА, ДЕРЕВО, ЗОЛОТО, ЛАВР, МРАМОР, СЕРЕБРО, ФАРФОР, ХРУСТАЛЬ, ШЕЛК и некоторые другие существительные - названия "благородных" материалов. X должен быть однороден относительно этого материала:

- (14а) *мебель карельской березы <красного дерева>*,
- (14б) *браслет чистого <червоного> золота,*
- (14в) *золотой венок остролистого лавра (В.Катаев),*
- (14г) *сервиз севрского фарфора,*
- (14д) *чарочки граненого богемского хрусталя (Д.Н. Мамин-Сибиряк),*
- (14е) *жесткого шелка кафтан (А.Н.Толстой).*

В семантическом отношении этот подкласс существительных (характрод) - один из самых капризных, по-видимому, из-за нарастающей архаичности и лексикализованности конструкции (14). Если Z + Y является нейтральным названием материала, из которого произведена вещь (ср. *кафтан жесткого шелка*), то словосочетание типа (14) скорее всего архаично. Если же такое словосочетание не архаично, то оно лексикализовано и насыщено ассоциациями высокой эстетической ценности изделия, или его старинности, или прославленности марки изготовителя и мастерства работы. От конструкции (14) веет антиквариатом. С этим связаны обсуждаемые ниже лексические и семантические ее особенности.

Прежде всего, подавляющее большинство названий материалов, особенно не слишком ценных (БЕТОН, БРОНЗА, ГЛИНА, ЖЕЛЕЗО, КАМЕНЬ, ПЕСОК, ЦЕМЕНТ и т.п.) в конструкции (14) употребляются с трудом или вообще не употребляются. Вопреки ожиданиям, точно таким же образом ведут себя и названия некоторых благородных материалов (АЛМАЗ, ПЛАТИНА); ср. невозможность **резец естественного <искусственного> алмаза, *корпус чистой платины*. Им признак (характрод), конечно, не приписывается.

Более того, даже бесспорные существительные (характрод) способны формировать конструкцию (14) в достаточно жестких контекстуальных условиях, лексически ограничивающих либо выбор вершины X, либо выбор определительного зависимого Z. Словосочетания *лютеровская чернильница литого иенского стекла (В.Катаев), ларец <мебель, секретер> красного <орехового> дерева* безупречны, а словосочетания [?]*чернильница бутылочного стекла,* [?]*мебель такого дерева* сомнительны. В нормальных условиях вряд ли можно сказать [?]*клинок неплохой стали*; но если поднять ценность стали, добавив указание на экзо-

тичность этого материала, запрет будет смягчен, если не снят вообще; ср. *клинок дамасской стали*. Добавление "снижающего" определения к этому словосочетанию ([?]*клинок ржавой дамасской стали*) может снова разрушить конструкцию.

Поэтому просто приписывать или не приписывать названиям материалов признак (характерод) явным образом недостаточно - необходимо еще оговаривать непосредственно в словарных статьях существительных (характерод) по крайней мере лексические и семантические, если не ситуационные условия, ограничивающие их способность формировать обсуждаемую атрибутивную конструкцию.

5) Пятый подкласс (характерод): ВАЖНОСТЬ, ДОБРОТА, ЗНАЧЕНИЕ, КРАСОТА, МУЖЕСТВО, НЕОБХОДИМОСТЬ, ПОЛНОТА, ПРОСТОТА, СЕРДЕЧНОСТЬ, СИЛА, СМЕЛОСТЬ, ТАЛАНТ, УМ, ЧИСТОТА, ЧУТКОСТЬ и другие названия "ценных" свойств:

- (15а) *проблема колоссальной важности,*
- (15б) *[Нони] бил, как известно, человеком большой доброты (К.Чуковский),*
- (15в) *шедевр русского певческого искусства мирового значения (В.Н.Сергеев),*
- (15г) *...женщина невозможной красоты кидается мне навстречу и чуть не сбивает меня с ног (П.Нилин),*
- (15д) *Долгий и сильный, пушечной полноты удар вызвал колебания ледяной поверхности (И.Ильф и Е.Петров),*
- (15е) *...в русских летописях...можно встретить библейской простоты и силы записи о засухах, жестоких ранних морозах... (Е.Дорош),*
- (15ж) *Волин, человек доктринерского ума (А.Бек),*
- (15з) *произведение зрелого ума и нешуточного таланта (Эм. Казакевич),*
- (15и) *Это человек редкой чистоты души, сердечности и чуткости (В.Лакшин).*

Признак положительной оценки является общим для четвертого и пятого подклассов. Существительные, обозначающие отрицательно оцениваемые свойства (БЕЗОБРАЗИЕ, ГЛУПОСТЬ, ТРУСОСТЬ) в рассматриваемой конструкции, по существу, не употребляются и, следовательно, признака (характерод) иметь не должны.

6) Шестой подкласс (характерод): БИОГРАФИЯ, ВЗГЛЯДЫ, ВКУСЫ, ВНЕШНОСТЬ, ВОСПИТАНИЕ, ДИСЦИПЛИНА, ДУША, ЗНАНИЯ, КУЛЬТУРА, МАНЕРЫ,

НАРУЖНОСТЬ, НРАВ, ОБРАЗ МЫСЛЕЙ, ОБРАЗОВАНИЕ, ПОВЕДЕНИЕ, ПРИНЦИПЫ, СКЛАД, СКЛАДКА, СПОСОБНОСТИ, СУДЬБА, ТЕМПЕРАМЕНТ, УБЕЖДЕНИЯ, ХАРАКТЕР 1 и другие названия физических и духовных признаков личности, важных для ее характеристики, - своего рода вопросы анкеты.

Хотя существительные этого подкласса сами по себе не выражают значения оценки, они приобретают его в контексте определительного зависимого Z. Более точно, значение оценки, чаще всего положительной, создается наложением комбинаций значений Y-а и Z-а на ту систему ценностей, которая принята в обществе.

(16а) *Как человек широких взглядов, он не мог обойти вопросов текущей политики (И.Ильф и Е.Петров),*

(16б) *Но по своим привычкам он был человек умеренных вкусов (В.Катаев),*

(16в) *девушка ослепительной внешности,*

(16г) *И жил еще дед-якобинец / Кристальной души радикал (Б.Пастернак),*

(16д) *человек громадных знаний <демократической складки большой внутренней дисциплины, европейского воспитания> ,*

(16е) *Историки называют его <митрополита Феогоста> человеком высокой константинопольской культуры (В.Н.Сергеев),*

(16ж) *мужчина буйного <кроткого> нрава,*

(16з) *человек трезвого образа мыслей и самостоятельный в поступках (Е.Дорош),*

(16и) *люди трудной <интересной> судьбы.*

Существительные этого подкласса и те существительные пятого подкласса, которые описывают свойства личности, заслуживают особого упоминания. Они налагают сложные и трудно формулируемые синтаксические, семантические, референционные и коммуникативные ограничения либо на вершину атрибутивной конструкции, либо на всю атрибутивную конструкцию в целом. По всей вероятности, эти ограничения свойственны не рассматриваемой атрибутивной конструкции как таковой, а вообще "сильным" квалифицирующим определениям, называющим какое-то выдающееся свойство человека (ср. *ослепительно красивый, на редкость мужественный, исключительно умный* и т.п.). Однако в данной конструкции они проявляются в более отчетливой форме.

Семантическая особенность конструкции непосредственно связана с ее синтаксической особенностью и состоит в том, что степень ее синтаксической свободы зависит от значения вершины X. Наиболь-

шей синтаксической свободой она обладает в том случае, когда ее вершиной является существительное с неспециализированным значением⁶: ДЕВОЧКА, ДЕВУШКА, ЖЕНЩИНА, МАЛЬЧИК, МУЖЧИНА, ЧЕЛОВЕК, ЮНОША, названия национальностей и очень немногие другие.

(17а) *В комнату вошла женщина ослепительной красоты,*

(17б) *Я увидел женщину ослепительной красоты,*

(17в) *Это <там> была женщина ослепительной красоты,*

(17г) *Женщина ослепительной красоты, она всегда была окружена поклонниками.*

Если использовать в качестве X-а существительное с более специализированным значением (БУФЕТЧИЦА, КРЕСТЬЯНКА, ПРОДАВЕЦ, ПРОФЕССОР, РАБОЧИЙ, СТУДЕНТ, СТЮАРДЕССА) или существительное, обозначающее отношение (БРАТ, ВРАГ, ДРУГ, ЖЕНА, МУЖ, ОТЕЦ, СЕСТРА, СОСЕД), конструкция утрачивает правильность в большинстве синтаксических контекстов. В частности, в (17) слово ЖЕНЩИНА очевидным образом не может быть заменено словами ЖЕНА, СЕСТРА, СОСЕДКА, СТУДЕНТКА и т.п. (ср. **В комнату вошла жена <сестра, соседка, студентка> ослепительной красоты*), хотя в предложениях некоторых других синтаксических типов это, по-видимому, допустимо (ср. *У него была жена <сестра, соседка, студентка> редкой красоты*).

Имеется еще один тип контекстов, в которых допустимо использование существительных со специализированным значением в качестве вершины атрибутивной конструкции. Это - контексты, в которых референт такого существительного действует в профессиональной обстановке или в иных естественных и привычных для данной специализации обстоятельствах; ср. *В самолет вошла стюардесса ослепительной красоты, За прилавком стояла буфетчица ослепительной красоты, но ?В самолет вошла буфетчица ослепительной красоты, ?За прилавком стояла стюардесса ослепительной красоты* (последним наблюдением автор обязан Е.М.Вольфу).

Референционные и коммуникативные особенности рассматриваемой атрибутивной конструкции, отличающие ее от всех других атрибутивных конструкций с существительными (характерод), состоят в следующем. Она имеет классифицирующий статус; имплицитно выражает значение неопределенности и неспособна выразить противоположное значение; тяготеет к положению в реме предложения, особенно в том случае, когда приписываемое человеку свойство оценивается как редкое и привлекательное. Второе и третье свойства непосредственно связа-

ны с основным ее свойством, характерным и для других сильных квалифицирующих определений, - безусловным классифицирующим статусом. Нарушение одного из указанных условий объясняет сомнительность или неправильность предложений типа (18):

- (18а) *В комнате было две женщины - наредкость красивая и безобразная. *Женщина редкой красоты направилась к двери.*
- (18б) **Этот человек большого <редкого> дарования найдет свой путь в искусстве.*
- (18в) [?]*Человек исключительного <удивительного, редкого> дарования всегда найдет свой путь в искусстве.*

Если в (18в) поставить эпитет под логический акцент, предложение станет более приемлемым:

- (19) *Человек исключительного <удивительного, столь редкого> дарования всегда найдет свой путь в искусстве.*

Объясняется это тем, что акцентирование эпитета сразу перемещает всю именную группу из темы в рему предложения.

Легко проверить, что другие существительные (характрод) не знают этих ограничений; ср.

- (20а) *На аукционе продавались два портрета - кисти Рембрандта и Веласкеса. Портрет работы Рембрандта был приобретен богатым американским коллекционером.*
- (20б) *Эта бомба замедленного действия взорвется на пять минут раньше той.*
- (20в) *Машина этой марки <мебель красного дерева, книга ситтинского издания> всегда найдет покупателя.*

III. Категориальные существительные третьего класса (за исключением слов СТИЛЬ и ЦВЕТ) не имеют никаких выраженных синтаксических особенностей, а семантически являются связующим звеном между существительными (характрод) и (парамрод).

7) В седьмой подкласс (характрод) входят лексемы МАНЕРА 2, СТИЛЬ 1, ХАРАКТЕР2 и, может быть, названия некоторых других количественных параметров, характеризующих манеру исполнения:

- (21а) *актер своеобразной декламационной манеры (Н.Толубеев),*
- (21б) *кабинет строгого стиля (Л. Толстой),*
- (21г) *мебель стиля ампир (В.Вересаев),*
- (21г) *работы такого характера.*

При слове СТИЛЬ зависимое Z может быть не только определительным (21б), но и комплетивно-аппозитивным (21в).

8) Восьмой подкласс (характерод) состоит из названий классов иерархии: ГИЛЬДИЯ, ПОРЯДОК 2, ПРОБА, РАЗРЯД 2, РАНГ 1, СОРТ, СТАТЬЯ 2, СТЕПЕНЬ 2, СТУПЕНЬ и т.п.; ср.

(22а) купец первой гильдии,

(22б) исчисление предикатов второго порядка,

(22в) золото 86 пробы,

(22г) слесарь седьмого разряда,

(22д) масло высшего сорта,

(22е) На Земском Соборе 1566 года Дмитрий Шаферилов был в дворянах первой статьи (С.Б.Веселовский),

(22ж) школа второй ступени.

Зависимое Z в (22), т.е. при Y-ах со значением 'класс иерархии', - либо порядковое прилагательное, либо прилагательное в превосходной степени, либо его синтаксический эквивалент (ср. более высокого разряда, самого позднего сорта).

9) Девятый подкласс (характерод) состоит из слов ВОДА 2, ЗВУЧЕНИЕ, КАЧЕСТВО, МАСТЬ, ОЧЕРТАНИЯ, ПОВЕРХНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМА, ЦВЕТ и названий некоторых других неколичественных параметров материальных тел:

(23а) бриллиант чистой воды,

(23б) вещь острого звучания,

(23в) продукция высшего качества,

(23г) нежные, благородно матовой поверхности фрески (В.Н.Сергеев),

(23д) пьеса патристического содержания,

(23е) вагоны обтекаемой формы,

(23ж) ткань красного цвета.

При слове ЦВЕТ зависимое Z может быть не только определительным, но и комплетивным; ср. ткань цвета граната.

б) П р и з н а к (х а р а к т т в о р) .

(ХАРАКТТВОР) - признак существительных Y, называющих характерное свойство действия и способных выступать при существительном X в функции атрибута в творительном падеже с обязательным определительным, атрибутивным, комплетивным или комплетивно-аппозитивным зависимым Y. Названным признаком обладают существительные МЕТОД (но не МЕТОДИКА), ОБРАЗ 1, ПУТЬ, СПОСОБ (но не ПРИЕМ), СТИЛЬ 2 и ряд других, обозначающих характер, манеру, способ выполнения действия:

(24а) обработка материала такими методами <методами прошлого века, методом квот> ,

(24б) получение энергии путем расщепления ядер радиоактивных элементов ,

(24в) плавание вольным стилем <стилем "дельфин"> .

в) П р и з н а к (х а р а к т и р) .

(ХАРАКТПР) - признак существительных Y, называющих характерное категориальное свойство объекта и способных выступать при существительном X в функции атрибута в предложном падеже (предлог В) с обязательным определительным, атрибутивным, комплетивным или комплетивно-апозитивным зависимым Z. Определительное зависимое Z возможно при любых Y-ах, а все остальные типы зависимых Z - лишь при некоторых.

Нам известно пять подклассов русских существительных с признаком (характпр), отличающихся друг от друга своим значением и синтаксическим типом зависимого Z.

1) ВКУС, ДУХ, СТИЛЬ 1, ТРАДИЦИЯ и некоторые другие существительные с общим значением стилевой особенности; возможен любой из пяти типов зависимого Z:

(25а) комната в провинциальном <восточном> вкусе ,

(25б) маленький роман во вкусе <в духе> Джойса ,

(25в) красавица в стиле немецкой Гретхен ,

(25г) свадьба в традициях Востока .

2) ВИД, ОБРАЗ 2, РОЛЬ, ФОРМА, ФУНКЦИЯ и некоторые другие существительные со значением формы и функции; Z может присоединяться к Y-у только определительным или комплетивным ПСО:

(26а) брошь в виде <в форме> цветка ,

(26б) Поль Скофилд в образе <в роли> Гамлета ,

(26в) существительное в функции подлежащего .

3) ВРЕМЯ 2, ЗАЛОГ, ЛИЦО, НАКЛОНЕНИЕ, РОД 2, ЧИСЛО 2 и тому подобные названия грамматических категорий (см. первый подкласс (характрод)); Z, как правило, - определительное зависимое:

(27а) глагол в прошедшем времени <в действительном залоге> ,

(27б) существительное в единственном числе .

4) ДОЛЖНОСТЬ, ЗВАНИЕ, РАНГ 1, СТЕПЕНЬ 2, ЧИН и некоторые другие существительные со значением класса иерархии; Z может быть определительным, комплетивным или реже комплетивно-апозитивным зависимым:

(28а) молодой военный в звании <в чине> лейтенанта,

(28б) три консультанта в ранге адмирала,

(28в) число X в третьей степени <в степени a >.

5) ВОСПОМИНАНИЕ, ИЗЛОЖЕНИЕ, ИЗОБРАЖЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ИСПОЛНЕНИЕ, ОПИСАНИЕ, ОСВЕЩЕНИЕ, ПЕРЕВОД, ПЕРЕДАЧА, ПОНИМАНИЕ, ПОСТАНОВКА, ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ПРОИЗНОШЕНИЕ, РЕДАКЦИЯ, ТОЛКОВАНИЕ, ТРАКТОВКА и некоторые другие существительные с общим значением 'индивидуальная интерпретация чего-л.'; Z может быть только определительным или квазиагентивным зависимым:

(29а) события в вашем изображении <описании, освещении>,

(29б) соната ля-минор в интерпретации <в исполнении> молодого пианиста,

(29в) "Божественная комедия" в переводе Лозинского,

(29г) закон в правильном <произвольном> толковании.

В заключение этого обзора существительных серии (характ) полезно сделать несколько более общих замечаний, касающихся двух вопросов: а) вопроса об идеосинкратичности самих существительных, б) вопроса о сходствах и различиях формируемых ими атрибутивных конструкций.

Прежде всего, мы хотели бы еще раз обратить внимание на несоответствие семантических и синтаксических классов лексем. Из того, что некая лексема L_1 , принадлежащая к семантическому классу K_1 , обладает синтаксическим признаком P_j , вовсе не следует, что другая лексема L_2 , принадлежащая к тому же семантическому классу K_1 , будет непременно обладать синтаксическим признаком P_j . Верно и обратное утверждение: если некая лексема L_1 , обладающая синтаксическим признаком P_1 , входит в семантический класс K_j , из этого не следует, что другая лексема L_2 , обладающая синтаксическим признаком P_1 , будет тоже входить в семантический класс K_j .

Хотя приведенный выше материал в достаточной мере демонстрирует справедливость обоих этих утверждений, уместно будет привести несколько более рельефных примеров.

Рассмотрим следующие пары слов: МАНЕРА и ХАРАКТЕР 2, СПОСОБ и СТИЛЬ 2, ВКУС и ДУХ. Семантически они достаточно близки друг к другу, однако их синтаксические признаки имеют мало общего.

Первые два слова обладают признаком (характрод), но не признаком (характтвор), а признак (характпр) может быть приписан с неко-

торой натяжкой лишь слову МАНЕРА. Действительно, словосочетания (30а) - (30б) неправильны или сомнительны:

(30а) *исполнение такой манерой,

(30б) *игра новым характером <[?] в новом характере>.

Отметим два любопытных обстоятельства: 1) разговорное слово МАНЕР, по происхождению - существительное, образовавшееся из слова МАНЕРА, может употребляться в качестве атрибута в творительном падеже; ср. *исчезновение вещей таким манером*. 2) Слова МАНЕРА и ХАРАКТЕР 2 способны употребляться в том же предложном словосочетании, что и подлинные существительные (характпр), ср. *в манере, в характере*. Однако в большинстве случаев (в частности, во всех рассмотренных нами реальных примерах) данные словосочетания функционируют не как присубстантивные (атрибутивные), а как приглагольные зависимые. При этом *в манере* - обычно обстоятельственное зависимое (*писать в манере Джойса*), а *в характере* - обычно присвязочное (*Беспечность - в характере итальянца*).

Вторые два существительных - СПОСОБ и СТИЛЬ 2 - обладают признаком (характтвор), но не признаками (характрод) и (характпр); словосочетания (31) - (32) неправильны или сомнительны:

(31) *обработка металла такого способа <в таком способе>,

(32) *плавание такого стиля <[?] в таком стиле>.

Наконец, последние два существительных обладают признаком (характпр), но не признаками (характрод) и (характтвор); ср. *неправильность*

(33) *маленький роман вкуса <духа> Джойса,

(34) *маленький роман вкусом <духом> Джойса.

Обратимся теперь к сходствам и различиям между атрибутивными конструкциями, которые формируются существительными (характрод), (характтвор) и (характпр). Среди них конструкции с существительными (характтвор) обособляются в большей степени, чем конструкции двух других типов. Внешне это проявляется в следующих их свойствах.

Для атрибутивных конструкций с некоторыми существительными (характрод) и (характпр) наличие при Y-е квазиагентивного зависимого Z вполне нормально:

(35а) дружинники [X] древнейшей формации [Y] первых русских князей [Z] (С.Б.Веселовский),

(35б) опера [X] "Нос" в постановке [Y] Покровского [Z].

Для существительных (характтвор) оно абсолютно исключено. Объясняется это тем, что в данном случае вершина X атрибутивной конструкции семантически всегда выполняет роль первого актантного зависимого Y-а; ср. *стиль* [Y] $\xrightarrow{\text{квазиагент}}$ *плавания* [X] - *плавание* [X] $\xrightarrow{\text{атриб}}$ *стилем* [Y] (*басс*). Раз первый семантический актант Y-а уже представлен во фразе X-ом, то, по общему правилу русского синтаксиса, его вторичное выражение посредством квазиагентивного зависимого Z становится невозможным. Заметим, что во фразах типа *плавание* [X] *стилем* [Y] *Сальникова* [Z] Z - не квазиагентивное, как можно было бы подумать, а комплетивное зависимое слова СТИЛЬ: речь идет не о стиле самого Сальникова, а так сказать, о стиле его имени, т.е. стиле другого пловца, во всех существенных деталях совпадающем с его собственным.

Вторая особенность атрибутивных конструкций с существительными (характтвор) тесно связана с первой и состоит в том, что категориальные существительные Y присоединяются в качестве зависимых лишь к таким X-ам, которые обозначают действие. Две другие атрибутивные конструкции не допускают X-ов - названий действий; исключения должны оговариваться полексемно.

Относительно большая степень семантической и синтаксической близости конструкций с существительными (характрод) и (характпр) и их противопоставленность конструкциям с существительными (характтвор) проявляется еще в одном отношении. При некоторых (правда, немногих) существительных (характрод) и (характпр) возможна трансформация одной атрибутивной конструкции в другую:

(36а) *любое число четной степени* \leftrightarrow *любое число в четной степени,*

(36б) *высказывания такого рода* \leftrightarrow *высказывания в таком роде,*

(36в) *глаголы настоящего времени* \leftrightarrow *глаголы в настоящем времени.*

Атрибутивная конструкция с существительными (характтвор) не трансформируется в две другие конструкции. Однако и она обладает возможностью преобразования, почти исключенного для атрибутивных конструкций с существительными (характрод) и (характпр): некоторые существительные (характтвор) могут опускаться, давая более простую атрибутивную конструкцию русского языка; ср. *плавание стилем басс* \leftrightarrow *плавание бассом*, *получение энергии путем расщепления ядер урана* \leftrightarrow *получение энергии расщеплением ядер урана.*

Все три типа существительных серии (характ) могут быть не только присубстантивными, но и приглагольными зависимыми. При этом существительные (характрод) являются присвязочными зависимыми (*Девушка была необыкновенной красоты*), существительные (характтвор) - обстоятельственными зависимыми (*Он плавал стилем брасс*), а существительные (характпр) - и теми, и другими (*Роман был в духе Джойса, Он писал в духе Джойса*).

2) *Параметрические существительные.*

Противопоставление (характрод) - (характтвор) - (характпр) имеет параллель в сфере параметрических существительных, описываемых похожей серией признаков: (парамрод) - (парамтвор) - (парампр). Правда, параметрические существительные, в отличие от большинства категориальных существительных серии (характ), способны выступать в качестве присубстантивных атрибутов не только в перечисленных выше, но и в некоторых других предложно-падежных формах. Таковы формы ПОД + S_{твор} (*пар под давлением в 500 атмосфер*), С + S_{твор} (*движение со скоростью 100 километров в час*), НА + S_{пр} (*движение на малых скоростях*), ПРИ + S_{пр} (*гази при температуре в 3000 градусов*). Однако эти способы оформления параметрического атрибута нерегулярны и, видимо, должны описываться словарными правилами. Необходимость вводить для них специальные синтаксические признаки проблематична. Поэтому в дальнейшем они не обсуждаются.

а) *Признак (парамрод).*

(ПАРАМРОД) - признак существительных Y, называющих различные физические или числовые параметры вещей, действий, процессов и способных выступать при существительном X в функции атрибута в родительном падеже с обязательным определительным (в порядке исключения - комплетивно-аппозитивным или количественным) зависимым Z. Z характеризует объект с точки зрения степени приписываемого ему свойства и часто представляет собой значение лексических функций Magn или Antimag.

При желании можно было бы выделить такие семантические подклассы существительных (парамрод) как 'размер вообще' (ВЕЛИЧИНА, РАЗМЕР), 'линейный размер' (ВЫСОТА, ДЛИНА), 'масса' (ВЕС, МАССА), 'время' (ВОЗРАСТ, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ), 'сила' (МОЩНОСТЬ, НАПРЯЖЕНИЕ) и т.п. Однако в рамках атрибутивной конструкции с родительным падежом семантические различия между существительными (парамрод) - и в этом их отличие от существительных (характрод) - синтаксически

никак не проявляются. Поэтому здесь мы будем рассматривать единый класс существительных (парамрод) - ВЕЛИЧИНА, ВЕС, ВМЕСТИМОСТЬ, ВОЗРАСТ, ВЫСОТА, ГАБАРИТЫ, ДИАМЕТР, ДЛИНА, ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, ИНТЕНСИВНОСТЬ, КАЛИБР, ЛЕТА, МАССА, МАСШТАБ, МОЩНОСТЬ, НАПРЯЖЕНИЕ, ОБЪЕМ 1, ПЛОЩАДЬ, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ, ПРОТЯЖЕННОСТЬ, РАДИУС, РАЗМАХ 1, РАЗМЕР 1, РАНГ 2, РОСТ, СИЛА, СОСТАВ, СТЕПЕНЬ 1, СТОИМОСТЬ, ТОЛЩИНА, УРОВЕНЬ, ЦЕННОСТЬ, ЧИСЛЕННОСТЬ, ШИРИНА, ЯРКОСТЬ.

(37а) *разной величины и формы чистые, промятые листья (Е.Дорош),*

(37б) *колеса разного веса <диаметра> ,*

(37в) *подъездные пути большой длины <протяженности> ,*

(37г) *орудия всех калибров ,*

(37д) *шестидесяти с лишним лет мужик (Е. Дорош) ,*

(37е) *явления такого масштаба <размаха, уровня> ,*

(37ж) *турбины громадной мощности ,*

(37з) *токи высоких напряжений ,*

(37и) *...в земщине остался старий Государев двор прежнего состава (С.В. Веселовский) ,*

(37к) *множество скульптурных украшений самой высокой стоимости (А.П. Чехов) ,*

(37л) *алмазы неодинаковой ценности ,*

(37м) *отряды переменной численности (А.Бек) .*

Полезно подчеркнуть, что в (37) при Y-е невозможны, как правило, никакие комплетивные зависимые Z; ср. неправильность *контейнеры вместимости в 500 килограмм; исключения (КАЛИБР, МАСШТАБ) должны оговариваться полексемно.

В конструкции (37) употребляются далеко не все существительные, обозначающие физические или числовые параметры. Этим свойством не обладают, например, слова КОЛИЧЕСТВО, МЕРА (хотя СТЕПЕНЬ 1 обладает), РАНЖИР (хотя РОСТ обладает), СЧЕТ, ЦЕНА и ЧИСЛО; названия параметров с общим значением расстояния в пространстве или времени, например, ДИСТАНЦИЯ, ИНТЕРВАЛ, ПРОМЕЖУТОК, РАССТОЯНИЕ; названия параметров, имеющих общий семантический признак интенсивности, например, ДАВЛЕНИЕ, СКОРОСТЬ, ТЕМПЕРАТУРА, УСКОРЕНИЕ (хотя само слово ИНТЕНСИВНОСТЬ может формировать обсуждаемую атрибутивную конструкцию):

(38а) **войска такого количества (ср. такое количество войск) ,*

(38б) **товари высокой цены (ср. дорогие товары) ,*

- (38в) *бег длинных дистанций (ср. на длинные дистанции),
- (38г) *встречи больших интервалов (ср. с большими интервалами),
- (38д) ? газы высокой температуры (ср. с высокой температурой, при высокой температуре),
- (38е) *движение малых скоростей (ср. на малых скоростях, с малой скоростью),
- (38ж) *пар большого давления (ср. под большим давлением).

Признак (парамрод) таким существительным, естественно, не приписывается.

Существительные (парамрод) отличаются от параллельных существительных (характрод) тем, что Z присоединяется к ним почти исключительно определительным ПСО. Между тем, к большинству существительных (характрод) Z может присоединяться и другими отношениями. Это различие в типе Z-а является одним из оснований для разграничения существительных (характрод) и (парамрод): правила анализа (и синтеза) соответствующей атрибутивной конструкции выглядят для них по-разному.

б) П р и з н а к (п а р а м т в о р) .

(ПАРАМТВОР) - признак существительных Y, называющих различные физические или числовые параметры вещей, действий, процессов и способных выступать при существительном X в функции атрибута в творительном падеже с обязательным комплетивным или комплетивно-аппозитивным зависимым Z.

Указанным свойством обладают существительные ВЕЛИЧИНА, ВЕС, ВМЕСТИМОСТЬ, ВЫСОТА, ГЛУБИНА, ДИАМЕТР, ДЛИНА, ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, КАЛИБР, МАССА, МОЩНОСТЬ, НАПРЯЖЕНИЕ, ОБЪЁМ 1, ПЛОЩАДЬ, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ, ПРОТЯЖЕННОСТЬ, РАЗМЕР 1, РОСТ, СИЛА, СТОИМОСТЬ, ТОЛЩИНА, ЧИСЛЕННОСТЬ, ЧИСЛО 1, ШИРИНА:

- (39а) золотой венок ... весом в 246 граммов чистого золота (В. Катаев),
- (39б) контейнеры вместимостью в 500 килограмм,
- (39в) трубы высотой <диаметром, длиной> до четырех метров,
- (39г) танковые пушки калибром свыше 100 миллиметров,
- (39д) сосуды объёмом более ста литров,
- (39е) садовые участки площадью от шести до десяти соток,
- (39ж) лекции продолжительностью полтора часа,
- (39з) фотографии размером пять на шесть,
- (39и) товары стоимостью <ценой> свыше ста рублей,
- (39к) слой смазки толщиной в сантиметр,

(39л) *части численностью до двенадцати тысяч бойцов (А.Бек),*

(39м) *Злоумышленники числом около десяти человек (проникли ночью на склад),*

(39н) *река шириной с Волгу <в два километра>.*

В синтаксической конструкции (39) тоже употребляются далеко не все существительные со значением физических или числовых параметров. Большинство существительных, не обладающих признаком (парамрод), лишены и признака (парамтвор). Таковы слова ДИСТАНЦИЯ, ИНТЕРВАЛ, КОЛИЧЕСТВО, МЕРА, ПРОМЕЖУТОК, РАНЖИР, РАССТОЯНИЕ, СКОРОСТЬ, СЧЕТ, ТЕМПЕРАТУРА, УСКОРЕНИЕ; ср. неправильность

(40а) **бег дистанцией <расстоянием> в 100 метров (надо на дистанцию <на расстояние>),*

(40б) **стрельба из орудий интервалом <промежутком> в полминуты (надо с интервалом <с промежутком>),*

(40в) **движение скоростью в сто километров в час.*

В свете того, что было сказано выше о признаках (парамрод) и (характрод), становятся очевидными основания для введения признака (парамтвор) наряду с признаком (характтвор). При существительных (характтвор) возможны определительные и атрибутивные зависимые Z, совершенно не допустимые при существительных (парамтвор); ср. неправильность **фотографии большим размером, *фотографии размером прошлого века*. Эти различия могут быть естественным образом учтены в правилах анализа (и синтеза) конструкций с присубстантивным атрибутом в творительном падеже при условии разграничения существительных (характтвор) и (парамтвор).

в) *П р и з н а к (п а р а м п р) .*

(ПАРАМПР) - признак существительных Y, называющих различные физические или числовые параметры предметов и способных выступать при существительном X в функции атрибута в предложном падеже (предлог В) с обязательным комплетивным, комплетивно-аппозитивным или определительным зависимым Z.

Указанным свойством обладают существительные ВЕС, ВОЗРАСТ, КОЛИЧЕСТВО, МАСШТАБ, ОБЪЁМ 2, РАДИУС, РАЗМЕР 2, СОСТАВ и, видимо, очень немногие другие (подавляющее большинство существительных (парамрод) и (парамтвор) синтаксическим признаком (парампр) не обладает):

(41а) *боксеры в весе более <около>ста килограмм*

(41б) *мужчины в возрасте от 50 до 60 лет <выше 60 лет, в та-*

ком почтенном возрасте»,

(41в) Жильцы в количестве до двух тысяч человек, сменяясь по очереди, жили в Москве при государе (С.Б.Веселовский),

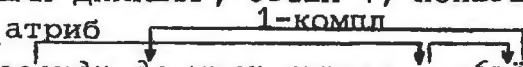
(41г) соревнования в масштабе области,

(41д) премия в объёме <в размере> месячного оклада <ста рублей>,

(41е) разрушения в радиусе три километра <больше трех километров> от эпицентра взрыва,

(41ж) группировка противника в составе трех полков мотопехоты.

С конструкцией (41) сближается, как будто, конструкция (42), тоже формируемая параметрическими существительными, а именно, существительными ДИАМЕТР, ОБЪЁМ 1, ПОПЕРЕЧНИК, СЕЧЕНИЕ:

атриб
(42а) сосуди до трех литров в объёме,

(42б) стволи около <свыше> полутора метров в диаметре <в сечении, в поперечнике>.

Общие черты двух конструкций бросаются в глаза. Обе они формируются параметрическим существительным в предложном падеже с предлогом В. В обеих имеется связанная с параметрическим существительным предложно-именная группа, указывающая (приблизительное) значение величины. На этом, однако, сходства кончаются.

Пристальный анализ фактов позволяет обнаружить морфологические, синтаксические, лексические и семантические различия между (41) и (42), которые оказываются решающими.

М о р ф о л о г и ч е с к и конструкция (41) отличается от конструкции (42) тем, что Z в ней может быть оформлен родительным падежом (ср. (41г), (41д), (41ж)). В конструкции (42) группа, сопоставимая с Z-ом, всегда вводится предлогом или наречием. Попытка оформить ее родительным падежом приводит к разрушению конструкции (ср. неправильность *сосуди трех литров в объёме, *сосуди в объёме трех литров при правильности премия в объёме двухсот рублей).

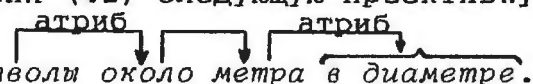
С и н т а к с и ч е с к и конструкции (41) и (42) различаются порядком слов. В (41) параметрическое существительное Y предшествует указанию величины Z, а в (42) - следует за ним. Попытка изменить порядок слов в (42) приводит к полному разрушению конструкции (ср. неправильность *стволи в диаметре около полутора метров, *сосуди в объёме до трех литров). Иными словами, положение Z-а в препозиции перед Y-ом - не случайное, а конституирующее свойство словосочетаний (42). Но препозиция комплетива русским комплетивным конструкциям с субстантивной вершиной, вообще говоря, несвойственна.⁷ Если

же учесть, что в данном случае препозиция комплетива порождает непроективность (ср. пересечение стрелок в (42а), то одного этого будет достаточно, чтобы усомниться в основательности сближения (41) и (42): в русском синтаксисе нет других неглагольных комплетивных конструкций с обязательной непроективностью.

Л е к с и ч е с к о е различие конструкций (41) и (42) абсолютно: в них нет ни одной общей лексемы. Даже слово ОБЪЁМ, встречающееся в обеих конструкциях, представлено в них разными значениями - ОБЪЁМ 2 и ОБЪЁМ 1 соответственно.

С е м а н т и ч е с к и конструкция (42) отличается от (41) тем, что в ней параметрическое существительное (например, ДИАМЕТР из (42б)) выполняет функцию уточнения при единице измерения (в данном случае - при слове МЕТР). В (42б) содержится указание на то, в каком аспекте (более точно - в каком линейном измерении) рассматриваются метры: не в высоту, не в длину, а в диаметре. Если в таком уточнении нужды нет, параметрическое существительное может быть опущено без какого-либо ущерба для грамматической правильности конструкции; ср. *сосуди до трех литров*. В (41) семантическая функция параметрического существительного - отнюдь не уточнительная.

Все эти факты вынуждают нас признать, что (41) и (42) - разные синтаксические конструкции. Синтаксическая структура (41) нам известна; остается установить синтаксическую структуру для (42). Учитывая, что семантическая функция уточнения присуща в русском языке атрибуту и что нормальным положением присубстантивного атрибута относительно своего хозяина является постпозиция, мы предлагаем для описания (42) следующую проективную структуру:

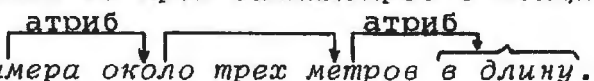
(42')

В пользу изложенного понимания конструкции (42) свидетельствует еще одна конструкция русского языка - (43), совпадающая с (42) с точностью до падежа зависимого параметрического существительного - в (43) оно имеет форму винительного падежа:

(43а) *камера около трех метров в длину,*

(43б) *водоемы от пяти до семи метров в глубину,*

(43в) *доски до трех сантиметров в толщину,*

(43')

Способностью формировать конструкцию (43) обладают только пять параметрических существительных русского языка, обозначающих кон-

кретные линейные размеры тел: ВЫСОТА, ГЛУБИНА, ДЛИНА, ТОЛЩИНА, ШИРИНА. Даже существительные со значением линейного размера вообще (ВЕЛИЧИНА, РАЗМЕР) и такие существительные, как ДИАМЕТР, ПЛОЩАДЬ и ОБЪЁМ 1, не говоря уж о названиях других параметров, в конструкции (43) не употребляются; ср. неправильность

(44а) *участки около ста квадратных метров в размер <в площадь> (надо размером <площадью>),

(44б) *сосуды до трех литров в объём,

(44в) *поверхность более ста градусов в температуру.

Если считать (43) и (42) манифестантами одной и той же конструкции, отличной от (41), все описание получается более элегантным. В частности, не возникает необходимости в признаке (парамвин), не имеющем аналогов в кругу признаков серии (характ). Между тем, его пришлось бы ввести, если бы конструкция (43) считалась вариантом конструкции (41). Тем самым серии синтаксических признаков (характрод) - (характтвор) - (характпр) и (парамрод) - (прамтвор) - (парампр) становятся идеально симметричными. Для описания способности некоторых категориальных существительных формировать конструкции (42) и (43) необходимо ввести два других и, видимо, тоже сопоставимых признака, - (аспектвин) и (аспектпр).

Заканчивая обзор существительных серии (парам), бросим общий взгляд на слова с признаками (парамрод), (парамтвор) и (парампр) и на формируемые ими атрибутивные конструкции.

Класс слов (парамрод) лексически самый богатый. В него входят все слова класса (парамтвор), за исключением существительного ЧИСЛО, и все слова класса (парампр), за исключением существительного КОЛИЧЕСТВО. Между тем, число слов, обладающих признаком (парамрод), но лишенных признаков (парамтвор) или (парампр), довольно велико: ВОЗРАСТ, ГАБАРИТЫ (в отличие от РАЗМЕР 1), ЛЕТА, МАСШТАБ, РАЗМАХ 1, СТЕПЕНЬ 1 и ряд других; ср. неправильность

(45а) *мужчины возрастом <летами> старше сорока,

(45б) *вагоны габаритами <в габаритах> 20 x 3 x 2,5,

(45в) *число X степенью а,

(45г) *кампания в большом размахе.

Здесь мы наблюдаем то же несоответствие семантических и синтаксических свойств слов, на которое мы уже обращали внимание при обсуждении существительных серии (характ). Временами такие расхож-

дения носят парадоксальный характер. Приведем несколько рельефных примеров.

Существительные СТОИМОСТЬ, ЦЕНА и ЦЕННОСТЬ очень близки друг к другу по смыслу. Это не мешает слову СТОИМОСТЬ иметь и признак (парамрод), и признак (парамтвор), т.е. входить в пересечение двух классов, а словам ЦЕНА и ЦЕННОСТЬ иметь только противопоставленные признаки ((парамтвор) и (парамрод) соответственно) и находиться, следовательно, в разных синтаксических классах.

По-видимому, еще ближе по смыслу существительные КОЛИЧЕСТВО и ЧИСЛО. Однако первое из них обладает признаком (парампр), но не (парамтвор), а второе - признаком (парамтвор), но не (парампр); ср. неправильность

(46а) *злоумышленники количеством около десяти человек (надо в количестве),

(46б) *полицейские в числе 50 человек (надо числом).

Такие странности в высшей степени характерны для всякого естественного языка. Они являются свидетельством постоянно происходящих в языке процессов лексикализации синтаксиса и дают основания для некоторых далеко идущих обобщений относительно ценности многих лингвистических классификаций, о чем мы говорили в первом разделе нашей работы.

Рассмотрим теперь синтаксические сходства и различия между тремя атрибутивными конструкциями - (37), (39) и (41) -, формируемыми категориальными существительными (парамрод), (парамтвор) и (парампр) соответственно.

Подобно (37), параметрическое существительное Y в составе (41) может иметь о п р е д е л и т е л ь н о е зависимое Z (*мужчины в таком почтенном возрасте, саранча в огромном количестве, разрушения в трехкилометровом радиусе*), недопустимое в (39). С другой стороны, подобно (39), параметрическое существительное в составе (41) допускает к о м п л е т и в н о е и к о м п л е т и в н о - а п п о з и т и в н о е зависимое Z, невозможное в (37). Поэтому в одних случаях (41) может трансформироваться в (37), а в других - в (39), выступая таким образом в качестве связующего звена между этими двумя полярными конструкциями:

(47а) *мужчины в таком почтенном возрасте* \Leftrightarrow *мужчины такого почтенного возраста*,

(47б) *премия в размере около двухсот рублей* \Leftrightarrow *премия размером около двухсот рублей*.

В форме творительного падежа параметрическое существительное может быть только атрибутивным, т.е. присубстантивным зависимым, как в (39). Фраза **Огненные потоки устремились вниз шириной до четырехсот метров* (газета), где этот запрет нарушен, неправильна (если же считать, что, по замыслу репортера, параметрическое существительное подчинено не сказуемому, а словоформе *потоки*, фраза вновь оказывается неправильной по причине непроективности). В отличие от этого, в форме родительного и предложного падежей параметрическое существительное может быть не только присубстантивным зависимым, как в (37) и (41), но и приглагольным зависимым, как в (48). При этом существительное в родительном падеже всегда выполняет функцию присвязочного члена (см. (48а), а существительное в предложном падеже - либо функцию присвязочного члена (см. (48б)), либо функцию обстоятельства (см. (48в)):

(48а) *Колеса были разного диаметра,*

(48б) *Все боксеры были в весе от ста до ста десяти килограмм,*

(48в) *Разрушения произошли в радиусе до трех километров.*

По этому признаку конструкция (41) сближается с конструкцией (37) и противопоставляется конструкции (39).

Конструкция (41) отличается от конструкции (39) еще одним, может быть, самым интересным синтаксическим свойством. Чтобы сформулировать его, необходимо сначала перечислить возможные способы оформления комплетивного зависимого Z при параметрическом существительном Y.

Начнем с канонических способов, т.е. тех средств оформления Z-а, которые фиксируются в словарной статье Y-а, а именно, в его модели управления. Мы знаем четыре таких способа (не считая некоторых лексически связанных): (а) предлог В плюс количественная группа в винительном падеже (*весом в два килограмма, высотой в три километра, размером в пять квадратных метров*); (б) количественная группа в именительном падеже (*разг. весом одна тонна, разг. высотой три километра, размером пять квадратных метров*); (в) существительное в родительном падеже (*на высоте Монблана, в размере месячного оклада*); (г) предлог С плюс существительное в винительном падеже (*высотой с дом, размером с кулак*; этот способ оформления Z-а характерен для существительных со значением линейного размера или размера вообще).

Можно назвать по крайней мере еще два способа оформления комплетивного зависимого Z при параметрическом существительном Y,

которые, однако, не являются каноническими.

Первый из них, весьма распространенный, - оформление Z-а в виде аппроксимативно-количественной группы, т.е. именной группы с количественным значением, вводимой предлогами и наречиями ДО, ОКОЛО, ОТ ...ДО, БОЛЕЕ, БОЛЬШЕ, СВЫШЕ и т.п. (*высотой до <около, больше, выше> двух километров, размером от пяти до шести квадратных метров*). Этот способ оформления Z-а не следует считать каноническим, т.е. фиксировать в словарной статье каждого параметрического существительного, по той причине, что он получается из канонической формы (б) или (в) по весьма общему правилу русского синтаксиса. Мы имеем в виду правило, в силу которого именная группа в именительном, родительном или винительном падеже чередуется практически во всех синтаксических позициях с аппроксимативно-количественной группой. Второй неканонический способ, гораздо менее распространенный хотя и более простой, - это оформление комплетивного зависимого Z в виде количественной группы в родительном падеже (*в возрасте шестидесяти лет, в количестве ста человек, в размере двухсот рублей*). Мы считаем этот способ оформления Z-а неканоническим, т.е. внемоделльным, на том основании, что он тоже может быть получен с помощью вполне регулярного правила, имеющего, правда, более узкую область действия. Для этого достаточно допустить, что предложно-падежная форма параметрического существительного Y (а именно, предлог В плюс локатив) влияет на оформление его комплетивного зависимого Z, трансформируя канонический именительный падеж в родительный.⁸

Такое предположение лишь на первый взгляд кажется натянутым. В русском языке предложно-падежная форма существительного-предиката и в других случаях видоизменяет способ оформления его комплетивного зависимого, причем господствующим направлением преобразований является именно родительный падеж. Достаточно вспомнить управляемую форму составных предлогов ВО ИМЯ, В КАЧЕСТВЕ, В НАПРАВЛЕНИИ, В ОТНОШЕНИИ, В ПОЛЬЗУ, В ПОРЯДКЕ, В СЛУЧАЕ, В СТОРОНУ, В ЧЕСТЬ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ, ЗА СЧЕТ, НА ОСНОВАНИИ, НА ПРЕДМЕТ, ПО АДРЕСУ, ПО ЛИНИИ, ПО МЕРЕ, ПОД ПРЕДЛОГОМ, С ПОМОЩЬЮ, С ЦЕЛЬЮ и некоторых других (см. ГРАММАТИКА 80, I:708):

(49а) *во имя родины,*

(49б) *в качестве преемника <директора>,*

(49в) *в направлении города,*

- (49г) в отношении моих друзей,
- (49д) в пользу Спасского,
- (49е) в случае пожара,
- (49ж) на основании переговоров,
- (49з) по линии профсоюзов,
- (49и) с помощью ножа,
- (49к) с целью разгрома.

Если в (49) снять предлоги и придать существительному-предикату форму именительного падежа, то получится одна из следующих ситуаций: а) существительное утрачивает способность управлять родительным падежом именной группы, ср. неправильность или сомнительность *имя родины, *качество директора, [?]направление города, [?]помощь ножа; б) существительное сохраняет способность управлять родительным падежом, но при этом радикально меняет значение, превращаясь в другую лексему, ср. отношение моих друзей, случай пожара, линия профсоюзов; в) существительное сохраняет способность управлять родительным падежом и имеет прежний лексемный статус, но форма родительного падежа насыщает семантическую валентность, отличную от той, которая реализуется у данного существительного в рамках составного предлога (ср. с целью завоевания - 'завоевание является целью' vs. цель завоевания - 'завоевание имеет цель, отличную от него самого'). Иными словами, родительный падеж в случае (49а) - (49к) управляется не существительным, а всей конструкцией "предлог плюс существительное".

Совершенно аналогичная ситуация имеет место и в нашем случае, с той незначительной разницей, что в (49) процесс превращения предложно-падежной формы в слово закончен или близок к концу, между тем как в (41) он еще далек от завершения. Поэтому из двух альтернативных решений - либо приписывать способность управлять родительным падежом количественной группы эмбриональным словам типа В ВОЗРАСТЕ, В КОЛИЧЕСТВЕ и т.п., либо вырабатывать управляемый родительный с помощью специального правила - мы выбираем второе как более близкое к истине для существующего положения вещей.

В свете сказанного легко формулируется различие между атрибутивными конструкциями (39) и (41). Оно состоит в следующем.

В (39) комплетивное зависимое Z оформляется одним из трех канонических способов (а), (б) или (г) или аппроксимативно-количественной группой (примеры см. выше). Z в форме существительного в родительном падеже невозможен; ср. неправильность

(50a) *гора высотой Монблана,

(50б) *комната размером пяти квадратных метров.

В свою очередь, в (41) комплетивное зависимое Z оформляется одним из двух канонических способов (б) или (в), аппроксимативно-количественной группой или количественной группой в родительном падеже (примеры см. выше). Z в канонических формах (а) и (г) невозможен; ср. неправильность

(51a) *разрушения в радиусе в три километра,

(51б) *премия в размере с месячный оклад.

3) Замечания о порядке слов в атрибутивной конструкции.

Обозревая категориальные существительные серий (характ) и (парам), мы воздержались от формулировки строгих правил образования соответствующей атрибутивной конструкции, чтобы не загромождать изложение техническими деталями. Однако мы постарались сообщить или по крайней мере обозначить максимум доступных нам синтаксических, семантических, лексических, референционных и коммуникативных сведений, необходимых для формулировки таких правил, и надеемся, что это обстоятельство не ускользнуло от внимания читателя. Единственным существенным исключением являются сведения о порядке слов. В нашем распоряжении нет материала, достаточного для определенных и окончательных суждений на этот счет. Однако в предварительном порядке можно отметить следующее.

Порядок элементов Y и Z определяется общими правилами расположения определительных, количественных, квазиагентивных, присубстантивных атрибутивных и присубстантивных комплетивных зависимых в русском языке. Определительные и количественные зависимые Z располагаются в препозиции к Y-у, а атрибутивные, квазиагентивные и комплетивные - в постпозиции к нему. Примеры очевидны.

Порядок элементов X и Y в значительной мере определяется теми же правилами. Поскольку Y является атрибутивным зависимым X-а, нормальным является расположение синтаксической группы Y-а справа от X-а. Вынос синтаксической группы Y-а в препозицию к X-у в подавляющем большинстве случаев приводит к разрушению конструкции:

(52a) ? [Там экспонировались] новейших марок машины,

(52б) ? [Повсюду формировались] переменной численности отряды,

(52в) * [На день рождения муж подарил ей] величиной с голубиное яйцо аметист,

(52г) **[Он написал] в духе Джойса роман,*

(52д) **[Это была] в провинциальном вкусе комната,*

(52е) **[Били призваны] в возрасте от 40 до 50 лет мужчины.*

Тем не менее, в ряде случаев такой вынос допустим. Универсальным фактором, создающим возможность перемещения синтаксической группы Y-а в препозицию к X-у, является наличие у X-а препозитивного определительного зависимого W. В этом случае синтаксическая группа Y-а может располагаться непосредственно после синтаксической группы W, образуя вместе с ней единую характеристику X-а. Y может либо сохранять синтаксическую связь с X-ом, либо отрываться от X-а и входить в сочиненную группу с W, что является очень сильным фактором в пользу препозиции Y-а:

(53а) *[Там экспонировались] сверкающие, новейших марок машины,*

(53б) *[Повсюду формировались] небольшие, переменной численности отряды,*

(53в) *[На день рождения муж подарил ей] овальный, величиной с голубиное яйцо аметист,*

(53г) *[Он написал] необычный, в духе Джойса роман,*

(53д) *[Это была] небольшая, в провинциальном вкусе комната,*

(53е) *[Били призваны] немолодые, в возрасте от 40 до 50 лет мужчины.*

Требование препозиции определения, вместе с требованием компактности сочиненной группы, оказывается, таким образом, сильнее, чем требование постпозиции атрибута.

Другим фактором, который делает возможным вынос синтаксической группы Y-а в препозицию к X-у, является тип атрибутивной конструкции. В атрибутивных конструкциях с творительным и предложным падежами он невозможен без дополнительных контекстуальных условий типа того, которое мы только что обсудили. В атрибутивной конструкции с родительным падежом такая возможность есть.

Выносу синтаксической группы Y-а в препозицию к X-у способствует в этом случае наличие при X-е второго зависимого в родительном падеже, а также принадлежность Y-а и Z-а к определенным семантическим классам. Для Y-а это - 'класс систематики', 'ценное свойство', 'манера исполнения', 'неколичественный параметр', 'линейный параметр'; для Z-а это классы: указательных, кванторных и неопределенных местоименных прилагательных:

(54а) *защитного цвета фуражка командира <ордена Ленина завод твердых сплавов>,*

- (54б) пушечной полноты удар,
- (54в) строгого стиля кабинет,
- (54г) чистойшей води бриллиант,
- (54д) внушительных размеров дубинка,
- (54е) такого <всякого, другого> рода соображения.

Впрочем и эти правила лексически ограничены; очевидно, например, что сказать *отряда воробьиных птица, *семейства грызунов животное нельзя ни при каких обстоятельствах. Порядок слов дает, таким образом, дополнительные свидетельства лексикализации атрибутивной конструкции с категориальными существительными.⁹

П р и м е ч а н и я

1. У читателя предполагается минимальное знакомство с общим строением этой модели.
2. Отправным пунктом нашей работы послужила картотека из ста десяти синтаксических признаков, обслуживающая формальную модель поверхностного синтаксиса русского языка. Модель была разработана группой лингвистов в составе Ю.Д. Апресяна, И.М. Богуславского, Л.Л. Иомдина, Л.П. Крысина, А.В. Лазурского, Н.В. Перцова и В.З. Санникова в рамках теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". Мы, естественно, опираемся и на общую идеологию модели поверхностного синтаксиса русского языка, и на весь опыт ее разработки. Однако конкретные результаты, излагаемые в данной статье, сама номенклатура признаков, а также теоретические комментарии и выводы были получены в результате независимого исследования, проведенного автором по его собственным материалам.
3. В рамках синтаксической теории, которой придерживается автор, синтаксическая структура предложения имеет вид размеченного дерева зависимостей. В качестве зависимостей используются свыше сорока ПСО, из которых нам понадобятся следующие: 1) атрибутивное ПСО, присоединяющееся к главному элементу X - существительному, прилагательному или наречию - такое его неактантное зависимое Y (за исключением согласованного определения), факт подчинения которого X-у выражен эксплицитными средствами оформления подчинительных отношений в данном языке - падежами, служебными словами типа предлогов или примыканием неизменяемого слова (за исключением частиц); 2) квазиагентивное ПСО, связывающее главный элемент X и его первое актантное зависимое Y, имеющее любую форму, за исключением формы согласованного определения и творительного падежа существительного (в последнем случае имеет место собственно агентивное ПСО); 3) комплетивно-аппозитивное ПСО, присоединяющееся к главному элементу X такое приложение Y, которое насыщает вторую семантическую и синтаксическую валентность X-а; 4) комплетивное ПСО, связывающее главный элемент X и любое его актантное зависимое Y, отличное от первого и не являющееся согласованным определением, при условии, что факт подчинения Y-а X-у выражен эксплицитными средствами оформления подчинительных отношений в данном языке; 5) обстоятель-

ственное ПСО, отличающееся от атрибутивного лишь тем, что его главным элементом является не имя, а глагол; б) определительное ПСО, присоединяющее к существительному X его согласованное определение Y; 7) присвязочное ПСО, присоединяющее к глаголу-связке X именную часть Y сказуемого. Главный элемент ПСО называется ещё хозяином или вершиной, а зависимый - слугой. Вершина X вместе со всеми своими зависимыми, непосредственными и опосредованными, называется синтаксической группой X-а.

4. Конструкции (2) - (7) интересны и с глубинно-синтаксической точки зрения. Падежные и предложно-падежные формы категориальных существительных являются в них значениями лексических функций A_1 и A_2 . Напомним, что лексическими функциями называются некие весьма общие значения, которые при разных словах-аргументах выражаются различными, лексически обусловленными средствами, т. е. идиоматично. Возможность описания категориальных существительных в роли атрибута как лексических функций представляется нам ценной потому, что тем самым объясняется пусть незначительная, но интуитивно хорошо ощутимая лексикализованность конструкций (2) - (7).
5. Уже здесь следует оговориться, что поскольку одно и то же слово в разных лексических значениях может иметь разные синтаксические свойства, объектом рассмотрения для нас всегда будет не слово в целом, а слово в фиксированном значении, или лексема (даже если внешне речь будет идти о слове). Разные лексемы одного существительного будут различаться в случае необходимости с помощью цифровых индексов, например, ПОРЯДОК 1, ПОРЯДОК 2.
6. Рассматриваемая атрибутивная конструкция - не единственная, для которой оказывается необходимым выделять такие существительные. Рассмотрим, например, обособленную конструкцию типа *Человек, никогда в жизни никого и ничего не боявшийся, он и на этот раз готов был рискнуть*, в которой обособленная группа вынесена в препозицию к своему хозяину - местоименному существительному Он. Вершиной такой обособленной конструкции могут быть лишь достаточно неспециализированные названия человека, не являющиеся к тому же именами отношений; ср. неправильность фразы **Долина, богатая теплом и влагой, она с давних пор была местом обитания человека* (X - название отношения). Повидимому, особый статус таких существительных в русском синтаксисе, обнаруживающий себя по крайней мере в двух независимых точках, должен быть отмечен специальным синтаксическим признаком.
7. Ср. невозможность в нейтральном стиле **книги чтение, *в тысячу градусов при температуре* (надо *чтение книги, при температуре в тысячу градусов*).
8. С необходимыми формальными деталями интересующее нас правило имеет следующий вид:

$$\begin{array}{l}
 Y + \dots + Z \Leftrightarrow Y \\
 \begin{array}{l} \downarrow \\ \text{1-компл} \\ \downarrow \\ Z \end{array} \left| \begin{array}{l} 1) Y = (\text{парампр}) \\ 2) W \xrightarrow{\text{предл}} Y \text{ и } W = B2 \\ 3) Z = \Delta \text{NUMP, род (измер)} \end{array} \right.
 \end{array}$$

Аналогичные правила должны быть сформулированы для конструкций типа *на высоту двухсот метров, на высоте двухсот метров, с высоты двухсот метров*. Введение таких правил в модель русского поверхностного синтаксиса требует незначительной корректировки

одной из комплетивных синтагм.

9. Автор считает своим приятным долгом выразить признательность И.М. Богуславскому, Л.Л. Иомдину, Л.П. Крысину, Н.В. Перцову и В.З. Санникову, которые познакомились с текстом этой работы и сделали ряд ценных критических замечаний, а также участникам лингвистического семинара "Информэлектрон", где она была доложена.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Грамматика 60 - *Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть первая.* М.: Издательство АН СССР, 1960.
- Грамматика 80, I - *Русская грамматика. Том I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология.* М.: Наука, 1980.
- Грамматика 80, II - *Русская грамматика. Том II. Синтаксис.* М.: Наука, 1980.
- Иомдин Л.Л. - И.А. Мельчук - Н.В. Перцов 1975, *Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. I. Предикативные синтагмы. Научно-техническая информация, серия 2, № 7, 1975.*
- Курилович Е. 1962, *Проблема классификации падежей.* В кн.: Курилович Е., *Очерки по лингвистике. Сборник статей.* М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
- Мельчук И.А. 1964, *Автоматический синтаксический анализ. 1. Внутрисегментный анализ.* Новосибирск: Издательство АН СССР, 1964.
- Мельчук И.А. 1974, *Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст"* М.: Наука, 1974.
- Мельчук И.А. - Н.В. Перцов 1975, *Модель английского поверхностного синтаксиса. Перечень синтагм. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР, вып. 64, 65, 66.*
- Мельчук И.А. - Е.Н. Саввина 1974, *О формальной модели синтаксиса алжирского языка. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР, вып. 55.*
- Шведова Н.Ю. 1960, *Проблема лексических ограничений как одна из проблем истории синтаксиса русского литературного языка XVIII-XIX веков. Вопросы языкознания, № 6, 1960.*

Leonard H. BABBY (Cornell University, Ithaca)

THE RELATION BETWEEN CAUSATIVE AND VOICE:
RUSSIAN VS. TURKISH.

1.0. *Introduction.* It has been assumed in a number of different grammatical traditions that causative constructions should be classified as grammatical voice (e.g. *ponuditel'nyj zalog* 'causative voice' in Kononov 1956, 1960). The purpose of this article is to examine this assumption, and to determine whether there is any basis for it in a language like Russian, which does not have overt causative morphology.¹ Russian will be contrasted with Turkish, which is taken as the paradigm example of a language with a productive morphological causative construction (Comrie 1981:160).

1.1. In order to understand why the causative is often treated as a voice, let us compare the causative and passive construction in Turkish. It is usually the case in causative sentences that one noun phrase with oblique case marking has the same semantic role (Direct Agent) as the subject noun phrase in the corresponding non-causative sentence;² this relation is marked by a special verbal suffix (-DIR-) in the causative sentence, e.g.:

- (1) a. *Mustafa mektubu kızına yaz-dır-dı.*
letter-ACC his-daughter-DAT write-CAUS-PAST
'Mustafa had his daughter write the letter.'
- b. *Kız mektubu yaz-dı.*
his-daughter-NOM letter-ACC write-PAST
'His daughter wrote the letter.'

Kız 'daughter' is the Direct Agent (the one who does the actual writing) in both the causative sentence (1a), where it is marked dative, and in the non-causative sentence (1b), where it is the subject in the absolute case; -*dır-* is the causative suffix.

In the passive sentence there is one oblique NP that has the same semantic role as the subject NP in the corresponding

non-passive sentence; this relation is marked by a special suffix (-*IL*-) on the verb in the passive sentence, e.g.:

- (2) a. *Mektup kızı tarafından yaz-ıl-dı*
letter-NOM his-daughter by write-IL-PAST
'The letter was written by his daughter.'

b. *Kızı mektubu yazdı.*

(= 1b)

Kızı 'daughter' is the Direct Agent in both the passive sentence (2a), where it is in a postpositional construction (see Underhill 1976:234), and in the non-passive (2b), where it is the subject.

The analysis of the sentence pairs in (1) and (2) clearly shows that the same kind of morphological, syntactic, and semantic relations are involved in both passive and causative sentences (see Babby 1979; Bowers 1981:§2.7.3). Since the passive is a grammatical voice, it is therefore entirely natural to assume that causative too should be classified as a voice (see Xrakovskij 1974:19).

Note finally that the causative suffix -*DIR*- and the suffix -*IL*- have essentially the same kind of semantic function: both are valency markers (Comrie 1981:chap.8). The suffix -*DIR*- records an increase in the basic verb's inventory of subcategorized NP arguments, while -*IL*- records a decrease in basic valency (see Babby 1981 for discussion).³

2.0. *Causative Sentences: Semantics.* Causative sentences have a number of semantic subtypes. For example, besides the obvious meaning of 'cause' or 'make do' in (1a), causative sentences can also have a permissive meaning, as the Russian sentence in (3) illustrates (see Nedyalkov and Silnitsky 1973):

- (3) a. *Otec prostudil rebenka.*
father-NOM caught-cold child-ACC
'Father let the child catch cold.'

b. *Rebenok prostudilsja.*⁴
child-NOM caught-cold
'The child caught cold.'

Causative sentences in Turkish like the following have a concomitant meaning:⁵

- (4) *Acaba çocuk-lar-ın biz-e bahçe-yi*
perhaps boy-PL-POSS we-DAT garden-ACC
gez-dir-ebil-ir-ler-mi?
visit-CAUS-able-ASPECT-PL-INTERROG

'Perhaps your boys will be able to show us the garden?'

Despite the meaning variation illustrated above in (3) and (4), causative sentences do nevertheless have a semantic common denominator: they all involve what I will refer to as the semantic role of Indirect Agent. In a non-causative sentence, the syntactic subject is typically the real or Direct Agent, i.e. the one who actually performs the action or is in the state denoted by the verb. In causative sentences, however, the syntactic subject is an Indirect Agent, i.e. the person or thing that is to some degree responsible for initiating the action denoted by the verb. In most cases, the Indirect Agent merely causes the Direct Agent, which is realized syntactically as an oblique NP, to perform the action, but is itself not a participant in this action (see §5.5 for exception). For example, in (1a) *Mustafa* is the Indirect Agent and *kız(ına)* is the Direct Agent (*Mustafa* causes, initiates or otherwise brings it about that his daughter writes a letter). In (1b), the corresponding non-causative, *kız* is the subject, but its semantic role has not changed; it is still the Direct Agent.⁶

2.1. Causative sentences: Syntax. Typological investigations have shown that there are a great many different kinds of morphological and syntactic constructions used to realize the semantic relations in causative sentences (see Xolodovič 1969, Comrie 1981 for general surveys; Babby 1981, Knecht 1982 for Turkish). There are, however, two morphosyntactic phenomena that appear, at least at first glance, to be common to all causative sentences. First, the Indirect Agent is realized as the syntactic subject; the Direct Agent is realized as an oblique object or PP if present. Second, causative sentences are formed by a syntactic operation that adds a NP (Indirect Agent) to a basic non-causative sentence. In a language like Turkish, this involves an increase in the verb's basic valency, which is marked by the causative suffix (see Babby 1981). In analytic causative constructions, this new NP does not become part of the

basic verb's subcategorization. I will argue below that while the first syntactic phenomenon is in fact a linguistic universal, the second is not, i.e., the derivation of a causative sentence does not necessarily involve the addition of a new NP argument.

3.0. *Voice*. In the preceding section I introduced a number of semantic and syntactic notions that are essential to the analysis of causative sentences. Before getting to our main topic - the relationship between causative and voice, it will be necessary to provide an explicit definition of voice.

3.1. *Mel'čuk and Xolodovič*. The most useful definition of voice to appear in the recent literature can be found in Mel'čuk and Xolodovič's seminal paper of 1970. According to the authors, each verb has associated with it both a set of syntactic actants and a set of semantic actants. In the active voice, for instance, the semantic subject (*sub"ekt*) is realized as the syntactic subject (*podležaščee*), and the semantic direct object (*ob"ekt*) is realized as the syntactic direct object (*prjamoe dopolnenie*). But in the canonical passive voice, the semantic subject is realized as an oblique syntactic object (instrumental case in Russian), and the semantic direct object is realized as the syntactic subject. Voice is defined in this framework as the formal and regular designation on the verb of the correspondence between the semantic and syntactic actants (p. 17). Thus passive in Russian is a voice because in addition to the regular correspondence between the semantic actants described above, the verb is regularly marked with special morphemes (-*SJA* or -*EN*, depending on aspect).⁷

The theory outlined above goes considerably beyond what is traditionally thought of as voice, e.g., it includes constructions that are impersonal (subjectless) (see Xolodovič 1974). For example, the following two sentences are treated as belonging to different voices (see Babby 1980a:54; Green 1980 for additional discussion):

- (5) a. *Veter* *sorval* *kryšu*.
wind-NOM-M-SG tore-off-M-SG roof-ACC-SG
'The wind tore off the roof'
- b. *Vetrom* *sorvalo* *kryšu*.
wind-INST-M-SG tore-off-N-SG roof-ACC
'The wind tore off the roof'

The difference between (5a) and (5b) can be expressed entirely in terms of the correspondence between the semantic and syntactic actants: the semantic subject is the syntactic subject in (5a) but not in (5b).

One problem with Mel'čuk and Xolodovič's definition of voice is that it stipulates that the correspondence between syntactic and semantic actants must have a formal and regular designation on the verb. But there is no such marking in the case of (5b) since the neuter agreement morphology is the only significant formal marking on the verb, and it is an automatic result of the absence of a nominative subject NP for the verb to agree with. This same neuter morphology is found in a great many other constructions that should not be classified as belonging to the same voice as (5b), e.g. *Ego tošnilo* 'He felt ill', which does not have a syntactic or semantic subject at any level (see also *Prišlo* (N-SG)/*prišli* (PL) *pjat'devušek* 'Five girls arrived').

This problem with Mel'čuk and Xolodovič's theory of voice can be easily eliminated by simply dropping the requirement that all possible correspondences between the syntactic and semantic actants must obligatorily have special verbal marking.⁸

But there is a second problem that is far more difficult to handle. According to Mel'čuk and Xolodovič, a verb with three semantic actants can have, at least potentially, as many as thirty-four different grammatical voices (1970:116). One might therefore expect this theory to be powerful enough to account for the grammatical relations between causative and the corresponding non-causative sentences as well. This is because causativization typically involves a change in the basic verb's inventory of semantic actants, which is accompanied by a change in the syntactic actants. In a language like Turkish, these changes are accompanied by regular morphological marking on the verb (see *-dır-* in (1a)), which makes causativization look even more like a voice phenomenon.

But it turns out that while Mel'čuk and Xolodovič's theory can be made to account for personal/impersonal sentence pairs like (5a)/(5b) in terms of voice, it cannot account for causative/non-causative pairs like (1a)/(1b), even though the latter are patently more voice-like in every respect than the former. The problem is that although their theory correctly predicts that

a sentences can have only one syntactic subject (1970:114), it incorrectly restricts a simple sentence to having only one semantic subject as well. But recall that one of the distinguishing characteristics of causative sentences is the presence of *two* semantic subjects, i.e., what I have been calling the Direct and Indirect Agent (see §2.0).

3.2 Matched doubles. The theory of voice proposed in Babby and Brecht (1975) attempts to incorporate the insights of Mel'čuk and Xolodovič's theory in a generative framework. In Babby and Brecht, voice is defined as the relation between the NP arguments for which a verb is subcategorized in the *lexicon* and the NP arguments directly associated with that verb in the *surface structure* of a concrete sentence. This relation may be optionally marked by a voice morpheme on the verb.

The difference between these two theories boils down to this: Mel'čuk and Xolodovič define voice as a relation between the syntactic and semantic levels, with the number of semantic actants fixed. In Babby and Brecht's definition, the relation is between the syntax and lexicon, with the number of syntactic and semantic actants in the sentence being either fewer, the same, or greater than the number of actants specified in the verb's lexical entry. Thus Babby and Brecht's theory of voice can easily accommodate causative sentences because, as noted above, the essence of causativization is the presence in the surface structure of one NP actant for which the basic verb is not subcategorized in the lexicon (see Sil'nickij 1974:55).

4.0 Voice and causative in Turkish. I will argue in this section that, given the definition of voice presented above in §3.2, causative should be treated as a voice phenomenon in Turkish.

4.1 Reduction in surface valency. If a verb in Turkish appears in a sentence with one NP argument less than it is subcategorized for in the lexicon, it must have the suffix *-IL-* (*-IN-*) added to it. The function of this suffix is therefore essentially identical to that of *-sja/-s'* in Russian - a marker of reduced syntactic valency (see Babby 1975, 1981). If the verb is lexically transitive, *-IL-* makes it intransitive:

(6) a. Turkish: *Mustafa tabağ-i kır-dı.*
Mustafa-NOM dish-ACC break-PAST

b. Russian: *Mustafa razbil tarelku.*
Mustafa-NOM broke dish-ACC
'Mustafa broke the dish'

(7) a. Turkish: *Tabak kır-il-dı.*
dish-NOM break-IL-PAST

b. Russian: *Tarelka razbila-s'.*
dish-NOM broke-SJA
'The dish broke'

If the verb is lexically intransitive, the suffix *-IL-* marks it as being impersonal, i.e., as not having a subject NP associated with it in the surface syntax:⁹

(8) a. *Mustafa bu su-da yıkanmaz -*
Mustafa-NOM this water-LOC doesn't-wash

çok pisdir.
very dirty

'Mustafa doesn't wash in this water - it's very dirty'

b. *Bu su-da yıkan-il-maz - çok pisdir.*
this water-LOC wash-IL-NEG/AORIST (Underhill 1976:359)

'One doesn't wash in this water - it's very dirty'

4.2 Increase in surface valency. If a Turkish verb is used in a sentence with one NP argument more than it is subcategorized for in the lexicon, it must be affixed with *-DIR-*, which is traditionally referred to as the causative suffix (Russian cannot augment basic verb stems in this way and, consequently, has no such suffix).¹⁰ If the verb is lexically intransitive, the addition of *-DIR-* makes it transitive, e.g.:

(9) a. *Hikmet öl-dü.*
Hikmet-NOM die-PAST

'Hikmet died'

b. *Mustafa Hikmet-i öl-dür-dü.*
Mustafa-NOM Hikmet-ACC die-DIR-PAST

'Mustafa killed Hikmet'

When the basic verb is transitive, the case of the "new" NP (i.e. un-subcategorized object with the semantic value of Direct Agent) is determined by a case hierarchy (see Comrie 1981:chap. 8; Babby 1981). For example, in (1a) the Direct Agent object NP is marked

with the dative case.

4.3 Both *-IL-* and *-DIR-* can be affixed to the same verb stem, e.g.:

- (10) *Hikmet* *öl-dür-ül-dü.*
Hikmet-NOM die-DIR-IL-PAST
'Hikmet was killed'

The Indirect Agent in (10) is not specified syntactically, but its presence in the sentence's semantic representation is directly signaled by the causative morpheme *-dür-*.

It has sometimes been argued that causative cannot be a grammatical voice because the suffix *-DIR-* co-occurs with *-IL-* on the same verb stem, see (10). The key assumption here is evidently that there can be only one voice suffix "slot" per verb stem. There is, however, no compelling evidence supporting this assumption. Notice also that there can be two (potentially three) causative suffixes on a verb stem at the same time, which means that the notion of one suffix-slot per function is demonstrably wrong (see Babby 1981:§10.5 for discussion; Ivanov 1977:§42):¹¹

- (11) *Hikmet* *öl-dür-t-ül-dü.*
Hikmet-NOM die-DIR-DIR-IL-PAST
'Hikmet was ordered killed'

4.4 This brief discussion of valency in Turkish should be sufficient to demonstrate that causative is part of the Turkish voice system: causativization in Turkish is a highly productive grammatical process that crucially involves a difference between the number of NP actants in a verb's lexical entry and the number of NP's associated with this verb in the surface structure of a concrete sentence. This difference is regularly marked by special verb morphology. Thus causativization in Turkish meets all the requirements for a voice phenomenon stipulated above in §3.0-2.

5.0 *Causative in Russian.* Causative meaning in Russian has five distinct morphosyntactic realizations. In this section we will look at each of them in some detail, and attempt to determine in each case whether there is any basis for claiming that the causative is a grammatical voice in Russian.

5.1 *Paired lexical causative verbs (CAUS I).* In the following

pairs, the second verb is the causative of the first: *sidet* 'sit'/*sažat* 'seat'; *kipet*/'*kipjatit* 'boil'; *spat* 'sleep'/*usypļjat* 'to put to sleep'; *pit* 'drink'/*poit* 'to foster drinking, to water cattle (cf. English *drench*, the archaic causative of *drink*); *umeret* 'die'/*ubit* (*umertvit*) 'kill' etc.

These pairs share several important properties:

- (12) a. There is no regular (predictable) morphological relation between them.
- b. The very existence of these pairs is unpredictable, i.e., it appears to be totally arbitrary in Modern Russian whether a given non-causative verb will have a paired causative (*pit* has *poit*', but *est* 'eat' has no paired causative).
- c. The full range of the meanings of the causative partner is in most cases not predictable (e.g., *sažat* means 'plant' as well as 'seat').

We must conclude on the basis of these facts that the causative verbs in these pairs are separate lexical items with their own lexical entries. But if they are separate lexical items, they cannot be related to their non-causative partners in terms of voice because, under all definitions, voice deals with the real or potential valencies of *the same verb*, i.e. changes in voice involve predictable changes of grammatical, not lexical meaning.¹²

5.2 Analytic causative constructions (CAUS II). Russian has a productive analytic causative construction which consists of the verb *zastavit* 'make, cause to do' and an infinitive complement, e.g.:¹³

- (13) a. *Ja sel.*
I-NOM sat-down
'I sat down'
- b. *On zastavil menja sest'.*
he-NOM made I-ACC to-sit-down
'He made me sit down'

On, the subject of *zastavil* in (13b), is the Indirect Agent of the action denoted by the infinitive complement *sest'*; *menja*, the

direct object of *zastavil*, is the Direct Agent of the infinitive (in (13a) the Direct Agent is the subject). Since the Indirect Agent in this analytic construction does not become an argument of the infinitive, there can be no change of voice in this type of causative construction.¹⁴

5.3 *Anti-causative construction* (CAUS III). Compare the causative sentences (a) with their non-causative counterparts (b) in the following sentence pairs:

- (14) a. *Pastux paset stado na vysokom lugu.*
shepherd-NOM grazes flock-ACC on high meadow
'The shepherd is grazing his flock on a high meadow'
b. *Stado pasetsja na vysokom lugu.*
flock-NOM grazes on high meadow
'The flock is grazing on a high meadow'
- (15) a. *Mat' ženit syna na bogatoj devuške.*
mother-NOM marry son-ACC to rich girl
'Mother is having her son marry a rich girl'
b. *Je syn ženitsja na bogatoj devuške.*
her son-NOM marry to rich girl
'Her son is marrying a rich girl'
- (16) a. *On possoril staryx družej.*
he-NOM caused-to-quarrel old friends-ACC
'He caused the old friends to quarrel'
b. *Starye druž'ja possorilis'.*
old friends-NOM quarrelled
'The old friends quarreled/had a quarrel'
- (17) a. *On ne znał, kak vljubit' v sebja blondinku.*
he-NOM not knew how make-fall-in-love with self blond-ACC
'He did not know how to make the blond fall in love with him'
b. *On ne znał, kak blondinka vljubilas' v nego.*
blond-NOM fell-in-love with him
'He did not know how (it happened that) the blond fell in love with him'

- (18) a. *My zaražali obez'jan xoleroj*
we-NOM infected monkeys with-cholera
(i izlečivali ix).
and treated them
'We infected the monkeys with cholera (and then
treated them)'
- b. *Obez'jany zaražalis' xoleroj (i my izlečivali ix).*
Monkeys-NOM came-down-with cholera
'The monkeys came down with/got infected with cholera,
(and we treated them)'
- (19) a. *Pugačev spěšil svoix voinov*
Pugačev-NOM caused-to-dismount his men-ACC
vozle derevni.
near village
'Pugačev had his men dismount near the village'
- b. *Voiny Pugačeva spěšilis' vozle derevni.*
men-NOM of-Pugačev dismounted near village
'Pugačev's men dismounted near the village'
- (20) a. *Rabota v komitete vse čašče i čašče*
work-NOM in committee more-and-more-often
stalkivala ego s vragami.
caused-to-collide him with enemies
'His work in the committee brought him into contact
with his enemies more and more frequently'
- b. *On vse čašče i čašče stalkivalsja s vragami.*
he-NOM more-and-more-often collided with enemies
'He came in contact with his enemies more and more
often'

In (14), for example, *pastux*, the subject of (14a), is the Indirect Agent, and *stado*, the subject of (14b) and direct object of (14a), is the Direct Agent.

The verbs in the causative sentences are basic transitives, and, therefore, require no special morphological marking in Russian. The same verbs in the corresponding non-causative sentences are intransitives derived from the basic transitives, and are accordingly marked with the voice suffix *-sja/-s'*. These sentence pairs therefore appear to demonstrate that there is indeed the same kind of direct interaction between causative and voice in Russian as there is in Turkish. I will, however, argue in this section that

there is in fact no direct relation between the causative meaning in the (a)-sentences and the so-called "anti-causative" voice morphology in the corresponding non-causative (b)-sentences.

Causative/non-causative sentence pairs like those in (14)-(20) have given rise to the proposal that the suffix *-sja/-s'* in Russian should be classified first and foremost as an "anti-causative" morpheme (see Nedyalkov and Silnitsky 1973:2; Korolev 1969:211), with its use in passive, derived intransitive, reflexive, and impersonal sentences viewed as "polysemy of anti-causative morphemes" (Nedyalkov and Silnitsky 1973:22).

In Babby 1975 I presented extensive syntactic and semantic argumentation that *-sja/-s'* should not be considered either a passive suffix, a reflexive suffix, or an impersonal suffix, etc., with all its other meanings somehow derived from its basic passive or reflexive meaning.¹⁵ I argued rather that the only syntactic function of *-sja/-s'* is to mark reduced valency, i.e. to signal that an NP argument for which the verb is subcategorized in the lexicon is not an argument of the verb in the surface syntax. For example, the subcategorized direct object NP of regular Russian transitive verbs may be realized in a sentence as the surface subject, with the subject either missing (e.g. in derived intransitive sentences like *Dver' otkrylas'* 'The door opened') or "demoted" to non-argument, adverbial status (e.g. in passive sentences like *Dver' otkryvaetsja storozhom dva raza v sutki* 'The door is opened by the watchman twice a day') (see Babby 1979). Thus *-sja/-s'* is used in passive, derived intransitive, impersonal, reflexive, etc. sentences because they all have one thing in common, namely, one subcategorized NP is missing or demoted in the surface syntax.

The hypothesis that the basic meaning of *-sja/-s'* is anti-causative and that all its other uses are somehow secondary, derived from its anti-causative meaning, or due to "polysemy of anti-causative morphemes" is wrong for the same reasons it is wrong to claim that, for example, the basic meaning of *-sja/-s'* is passive, and all its other meanings are derived from it. In all analyses of this kind, the meaning of the sentence type in which *-sja/-s'* appears is erroneously attributed to the suffix *-sja/-s'* itself.

Sentences (14a) - (20a) have unambiguously causative meaning because the verbs in these sentences belong to a relatively small

class of Russian verbs which require that their subjects be assigned the semantic role of Indirect Agent. In the corresponding (b)-sentences in (14) - (20), the surface subject is the verb's subcategorized direct object (Direct Agent), and the subcategorized subject (Indirect Agent) is missing, which is why the (b)-sentences do not have a causative interpretation (see §2.0).

The (b)-sentences in (14) - (20) have *-sja/-s'* marked on the verb because the subcategorized direct object/Direct Agent is the surface subject. In other words, the (b)-sentences are simple derived intransitives, and the presence of *-sja/-s'* therefore has nothing at all to do with the fact that the corresponding transitive sentence happens to have a causative meaning.

We can summarize §5.3 as follows: The causative meaning in sentences (14a) - (20a) is strictly *lexical*, i.e. due to the main verb's subcategorization properties, and not to the addition of a non-subcategorized subject/Indirect Agent as in Turkish. The voice suffix *-sja/-s'* is regularly affixed to the verb in the corresponding derived intransitive sentence as a marker of reduced valency, and not as a direct marker of the sentence's anti-causative meaning. It is the same *-sja/-s'* that occurs in derived intransitive sentences whose transitive counterparts do not have causative meaning (e.g. *Ivan zakryl dver'* 'Ivan closed the door' vs. *Dver' zakrylas'* 'The door closed'). Thus we can conclude on the basis of these facts that there is no *direct* relation between causative and voice in this type of causative sentence.

The difference between Turkish and these Russian causatives is this: In Turkish, the causative verb is derived from the non-causative, while in Russian the "direction of derivation" is just the reverse: the non-causative is derived from the causative (see note 4).¹⁶

5.4 *The Service Causative* (CAUS IV). The fourth type of causative construction in Russian, which I call the Service Causative for reasons that will be made explicit below, is also a lexical causative. Consider the following examples:

- (21) a. *Babuška sšila sebe novoe plat'e.*
grandmother-NOM sewed herself new dress-ACC
- b. 'Grandmother made a new dress'
- c. 'Grandmother had a new dress made'

- (22) a. *Babuška počíníla svoj časy.*
grandmother fixed her watch
b. 'Grandmother fixed her watch'
c. 'Grandmother had her watch fixed'
- (23) a. *Babuška delala operaciju.*
grandmother performed operation
b. 'Grandmother performed an operation'
c. 'Grandmother had an operation (performed on her(self))'
- (24) a. *Babuška krasit volosy.*
grandmother dyes hair
b. 'Grandmother dyes her hair'
c. 'Grandmother has her hair dyed'
- (25) a. *Babuška vstavíla novye zuby.*
grandmother inserted new teeth
b. 'Grandmother put in her new teeth'
c. 'Grandmother had new teeth made'

These sentences are two-ways ambiguous - each has both a non-causative (b) and a causative (c) interpretation. For example, it is impossible to tell in (21a) without the aid of additional context whether the subject (*babuška*) made the dress herself (i.e. is the Direct Agent) or whether she had someone else make the dress for her (in which case she would be the Indirect Agent).

The sentences (14a) - (20a) and (21) - (25) (in their causative reading) are both clearly lexical causatives, i.e., the sentences' causative meaning is due to the verb's lexical specification, not to a syntactic operation. But they differ in two important ways: First, the subjects in (14a) - (20a) are specified in the lexicon as having the semantic role of Indirect Agent only, which is why these sentences are unequivocally causative.¹⁷ In sentences like those in (21) - (25), the subject is specified as an agent, but is unspecified as to whether its agency is Direct or Indirect, which is the reason these sentences have the causative/non-causative ambiguity described above.¹⁸

The second way they differ is this: causative sentences like (14) - (20) invariably have animate direct objects which have the semantic role of Direct Agent (see 19). Service Causatives usually have inanimate direct objects that are never interpreted as the Direct Agent. Thus Service Causatives like (21) - (25) leave the Direct Agent unexpressed (see (c)-reading of (21) - (25)). Even if a Service Causative construction does have an animate direct object (which is rare), it cannot be understood as the Direct Agent, e.g.:

- (26) *On strižet svoju sobaku u sobač'ego parikmaxera.*
he-NOM cut(hair) his dog-ACC at canine barber
'He has his dog clipped at a dog groomer's'

In (26) *on* 'he' is the Indirect Agent and *parikmaxera* 'barber', the object of the locative preposition *u*, is the Direct Agent.

As the sentence in (26) demonstrates, there is in fact a regular way to express the Direct Agent in Service Causative constructions. Sentences (27) - (31), which correspond to (21) - (25), are additional examples.

- (27) a. *Babuška sšila sebe novoe plat'e u modnoj portnixi.*
at stylish dressmaker
b. 'Grandmother made a new dress at a stylish dressmaker's'
c. 'Grandmother had a new dress made at a stylish dressmaker's' / 'Grandmother had a stylish dressmaker make her a new dress'
- (28) a. *Babuška počnila svoi časy u časovščika.*
at watchmaker
b. 'Grandmother fixed her watch at the watchmaker's'
c. 'Grandmother had her watch fixed at the watchmaker's' / 'Grandmother had the watchmaker fix her watch'
- (29) a. *Babuška delala operaciju u opytnogo vrača.*
at experienced doctor
b. 'Grandmother performed an operation at an experienced doctor's'
c. 'Grandmother had an experienced doctor perform an operation (on her)'

- (30) a. *Babuška krasit volosy v parikmazerskoj.*
 at hairdresser's
 b. 'Grandmother dyes her hair at the hairdresser's'
 c. 'Grandmother has her hair dyed at the hairdresser's'
- (31) a. *Babuška vstavila novye zuby u xorošego dantista.*
 at good dentist
 b. 'Grandmother put in her new teeth at a good dentist's'
 c. 'Grandmother had a good dentist make her new teeth'

Like (21) - (25), each sentence in (27) - (31) has both a causative and non-causative interpretation, but the causative interpretation in (27) - (31) is far more prominent than in (21) - (25), where there is no locative phrase. Under the causative interpretation, the locative phrase is interpreted as the Direct Agent, and the subject as the Indirect Agent; under the non-causative interpretation, the locative phrase simply indicates the action's location, and the subject is the Direct Agent. For example, under the causative interpretation of (27), *babuška* is the Indirect Agent, i.e., she has a seamstress make her a new dress: Under the far less likely non-causative interpretation, *babuška* is the Direct Agent and we understand that she made herself a new dress at the seamstress's place of business (i.e. used her machines etc.). In sentences like (29) and (31), the non-causative interpretation is almost excluded on pragmatic grounds. While an agentive locative phrase (*at the doctor's, barber's* etc.) tends to resolve the ambiguity in sentences like (21) - (25) in favor of the causative interpretation, time adverbials have the opposite effect - they favor the non-causative interpretation:

- (32) *Babuška sšila sebe novoe plat'e za kakix-nibud' paru časov*
 in-a-couple-of-hours

'Grandmother made herself a new dress in a few hours'

I have chosen to call the causative constructions illustrated in (21) - (31) the Service Causative for the following reasons:

(i) The verbs that can be used in this construction form a relatively small natural semantic class: they typically denote a physical action that one person regularly performs for another person (e.g. tailoring, healing, grooming, repairing, etc.).

Since reading is not normally a service activity, a sentence like (33) is not likely to receive a causative interpretation like *Grandmother had her grandson read her five books*.

- (33) *Babuška pročitala sebe pjat' knig u vnuka.*
grandmother read self five books at grandson
'Grandmother read herself five books at her grandson's
(flat)'

(ii) The Direct Agent of these verbs must have certain skills and training in order to perform these services.

(iii) Finally, it is most often the case that the service is performed at a specialized location (see the agentive locative prepositional phrases in (27) - (30)), i.e., a dentist works in an office, a barber in his shop, a clerk at an office (see (39)), etc.¹⁹

The following are additional examples of the Service Causative (only the causative glosses are provided).

- (34) *Babuška svjatit kuliči v Eloxovskoj cerkvi.*
grandmother-NOM bless Easter cakes at Elokhovsky church
'Grandmother is having the Easter cakes blessed at Elokhovsky church'
- (35) *On melet muku u mel'nika (na mel'nice).*
he-NOM grinds flour at miller (at mill)
'He has the miller grind his flour (He has his flour ground at the mill)'
- (36) *Ja podpisal svoje zjavlenie u načal'nika.*
I-NOM signed my application at boss
'I had the boss sign my application'
- (37) *On projavljaet vse plenki u professional'nogo fotografa.*
he-NOM develops all film at professional photographer
'He has all his film developed at a professional photographer's'
- (38) *Ja rastjanul botinku u sapožnika.*
I-NOM stretched shoe-ACC at shoemaker
'I had a shoemaker stretch my shoe'

(39) *Peđat' postav' u sekretarja.* (A. Kardaseva)
seal-ACC put/place at secretary

'Have the secretary stamp it (put the seal on it)'

5.4.1 The first part of this section was devoted to a rather detailed description of the Service Causative, since, to the best of my knowledge, this kind of construction has received almost no attention in the linguistic literature. The second part deals with our central question, namely, the relation between causative constructions and voice.

It might seem at first glance that the facultative addition of the Direct Agent in Service Causatives might be considered a voice phenomenon since it involves the addition of a new NP argument to the basic sentence (see §3.2 for the broad definition of voice). I will argue below, however, that the relation between, say, (21a) and (27a) is not a voice phenomenon, even in its broadest possible definition, nor is it an instance of causativization: (i) By causativization we usually mean that a "new" NP is added to the basic sentence as the surface subject, and that it has the semantic role of *Indirect* Agent (cf. Turkish). But in the case of Service Causatives, the "new" NP is a locative adverbial expression, and it is interpreted as the *Direct* Agent.

(ii) Causativization involves the addition of a "new" NP to a non-causative sentence to produce a causative one. But the Service Causative is lexical, i.e., its causative interpretation is determined in the lexicon; the "new" NP functions merely to focus on the causative interpretation at the expense of the non-causative one. Recall also that even when the locative adverbial expression is present, the sentence may still have its non-causative reading (see (27c) - (31c)).

(iii) The agentive locative expressions in Service Causatives are syntactically adverbs, i.e., they are not arguments of the verb at any level. They are not, for example, "deeper" arguments that have been banished to a peripheral, non-argument position in the surface syntax. Since these expressions are not arguments of the verb, their addition to the sentence cannot be considered a voice phenomenon because they do not affect the verb's basic, lexically determined valency (see definition of voice in §3.2).

5.5 *The Reflexive Causative* (CAUS V). All the causative constructions we have considered so far share essentially the same semantic situation: The Indirect Agent is responsible for initiating the action denoted by the verb, but is itself not a participant in this action. In other words:

- (40) X acts in such a way that Y does V to Z, where X is the Indirect Agent and X is not co-referential with Y or Z.

In Reflexive Causative sentences, however, the Indirect Agent participates in the action it initiates, usually as a direct object with the semantic role of Patient (see Xolodovič 1974:363). In terms of (40), X in Reflexive Causatives is co-referential with Z. The following is an example of a Reflexive Causative sentence in Turkish.

- (41) *o kendini ünlü bir doktora tedavi ettirir.*
he-NOM self-ACC famous a doctor-DAT treat-CAUS-PRES
'He is having a famous doctor treat him'

The subject/Indirect Agent *o* is co-referential with the direct object *kendini*, which is a reflexive pronoun; the Direct Agent is marked dative.

The Russian equivalent of this Turkish Reflexive Causative is (42a). As we can see by comparing them, the Reflexive Causative in Russian is formed by adding the voice suffix *-sja/-s'* to the transitive verb *lečit'* 'treat, heal' (not by using the reflexive pronoun, as the ungrammaticality of (42b) indicates).

- (42) a. *On lečitsja u znamenitogo vrača.*
he-NOM heals at famous doctor
'He is having a famous doctor treat him'
- b. **On lečit sebja u znamenitogo vrača.*
he heals self-ACC at famous doctor

The following are some additional examples of Reflexive Causatives in Russian:

- (43) a. *Ja fotografirujus' <snimajus'> u xorešego fotografa.*
I take-a-picture at good photographer
'I have a good photographer photograph me/I have myself photographed at a good photographer's'

- b. *Ja uže vtoroj god u nego pričesyvajus'.*
I already second year at him comb-hair
'I have been having him do my hair for two years'
- c. *Ja prooperirovalsja u ètogo vrača.*
I operate-on at this doctor
'I had this doctor operate on me'
- d. *Ja vseгда strigsja korotko.*
I always cut (hair) short
'I always had my hair cut short'

On is the Indirect Agent in (42a), and *vrača* is the Direct Agent. The co-referential Patient cannot be expressed by a reflexive pronoun (cf. (42b)) despite the fact that *non-reflexive* Patients/direct objects are entirely normal:

- (44) *On leđit syna u znamenitogo vrača.*
he heals son-ACC at famous doctor
'He is having a famous doctor treat his son'

It is obvious when we compare (42a) and (42b) with (44) that the reflexive meaning in (42a) must be tied to the presence of *-sja/-s'* on the transitive verb. This fact, however, needs some explaining if we have been correct in claiming that *-sja/-s'* is a marker of reduced valency in Modern Russian, not a reflexive suffix.

The relationship between the suffix *-sja/-s'* and the direct object reflexive pronoun *sebja* in non-causative sentences was treated in Babby 1975, where the following analysis was proposed: When *sebja* is neither emphatic nor contrastive, it is normally omitted in the surface syntax, and *-sja/-s'* is affixed to the transitive verb in its now familiar role, namely, as marker of reduced valency. For example, both (45a) and (45b) translate the English *He washes (himself) every day*, but (45b) is preferred when the sentence is non-emphatic and non-contrastive:

- (45) a. *On moet sebja každyj den'.*
he-NOM washes self-ACC each day
'He washes himself every day'
- b. *On moetsja každyj den'.*
he-NOM washes each day
'He washes every day'

Notice that it is more natural in English too for the reflexive

pronoun to be omitted, but the verb *washes* is not altered since English does not mark surface intransitivity morphologically.

This analysis of the relation between *-sja/-s'* and *sebja* in non-causative sentences also holds for Reflexive Causatives, i.e., since the reflexive pronoun is not contrastive or emphatic in sentence (42), the reflexive pronoun is omitted and (42a) is used.²⁰

We can conclude on the basis of these facts that although the voice morpheme *-sja/-s'* is regularly used in Reflexive Causatives, it has nothing to do with the sentence's causative meaning. Reflexive Causatives are simple Service Causatives whose Indirect Agent happens to be co-referential with its Patient. Thus the sentence's causative meaning is completely lexical (see § 5.4), and is therefore independent of the selection of *-sja/-s'* vs. *sebja*. This situation is identical to the one we observed in the case of the so-called Anti-causative sentences (see (14)-(20)), where, I argue (§ 5.3), *-sja/-s'* is used to mark the verb's syntactic (derived) intransitivity, not the sentence's non-causative meaning in relation to the corresponding transitive sentence's causative meaning. Thus Reflexive Causative constructions, like Anti-causative ones, do not involve the direct interaction of causative and voice. In both cases, the occurrence of *-sja/-s'* morphologically marks a basic transitive verb's derived intransitivity, which has no relation to causative meaning in Russian.

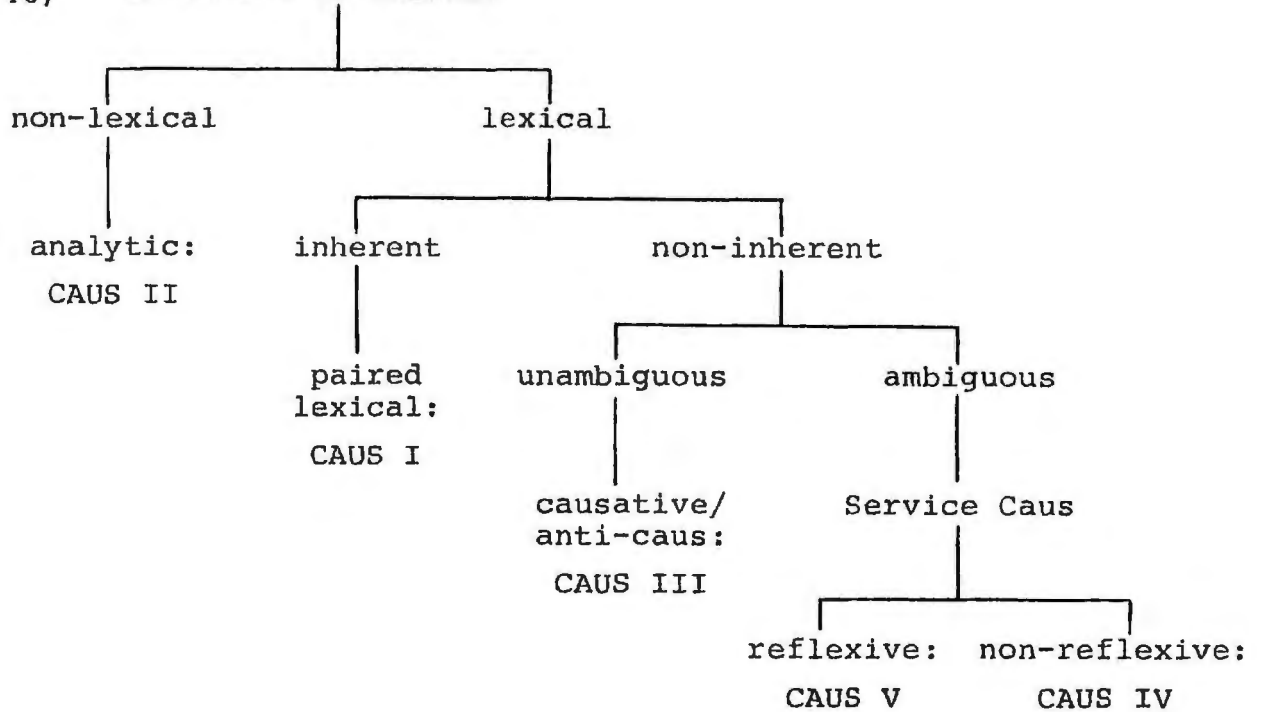
6.0 Conclusions. I have argued above that given the definition of voice proposed at the beginning of this paper, causative in Turkish meets all the requirements for being a grammatical voice, while causative in Russian does not. The voice morphology regularly found in Russian Anti-causative (CAUS III) and Reflexive Causative (CAUS V) constructions turns out on closer inspection to have nothing to do with the sentence's causative meaning. We can summarize our findings as follows: Causative in Turkish is a regular grammatical process which can apply to any verb, regardless of its lexical meaning; only *exceptions* need refer to causative in the lexicon.²¹ But causative in Russian is strictly lexical. That is, it must be explicitly specified in the lexical entry of each verb in Russian whether or not the sentence containing it can receive a causative interpretation.

The four lexical causative constructions in Russian can be divided into two subtypes: Paired Lexical Causative (CAUS I) vs. others (CAUS III, IV, V). Verbs like *sažat'* 'to seat', *usypljat'* 'to put to sleep' etc. (see §5.1) are *inherently* causative, i.e., causative meaning is part of the verb's basic lexical make-up, and the presence or absence of particular subcategorized NP arguments does not affect this meaning. In contrast, the causative meaning in CAUS III, IV and V is not inherent: it can be thought of as deriving from the combination of the verb's meaning with that of the Indirect Agent. If the Indirect Agent is not present in a particular sentence, it cannot have a causative interpretation (see the Anti-causative sentences in (14a) vs. (14b) - (20a) vs. (20b)). Thus CAUS III, IV, and V are lexical in the sense that the verb's actual or potential causative interpretation resides partly in the subcategorization information contained in its lexical entry (more specifically, in the Indirect and Direct Agent semantic roles of its subcategorized NP arguments).

CAUS III, IV, and V (the non-analytic, non-inherent lexical causatives) can be further subclassified on the basis of the ambiguity of their causative interpretation: Verbs like *spéšit'* 'make dismount' (see (14a) - (20a)) are unambiguously causative when used transitively because their lexical specification requires the subject to have the semantic role of Indirect Agent. In contrast, the verbs used in Service Causative (CAUS IV, e.g. *šit'* 'sew') and Reflexive Causative (CAUS V) constructions are lexically specified for agentive subjects, but are unspecified as to whether this agentivity is Direct (non-causative) or Indirect (causative). My hypothesis then is that the causative/non-causative ambiguity of sentences like (21) - (25) is due primarily to the two different semantic roles that can be assigned to their subject.

Note finally that there can be a final binary division into Reflexive (V) vs. non-reflexive (IV) Service Causatives. The diagram in (46) summarizes the relations between the five causative constructions in Russian:²²

(46) Causative in Russian

I would like to thank the following people for their comments and suggestions: John Bowers, Sally McConnell-Ginet, Carol Rosen, Engin Sezer, Alik Zholkovsky, Tanya Korelsky, and Slava Paperno.

N O T E S

1. I argue below in §5.3 that the voice morpheme *-sja/-s'* found in Russian Anti-causative constructions has no direct relation to the sentence's causative meaning.
2. See Chomsky 1981 and 1982 for a discussion of thematic roles in current linguistic theory. I will use the more neutral term "semantic role".
3. The function of *-IL-* as a marker of reduced basic valency is easier to see in the case of intransitive (one-place) verbs, where it marks the verb as impersonal, i.e., as having no subject, e.g. (8b) (see Babby 1981:4-6).
4. The causative verb *prostudit'* in Russian corresponds to Turkish *üsü-t-mek* (*-t-* is the causative suffix) and *prostudit'sja* corresponds to Turkish *üsümek*. It is generally the case in pairs of this kind that the non-causative is basic in Turkish and the causative is derived. In Russian, however, the reverse is true: the causative is basic and the non-causative is derived from it (see §5 for discussion).
5. The permissive and concomitant readings in these causative sentences can most likely be predicted from the verb's lexical meaning. But all unpredictable meanings associated with the causative suffix must be listed in the verb's lexical entry (see note 12).
6. It is common in causative sentences for the Direct Agent to remain unspecified, e.g.: *Ben saatimi tamir ettirdim* 'I had my watch fixed' (Babby 1981:15). It is also common for the Indirect Agent to be non-human, e.g.:
[_S[_{NP}*Bir katilin serbestçe dolaşması*]][_{VP}*kadıncağızı korkuttu*]
(lit.) 'A killer's walking around freely frightened his wife.'
7. See Babby 1980a, where case theory is used to account for the fact that voice phenomena normally involve subject and direct object NP's only.
8. Note also that "active" voice typically has no special verbal morphology associated with it, and is therefore a problem in Mel'čuk and Xolodovič's framework.
9. Constructions like (8b) are referred to as *impersonal passives* because it is incorrectly assumed that the suffix *-IL-*'s primary function is to mark the passive (see Mixajlov 1961). I have argued that *-IL-* is used in passive sentences only because passivization involves valency reduction (see Babby 1975, 1981). In Russian, *-sja/-s'* can be added to certain intransitive verbs to form impersonal sentences (e.g. *govorit'sja* 'speak', *spat'sja*, 'sleep' etc.), but this use of *-sja/-s'* is lexically limited.

Note that while Russian has only a single generalized marker of reduced valency (*-sja/-s'*), Turkish in fact has two: in addition to *-IL-* there is *-IN-*, the reflexive suffix. Thus in (8) *yika-* is a transitive stem, *yikan-* (*yika + In*) is reflexive/intransitive, and *yikanıl-* is impersonal/reflexive, i.e. its morphological marking shows that the basic stem's valency has been reduced by two.

10. It is argued in Babby 1981 that causativization in Turkish is first and foremost a grammatical process for building up derived verb phrases, i.e., for combining a verb with an NP argument for which it is not subcategorized to form a VP. This contrasts with Russian, where, I argue below, there is no grammatical process of causativization.
11. A verb in the surface syntax of a Turkish sentence can have as many as four NP arguments associated with it: one subject and three object NP's. It is therefore clearly not a coincidence that the maximum (potential) number of verbal suffixes related to NP argument positions in the sentence is four (three causative suffixes and one *-IL-* suffix): a Turkish verb can be marked with as many "voice" suffixes as there are syntactic NP positions to keep track of (see note 9).
12. Verb stems with causative suffixes in Turkish sometimes develop meanings that the corresponding non-causative verb does not have (e.g., *aldırmak*, the causative of *almak* 'take', also means 'to pay attention'). This should be treated as a diachronic process that results in new lexical items.
13. Note that *zastavit'* does not have a strictly causative meaning: it retains a connotation of coercion or force. Thus (13b) must be translated into Turkish as either *O beni zorla oturttu* (lit.) 'He caused me to sit down using force' or *O beni oturmağa zorlandı* 'He forced me to sit down', not simply as *O beni oturttu* (lit.) 'He sat me down' (*otur-t-mak* is the causative of *otur-mak* 'to sit'; see *Russko-tureckij slovar'* 1972:260).
14. In some languages the causative auxiliary in analytic constructions has turned into a causative suffix (bound morpheme), and its subject has then become an argument of the erstwhile complement (see discussion of Avarian in Nedyalkov and Silnitsky 1973:6).
15. See Mixajlov 1961 for a theory of Turkish voice where *-IL-* is assumed to be the passive morpheme, and its use in non-passive sentences is viewed as "voice aberration" (see note 9).
16. It might be claimed that verbs like *pastis'*, *spěšit'sja*, etc. (see (14) - (20)) are *basic* intransitives denoting simple, non-causative actions, and that causativization is a three-part operation involving: (i) introduction of a new subject NP with the semantic role of Indirect Agent; (ii) demotion of basic subject to direct object; and (iii) deletion of *-sja/-s'*. The most obvious problem with this approach is that it entails the claim that *-sja/-s'* has two opposite functions, i.e., it is *added* to transitive verbs to mark a decrease in valency (e.g. derived intransitives) and it is *removed* from verbs like *pastis'* etc. to mark an increase in valency when the verb is made transitive as past of causativization.

The possibility that the intransitive verbs in (14b) - (20b) are basic deserves serious consideration because my native speakers all feel that *spěšit'sja*, *prostudit'sja*, etc. are more "basic" than their counterparts *spěšit'* and *prostudit'*. This intuition should, I feel, be explained in terms of text frequency (i.e., *prostudit'sja* occurs far more

frequently than *prostudit'*, which is in fact quite rare), and not in terms deriving *prostudit'* from *prostudit'sja*, as suggested in the first paragraph of this note.

17. If the verbs in (14a) - (20a) had an inherently causative meaning, the corresponding derived intransitives (14b) - (20b) would also have to be causative as well.
18. In contrast, the paired lexical causative verbs (CAUS I) like *poit'* 'make drink', *usypľjat'* 'put to sleep' discussed above in 5.1 are *inherently causative*, i.e., the causative meaning is a permanent semantic property of the verb itself.
19. *Stroit'/postroit'* 'build' is an exception. Although building is not an activity that is carried out at a specialized location, the following sentence nevertheless receives a causative interpretation, i.e., *babuška* is interpreted as the Indirect Agent: *Babuška stroit sebe novyj dom* 'Grandmother is having a new house built for her.' If a locative expression is present, it *cannot* be interpreted as the Direct Agent, i.e., *Babuška stroit sebe novyj dom u soseda* can mean only 'Grandmother is having a new house built for her near the neighbor's', not 'Grandmother is having the neighbor built her a new house.'
If *babuška* is replaced by *plotnik* 'carpenter' - *Plotnik stroit sebe novyj dom* - the sentence is less likely to receive a causative interpretation because *plotnik* is far more likely than *babuška* to be understood as the Direct Agent. This demonstrates once again that the causative reading in Service Causatives cannot be associated exclusively with the verb's lexical meaning: the interpretation of the NP arguments plays an equally important role.
20. According to this analysis, it should be possible to use *sebja* in contrastive or emphatic Reflexive Causative constructions, but my native informants reject these sentences, e.g.: **Vsex detej ona lečit u znamenitogo vrača, a sebja net (a sebja lečit gde?)* 'She is having a famous doctor treat her children, but not herself (but where is she having herself treated?). I have no explanation for this fact.
21. It is far from obvious that this "regular grammatical process" should be syntactic (for discussion, see Babby 1981: note 14; Bowers 1981:11; Dowty 1982).
22. The non-inherent lexical causatives (CAUS III, IV, V) present a number of interesting linguistic problems that have only been touched on here. Most obvious are the semantic roles of Direct and Indirect Agent: should they be treated as semantic primitives, as I have in this article, or are their meanings contextually derived from the more basic role of simple agent? A related problem concerns the proper amount of semantic and syntactic information that a verb's lexical entry must contain about its subject NP. This is particularly important in the case of personal/impersonal pairs like (5) (see Babby 1975: 330 for discussion).

L I T E R A T U R E

- BABBY, L.H. 1975, A transformational analysis of transitive -sja verbs in Russian. *Lingua* 35, No.3/4, 297-332.
- BABBY, L.H. 1978, Participles in Russian: attribution, predication, and voice. *International Review of Slavic Linguistics* 3, No. 1/2, 5-25.
- BABBY, L.H. 1980a, *Existential sentences and negation in Russian*. Ann Arbor: Karoma Publishers.
- BABBY, L.H. 1980b, The syntax of surface case marking. *Cornell Working Papers in Linguistics*, No.1. Ithaca: Dept. of Modern Languages and Linguistics, Cornell University.
- BABBY, L.H. 1981. A compositional analysis of voice in Turkish: passive, derived intransitive, impersonal, and causative. *Cornell Working Papers in Linguistics*, No.2. Ithaca: Dept. of Modern Languages and Linguistics, Cornell University.
- BABBY, L.H. - R. BRECHT 1975, The syntax of voice in Russian. *Language* 51, 342-367.
- BOWERS, John 1981. *The theory of grammatical relations*. Ithaca: Cornell University Press.
- CHOMSKY, N. 1981, *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris Publishers.
- CHOMSKY, N. 1982, *Some concepts and consequences of the theory of government and binding*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- COMRIE, B. 1981, *Language universals and linguistic typology*. Chicago: Chicago University Press.
- DOWTY, D. 1982, Grammatical relations and Montague grammar. In: Jacobson, P. - G. Pullum (eds.), *The nature of syntactic representations*. Dordrecht: Reidel.
- GREEN, M. 1980, *On the syntax and semantics of impersonal sentences: A study of the sentence type vetrom uneslo lodku*. Cornell University dissertation.
- IVANOV, S.N. 1977, *Kurs tureckoj grammatiki*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- JAXONTOV, S. E. 1974, Formal'noe opredelenie zaloga. In: Xolodovič 1974.
- KNECHT, Laura, *Lexical causatives in Turkish*. Manuscript(1982).
- KONONOV, A.N. 1956, *Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo jazyka*. Moskva: Izd-vo AN SSSR.
- KONONOV, A.N. 1960, *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo jazyka*. Izd-vo AN SSSR.
- KOROLEV, E.I. 1969, O zalogax russkogo glagola. In: Vinogradov, V.V. (ed.), *Mysli o sovremennom russkom jazyke*. Moskva: Prosveščenie.
- LEES, R. 1973, Turkish voice. In: Kachru, B. (ed.), *Issues in Linguistics: Papers in Honor of Henry and Renée Kahane*. Urbana: University of Illinois Press.

- MEL'ČUK, I.A. - A.A. XOLODOVIČ 1970, K teorii grammatičeskogo zaloga. *Narody Azii i Afriki* No.4, 111-124.
- MIXAJLOV, M.S. 1961, K voprosu ob aberraciji zaloga v tureckom jazyke. In: Barxudarov, S.G. - N.A. Baskakov - A.A. Reformatskij (eds.), *Voprosy sostavlenija opisatel'nyx grammatik*. Moskva: Izd-vo AN SSSR.
- NEDYALKOV, V.P. - G.G. SILNITSKY 1973, The typology of morphological and lexical causatives. In: Kiefer, F. (ed.), *Trends in Soviet theoretical linguistics*. Dordrecht: Reidel.
- RUSSKO-TURECKIJ SLOVAR' 1972 (Compiled by E. M.-E. Mustafaev and V.G. Ščerbinin.) Moskva: Izd-vo Sovetskaja Enciklopedija.
- SIL'NITSKIJ, G.G. 1974, Glagol'naja valentnost'. In: Xolodovič 1974.
- UNDERHILL, Robert 1976. *Turkish grammar*. Cambridge, Mass: MIT Press.
- XOLODOVIČ, A.A. (ed.) 1969, *Tipologija kauzativnyx konstrukcij: morfoložičeskij kauzativ*. Leningrad: Nauka.
- XOLODOVIČ, A.A. (ed.) 1974, *Tipologija passivnyx konstrukcij: diatezy i zalogi*. Leningrad: Nauka.
- XRAKOVSKIJ, V.S. 1974, Passivnye konstrukcii. In: Xolodovič 1974.

Johann BIEDERMANN (Gießen)

ÜBER DIE TERMINI *USTOJČIVOST'* UND *IDOIMATIČNOST'* ;
REZEPTIONSVERSUCHE.

"... Doch was sprechen wir immer nur von mir! Sie sind also struktureller Linguist?"

"Ja."

"Eine interessante Arbeit?"

"Gibt es denn auch uninteressante Arbeit?"

"Ja natürlich. Und womit beschäftigen Sie sich speziell?"

"Mit Strukturanalysen. Aber ich möchte Sie daran erinnern, Saul, daß ich mich von allem Irdischen gelöst habe. Lassen Sie mich weiter von den Tachorgen erzählen."

...

"Was heißt das: sich davon gelöst haben? Denken Sie jetzt überhaupt nicht mehr an Ihre Arbeit?"

"Im Gegenteil. Ich denke die ganze Zeit daran. Ich denke immer an die Arbeit, mit der ich mich gerade beschäftige. ...Außerdem brauchen Sie mir nichts über das Wesen ihrer Arbeit zu erzählen, sondern über die äußere Form sozusagen. Sie kommen also zur Arbeit. Es ist ein gewöhnlicher Arbeitstag..."

"Schön. Ein Arbeitstag. Ich lege mich auf den Rechenautomaten und denke nach."

"Nanu. Warten Sie - auf den Rechenautomaten? Nun ja, ich verstehe. Sie sind Linguist, und Sie legen sich auf... Und was geschieht dann?"

"Ich denke eine Stunde lang nach. Eine zweite, dritte..."

"Und schließlich?"

"Fünf Stunden lang denke ich nach, aber es kommt nichts raus dabei. So steige ich denn wieder runter und gehe."

"Wohin?"

"Zum Beispiel in den Tierpark."

"In den Tierpark? Weshalb denn in den Tierpark?"

"Einfach so. Ich liebe Tiere."

"Nun ja, und die Arbeit?"

"Was soll damit sein! Ich komme am nächsten Tag wieder und denke erneut nach."

"Wieder fünf Stunden lang, und danach geht's abermals in den Tierpark?"

"Nein. Gewöhnlich kommen mir über Nacht irgendwelche Ideen, die ich dann am nächsten Tag nur zu Ende denke, worauf der

Automat streikt."

"So. Und dann gehen Sie in den Tierpark?"

"Was wollen Sie bloß immer mit dem Tierpark! Dann reparieren wir den Automaten. Und zwar bis zum nächsten Morgen."

"Na, und dann?"

"Dann geht der Alltag zu Ende, und die Feiertage fangen an. Allen quellen schier die Augen aus dem Kopf, jeder denkt: Gleich streikt der Automat wieder, und alle Arbeit war umsonst."

...

"...Woran arbeiten Sie denn zur Zeit?"

"An Bündeln isolierter Strukturen."

"Und wozu ist das notwendig?"

"Was heißt: wozu?"

"Nun, wer hat einen Nutzen davon?"

"Jeder, der daran interessiert ist. Zur Zeit wird ein Universaltranslator projektiert. Er muß isolierte Strukturen bündeln können."

Arkadij und Boris Strugackij, Fluchtversuch, in: Fluchtversuch, Berlin 1976:101-103.

I.A.Mel'čuk hat sich zu speziell phraseologischen Fragestellungen mehrfach geäußert. In der Phraseologieforschung werden jedoch vor allem folgende Beiträge berücksichtigt:¹

1. О терминах "устойчивость" и "идиоматичность", Вопросы языкознания 1960,4: 73-80 .
2. Обобщение понятия фразеологизма (морфологические фразеологизмы), в сб.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (тезисы докладов межвузовской конференции 30 мая - 2 июня 1965 г. Череповец), Вологда 1965: 13-14 .
3. Об одном классе фразеологических сочетаний (описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров), в сб.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968 г., Тула 1968: 51-65.

Für die Linguistik resp. die Phraseologieforschung scheint der Beitrag aus dem Jahr 1960 am wichtigsten zu sein; dies geht nicht zuletzt aus der in der Literatur nachweisbaren Diskussion der in diesem Beitrag enthaltenen Auffassungen und Thesen hervor. Es mag jedoch auch damit zusammenhängen, daß der Beitrag von 1968 in einem zwar oft zitierten Sammelband abgedruckt wurde, der Beitrag von 1960 jedoch in den "Вопросы языкознания", dem Forum für sprachbezogene Auseinandersetzungen in der Sowjetunion (vor allem in den vergangenen Jahrzehnten). Weiterhin hatte der Beitrag in den "Вопросы языкознания" zweifel-

los "Pilotcharakter" und war in seiner definitorischen und klassifikatorischen Tendenz richtungweisend für die Präzisierung von wesentlichen Begriffen und Faktoren aus dem Bereich der Phraseologie; der Beitrag in dem in Tula erschienenen Sammelband entwickelt diese Grundlegungen weiter und ist bereits eher Bestandteil des in der Entwicklung begriffenen "Smysl ↔ Text-Modells".

Nun gehört es zum Rezeptionsprozeß neuer wissenschaftlicher Konzeptionen, daß sie entweder gänzlich oder in Teilen akzeptiert oder abgelehnt werden, wobei eine Akzeptierung noch nicht die Übernahme bedeuten muß. Sie kann sich auch darauf beschränken, eine Idee oder deren stringente Darstellung zu honorieren, wobei die Formulierung ihrer Inpraktikabilität nicht auszuschließen ist. Zu Anfang einer Rezeptionsphase müßte man wohl davon ausgehen, daß es zunächst keine auseinanderdriftenden Bewertungsrichtungen im Sinne vorgefaßter Meinungen geben dürfte. Dies ist jedoch eine Idealforderung, die der Realität nicht standhält. Es existieren eben auch in der Linguistik so wesentliche grundsätzliche Unterschiede in den Auffassungen, daß sie sich auch durch eine zu fordernde Kompromißbereitschaft nicht relativieren lassen.

Im Verlauf einer Rezeptionsphase und vor allem am Ende, das nicht zuletzt von der Zeit und der sich weiter entwickelnden Wissenschaft wesentlich bestimmt wird, lassen sich die Rezipienten bei aller Vorsicht der Wertung in vier Lagern ansiedeln:

- a) im Lager der Zustimmenden,
- b) im Lager der Ablehnenden,
- c) im Lager der "Gemäßigten", der "Kompromißbereiten",
- d) im Lager der Indifferenten, der "nur" wissenschafts- oder konzeptionsgeschichtlich Beschreibenden.

Für die Gruppe a) kann gelten, daß sich die vorliegende neuartige Konzeption in das eigene Bild von bestimmten (hier) sprachlichen Erscheinungen einpassen läßt. Es kann sogar eine Bestätigung der eigenen Auffassungen erfolgen.

Die Gruppe b) lehnt aus ähnlichen Gründen diese Konzeption ab. Sie läßt sich nicht in eigene Vorstellungen einpassen bzw. es wird auf der Grundlage der eigenen Vorstellungen ihre Nicht-

stimmigkeit oder ihre Inpraktikabilität nachgewiesen.

Die Gruppe c) ist - in Einzelfällen trotz vorhandener gegenteiliger Auffassungen in Teilbereichen - zu Kompromissen bereit. Sie bezieht aus einer durchaus neuen und ungewohnten Konzeption Impulse und entwickelt diese - angereichert mit eigenem Gedankengut - weiter. Diese Kompromißbereitschaft ist also weder mit der Bereitschaft zu "faulen Kompromissen" noch mit der Tendenz zu "sklavischer Adaption" ohne Weiterentwicklung gleichzusetzen. Sie signalisiert eher die Bereitschaft zur Offenheit für neue Ideen.

Die Gruppe d) beschränkt sich darauf, Konzeptionen zu erfassen, zu beschreiben und in den Kontext mit anderen Auffassungen zu stellen, etwa im Sinne eines Forschungsberichts. Sie beschreibt, aber wertet nicht, wenn man eine immanente Wertung infolge der vergleichenden Darstellung außer acht läßt.

Mein Beitrag beschäftigt sich mit den Rezeptionsversuchen der phraseologiebezogenen Auffassungen I.A.Mel'čuks, wobei ich mich in der Darstellung v.a. auf den Beitrag von 1960 beziehe, auch aus den am Anfang in anderem Zusammenhang genannten Gründen.

Zunächst jedoch muß die Frage nach der Rezeption von - in unserem Fall - linguistischen Positionen selbst gestellt werden. Je nach Zugehörigkeit des Rezipienten zu einem der beschriebenen vier "Lager" werden sich auch die Rezeptionsversuche entwickeln. Die entsprechende Literatur wird aufgenommen, ihre sämtlichen Aussagen mit eigenen und anderen existierenden Vorstellungen verglichen, die Neuartigkeit ihrer Thesen einer Wertung unterzogen, deren immanente Stimmigkeit überprüft, die Schwachpunkte werden herausgefiltert und wohl auch die Stärke der eigenen Position für eine eventuelle Ablehnung bewertet. Die Gruppe a) wird in diesem Prozeß die geringsten Schwierigkeiten haben, da ja im besten Fall sogar eine Bestätigung eigener Auffassungen erfolgen kann. Die Gruppe b) geht - nach eingehender Prüfung in der beschriebenen Form - zur Ablehnung über und wird diese Ablehnung in präziser Weise darzustellen und zu begründen versuchen. Eine Ablehnung setzt - wenn sie nicht erneut einen Überlegungsprozeß hervorruft, was ja durch-

aus der Fall sein kann - zunächst einen Schlußpunkt. Gelingt es, die Ablehnung plausibel darzustellen, besteht durchaus die Möglichkeit, daß von einer vorgelegten Konzeption nur noch ein wissenschaftsgeschichtlicher Fakt übrig bleibt und die ablehnende Bewertung einen größeren Stellenwert in der einschlägigen Literatur erhält als die Ausgangsposition selbst.

Das Lager c) dürfte sich den größten Schwierigkeiten aussetzen. Es gerät in Gefahr, sich den Vorwurf der Richtungslosigkeit, der Positionsschwäche zuzuziehen, auch dann, wenn nur Teilerkenntnisse übernommen werden. Diese Gruppe wird also in der Regel nicht so weit gehen, eigene Positionen, sofern sie vorhanden sind, zugunsten anderer in Gänze aufzugeben.

Die Gruppe d) dürfte eigentlich keine Schwierigkeiten haben, soweit sie die vorgelegte Darstellung adäquat wiedergibt.

Auch auf die Gefahr hin, den kundigen Leser des vorliegenden Artikels mit seit langem und intensiv Bekanntem zu langweilen, scheint es mir aus Gründen der ad hoc Lesbarkeit des Beitrages erforderlich zu sein, in aller gebotenen Ausführlichkeit die wesentlichen Aussagen, Thesen und Einschränkungen des Beitrages von I.A.Mel'čuk aus dem Jahr 1960 zu referieren.

I.A.Mel'čuk betont bereits im ersten Absatz, daß es sich bei seinem Beitrag um eine Darstellung handelt, die in unmittelbarem Zusammenhang mit den Belangen und Erfordernissen der maschinellen Übersetzung steht, es sich also um einen linguistischen Artikel mit stark anwendungsorientierter Tendenz handelt. Hierdurch werden die von der Sprachwissenschaft resp. Phraseologieforschung bereits vorgelegten, wie er sagt "теоретические результаты" im Bereich der unfreien Verbindungen nicht außer Kraft gesetzt; es geht nur darum, für die Belange der maschinellen Übersetzung arbeitsfähige Definitionen zu finden, die im höheren Grade als die vorliegenden formal und präzise sind. In diesem Zusammenhang und nur in diesem versucht I.A.Mel'čuk adäquate Begriffsbestimmungen für die in der Phraseologie wesentlichen Termini "устойчивость" und "идиоматичность" zu liefern, wobei er gleichzeitig betont, daß diese für die allgemeine Sprachwissenschaft von Interesse sein können.

Ausgehend von der Feststellung, daß in als feste Verbindungen klassifizierten Einheiten bestimmte Komponentenkombinationen immer wieder auftreten, formuliert I.A.Mel'čuk folgende Definition des Begriffs "устойчивость":

Устойчивость сочетания относительно данного элемента измеряется вероятностью, с которой данный элемент предсказывает совместное появление остальных элементов сочетания (в определенном порядке относительно предсказывающего элемента).

Es ist zweckmäßig, bei der Feststellung der Festigkeit von deren höchstem Grad in einer Verbindung auszugehen, d.h. von der Komponente in einer Verbindung die Festigkeit zu bewerten, die eher die Vorhersage der übrigen Komponenten ermöglicht, als dies bei den anderen Komponenten (bzw. der anderen Komponente) der Fall ist (z.B. бить баклуши - hier ist das 'Meßwort' баклуши, da es außerhalb dieser Verbindung in keiner anderen Verbindung vorkommt und daher zu 100 % die Kombination бить баклуши garantiert). Die Festigkeit einer Verbindung beläuft sich im Gegensatz dazu auf 0, wenn entsprechende Elemente überhaupt nicht in einer bestimmten Verbindung vorkommen (z.B. sinnlose Verbindungen wie через над).

Die in dieser Form definierten spezifischen Daten aus der sprachlichen Realität sind über eine statistische Auswertung von Texten zu gewinnen (производятся наблюдения над случаями появления заданного элемента в тексте и отмечается, в скольких из этих случаев появляются все остальные элементы сочетания; при помощи этих данных теория вероятностей позволяет вычислить вероятность предсказания). In Quantität und Qualität befriedigende Ergebnisse sind allerdings nur durch den Einsatz der Computertechnik zu erreichen. Obwohl eine derartige Auswertung bisher nicht vorliegt, kann die vorgelegte Definition bereits Verwendung finden, indem man eine приблизительное определение вероятности zuläßt, die auf subjektivem Empfinden basiert oder mit einer vergleichsweise geringen Anzahl von Belegen operiert.

Das voraussagende Element in einer Verbindung kann aus mehreren Einheiten (im Bereich der Lexikologie in der Regel

Wörtern) bestehen, so daß z.B. in einer Verbindung wie выносить сор из избы auf der Grundlage eines Wortes die Vorhersage der übrigen nicht garantiert ist. Dies ist jedoch der Fall, wenn man выносить сор zum Ausgangspunkt macht.

Die vorgelegte Definition des Begriffs "устойчивость" gilt für alle Arten von Verbindungen: Verbindungen von Phonemen, Morphemen, Wortformen, Wörtern, Wortklassen.

Feste Verbindungen sind eine Art von unfreien Verbindungen. Alle festen Verbindungen sind unfrei, aber nicht alle unfreien Verbindungen haben einen hohen Grad an Festigkeit (z.B. то и дело).

Die Definition des Begriffs "идиоматичность" geht von der gängigen Auffassung der Idiome als in semantischer Hinsicht unteilbaren Verbindungen aus. Da jedoch weder für den Begriff "смысл (Sinn)" noch für den Begriff "значение (Bedeutung)" in formaler Hinsicht akzeptable Wertungen vorliegen, können beide nicht an einer formalen Definition des Begriffs Idiomaticität beteiligt werden. Als Grundlage der Definition dienen die Übersetzungsäquivalente, denn die переводные эквиваленты являются объективной реальностью для исследователя и вместе с тем они представляют собой достаточное приближение к "значению". Unter Übersetzungsäquivalenten werden sowohl die inner- als auch die zwischensprachlichen Äquivalente verstanden.

Ein weiterer Ausgangspunkt für die Definition ist die These, daß eine Verbindung "nur dann idiomatisch ist, wenn ihr Übersetzungsäquivalent nicht mit der Summe der Übersetzungsäquivalente ihrer Teile identisch ist" (Übers. von mir). Unmittelbare Vorbedingung für die Tragfähigkeit der Definition ist eine hinlängliche Anzahl von Texten und deren maximal adäquate Übersetzungen:

Сочетание является идиоматичным, если и только если в него входит хотя бы одно такое слово, которому при переводе сочетания в целом пришлось бы приписать переводный эквивалент, возможный для данного слова только при появлении этого слова одновременно со всеми остальными элементами сочетания (в определенном порядке), причем данное слово может встречаться также без остальных элементов и имеет тогда другой перевод.

Festigkeit und Idiomatizität sind voneinander unabhängige Wesensmerkmale von Verbindungen. Auf der Grundlage der vorgelegten Definitionen registriert I.A.Mel'čuk vier Typen von Verbindungen:

1. Feste idiomatische Verbindungen: бить баклуши, краеугольный камень, у черта на куличках;
2. Feste nichtidiomatische Verbindungen: беспросыпное пьянство, вопиющая справедливость, не видать ни зги;
3. Nichtfeste idiomatische Verbindungen: была не была, как ни в чем не бывало, как пить дать, под мухой;
4. Nichtfeste nichtidiomatische Verbindungen: dies sind die sogenannten freien Verbindungen (белая стена, быстро ехать), sowie eine Reihe unfreier Verbindungen, sogenannte Mehrworttermini (дифференциальные уравнения, органическое соединение).

Die nachfolgende Darstellung der Rezeptionsversuche dieser für die Phraseologieforschung wesentlichen Thesen und Begriffsdefinitionen basiert auf Veröffentlichungen, die in der Sowjetunion, der DDR und der Bundesrepublik erschienen sind. Aus der Vielzahl möglicher auswertbarer Zeitschriften wurden die "Вопросы Языкознания" (Jg.1960-1982), die "Известия АН СССР. Серия литературы и языка" (Jg.1960-1982), der "Вестник Ленинградского Университета. История. Язык. Литература" (Jg.1972-1982), die "Zeitschrift für Slawistik" (Jg.1960-1982) und die "Zeitschrift für Slawische Philologie" (Jg.1960-1981) ausgewählt. Vollständigkeit in der Beschreibung der Rezeptionsversuche wird nicht angestrebt und ist sicherlich auch kein Maßstab für die Darstellung der Aufnahme neuer Positionen in die wissenschaftliche Literatur. Natürlich ist anzunehmen, daß in weiteren, hier nicht zitierten Veröffentlichungen auf die Positionen I.A.Mel'čuks Bezug genommen wird, das Spektrum der hier dargestellten Rezeptionsversuche dürfte dadurch jedoch nicht wesentlich erweitert werden. Es wäre denkbar, auch auf die Literatur zu verweisen, die die Konzeptionen I.A.Mel'čuks aus welchen Gründen auch immer nicht berücksichtigt, aus ökonomischen Gründen habe ich darauf verzichtet.

Ich werde im folgenden die wesentlichen Stellen aus der verwendeten Literatur sinngemäß oder im Wortlaut wiedergeben, die Zahlen in den Klammern sind Seitenangaben.

1. Sowjetunion

In den VJa erscheinen von 1960 - 1982 15 Artikel zu Fragen der Phraseologie und 11 Rezensionen. In drei Beiträgen wird auf die Positionen I.A.Mel'čuks Bezug genommen. Es sind dies KOTELOVA 1965, AMOSOVA 1966 und ŽUKOV 1967.

Der Artikel von Kotelova beschäftigt sich mit den Auffassungen von der "сочетаемость слов", wie sie von I.A.Mel'čuk, Ju.D.Apresjan und L.N.Iordanskaja publiziert wurden. Sie verdienen nach Kotelova das Interesse der Sprachwissenschaft sowohl wegen der in ihnen enthaltenen Hypothesen, als auch wegen ihrer ökonomischen Darstellung, in Gänze jedoch erweisen sich die "содержащиеся в них описания и построения...недостаточно продуктивными" (53). Als wesentliches Merkmal für die von den Autoren angestrebte objektive Beschreibung erkennt Kotelova die Ablehnung des Begriffs der Bedeutung als Kategorie.

И.А.Мельчук строит определение идиоматичности, не упоминая о значении, и определяет идиоматичные сочетания относительно их переводных эквивалентов, взятых из реальных текстов переводов. Если при распределении перевода по элементам сочетания в последнем окажется хотя бы одно слово с единичным переводом, сочетание признается идиоматичным⁴.

⁴И.А.М е л ь ч у к не делает ни одного эксперимента подобного рода из-за отсутствия средств автоматического отбора переводов и сам пользуется внутриязыковым, причем собственным переводом. Тем самым в работе допускается крайний субъективизм, собственная оценка значений. (54)

Weiterhin ist Kotelova der Meinung, daß die Autoren ihrem eigenen Anspruch auf Objektivität in der Beschreibung nicht genügen:

И.А.Мельчук пишет: "Попытаемся определить т е р м и н ы (здесь и ниже разрядка наша. - Н.К.) "устойчивость" и "идиоматичность". ...Если рассматривать различные сочетания каких-либо элементов, е с т е с т в е н н о называть устойчивым такое сочетание определенных элементов, в котором эти элементы встречаются гораздо чаще, чем в других сочетаниях". Прежде всего автор исходит здесь из термина, который в связи с его конвенциональностью может связываться с разными понятиями. По-видимому, было бы целесообразнее определять само явление исходя, например, из потребностей или машинного перевода, или теоретиче-

ского языкознания. Кроме того, объективной постановке вопроса способствовало бы выяснение определенного места термина в системе понятий данной науки, учет классификации изучаемых сочетаний или хотя бы понятий, соотносительных с данным понятием, и т.д. Далее. Утверждение "естественно называть..." - субъективно; такой субъективности не допускает традиционное языкознание, вооруженное, как представляется авторам рассматриваемых работ, только интуицией. (57)

Auch die Auswahl und die Verwendung des Materials genügen nach Kotelova nicht dem Anspruch auf Objektivität:

Так, в работе об устойчивости и идиоматичности И.А. Мельчук использует материал, выбранный из источников, которые им не указаны, и произвольно его интерпретирует. (58)

Weiter:

Основное в данной работе положение - о независимости устойчивости и идиоматичности - оказалось не подтвержденным ни одним примером. (58)

Zur Kritik Kotelovas führt M.M.Kopylenko (KOPYLENKO 1973) folgendes aus:

Отделить устойчивость от идиоматичности попытался И.А. Мельчук¹. Согласно мнению И.А.Мельчука, устойчивость и идиоматичность совершенно независимые друг от друга понятия².

¹И.А.М е л ь ч у к. О терминах "устойчивость" и "идиоматичность". "Вопросы языкознания", 1960, № 4. См. более раннюю попытку разграничить "устойчивость" (т.е. воспроизводимость) и "неразложимость" (т.е. идиоматичность в нашем понимании) в докладе Л.И.Р о й з е н з о н а "Некоторые вопросы теории фразеологии" (Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава. Филологический факультет. Самарканд, 1957).

²Это положение справедливо критикуется в статье Н.З. К о т е л о в о й "О применении..... Но автор, с нашей точки зрения, не достигает успеха в своем стремлении полностью опровергнуть применяемые И.А.Мельчуком, Ю.Д.Апресяном и другими исследователями методы описания сочетаемости лексем. Критический анализ ведет лишь к усовершенствованию и уточнению этих методов. (24)

Auch Amosova unterzieht die Konzeptionen I.A.Mel'čuks einer herben Kritik (AMOSOVA 1966: 70-72). Der Artikel über die Termini "устойчивость" und "идиоматичность" sei bei seinem Erscheinen von vielen Phraseologen zwar zunächst positiv aufgenommen worden, schnell aber habe sich Enttäuschung eingestellt.

Стало ясно, что, если для практики машинного перевода в предложениях автора и есть что-то полезное (не будучи специалистом в области МП, я судить о степени этой пользы не могу), то для фразеологической теории они неприменимы. (71)

Sie setzt ihre Kritik ähnlich wie Kotelova am Einbezug des Sprachempfindens an, d.h. am Einbezug der Intuition bei einer vom Autor selbst geforderten Objektivität in der Beschreibung. Hierbei handelt es sich um die einschränkenden Anmerkungen I.A.Mel'čuks, daß die Definition des Begriffs "устойчивость" auch bei noch nicht vorliegender statistischer Auswertung von Texten Verwendung finden kann, wenn man eine "приблизительное определение вероятности" zuläßt, die auf subjektivem Empfinden basiert oder mit einer vergleichsweise geringen Anzahl von Belegen operiert. Insofern sei nach Amosova die Technik I.A.Mel'čuks nicht präziser als die Verfahren, die von anderen Phraseologen in der Sowjetunion angewandt werden. Sie bestätigt I.A.Mel'čuk zwar die immanente Stimmigkeit der Definition der beiden Begriffe, kommt jedoch zu einer ablehnenden Bewertung:

Однако заманчивая перспектива столь простыми весами взвешивать устойчивость и идиоматичность сочетаний на деле оказывается миражем. Единичный перевод - внутриязыковая перифраза - это условный прием, который с таким же основанием и с такими же результатами может быть применен и к неидиоматичному и неустойчивому сочетанию, всецело принадлежащему индивидуальному речевому акту и не имеющему отношения к фразеологическому фонду языка. (71)

V.P.Žukov beschränkt sich in seiner referierenden Darstellung auf den Vermerk, daß einige Sprachwissenschaftler den Begriff "устойчивость" im Zusammenhang mit der Vorhersagbarkeit der Komponenten auf lexikalischer Ebene interpretieren und zitiert hierbei MEL'ČUK 1960 und KOPYLENKO 1967 (ŽUKOV 1967: 109).

Die "Известия АН СССР. Серия литературы и языка" publizieren von 1960 - 1982 (der Jahrgang 1961 konnte von mir leider nicht eingesehen werden) 9 Beiträge zur Phraseologie, hinzu kommen 3 Rezensionen. Nur JANKO-TRINICKAJA 1969: 429 nimmt in einer Anmerkung Bezug auf I.A.Mel'čuk.

Im "Вестник Ленинградского Университета. История. Язык. Литература" erscheinen von 1972 - 1982 (die vorhergehenden Jahrgängen standen mir nicht zur Verfügung) 9 phraseologieorientierte Aufsätze und eine Rezension, die Konzeptionen I.A.Mel'čuks finden keine Erwähnung.

In einer früheren als der bereits zitierten Stellungnahme formuliert Amosova bereits ihre Bedenken hinsichtlich der Verwertbarkeit der von I.A.Mel'čuk vorgelegten Definitionen der Begriffe "устойчивость" und "идиоматичность" in der Phraseologie. Sie geht hierbei vom bedingten Charakter linguistischer Überlegungen im Zusammenhang mit der maschinellen Übersetzung aus.

Современное структуральное и дескриптивное языкознание специально не занимается фразеологическими явлениями. Некоторое внимание им уделяют специалисты по машинному переводу. В силу особого характера конечных задач их работ в данной области - технических проблем программирования текста на определенном входном языке для его механического перевода на определенный же выходной язык - их предварительные решения в интересующей нас области не могут быть использованы как теоретическая основа фразеологии.⁴⁴ Однако формализация критериев фразеологических явлений, исключение субъективно-психологического подхода к этим явлениям - это, действительно, важнейшие условия для развития фразеологии как науки.

44

См.: I. V a r - H i l l e l, Idioms. Сб. "Machine Translation of Languages", ed. by W.N.Locke & A.D.Booth. New York - London, 1955, pp.186, 189, 192; И.А.М е л ь ч у к. О терминах "устойчивость" и "идиоматичность". ВЯ, 1960 № 4.

(AMOSOVA 1963: 19)

Sie referiert weiterhin an anderer Stelle die beiden Definitionen und kommt zu dem Schluß, daß

эта концепция, возможно, позволит разработать способ условного кодирования единиц постоянного контекста для машинного перевода. Но ее сугубо условный характер не обеспечивает глубокого лингвистического проникновения в сущность фразеологических явлений. (112)

Auch V.L.Archangel'skij kommt zu einer ablehnenden Bewertung der Auffassungen I.A.Mel'čuks:²

Ошибочно положение, что устойчивость и идиоматичность - это совершенно независимые свойства сочетаний. На самом деле идиоматичность - это частный случай устойчивости фразеологических единиц. Все идиоматические сочетания являются устойчивыми не только по форме содержания,

но и по форме выражения: на семантическом уровне между их членами наблюдаются отношения взаимозависимости или детерминации, что создает непроизводность или производность их глобального неразложимого значения. На морфологическом уровне они имеют ограничения в выборе переменных, на синтаксическом уровне между их членами утрачены в той или иной мере синтаксические отношения; правда, на лексическом уровне между их членами наблюдаются отношения совмещения. Но последнее обстоятельство не дает оснований объявлять их неустойчивыми. Ведь устойчивость фразеологической единицы проверяется на всех четырех уровнях; кроме того, иногда приходится учитывать данные морфемного словообразующего и фонетического уровня. Устойчивость фраземы или устойчивой фразы устанавливается на всех указанных уровнях по совокупности.

Понятие идиоматичности, безусловно полезное для задач машинного перевода с одного языка на другой, с точки зрения излагаемой теории является излишним.
(ARCHANGEL'SKIJ 1964: 115)

Archangel'skij vertritt jedoch trotz dieser Ablehnung in Teilbereichen die Wichtigkeit der von den Theoretikern der maschinellen Übersetzung geleisteten Arbeit und verweist hierbei insbesondere auf die Ideen I.A.Mel'čuks.

Важное прикладное и теоретическое значение имеют работы, авторы которых используют идеи И.А.Мельчука (3) и методику описания фразеологических объектов, удовлетворяющую потребностям машинного перевода. Это направление фразеологических исследований активно развивается. Теоретический интерес представляет попытка И.А.Мельчука расширить понимание фразеологии как раздела языкознания. По его мнению, фразеология есть наука, изучающая идиоматику сочетаемости лингвистических единиц на всех уровнях языковой структуры. Однако использование термина "фразеология" в непривычном значении создает трудности для развития этой дисциплины.

Большой опасностью для развития этого направления является игнорирование специфики фразеологического значения и замена фразеологического оборота в данном языке значением его переводного эквивалента в другом языке. Хотя переводные эквиваленты в двух языках и являются объективной реальностью, однако они не адекватны по значению. Субъективизм в выборе переводного эквивалента и неизбежный произвол в механическом уравнении по значению двух эквивалентов в разных языках очевидны.

(3) См.: И.А.М е л ь ч у к. О терминах "устойчивость" и "идиоматичность". "Вопросы языкознания", 1960, № 4; е г о ж е. Обобщение понятия фразеологизма. В сб.: "Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе". Вологда, 1965

(ARCHANGEL'SKIJ 1968: 76)

M.M.Kopylenko referiert mehrfach eingehend die Positionen I.A.Mel'čuks. Insgesamt kommt er eher zu einer positiven Bewertung, wenngleich dies nicht immer ganz deutlich wird. In KOPYLENKO 1964 wird die Konzeption I.A.Mel'čuks zur Idiomaticität in engem Zusammenhang mit den Auffassungen I.Bar-Hillels beschrieben und überprüft.

Die von I.A.Mel'čuk formulierte Auffassung von der Unabhängigkeit der Begriffe "устойчивость" und "идиоматичность" voneinander teilt Kopylenko offensichtlich nicht (vgl.KOPYLENKO 1973: 24 Anm.2), ebenso steht er dem Verfahren der statistischen Auswertung von Texten zum Zwecke der Datensammlung kritisch gegenüber:

Обследование текстов - длительный процесс, в результате которого отдельные аспекты изучаемого явления могут не получить освещения.
(KOPYLENKO 1973: 36)

V.N.Teliija steht den Ansichten I.A.Mel'čuks weitgehend positiv gegenüber. Sie werden von ihr ausführlich und im Zusammenhang mit anderen Konzeptionen referiert. Wesentlich sind auch ihre Ausführungen zur Verwertbarkeit von Ideen, die eigentlich aus dem Bereich der maschinellen Übersetzung stammen:

Иногда считают, что определения, сформулированные для целей машинного перевода, не могут быть использованы для теории фразеологии. Конкретные алгоритмы - это действительно специфичные правила автоматического анализа (или синтеза). Но в основе каждого алгоритма лежат результаты исследования самого языка, ибо теория лингвистики - одна. Определение Бар-Хиллела построено с учетом того, что лежит в основе межъязыковой идиоматичности, а именно - характер отклонения от выбранных эквивалентов. Предполагается, что последние отображают факты системы языка.

Именно эта посылка - несистемный характер компонентов, присущий фразеологизмам определенного типа, - лежит в основе определения внутриязыковой идиоматичности, предложенного И.А.Мельчуком.

(TELIJA 1966: 49-50)

Die Definition der Idiomaticität von I.A.Mel'čuk findet kaum eingeschränkte Zustimmung:

Это определение имеет чисто синхронический аспект и, обладая четкостью формулировки, содержит, на наш взгляд, глубокий теоретический смысл.

....

Определение идиоматичности, данное И.А.Мельчуком, признается не всеми фразеологами. Главный недостаток его усматривают в том, что оно имеет якобы узкоприкладной характер. Однако автора можно упрекнуть лишь за то, что высказанная им идея структурной идиоматичности не нашла отражения в определении, которое оперирует лишь фактами лексического уровня языка.
(TELIJA 1966: 50-51)³

2. DDR

In der "Zeitschrift für Slawistik" erscheinen von 1960 - 1982 17 Beiträge zur Phraseologie (zu einem geringen Teil sind Übersetzungen aus dem Russischen darunter) und 11 Rezensionen (vor allem von phraseologischen Wörterbüchern). Die Konzeptionen I.A.Mel'čuks werden in diesen Beiträgen nicht berücksichtigt, wenn man von einer kurzen Notiz in BÖHME 1977: 677 Anm.25 einmal absieht.

Thea Schippan rechnet I.A.Mel'čuk zu den Linguisten, die "Pionierarbeit bei der Untersuchung der Phraseologie" in der Sowjetunion leisteten (neben M.D.Stepanova, I.I.Černyseva, N.N.Amosova, V.V.Vinogradov, D.N.Šmelev, N.M.Šanskij) (SCHIPPAN 1975: 122).

In dem Sammelband "Aktuelle Probleme der Phraseologie", der anlässlich einer Konferenz in Leipzig 1976 erschien, werden die Auffassungen I.A.Mel'čuks von mehreren Autoren einbezogen, so von H.Engelke, U.Böhme, I.Ohnheiser, E.Crome.

H.Engelke verweist auf die Interpretation des Begriffs Festigkeit (hier: Stabilität) durch I.A. Mel'čuk:

Erwähnenswert ist, daß I.A.Mel'čuk in seinem stark beachteten Aufsatz zu Fragen der Idiomatität und Stabilität phraseologischer Wendungen die theoretisch fundierte Begründung für die bis dahin meist nur empirisch motivierte Stabilität phraseologischer Verbindungen lieferte.⁶

⁶ Nach I.A.MEL'ČUK wird die Stabilität einer Wortverbindung hinsichtlich eines gegebenen Elements gemessen an der (prozentual bestimmbaren) Wahrscheinlichkeit, mit der das gegebene Element das gleichzeitige Auftreten der übrigen Elemente dieser Verbindung voraussagt. Vgl. I.A. MEL'ČUK. O terminach "ustojčivost'" i "idiomatičnost'". "Voprosy jazykoznanija", Moskva 1960, No.4,73.
(ENGELKE 1976: 109,116)

U.Böhme verweist in seiner Darstellung der "Beständigkeit" und "Idiomatizität" ebenfalls auf die Konzeption I.A.Mel'čuks:

Die Begriffe Beständigkeit und Idiomatizität sind verschiedene, jedoch auch eng miteinander verbundene Eigenschaften von Lexemverbindungen. Sie beleuchten ein und denselben Gegenstand von verschiedenen Seiten. Ihre Verschiedenartigkeit erfordert unterschiedliche Untersuchungsmethoden. Nach M.M.KOPYLENKO und I.A.MEL'ČUK wird die Beständigkeit primär als eine quantitative Erscheinung bestimmt, die sich in den Begrenzungen der Verknüpfbarkeit der Lexeme äußert. Sie kann durch statistische Untersuchungen von Texten erfolgen oder durch die Arbeit mit muttersprachlichen Informanten.
(BÖHME 1976: 89)

I.Ohnheiser befaßt sich mit I.A.Mel'čuk unter dem Aspekt der Wortbildung:

4. Befaßt sich MEL'ČUK mit Wörtern und WV, deren formale Ganzheitlichkeit und semantische Gegliedertheit in keiner Beziehung zueinander stehen. Erfafßt dieser Vergleich jedoch schon alle Gemeinsamkeiten und Unterschiede? Es scheint uns darüber hinaus interessant zu untersuchen, in welchem Maße die für die verschiedenen Arten von WV so wesentlichen Kriterien der Beständigkeit/Stabilität (*ustojčivost'*) und Idiomatizität (*idiomatičnost'*), die ebenfalls von MEL'ČUK herausgearbeitet wurden, auch auf die WB bezogen werden können.

Die Beständigkeit einer Verbindung in bezug auf ein bestimmtes Element wird nach MEL'ČUK an der "Wahrscheinlichkeit gemessen, mit der das betreffende Element das Auftreten der übrigen Elemente der Verbindung mit ihm voraussagt." - Für eine solche Untersuchung müßte man in der WB von den Bildemitteln ausgehen, die jedoch hier nicht die konkrete Realisierung der noch vorhandenen Elemente, also der Bildestämme, voraussagen, sondern nur deren allgemeine grammatisch-semantische Charakteristik.

....

Das Problem der Idiomatizität ist bei abgeleiteten Wörtern weitaus schwieriger zu bestimmen, wenn man die Kriterien MEL'ČUKs hier konsequent anwenden wollte: "Сочетание идиоматично только тогда, когда его переводный эквивалент не совпадает с суммой переводных элементов его частей."
(OHNEISER 1976: 75-76)⁴

E.CROME äußert Bedenken hinsichtlich der Praktikabilität der Bestimmung der "устойчивость", wie sie I.A.Mel'čuk formuliert:

²Die von I.A.MEL'ČUK vorgeschlagene absolute Bestimmung der Stabilität von Wortverbindungen als hoher Wahrscheinlichkeit des gemeinsamen Vorkommens von Wörtern scheint uns wegen ihrer Eindimensionalität wenig brauchbar zu sein. Vgl. И.А.МЕЛЬЧУК. О терминах "устойчивость" и "идиоматичность". In: Вопросы языкознания 1960, № 4, с.73 и сл. Wir verstehen Stabilität funktionell, d.h.als das sich wiederholende Miteinander-Vorkommen lexikalischer Einheiten unter Berücksichtigung eines semantischen

Resultats. In diesem Sinne ist z.B. *остаться с носом* durchaus stabil, nach MEL'ČUKS Bestimmung jedoch nicht. (CROME 1976: 46-47 Anm.2)

Die Autoren des vierten Bandes der Hochschullehrbuchreihe "Russische Sprache der Gegenwart" (Band: Lexikologie) übernehmen die Definition Mel'čuks des Begriffs Festigkeit (von ihnen Beständigkeit oder Stabilität genannt), erweitern sie jedoch um die von E.Crome geforderte funktionelle Orientierung. Sie referieren weiterhin ausführlich die Auffassung I.A.Mel'čuks von der Idiomatizität und verweisen auch auf die geforderte Trennung der Begriffe "устойчивость" und "идиоматичность" voneinander.

Stabilität und Idiomatizität sind nach I.A.Mel'čuk voneinander unabhängige Eigenschaften, die Verbindungen von Wörtern in verschiedenen Kombinationen aufweisen können. Er unterscheidet:

- a) stabile idiomatische Verbindungen: *точить лысы* 'schwätzen';
- b) stabile nichtidiomatische Verbindungen: *заклятый враг* 'Erzfeind';
- c) instabile idiomatische Verbindungen: *подложить свинью* 'jem. reinlegen';
- d) instabile nicht idiomatische Verbindungen: *белая бумага*.

Die Gruppen a,b,c enthalten Verbindungen, die phraseologische Wendungen darstellen. Es ist also zumindest die Präsenz eines der beiden Merkmale (Stabilität oder Idiomatizität) erforderlich, um von Phraseologismen sprechen zu können. Die Gruppe d) ist als Bereich der freien Wortfügungen zu charakterisieren; denn hier treten die beiden erwähnten Merkmale nicht auf.

Diese Ansicht über den relativen Charakter jedes einzelnen der erwähnten Merkmale stimmt einerseits überein mit einer Tendenz der Durchbrechung der Stabilität durch die Varianz ..., andererseits trägt sie der Tatsache Rechnung, daß der Grad der Idiomatizität bei den verschiedenen Wendungen, die im Bereiche der Phraseologie betrachtet werden, verschieden sein kann.

(LEXIKOLOGIE 1978: 208-210)

3. Bundesrepublik

Die "Zeitschrift für Slavische Philologie" publiziert von 1960 - 1981 keinen Beitrag zu Fragen der Phraseologie, wenn man von PLÄHN 1978 absieht.

LIPKA 1972 referiert kurz die Meinung I.A.Mel'čuks von der Idiomatizität ('idiomaticity') und Festigkeit ('stability of collocation') und deren Unabhängigkeit voneinander.

Weiterhin registriert er die vier Gruppen von Verbindungen. In einer späteren Veröffentlichung beschäftigt sich L.Lipka eingehender mit I.A.Mel'čuk:

Aus der Zahl der vielen sowjetischen Linguisten, die hier erwähnt werden könnten, seien nur zwei herausgenommen. Die eine von beiden ist Amosova, die sich in ihrem Buch "Osnovy anglijskoj frazeologii" - "Grundlagen der englischen Phraseologie" - speziell mit dem Englischen beschäftigt hat. Der andere Forscher, Mel'čuk, wurde deshalb hier aufgenommen, weil er in seinem Aufsatz "O terminach 'ustojčivost' i 'idiomatičnost'" - "Zu den Termini 'Stabilität' und 'Idiomatizität'" - grundlegende theoretische Fragen der Idiomatizität und der sprachlichen Stabilität erörtert hat.
(LIPKA 1974: 274)

Mel'čuk, der klar zwischen der Stabilität einer Kollokation und der Idiomatizität unterscheidet, benutzt die kontextuelle semantische Beschränkung eines Lexems als Kriterium zur Definition von Idioms. Diese Einzigartigkeit einer Unterbedeutung wird mit Hilfe eines Übersetzungsäquivalents festgestellt, welches auch einsprachig sein kann, d.h. in einer Paraphrase vorkommt.

...
Mel'čuk trennt Stabilität der Kollokation von der Idiomatizität, eine Unterscheidung, die auch von Amosova, Weinreich und Fraser anerkannt wird.
(LIPKA 1974: 278,283)

Kürzere Verweise finden sich in ROTHKEGEL 1973 und BURGER/JAKSCHE 1973. A.Rothkegel verweist nur auf die "Stabilität der Kollokation" in der Definition Mel'čuks (ROTHKEGEL 1973: 39), H.Burger und H.Jaksche vermerken den distributionellen Ansatz in der Arbeit Mel'čuks:

...ist es wenig wahrscheinlich, daß sich "exakte" Verfahren zur Auffindung und Klassifizierung von Phraseologismen entwickeln lassen. Ein solches exaktes Verfahren wäre z.B. eine *d i s t r i b u t i o n e l l e A n a l y s e*. Man kann versuchen, die Begriffe "fest" ("stehend") operationalisierbar zu machen, d.h. sie in Verfahrensweisen einer Distributionsanalyse zu interpretieren (einen solchen Versuch hat Mel'čuk gemacht).
(BURGER/JAKSCHE 1973:8)

Während sich K.D.Pilz (PILZ 1978, PILZ 1981) auf einige kurze Verweise auf I.A.Mel'čuks Konzeptionen beschränkt, beschäftigt sich H.Thun (THUN 1978) ausführlich und bis ins Detail gehend unter der Überschrift "Distributionell-statistischer Neuansatz (I.A.Mel'čuk)" mit ihnen. Die Definitionen der beiden Begriffe "устойчивость" und "идиоматичность" werden

in deutscher Übersetzung wiedergegeben. Thun analysiert die Thesen und Interpretationen I.A.Mel'čuks in engem Zusammenhang mit den Konzeptionen anderer Linguisten in der Sowjetunion (V.V.Vinogradov, N.M.Šanskij, A.M.Babkin, S.I.Ožegov, V.N.Telija, N.N.Amosova, V.L.Archangel'skij, I.I.Černyseva). Seine Wertung sieht folgendermaßen aus:

Unter den Ansätzen in der Nachfolge Vinogradovs sind diejenigen von Mel'čuk, Amosova und Archangel'skij zweifellos am interessantesten.

....

Mit der Konzeption des "einmaligen Übersetzungsäquivalents" überträgt Mel'čuk den Gedanken Vinogradovs, daß nicht-freie Elemente in "phraseologischen Verbindungen" eine besondere, "phraseologisch gebundene Bedeutung" hätten, auf alle FWG (= fixierte Wortgefüge) mit semantischen Besonderheiten.

Der Gewinn an Objektivität läßt sich bezweifeln. Die bei der Bestimmung der Idiomatizität ausdrücklich erlaubte Willkür hinsichtlich der Aufteilung und Zuordnung des einmaligen Übersetzungsäquivalents führt nämlich u.U. zu widersprüchlichen Ergebnissen.

....

Das allgemeine Problem ist: Wie kann über die Adäquatheit eines Übersetzungsäquivalents entschieden werden? Mel'čuk macht über dieses Problem, das, bei anderen Autoren, dem der Angemessenheit der Paraphrase entspricht, keine Angaben.

Es ist Mel'čuks Ziel, die ihm bekannten Bedeutungsbestimmungen, die er für unpräzise hält, überflüssig zu machen. Wie H.Burger zu recht bemerkt, ist aber Mel'čuks Methode überhaupt nicht anwendbar ohne ein semantisches und syntaktisches Vorwissen⁹⁷, denn sowohl zur Feststellung der Fixiertheit als auch des idiomatischen Charakters ist es ja nötig zu wissen, ob die Komponente eines FWG und ein frei vorkommendes Wort identisch sind.

⁹⁷Idiomatik des Deutschen, S.10.

....

Daß Idiomatizität und Fixiertheit voneinander vollkommen unabhängige Eigenschaften seien, bezweifelt Archangel'skij m.E. zu recht.

(THUN 1978: 126,127)

Eine eingehende Analyse der Auffassungen I.A.Mel'čuks liegt auch mit EISMANN 1979 vor. Sie unterscheidet sich von den meisten anderen Darstellungen in einem, jedoch wesentlichen Punkt. W.Eismann ist bemüht, die phraseologieorientierten Auffassungen I.A.Mel'čuks in enger Verbindung mit den Ideen zur Verbindbarkeit von Wörtern im Rahmen des "Smysl ↔ Text"-Modells zu beschreiben. Dies scheint mir auch der einzig gangbare Weg für eine Rezeption zu sein: die komplexe Analyse

der Arbeiten der Mitglieder der ehemaligen Forschungsgruppe um I.A. Mel'čuk, Ju.D. Apresjan und A.K. Žolkovskij.

Der Beitrag soll nicht ohne ein persönliches Wort enden. Ich möchte Igor' Mel'čuk an dieser Stelle für viele Anregungen danken, die ich in persönlichen Gesprächen und aus seinen Publikationen erhielt. Sie sind wesentlicher Bestandteil eigenen linguistischen Denkens geworden.

A N M E R K U N G E N

1. Berücksichtigung finden müßten natürlich auch vor allem die Arbeiten zur "сочетаемость слов" (s. die Bibliographie der Arbeiten I.A.Mel'čuks in MEL'ČUK 1976).
2. Bei ARCHANGEL'SKIJ 1964 und ARCHANGEL'SKIJ 1968 scheint es sich um Arbeiten von zwei Personen zu handeln (s.V.A. Archangel'skij bzw. V.L.Archangel'skij) und nicht um eine Verschreibung des Namens einer Person. Der Leser möge diese Möglichkeit berücksichtigen.
3. V.N.Telija nennt in dem an Anfang des Zitats genannten Zusammenhang die Phraseologen: N.N.Amosova, V.L.Archangel'skij, A.V.Kunin, I.I.Černyseva.
4. Bei I.A.Mel'čuk steht: ...переводных эквивалентов...

L I T E R A T U R

- AMOSOVA 1963 - Н.Н.Амосова. Основы английской фразеологии. Ленинград 1963
- AMOSOVA 1966 - Н.Н.Амосова. Современное состояние и перспективы фразеологии. Вопросы языкознания 1966,3:65-72
- ARCHANGEL'SKIJ 1964 - В.Л.Архангельский. О понятии устойчивой фразы и типах фраз. В сб.: Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Москва-Ленинград 1964:102-125
- ARCHANGEL'SKIJ 1968 - В.А.Архангельский. Методы фразеологического исследования в отечественном языкознании /60-е годы XX в./. В сб.: Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. Ростов 1968:75-96
- BÖHME 1977 - U.Böhme. Zur Frage der Bildung von Phrasemen in der russischen Sprache. Zeitschrift für Slawistik 22,1977: 671-678
- BÖHME 1976 - U.Böhme. Zur Frage der Verbindbarkeit der Lexeme in der russischen Sprache der Gegenwart. In: Aktuelle Probleme der Phraseologie. Leipzig 1976:84-92

- BURGER/JAKSCHE 1973 - H.Burger unter Mitarbeit von H.Jaksche. Idiomatik des Deutschen. Tübingen 1973
- CROME 1976 - E.Crome. Zum semantischen Status der Bestandteile stabiler Wortverbindungen (am Material des Russischen). In: Aktuelle Probleme der Phraseologie. Leipzig 1976:36-48
- EISMANN 1979 - W.Eismann. Phraseologie und Russischunterricht in der Sowjetunion. Die Neueren Sprachen 78,1979,6:555-572
- ENGELKE 1976 - H.Engelke. Verben mit phraseologisch gebundener Bedeutung im Russischen. In: Aktuelle Probleme der Phraseologie. Leipzig 1976:108-117
- JANKO-TRINICKAJA 1969 - Н.Янко-Триницкая. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. Известия АН СССР. Серия лит. и языка 1969,5:429-436
- KOPYLENKO 1964 - М.М.Копыленко. О межъязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях. Научные доклады высшей школы. Филологические науки 1964,1:162-168
- KOPYLENKO 1967 - М.М.Копыленко. Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры. Автореф.докт.дисс. Ленинград 1967
- KOPYLENKO 1973 - М.М.Копыленко. Сочетаемость лексем в русском языке. Пособие для студентов. Москва 1973
- KOTELOVA 1965 - Н.З.Котелова. О применении объективных и точных критериев описания сочетаемости слов. Вопросы языкознания 1965,4:53-64
- LEXIKOLOGIE 1978 - Lexikologie. Verfaßt von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Ludwig Wilske. Die russische Sprache der Gegenwart. Band 4. Leipzig 1978
- LIPKA 1972 - L.Lipka. Semantic Structure and Word-Formation. Verb-Particle Constructions in Contemporary English. Internationale Bibliothek für Allgemeine Linguistik. Band 17. München 1972
- LIPKA 1974 - L.Lipka. Probleme der Analyse englischer Idioms aus struktureller und generativer Sicht. Linguistik und Didaktik 5,1974:274-285
- MEL'ČUK 1976 - I.A.Mel'čuk. Das Wort. Zwischen Inhalt und Ausdruck. Herausgegeben und eingeleitet von Johann Biedermann. Internationale Bibliothek für Allgemeine Linguistik. Band 9. München 1976
- OHNEISER 1976 - I.Ohneiser. Zu einigen Fragen der Verbindbarkeit von Morphemen unter Berücksichtigung eines Vergleichs zur Verbindbarkeit von Wörtern. In: Aktuelle Probleme der Phraseologie. Leipzig 1976:68-78
- PILZ 1978 - K.D.Pilz. Phraseologie. Versuch einer interdisziplinären Abgrenzung, Begriffsbestimmung und Systematisierung unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Gegenwartssprache. Göppingen 1978

- PILZ 1981 - K.D.Pilz. Phraseologie. Redensartenforschung. Stuttgart 1981
- PLÄHN 1978 - J.Plähn. Ein verschütteter ksl. Phraseologismus bei Saltykov-Ščedrin: ulovit' vseleňnuju und Ähnliches. Zeitschrift für Slavische Philologie 40,1978,2:258-264
- ROTHKEGEL 1973 - A.Rothkegel. Feste Syntagmen. Grundlagen, Strukturbeschreibung und automatische Analyse. Linguistische Arbeiten 6. Tübingen 1973
- SCHIPPAN 1975 - T.Schippan. Einführung in die Semasiologie. Leipzig 21975
- TELIJA 1966 - В.Н.Телия. Что такое фразеология. Москва 1966
- THUN 1978 - H.Thun. Probleme der Phraseologie. Untersuchungen zur wiederholten Rede mit Beispielen aus dem Französischen, Italienischen, Spanischen und Rumänischen. Tübingen 1978
- ŽUKOV 1967 - В.П.Жуков. Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет. Вопросы языкознания 1967,5:104-113

Felix DREIZIN (Haifa - Edmonton)

VERBAL NOUNS: HYBRIDIZING MONTAGUE AND MEL'ČUK

Nouns are treated by traditional linguists as a semantically heterogenous class of words: here we have "things", "beings", "actions", "qualities", etc. In modern linguistics, this heterogeneity is usually accounted for by considering nouns to be surface images of different deep syntactic and semantic classes: nouns properly, adjectives, verbs, etc., the transition from depth to surface being provided by nominalizing transformations.

At the deep level the correspondences between syntactic and semantic properties of words can be considered direct, strict; at the surface level this correspondence is distorted. An attempt by R. Montague (cf., for example, Montague 1974) to postulate strict correspondences between the SURFACE syntactic types of expressions and the types of their meanings met serious difficulties. So, the semantic treatment of nouns like *advice*, *complaint*, etc. is an acknowledged difficulty in Montague Grammar (see, for example, Gabbay 1973). Incorporating transformations (for example, of nominalization) into Montague Grammar means abandoning the above Montague's claim (on transformations in Montague Grammar cf. Partee 1976).

At the same expense the semantic treatment of "verbal" (surface) nouns can be provided in the framework of a Bresnan-type interpretive procedure by simply giving them verbal translations.¹ I shall consider some cases of this kind.

The first impression of locutions like Hebrew *hetil veto* 'put/set veto', *kibel ha'xlata/ higia le-ha'xlata* 'come to a decision', 'decide', etc. can be that they are idioms. But comparison with obvious idioms like Russian *sygrat' v jaščik* 'die' (literally: 'play the box') or English *kick the bucket* shows that they are not: both components acquire modifiers freely, and the meaning of such a locution is "concentrated" in the noun (*kibel*

haxlata literally means 'received decision', so *kibel* here is a sort of auxiliary).

I. Mel'čuk has noticed that the relation between words in such pairs as *commit suicide*, *lodge (a) complaint*, Russian *okazat' vlijanie* (= *exert influence*), etc. is repeated in many pairs of words and in many languages. Such observations have been developed to the theory of "lexical functions" (cf., for example, Mel'čuk 1974; Mel'čuk and Žolkovskij 1974).

If the same relation holds for the above pairs, and also for Hebrew *nihel milxama* 'lead a war', *nasa be-axrajut* 'carry responsibility', 'be responsible', *heenik ahava* 'reward with love', '(to) love', *raxaš sin'a* 'feel hatred', '(to) hate', etc.², then we deal here with a function of some special kind: it takes words to words. More specifically, this function can be naturally considered as taking verbal nouns to accompanying auxiliary verbs. Mel'čuk baptized this function OPER₁. That is, OPER₁(*suicide*) = *commit*, OPER₁(*sin'a*) = *raxaš*, etc.³

The least which can be said about OPER₁ is that it provides for every noun in its domain a specific analytic means of being transformed to the corresponding verb. But OPER₁ and other functions to be dealt with later do more than that. Let us translate verbal nouns as logical verbs: (ADVICE)' = (ADVISE)'; (BLOW)' = (STRIKE)', etc. Then the task of such auxiliaries as *commit*, *raxaš*, *okazat'* and very many others will be to point at the correspondence between the "slots" of verbal nouns and some noun phrases in the neighbourhood of these nouns. Our auxiliaries are to pass over to verbal nouns some specifically verbal features such as tense - and disappear in translation. Verbs in the range of OPER₁ and other similar functions can be said to only "conduct" the semantics of sentences, without playing their own tune. For example, the only function of *lodge* (apart from bearing the tense) is to point at the SUBJECT of the sentence as the filler of the FIRST slot of, say, *complaint*.

Of course, a blind follower of Montague could look for translations of the above auxiliaries: (COMMIT)' and the like. Maybe he could even provide a translation of *complaint* different from *complain* and push out to "semantic postulates" the account of synonymy of *complain* and *lodge a complaint*. Unlimited use of

postulates can compensate for some limitations in the grammar, including the rigid limitation imposed by Montague on correspondence between syntactic and logical categories: expressions of the same syntactic type cannot be translated by logical expressions of different types. But maybe we can treat *a blow* and *an apple* as being SYNTACTICALLY different? Anyway, it is difficult to expect these expressions to be of the same logical kind. Why not to introduce one more syntactic category? I should say that this is not more than a trick. If Montague's principle of correspondence between logical and syntactic categories is to be taken seriously, it has to read rather as follows:

CLOSE SYNTACTIC TYPES CORRESPOND TO CLOSE LOGICAL TYPES,
AND IN THE LIMIT CASE - THE SAME SYNTACTIC TYPES TO THE
SAME LOGICAL TYPES.

So if an expression is syntactically nearly a noun, it has to be semantically nearly *an apple*. And if it is treated as something entirely different from a noun, then the real syntactic closeness of *apple* and *blow* is lost for the grammarian.⁴

But let us turn back to OPER₁. I shall try and give a sort of formal definition for this function:

A verb α is considered OPER₁(β) for a verbal noun β - with respect to a formal description of a (fragment of a) natural language - iff for every structure

$$\begin{array}{ccccccc} [& [\alpha] & \sigma_0 & [\beta] & \sigma_1 & [\gamma] &] \\ & VP & V & & NP & & NP \end{array}$$

the translation of this structure to logic is equivalent (is made equivalent) to

$$\beta'(\wedge\gamma').$$

Here only the case of two-place verbal nouns is represented; σ_0 , σ_1 are preposition-like formatives introducing syntactic complements of α .⁵ The above definition can be made more general by taking into consideration cases of one-placed and many-placed verbal nouns. In fact, there exists the family of OPER₁s with the following common property: they all point at the subject of the sentence as the filler of the first (and maybe the only) slot of β .

Hebrew pairs of words like *amad le-din* 'stand to trial', *kibel maka* 'receive (a) blow', *kibel hazmana* 'receive (an) in-

vitiation', and also Russian *ispytyvat' vlijanie* 'experience influence', *podvergat'sja vozdejstviu* 'undergo influence', and English *suffer a blow, receive a study* suggest a new lexical function OPER₂ (Mel'čuk, *ibid.*). Verbs in the range of OPER₂ serve as a means of analytic passivization:

$$\alpha = \text{OPER}_2(\beta) \stackrel{\text{Def}}{=}$$

for every structure

$$\begin{matrix} [& [\alpha] & \sigma_0 & [\beta] & \sigma_1 & [\gamma] &] \\ \text{VP} & \text{V} & & \text{NP} & & \text{NP} & \end{matrix}$$

its translation to logic is equivalent to

$$\hat{x}(\gamma' [\wedge(\beta' (\wedge \hat{\text{P}}\text{P}\{x\}))])$$

with the same remarks as above for OPER₁.

So the meaning of the SUBJECT of a simple sentence where such a structure occurs will be put to the SECOND slot of the predicate corresponding to the FIRST OBJECT of α - that is, β , and the second object of α will go to the first slot.

There is also a family of auxiliary verbs serving to define the distribution of their syntactic objects over the slots of verbal nouns appearing as syntactic SUBJECTS. The general name FUNC can be given (after Mel'čuk, *op.cit.*) to this family of verbs. Different FUNCs correspond to different distributions. For example, FUNC₁ can be defined as the function giving for every verbal noun in its domain the verb serving to point at the correspondence between the first slot of the noun and the FIRST (usually direct) object of the verb. For every FUNC_i (where *i* is the place of the object going to the first slot of the verbal noun) we have a family of functions, according to possible distributions of the rest of the objects over the rest of the slots. Consider the simplest case of one-place verbal nouns:

$$\alpha = \text{FUNC}_1(\beta) \stackrel{\text{Def}}{=} ([[\beta] [[\alpha] \sigma_0 [\gamma]]])' = \gamma' (\wedge \beta')$$

for every γ .

Examples from Hebrew:

$$\text{FUNC}_1(\textit{pkuda}) = \textit{jac'a} (\textit{mi} \dots)$$

'order' 'go out from...'

$$\text{FUNC}_1(\textit{sena}) = \textit{afaf}$$

'sleep' 'compass'

FUNC₁(*taut*) = *haja be-jad (šel...)*

'mistake' 'be-in-hand-of'

taut be-jad moše

'Moses errs' (lit.: 'Mistake in hand (of) Moses')

FUNC₁(*xelek*) = *ješ (le...be...)*

'participation' 'there be'

le-moše haja xelek be-recax

'Moses participated in the murder'

(lit.: To Moses there was participation in the murder.)

Russian:

FUNC₁(*otčajanie*) = *oxvatit'*

'despair' 'compass'

And now one more lexical function. Examples like Hebrew *moše kibed et sara be-maka* 'Moses struck Sarah' (lit.: 'Moses respected Sarah with a blow') and Russian *podvergat' oblučeniju* 'put under radiation' suggest a lexical function which Mel'čuk has called LABOR_{ij}:

$$\alpha = \text{LABOR}_{12}(\beta) \stackrel{\text{Def}}{=} ([\alpha] \sigma_0 [\gamma] \sigma_1 [\beta])' = \beta'(\wedge \gamma')$$

VP V NP NP

for every γ .

$$\alpha = \text{LABOR}_{13}(\beta) \stackrel{\text{Def}}{=} ([\alpha] \sigma_0 [\gamma] \sigma_1 [\beta] \sigma_2 [\delta])' =$$

VP V NP NP NP NP

$$= (\beta'(\wedge \delta'))(\wedge \gamma')$$

An example from Russian:

LABOR₁₃(*dolg*) = *brat'*

'dept' 'take'

Ivan beret den'gi v dolg u Petra

'Ivan borrows money from Peter'.

A translation of *dolg* to intensional logic can be

$$\lambda Q \lambda P \lambda x \lambda Q \{\hat{y} \text{BORROW}(\wedge x, \wedge y, P)\},$$

where BORROW is a mnemonic word for the predicate for *dolg*,
 σ_0 = ACCUSATIVE, σ_1 = V + ACCUSATIVE (V is a preposition),
 σ_2 = U + GENITIVE (U is a preposition), and
 BORROW is intensional (only) with respect to its 3rd place.

If the translation of the above structure is to be

$$\lambda z[\delta'(\wedge[(\beta'(\wedge^{PP}\{z\}))(\wedge\gamma')])],$$

then we have LABOR₂₃.

An Example from Russian:

LABOR₂₃(*dolg*) = *dat'*

'dept' 'give'

Ivan daet den'gi v dolg Petru.

'Ivan lends money to Peter.'

(Here σ_0 = ACCUSATIVE, σ_1 = V + ACCUSATIVE, σ_2 = DATIVE.)

The information about lexical functions is supposed to be presented in a dictionary to be used in the process of translation to logic.

There are also verbs which, apart from pointing at the correspondences between the "slots" of verbal nouns and related NPs (as above) give us also some semantic residue which has to be represented in translation.

Consider the following examples:

Hebrew:	<i>hiškia be-dikaon</i>	'put in depression'
	<i>hevi lidej jeuš</i>	'bring to despair'
	<i>garam sipuk</i>	'cause satisfaction'
English:	<i>plunge smb. in sorrow</i>	
	<i>bring luck to smb.</i>	
	<i>reduce smb. to despair</i>	
Russian:	<i>povergat' v unynie</i>	'plunge to dejection'
	<i>povergat' v otčajanie</i>	'plunge to despair'
	<i>vgonjat' v tosku</i>	'drive to melancholy'
	<i>prinosit' radost'</i>	'bring joy'
	<i>prinosit' sčast'e</i>	'bring happiness'
	<i>prinosit' udovletvorenje</i>	'bring satisfaction'

We define as follows:

$$\alpha = \text{CAUSOPER}_1(\beta) \stackrel{\text{Def}}{=}$$

every structure $\left[\begin{array}{ccc} [\alpha] & \sigma_0 & [\gamma] \\ \text{VP} & \text{V} & \text{NP} \end{array} \right] \left[\begin{array}{c} [\beta] \\ \text{NP} \end{array} \right]$ is to translate

$$\text{as } \lambda x[\exists M(M\{\forall x\}\text{CAUSE}[\text{BECOME}[\gamma'(\wedge\beta')]])]$$

(On interpretation of CAUSE and the treatment of causative verbs in Montague Grammar see Dowty 1976).

Another causative function is given by the following definition:

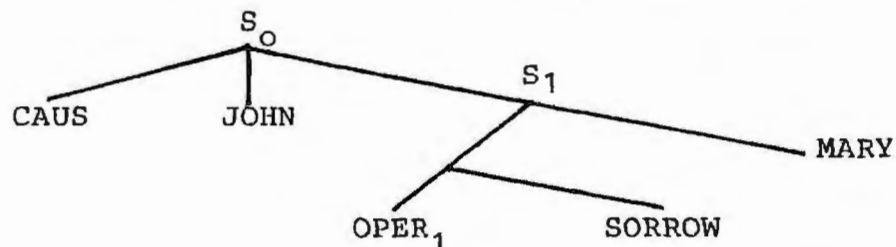
$\alpha = \text{CAUSOPER}_2(\beta) \stackrel{\text{Def}}{=} \text{every structure } \left[\begin{array}{ccc} [\alpha] & \sigma_0 & [\gamma] \\ \text{VP} & \text{V} & \text{NP} \end{array} \right] \sigma_1 \left[\begin{array}{c} [\beta] \\ \text{NP} \end{array} \right]$ is to translate
 as $\lambda x[\exists M(M\{\forall x\}\text{CAUSE}[\text{BECOME}[\exists u[\hat{\text{P}}\{u\}(\wedge\beta(\gamma))]])]]]$.

Examples

- from Hebrew: *jiten jehva otex le-ala u-li-švua*
 'God will give you to curse.'
- from English: *put on trial* <to the test, to torture>,
subject to examination
- from Russian: *sdavat' v ekspluataciju* 'pass to use'
stavit' pod kontrol' 'put under control'
vvergat' v rabstvo 'plunge to slavery'.

Mel'čuk treated the above "simple" functions as "complex" ones: CAUS · OPER₁(x) and CAUS · OPER₂(x). The reason of this complexity is obviously the above-mentioned syntactic/semantic duality of the relevant verbs. Mel'čuk in fact had in mind something like generative semanticists' decomposition of causative verbs:

if *John plunged Mary in sorrow* is represented as

then PLUNGE can be obtained by verb raising as the surface verb for CAUS · OPER₁.

Note, however, that Mel'čuk's "complex" functions can by no means be understood as superpositions.⁶

Examples like

- Hebrew : *henia manoa* 'start engine'
matax šaon 'wind clock'
- English: *start an engine*
wind a clock

- Russian: *zavesti motor* 'start engine'
zavesti časny 'start clock'
vkľjučit' zažiganie 'switch on ignition'

give us CAUSFUNC₀, which can be defined as follows:

$\alpha = \text{CAUSFUNC}_0(\beta)$ Def
 every structure of the kind $\begin{bmatrix} [\alpha] \\ \text{VP} \end{bmatrix} \begin{bmatrix} [\beta] \\ \text{V} \\ \text{NP} \end{bmatrix}$ is to translate
 as $\lambda x[\exists M(M(\forall x)\text{CAUSE}[\text{BECOME}[\beta'(\wedge\text{FUNCTION}')]])]$.

For some lexical functions superpositions can be possible. Consider CONV (for conversion):

CONV(*love*) = *be loved by*, where

$\alpha = \text{CONV}(\beta)$ Def
 $\alpha' = \lambda P\lambda xP\{\hat{y}\beta\hat{*}(\forall y, \forall x)\}$

(for extensional verbs only!) - cf. Karttunen 1977.

Objectless, i.e. passive-agentless verb *be loved* can be considered RED (from 'reduction'):

RED(*be loved by*) = *be loved*, where

$\alpha = \text{RED}(\beta)$ Def
 $\alpha' = \lambda x(\exists u((\beta'(\wedge\hat{P}P(\wedge u)))(x)))$ (Cf. Bresnan 1977).

So, objectless *be loved* = RED(CONV(*love*)).

The most serious objection hitherto to the above treatment of verbal nouns involved the possibility for verbal nouns to be quantified just like "usual" (APPLE-like) nouns: *a blow*, *two blows*, *many (several) blows*, etc. But the above locutions are not more problematic than *strike once (twice)*, *strike many (several) times*, etc. We just have one more lexical function (having been considered by Mel'čuk, op.cit.):

ADV(\hat{x}) - for this case the adverbial form of quantifier (or an adjective: *heavy blow/strike heavily*; *a heavy blow/strike heavily once*).

So an interpretive procedure has to translate, say, *two* in the context of a verbal noun as (TWO TIMES)'.

A more difficult problem seems to be *the blow*. But here verbal nouns only reveal a problem which is inherent for ac-

tions and events - also in their purely verbal form. When we ask *Who came?* - we usually mean THIS particular coming. It is only reference to the "same coming" (*the coming*) which makes sentences *John came* and *John didn't come* contradictory. (John obviously sometimes comes, sometimes doesn't.) So also in the last case we can refer to plain verbs and to THEIR problems.⁷

Acknowledgements

I am greatly thankful to my students Rivka Ben-Zvi, Avital Altshtein, Beno Goel, Michal Perl and Miriam Siger for providing Hebrew examples of which only a very small part appears here.

N O T E S

1. This idea is not new (from recent publications cf. Piřha 1981). But in Montague context it is rather a heresy.
2. Also from Hebrew: *hetil oneř* 'impose punishment', *lakax xelek be-* 'take part', 'participate', *hetil safek* 'impose doubt', '(to) doubt', *higiř tluna* 'lodge a complaint', 'complain', *pana be-vakařa* 'address a request', 'ask for', *natan maka* 'deliver a blow', '(to) strike', *gila injan* 'show interest', *nasa neum* 'make a speech', *hetil knas* 'impose penalty', *laka be-maxala* 'be stricken by illness'. For a newly revived language which remained unspoken for many centuries being preserved only in written and mainly religious tradition this richness of expressions is remarkable: ONE word could suffice to do the job of all the verbs in these examples (*gila*, *hetil*, *nasa*, etc.), for example, something like *do* or *make*.
3. Generally, OPER₁, like other functions considered below, is a function mapping words to GROUPS of words: one verbal noun has sometimes several possible "auxiliaries" which interchange freely.
4. Consider the following Hebrew examples:
 - (a) *moře xazar ve-halax*
'Moses went once more' (lit.: 'Moses returned and went.')
 - (b) *moře halax ve-diber*
'Moses was still speaking' (lit.: 'Moses went and spoke.')

It is impossible to interpret (a) and (b) by usual apparatus for coordinate verbs. The adverb-like treatment of *xazar* and *halax* could be provided as follows: both words could be expelled from the class of verbs by ascribing to them something like (IV/IV)/CONJ as their syntactic type which could account

for the possibility to be converted to an adverb in the context of coordinate conjunction. This treatment conceals the obvious verbal properties of the relevant words. The escape from this situation is simple: *xazar* and *halax* (in the above case) are semantic adverbs and syntactic verbs. Consider also

Mary's grief reduces John to despair.

The logical representation of this sentence seems to include CAUSE, and if we accept Dowty's treatment (Dowty 1976) then the translation of the subject NP has to be of the logical type 't':

(MARY'S GRIEF)'CAUSE(BECOME(JOHN IN DESPAIR)') .

I think that the translation has to be

(MARY'(^GRIEF'))CAUSE(BECOME(JOHN'(^DESPAIR'))),

with *grief* and *despair* being translated as verbs.

5. In Hebrew σ is predicted by β and not by α : *hetil safek be-hetil oneš al-* 'impose doubt in /impose punishment on'. In other languages it can be otherwise. In Russian σ is predicted by β in the context of α , cf.: *byl v vostorge ot/po povodu Y*, but *ego vostorg *ot/po povodu Y*.
6. For example, in Russian one can find two CAUS · OPER₁s for the same OPER₁: *byt' u vlasti - stavit' u vlasti*, but *byt' v vostorge - privodit' v vostorg(*stavit' v vostorg)*.
7. The reader can wonder what remains from Montague Grammar in such an approach. Strict correspondence between syntax and semantics has been abandoned, including parallelism of syntactic and semantic rules. For this kind of reader I intend to show not more than that a machine translation-like procedure of mapping natural language expressions to logic can use some substantial features from Montague Grammar.

L I T E R A T U R E

- Bresnan, J. 1977. *A Realistic Transformational Grammar for English*. (Paper presented to the IVth International Summer School on Computational and Mathematical Linguistics, Pisa.)
- Dowty, D. 1976. *Montague Grammar and the Lexical Decomposition of Causative Verbs*, in: B. Partee (ed.), *Montague Grammar*, Academic Press, pp. 201-245.
- Gabbay, D. 1973. *Representation of the Montague Semantics as a Form of the Suppes Semantics with Applications to the Problem of the Introduction of the Passive Voice, the Tenses, and Negation as Transformations*. in: Hintikka et al. (eds.), *Approaches to Natural Language*, Dordrecht, pp. 395-409.
- Karttunen, L. 1977. *Course in Model Theoretic Semantics*. IVth International Summer School in Computational and Mathematical Linguistics, Pisa.
- Mel'čuk, I.A. 1974. *Opyt teorii lingvističeskix modelej "smysl ↔ tekst"* (A theory of linguistic "meaning ↔ text"-models). Moscow.

- Mel'čuk, I.A., A.K. Žolkovskij 1974. Towards a Functioning "Meaning ↔ Text" Model of Language, in: V. Rozencvejk (ed.), *Essays on Lexical Semantics*, vol.II, Scriptor, pp. 1-52.
- Montague, R. 1974. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English, in R. Thomason (ed.), *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*, Yale University Press, pp. 247-270.
- Partee, B. 1976. Some Transformational Extensions of Montague Grammar, in B. Partee (ed.), *Montague Grammar*, Academic Press, pp. 51-76.
- Piřha, P. 1981. On the Case Frames of Nouns, in Jan Horecký et al. (eds.) *Prague Studies in Mathematical Linguistics*, 7. (= Linguistic & Literary Studies in Eastern Europe, vol. 9) Amsterdam: J. Benjamins, pp. 215-224.

А. В. ГЛАДКИЙ - Ф. А. ДРЕЙЗИН (Kalinin)

К СЕМАНТИКЕ РУССКОГО ОТРИЦАНИЯ

Как известно, в русском предложении почти каждое слово и словосочетание может иметь при себе отрицательную частицу *не*. Это свойство, отличающее русское *не*, например, от немецкого *nicht* или английского *not*, - делает вопрос о семантике частицы *не* особенно трудным и интересным. Целью настоящей работы является исследование этого вопроса в рамках предложенного ранее одним из авторов (Dreizin 1978) "динамического описания смысла предложения". Работа может рассматриваться также как попытка сделать следующий шаг по пути осуществления выдвинутой другим автором (Гладкий 1979а) программы независимого от языка формальной логики анализа значений "логических" слов естественного языка.¹

Первоначальный вариант статьи был написан Ф.А. Дрейзиным. А.В. Гладкий переработал и дополнил текст статьи, видоизменяя некоторые решения (в основном - относящиеся к анализу отрицательных определений, обстоятельств и сказуемых) и добавив соображения, связанные с понятием темы и ремы. Им написан также § 1.

§ 1. Динамическое описание смысла предложения²

Идея динамического описания смысла предложения состоит в том, чтобы указать, как изменяются в результате произнесения предложения имеющиеся у слушающего сведения, мнения и предположения. Для построения такого описания необходимы некоторые предварительные соображения, которые мы сейчас изложим.

Мы будем рассматривать только повествовательные предложения достаточно простой семантической структуры; именно, объектом нашего исследования будет такое предложение, которое можно считать частью высказывания³, несущей некоторое относительно самостоятельное "законченное" сообщение (ср. школьное определение предложения как речевой единицы, "выражающей законченную мысль") и притом только одно (последнее требует исключить из рассмотрения

сложносочиненные предложения, а также синонимичные им - *Иван пел и смеялся* и т.п.). Произнося предложение, говорящий, как правило, исходит из допущения, что "предмет", о котором он намерен нечто сообщить, так или иначе известен слушающему, а упоминание о нем последний сочтет вполне естественным. Этот "предмет", или тема, может быть "вещью", конкретной или абстрактной, отношением, ситуацией и т.п.; Возможен также случай, когда предложение имеет более одной темы (пример см. ниже). Сообщение, таким образом, состоит из двух частей, указания темы (или тем) и того, что об этой теме (темах) сообщается; эту вторую часть - "собственно сообщение" - мы будем называть, следуя установившейся традиции, ремой. Важно отметить, что в предложении рассматриваемого нами типа может содержаться только одно сообщение, - иначе говоря, рема, в отличие от темы, всегда единственна. Говоря о внешней стороне предложения, мы будем - также следуя традиции - называть темой и ремой те ее части, которые выражают "внутреннюю" тему и "внутреннюю" рему соответственно.

Возможны и такие случаи, когда у говорящего нет оснований считать, что слушающему известна тема сообщения. Тогда все предложение представляет собой "собственно сообщение", т.е. состоит из одной ремы.⁴

Например, в предложении *Иван женится* тема - *Иван* (говорящий предполагает, что слушающему известно, о каком Иване идет речь), рема - *женится*; в предложении *Женится Иван*, напротив, тема - *женится* (слушающему, как считает говорящий, известно о факте [чей-то] женитьбы), рема - *Иван*. В предложении *Иван полюбил гордую девушку* с эмфатически выделенным *гордую* темой является ситуация 'Иван полюбил какую-то девушку', ремой - сообщение, что эта девушка гордая⁵. В предложении *Нравится Ивану только Вера* тема - ситуация 'Ивану кто-то нравится' (слушающий, по мнению говорящего, если и не знает, что Ивану кто-то нравится, то во всяком случае считает это вполне возможным), рема - *только Вера*. В предложении *Ходят слухи, что Иван женится* тема - ситуация 'Ходят слухи [о чем-то]', рема - сообщение, что содержание слухов - женитьба Ивана. В предложении *Иван, по слухам, женится* две темы - *Иван* и ситуация 'Ходят слухи о чем-то, касающемся Ивана' (эту ситуацию слушающий, по мнению говорящего, считает вполне возможной); ремой здесь является сообщение о том, что содержание слухов - женитьба. В предло-

жении *В Ташкенте Иван женился* две темы - *Ташкент* и *Иван*, рема - сообщение о том, что Иван будучи в Ташкенте, женился⁶. В предложении *В прошлом году Иван Федора еще не знал* три темы - *в прошлом году*, *Иван* и *Федор*, рема, сообщение о том, что в указанное время первое из указанных лиц еще не было знакомо со вторым. В предложениях *Летят утки*, *Светает* темы отсутствуют.

Наряду с допущением, что тема известна слушающему, говорящий всегда допускает, что слушающий сочтет сообщение релевантным для данной темы - т.е. будет полагать тему (если тем несколько - каждую из них) находящейся в "области определения" той связи, в которой она, согласно сообщению, должна быть с какими-то другими "вещами", ситуациями, свойствами и т.п. Например, произнося предложение *Иван женится*, говорящий допускает, что слушающий во всяком случае считает Ивана существующим в том мире, о котором идет речь⁷. Именно нарушением этого условия объясняется столь широко обсуждаемая аномальность предложений типа *Король Франции женится* (в применении к реальному миру в его нынешнем состоянии). В то же время предложение *Ивану нужен король Франции* нормально, так как область определения предиката 'быть нужным Ивану' включает всевозможные понятия о "вещах", как существующих, так и не существующих. Точно так же, произнося предложение *В Ташкенте Иван женился* или *О Ташкенте Иван сохранил самые лучшие воспоминания*, говорящий делает допущение 'слушающий считает, что Иван был в Ташкенте', в то время как для предложения *О Ташкенте Иван говорил охотно* такое допущение не обязательно.

У говорящего могут быть, кроме указанных выше, также и другие допущения об имеющихся у слушающего сведениях и о его мнениях и предположениях. Для наших целей разница между сведениями и мнениями несущественна поэтому мы в дальнейшем будем обозначать то и другое техническим термином *убеждения*. Произнося предложение, говорящий ставит себе целью определенным образом изменить запас убеждений и предположений слушающего. При этом, с одной стороны, к наличным убеждениям и предположениям могут добавляться новые, с другой стороны - некоторые убеждения и предположения могут отвергаться.

Теперь мы можем охарактеризовать наше "динамическое описание" следующим образом. Оно должно состоять из:

- (а) перечня допущений говорящего об убеждениях и предположениях слушающего;
- (б) указания, какие допущения и предположения из перечня (а) говорящий хочет отвергнуть;
- (в) перечня новых убеждений и предположений, которые должны появиться у слушающего, если говорящий достигнет своей цели.

При этом, разумеется, невозможно и не нужно включать в перечень (а) все имеющиеся у говорящего допущения об убеждениях и предположениях слушающего достаточно тех, которые имеют отношение к делу. Под этим мы будем подразумевать выполнение двух условий: (i) истинность допущения должна быть необходима для успеха соответствующего отрезка коммуникации; (ii) оно должно быть связано по содержанию с данным предложением. Например, произнося предложение

(1) *Иван пишет не только стихи*

допускает, что слушающий или знает что Иван пишет стихи, или по крайней мере не убежден в противном - иначе предложение будет воспринято как *а н о м а л ь н о е*, и цель говорящего не будет достигнута; при этом данное допущение связано по содержанию с предложением (1). В то же время говорящий, произнося (1), возможно, допускает также, что слушающему известен возраст Ивана, известно, какие стихи он пишет, и т.п.; эти допущения также связаны по содержанию с (1), но соответствующий отрезок коммуникации может иметь успех и в случае, если они кажутся ложными. С другой стороны, произносящий (1) (в нормальной ситуации) допускает, что слушающий считает его слова заслуживающими доверия, и истинность этого допущения необходима для успеха; но оно не связано по содержанию с (1) и поэтому не имеет отношения к делу.

Замечание. По-видимому, условие (i) равносильно тому, что допущение обязательно во всех нормальных случаях произнесения данного предложения, а (ii) - тому, что оно не является обязательным во всех нормальных случаях произнесения любого предложения.

К сказанному следует добавить, что и относящиеся к делу допущения вряд ли могут быть перечислены все без исключения. Достаточно, однако, составить перечень так, чтобы из входящих в него допущений все остальные относящиеся к делу могли быть выведены. Такой перечень мы будем называть *п о л н ы м*. Какими-либо

формальными критериями полноты мы не располагаем и будем в каждом конкретном случае полагаться исключительно на интуицию.

Те убеждения и предположения, которые должны вновь появиться у слушающего, и те, которые должны быть отвергнуты, также будут представлены в наших описаниях полными перечнями относящихся к делу убеждений и предположений. Здесь относящимися к делу мы будем считать те убеждения и предположения, которые связаны по содержанию с данным предложением.

Итак, наше описание будет состоять из

(I) указания темы (или тем) и ремы, и (II) трех перечней:

- (А) полного перечня относящихся к делу допущений говорящего об убеждениях и предположениях слушающего;
- (В) полного перечня тех относящихся к делу убеждений и предположений из перечня (А), которые в случае успеха опровергаются, т.е. заменяются на свои отрицания⁸;
- (С) полного перечня относящихся к делу убеждений и предположений, которые в случае успеха слушающий добавляет к своему запасу.

Замечания.

1. Полные перечни можно составлять, разумеется, по-разному. При прочих равных условиях было бы естественно отдавать предпочтение минимальным перечням, но для нас важнее другое: чтобы из перечня (А) легко было в явном виде вычленить (В), а также "стыковать" с ним (С).

2. Все наши рассуждения относятся лишь к простейшему случаю, когда целью говорящего является только изменение запаса убеждений и предположений слушающего (а не его ощущений, желаний, симпатий, антипатий, и т.д. и т.п.) и притом он рассчитывает актом произнесения предложения достичь этой цели немедленно. Тем более мы не занимаемся случаями "несобственного" употребления предложения, когда говорящий вкладывает в свои слова смысл, не вытекающий из их общепринятых значений, или не ставит себе целью, чтобы ему поверили, и т.п.

§ 2. Отрицательный актант

Рассмотрим предложение

(2) *Иван любит не Марию.*

Это предложение употребляется, как правило, в одной из двух типичных ситуаций. Одна из них возникает, например, при употреблении (2) в таком контексте: [*Ты, конечно, думаешь, что Иван любит Марию. Но это не так.*] *Иван любит не Марию*. Вторая представлена в следующем примере: [*Кого любит Иван? Не знаю. Только в одном нельзя сомневаться:*] *Иван любит не Марию*.

1. Займемся сначала первой ситуацией. В ней перечень (А) выглядит так:

Слушающий считает, что

- (α) Иван кого-то любит;
- (β) Предмет его любви единственен;
- (γ) Предмет любви Ивана - Мария.

Перечень (В) состоит здесь из одного (γ); перечень (С) пуст.

Центральным для нашего рассуждения пунктом является здесь **о б я з а т е л ь н о с т ь** допущения (β). Рассмотрим предложение

(3) *Иван любит не Марию, но Варвару он действительно любит.*

Аномальность этого предложения в рамках данной ситуации объясняется как раз "допущением о единственности". В самом деле, если бы у слушающего не было (по мнению говорящего) убеждения (β), он мог бы наряду с (γ) иметь еще убеждение

(γ') Предмет любви Ивана - Варвара,
и предложение (3), опровергающее (γ) и подтверждающее (γ'), было бы вполне естественным⁹.

Отметим еще, что в данной ситуации (γ) может быть не убеждением, а предположением слушающего, например: [*Говорят, что Иван любит Марию. Правда ли это? - Нет.*] *Иван любит не Марию*. Но в любом случае (γ) устраняется из запаса убеждений и предположений слушающего. Поэтому операцию, производимую с этим запасом в описываемой ситуации, мы будем называть **у с т р а н е н и е м**.

2. Рассмотрим теперь - все еще в рамках первой ситуации - предложение

(4) *Иван любит не Марию, а Варвару.*

Здесь перечни (А) и (В) - такие же, как для (2), но в перечень (С) войдет теперь (γ') (см. выше). Такую операцию естественно назвать **з а м е н о й** ((γ) заменяется на (γ')).

Ввиду наличия неустранимого (β) слушающий должен после произнесения (4) считать, что Иван любит только Варвару. Возможен,

однако, более сложный случай замены, ср.:

Иван любит не Марию, а Веру и Варвару.

Прежде всего, здесь, очевидно, подразумевается, что Иван любит только Веру и Варвару. Но главное - 'Вера и Варвара' здесь, в сущности, один объект, который как целое противопоставляется другому объекту - Марии. Союз и обозначает здесь термовую конъюнкцию, т.е. операцию, с помощью которой из имен двух объектов образуется имя их совокупности как нового объекта¹⁰. В данном случае крайне важно то обстоятельство, что "единственность" задается не на множестве людей, а на множестве взаимоисключающихся вариантов: Иван любит или Марию, или Ольгу, или Веру и Варвару. При этом он не может любить Марию и Ольгу, или же Ольгу, Веру и Варвару, хотя вполне может любить одновременно Веру и Варвару.

Отметим, что "объектообразующий оператор" имеем и в неоднократно привлекавших внимание исследователей предложениях типа

Иван и Мария весят 170 килограммов.

3. Обратимся теперь ко второй ситуации, в которой может употребляться (2). Здесь перечень (A) состоит из (α) и (β), перечень (B) - пуст, а перечень (C) состоит из одного убеждения ($\bar{\gamma}$), являющегося отрицанием (γ), т.е.

($\bar{\gamma}$) Неверно, что предмет любви Ивана - Мария.

Предложение (3) в этой ситуации по-прежнему аномально, и это подтверждает необходимость допущения (β): в противном случае слушающий мог бы, по мнению говорящего, иметь убеждение (γ') а тогда предложение (3), подтверждающее (γ') и утверждающее вместе с тем, что среди возможных предметов любви Ивана нет Марии, было бы естественным. (В то же время при наличии (β) говорящий не может предположить у слушающего убеждение (γ'): ему тогда не зачем было бы сообщать ($\bar{\gamma}$), являющееся очевидным следствием (γ') и (β)).

Операцию, производимую во второй ситуации, мы назовем **о г р а н и ч е н и е м** (ограничивается совокупность возможных предметов любви Ивана).

Что касается темы и ремы предложения (2), то в обеих ситуациях темой является либо ситуация 'Иван кого-то любит' либо сам Иван. Допущение (α) в первом случае будет "допущением о теме",

во втором - "допущением о релевантности темы". Ремой в обоих случаях служит ($\bar{\gamma}$) (на "внутреннем" уровне; на "внешнем" в первом случае ремой будет *не Марию*, во втором - *любит не Марию*).

4. Теперь мы ненадолго отвлечемся от изучения отрицания и остановимся на некоторых операциях, аналогичных только что рассмотренным, но выступающих в "положительных" предложениях типа (7) *Иван любит Марию*

с темой *Иван любит* и ремой *Марию*. Существует три типичных ситуации употребления (7), которые можно проиллюстрировать хотя бы такими примерами:

I. [Я не знаю, кого любит Иван. А ты знаешь? - Знаю.] *Иван любит Марию.*

II. [Я не знаю, кого Иван любит, но, конечно, не Марию. - Ошибаешься.] *Иван любит Марию.*

III. [- Ты думаешь, Иван любит Варвару? Нет.] *Иван любит Марию.*

Перечни (А), (В), (С) выглядят в этих ситуациях так, как показано в таблице 1.

Таблица 1

	А	В	С
I	α	\emptyset	γ
II	$\alpha, \bar{\gamma}$	$\bar{\gamma}$	γ
III	α, γ'	γ'	γ

\emptyset означает пустое множество¹¹.

Операцию, производимую в ситуации I, мы назовем *указанием* (указывается предмет любви Ивана), производимую в ситуации II - *восстановлением* (Мария как бы восстанавливается в правах предмета любви Ивана), в ситуации III производится уже знакомая нам операция *замены*.

5. Отметим еще один важный пункт. Рассмотренные нами операции *устранения*, *замены*, *ограничения*, *указания* и *восстановления* - те самые, в результате выполнения которых возникает содержащееся в предложении сообщение, т.е. рема. Три из этих пяти операций - те, для которых перечень В не пуст, т.е. *устранение*, *восстановление* и *замену*, - можно считать частными случаями более общей операции *опровержения* каких-то убеждений и/или предположений слушающего.

Возникает вопрос, могут ли в одном (простом) предложении выполняться одновременно две операции. Единственность ремы подсказывает отрицательный ответ; но этому как будто противоречит тот факт, что предложение типа

(8) *Писал Иван Марии*

с темой *писал* в некоторых ситуациях может оказаться вполне правильным, например:

I. [*Я не знаю, кто писал эти письма и кому. А ты знаешь?* -

II. *Знаю.*] *Писал Иван Марии.*

III. [*Не знаю, кто и кому писал эти письма, но, конечно, не Иван и не Марии. - Ошибаешься.*] *Писал Иван Марии.*

[*- Ты думаешь, эти письма писал Федор Варваре? Нет.*] *Писал Иван Марии.*

Эти примеры могут создать впечатление, что в простом предложении возможны одновременно два указания, или два восстановления, или две замены. В первой ситуации актанты можно даже "разделить", и это еще больше усиливает впечатление, что выполняются две отдельные операции:

I'. [*Знаешь, кто кому писал?*] *Иван писал Марии.* [*А Федор - Варваре.*]

(При этом слова *Иван* и *Мария* скорее всего должны быть эмфатически выделены.)

Но в действительности дело здесь в том, что сообщение в таких предложениях относится к двум актантам, выступающим, по существу, как единый объект. В (8) это пара "автор - адресат" и над этим объектом производится одна операция указания, восстановления или замены. Могут производиться над таким "составным объектом" также и операции устранения и ограничения, например:

[*Ты, конечно, думаешь, что эти письма писал Иван Марии?*

Так вот, ты ошибаешься.] *Писал не Иван Марии.* [*Писал Федор Варваре.*]

[*Об этих письмах я только одно знаю точно:*] *Не Иван Марии их писал.*

Приведенные только что соображения подтверждаются тем, что не удастся (во всяком случае авторам) найти примеры простых предложений, в которых хотя бы по видимости производились одновремен-

но две разноименных операции.

6. В приводившихся до сих пор примерах актанты выражались именами собственными. Но ничего не изменится, если заменить их нарицательными. Например, предложение

(9) *Иван ест не яблоко*

можно проанализировать точно так же, как (2); в частности, необходимость допущения о единственности предмета, который ест Иван, подтверждается аномальностью предложения

(10) *Иван ест не яблоко, но он действительно ест грушу.*

(в обеих ситуациях, аналогичных разобранным выше)¹².

Наличие таких "допущений о единственности" позволяет предположить, что *не* перед существительным представляет собой "объектообразующий оператор" (ср. сноску 12): "отрицается" всегда "весь объем" соответствующего актанта, выступающего как единый объект.

Это подтверждается и разбором предложений, в которых *не* стоит перед существительным во множественном числе. Так, предложение

(11) *Иван видел не девушек*

можно проанализировать в точности по образцу (2), причем "допущение о единственности" будет иметь вид

Группа людей, которую видел Иван - единственна,
и необходимость этого допущения подтверждается аномальностью предложения

(12) *Иван видел не девушек, но Сидоровых он действительно видел.*
Аналогом (γ) будет здесь либо

Группа людей, которую видел Иван, состоит из девушек
либо

Группа людей, которую видел Иван - девушки
во втором случае имеется в виду некоторая определенная группа девушек - англ. *the girls*).

Замечание. В статье Hausser 1976, написанной на английском материале, утверждается, что определенный артикль перед существительным во множественном числе имеет значение квантора общности, и в подтверждение приводится предложение

John kissed the girls on the party

означающее, как указывает автор, что Джон поцеловался со всеми девушками на вечеринке. Но в действительности этот эффект связан с той особенностью глагола *to kiss*, что если он означает действие над совокупностью, то оно состоит в выполнении соответст-

вующего действия над каждым ее элементом. Однако так бывает далеко не всегда; например, *поздороваться* или *проститься с девушками* вовсе не значит поздороваться или проститься с каждой из них. Мало того, в некоторых случаях выполнение действия над совокупностью может состоять в выполнении его над немногими или даже одним элементом. Так, предложение

The ball hit the stones

будет сочтено истинным и тогда, когда мяч ударился об один камень из кучи. Поэтому с утверждением Hausser'a вряд ли можно согласиться. Правильнее было бы, пожалуй, рассматривать *the* перед существительным во множественном числе как еще один "объектообразующий оператор", служащий для образования имени совокупности. Видимо, "объектообразующим оператором" является и множественное число русского существительного в случаях, которым отвечает в английском употреблении определенного артикля.

7. Совершенно аналогичным образом анализируются случаи употребления *не* перед актантным словосочетанием, состоящим из существительного и согласованного или несогласованного определения (когда частица *не* относится ко всему словосочетанию - как в предложении *Иван писал не красными чернилами, как Федор, а синим карандашом*, в отличие от *Иван писал не красными чернилами, а синими*), а также перед актантной предложной группой. Например, для предложения

(13) *Иван зависит не от Марии*

аналогом (α) будет

Иван от кого-то зависит,

аналогом (β) -

Существо, от которого он зависит, единственно.

8. Нам удалось обнаружить только одно исключение из рассмотренной схемы анализа - случай, когда актант имеет значение квантора. Тогда перечень (A) не содержит "допущения о единственности"; остальное не меняется. Так, предложение

(14) *Иван знаком не со всеми*

имеет тему 'Иван с кем-то знаком' и рему 'Знакомые Ивана не исчерпывают интересующую нас совокупность людей'. Типичные ситуации, в которых может употребляться (14), аналогичны описанным для (2).

В первой ситуации перечень (А) состоит из допущений
(α^*) Иван с кем-то знаком, и
(γ^*) Знакомые Ивана исчерпывают интересующую нас совокупность людей;

перечень (В) состоит из одного (γ^*), перечень (С) пуст.

Во второй ситуации перечень (А) состоит из одного (α^*), перечень (С) - из одного ($\bar{\gamma}^*$) (отрицание (γ^*)), перечень (В) пуст.

Интересно заметить, что предложение
(15) *Иван знаком не со всеми, но с Федором он действительно знаком* абсолютно правильно. Что касается "допущения о единственности", то в данном случае неясно, как можно было бы пытаться его сформулировать.

§ 3. Отрицательное определение и обстоятельство

1. Случай типа

(16) *Иван любит не умную девушку*

с эмфатически выделенным прилагательным анализируются аналогично тому, как было сделано для существительных. В нашем примере тема 'Иван любит [какую-то] девушку', рема - 'Эта девушка умная'. Существуют две типичные ситуации употребления (16), аналогичные описанным выше для (2). В первой ситуации перечень (А) состоит из
(α_1) Иван любит [какую-то] девушку,
(β_1) Девушка, которую любит Иван, единственна, и
(γ_1) Девушка, которую любит Иван, умная.

Перечень (В) состоит в этой ситуации из одного (γ_1), а перечень (С) пуст. Во второй ситуации перечень (А) состоит из (α_1) и (β_1), перечень (С) - из ($\bar{\gamma}_1$) (отрицания (γ_1)), перечень (В) пуст. Необходимость допущения (β_1) подтверждается в обеих ситуациях аномальностью предложения

(17) *Иван любит не умную девушку, но глупую он действительно любит.*

В обеих ситуациях возможен вариант, когда слово *умная* употребляется как отличительный признак некоторой определенной девушки - так что (γ_1) означает

Девушка, которую любит Иван - та, которую вы знаете как "умную девушку".

Наши рассуждения остаются в силе и в этом случае.

Для предложения

(18) *Ивану нравятся не умные девушки*

с эмфатически выделенным *умные* в первой ситуации перечень (А) состоит из

(α_2) Ивану нравится какая-то категория девушек,

(β_2) Категория девушек, которая нравится Ивану, единственна, и

(γ_2) Категория девушек, которая нравится Ивану, - умные девушки.

Остальное получается - для обеих ситуаций - так же, как в предыдущем примере. Необходимость (β_2) подтверждается аномальностью предложения

(19) *Ивану нравятся не умные девушки, но глупые ему действительно нравятся.*

Замечание. Совершенно так же, как (16) можно проанализировать и предложение

(20) *Иван любит не выдуманную девушку*

с эмфатически выделенным *выдуманную*; в частности, перечень (А) будет содержать то же самое допущение (α_1). Ведь если даже девушка, которую любит Иван, существует только в его воображении, его душевное состояние все же есть состояние любви к девушке, и, более того, можно говорить о свойствах этой девушки, созданной его воображением, т.е. образа, который он любит. Кстати, и в том случае, когда девушка реально существует, свойства ее, о которых идет речь, могут оказаться присущими ей лишь в воображении Ивана: возможен вариант употребления (16), при котором говорящий и слушающий считают девушку реальной, но в (γ_1) подразумевается не то, что она действительно умная, а что Иван считает ее умной. Наконец, (16) может употребляться также и тогда, когда речь идет о выдуманной Иваном девушке. Все это приводит к мысли, что различие между "экстенциональными" и "интенсиональными" прилагательными (см. Montague 1974 а,б) в лингвистическом аспекте не является существенным. Здесь видна ограниченность подхода, при котором значения языковых единиц описывается исключительно средствами теории моделей, т.е. по существу, сводятся к истинностным значениям. Плодотворный в одних случаях, такой подход может оказаться совершенно недостаточным в других, а в третьих - как в нашем примере - может привести к возникновению псевдопроблем.

2. Перед невыделенным прилагательным частица *не* может употребляться лишь тогда, когда образует с ним цельную лексическую единицу: можно сказать, например,

(21) *Иван любит некрасивую девушку,*

но нельзя

(22) *Иван купил не железную кровать*

(без эмфатического выделения). В случаях, подобных (21), мы имеем дело не с синтаксическим, а со словообразовательным явлением, находящимся вне рамок наших рассматриваний. Словообразовательный характер частицы *не* в этих случаях признается и традиционной грамматикой, что отражается в слитном написании. Почему невозможны случаи вроде (22), понятно: невыделенное прилагательное не может быть ремой и, следовательно, над ним не могут производиться операции, описанные в предыдущем параграфе. Но возникает вопрос: почему от одних прилагательных образуются новые "отрицательные прилагательные", а от других - нет? Это разделение прилагательных не совпадает с делением на качественные и относительные: нет, например, слова *нежелтый*, но есть *непищевой*, *невоенный*, *нелинейный*. Ответ дает следующее наблюдение: во всех без исключения случаях, когда "отрицательное прилагательное" возможно, те или иные "вещи" с соответствующими "отрицательными свойствами" могут быть предметом разговора, изучения и т.п., т.е. могут быть темами: можно говорить о *непищевых жирах*, *невоенных отраслях промышленности*, *нелинейных уравнениях*. В то же время "нежелтым" или "нежелезным" вещам труднее в сколько-нибудь естественной ситуации стать предметом разговора. (Но если кто-нибудь все же напишет научную монографию о кроватях, сделанных не из железа, она, конечно, будет называться "Нежелезные кровати"!)

Таким образом, критерием, определяющим, может ли сочетание прилагательного с *не* образовать единую лексику, можно считать его "способность быть темой"¹³. Интересно было бы исследовать, применим ли этот критерий к каким-либо другим "пограничным явлениям" между синтаксисом и словообразованием.

Заметим еще, что "отрицательное прилагательное", являющееся цельной лексической единицей, может, как и любое другое слово, оказаться эмфатическим выделенным, например:

(21') *Иван любит некрасивую девушку.*

Предложение (21') остается за рамками наших рассмотрений точно так же, как (21).

3. Описанный выше способ анализа применим, как кажется, ко всем атрибутивно употребляемым прилагательным, за исключением кванторных: *весь, каждый всякий, многие, один, два, три, ...* и т.п. Эти последние не требуют "допущений о единственности", а в остальном ведут себя так же, как прочие. Например, у предложения

(23) *Иван съел не все яблоки*

с выделенным *все* тема - Иван съел какие-то яблоки, рема -

Яблоки, съеденные Иваном, не исчерпывают интересующую нас совокупность яблок. Типичные ситуации употребления этого предложения - такие же, как для (2). В первой ситуации перечень (А) состоит из допущений

(α_1^*) Иван съел какие-то яблоки, и

(γ_1^*) Яблоки, съеденные Иваном, исчерпывают интересующую нас совокупность яблок,

перечень (В) - из одного (γ_1^*), перечень (С) пуст. Во второй ситуации перечень (А) состоит из одного (α_1^*), перечень (С) - из ($\bar{\gamma}_1^*$) (отрицания (γ_1^*)), перечень (В) пуст. Предложение

(24) *Иван съел не все яблоки, но два яблока он действительно съел*

вполне правильно.

Одна из особенностей кванторных прилагательных, перед которыми возможно отрицание¹⁴, состоит в том, что они редко употребляются без выделения ("подчеркивания"). Поэтому может возникнуть впечатление, что перед такими кванторными прилагательными в предложении всегда можно поставить частицу *не*. Однако употребление этих прилагательных без выделения все же возможно. Например:

(25) *Федор и Иван сегодня провинились: Федор разбил чашку,
Иван съел все яблоки.*

Заметим, что "положительное" предложение

(25) *Иван съел все яблоки*

с выделенным *все* - как, впрочем, и

(26) *Иван любит умную девушку -*

может быть проанализировано аналогично предложению (7) и, таким образом, отвечает одной из операций указания, восстановления или

замены ¹⁵. Во всех трех случаях перечень (А) будет содержать допущение (α_1^*) (ср. выше таблицу 1). Вероятно, таким же образом ведет себя английское *every*, которое Hausser (1976) причисляет к словам, "порождающим презумпцию" (presupposition inducers).

Высказанные только что соображения объясняют, почему такие слова, как *все* и *every*, обладают свойством порождать презумпцию и одновременно показывают, что оно присуще им все же не всегда.

4. Аналогично предыдущему можно рассмотреть случай употребления *не* перед наречием в функции обстоятельства. Например, предложение

(27) *Иван работает не здесь*

может употребляться в двух ситуациях, совершенно аналогичных описанным ранее и отвечающих соответственно устранению и ограничению. В первой ситуации перечень (А) состоит из

(α_3) Иван где-то работает,

(β_3) Место работы Ивана единственно ¹⁶, и

(γ_3) Место работы Ивана - здесь;

перечень (В) состоит в этой ситуации из одного (γ_3), перечень (С) пуст. Во второй ситуации перечень (А) состоит из (α_3) и (β_3), перечень (С) - из ($\bar{\gamma}_3$) (отрицания (γ_3)), перечень (В) пуст. Необходимость допущения (β_3) подтверждается аномальностью предложения

(28) *Иван работает не здесь, но в университете он действительно работает.*

Особняком стоят кванторные наречия, не требующие "допущений о единственности". Так, для предложения

(29) *Иван не всегда опаздывает*

перечень (А) состоит из допущений

(α_3^*) Иван [в какие-то моменты времени] опаздывает, и

(γ_3^*) Моменты времени, когда Иван опаздывает, исчерпывают интересующую нас совокупность моментов времени;

перечень (В) состоит из одного (γ_3^*), перечень (С) пуст. Во второй ситуации перечень (А) состоит из одного (α_3^*), перечень (С) - из ($\bar{\gamma}_3^*$) (отрицания (γ_3^*)), перечень (В) пуст. При этом предложение (30) *Иван не всегда опаздывает, но вчера он действительно опоздал* вполне правильно.

Совершенно так же, как перед наречием, ведет себя частица *не* перед обстоятельством, выраженным предложной группой. Напри-

мер, предложение

(31) *Иван работает не в городе*

можно проанализировать как (27).

Что касается невыделенных, т.е. "нерематических" наречий, как в

(32) *Иван невесело усмехнулся,*

то они, подобно невыделенным прилагательным (см. выше), могут иметь при себе частицу *не* лишь тогда, когда образуют с ней цельную лексическую единицу. (Такое "отрицательное наречие" может быть и выделено - ср. (21)). В русской орфографии в этих случаях *не* пишется слитно с наречием. Условия возможности образования "отрицательного наречия", видимо, таково же, как для прилагательных.

5. Случаи определения, выраженного причастием, и обстоятельства, выраженного деепричастием, могут быть проанализированы совершенно аналогично разобранным выше. То же относится к несогласованным определениям (*Это дом не брата*). Подробно останавливаться на этих случаях мы не будем.

§ 4. Отрицательное сказуемое

1. Мы видим, что перед актантом, определением и обстоятельством частица *не* выполняет по существу одинаковые функции. Случай сказуемого до некоторой степени аналогичен разобранным выше, хотя и не полностью. Рассмотрим, например, следующие предложения:

(33) *Иван не пришел.*

(34) *Иван не студент.*

(35) *Девушка, которую любит Иван - не Мария.*

(36) *Девушка, которую любит Иван, не умная.*

У предложений (33) и (34) "внешняя" тема - *Иван*, у (35) и (36) - *девушка, которую любит Иван*. "Внешние" ремы этих предложений - *не пришел, не студент, не Мария, не умная*. ("Внутренняя" рема в каждом из этих случаев может быть выражена самим анализируемым предложением.) Для каждого из этих предложений имеются две типичные ситуации употребления, вполне аналогичные описанным выше. В первой ситуации перечень (А) для (33) состоит из допущений (α_4) *Иван совершил какое-то "действие или бездействие"* ¹⁷ и (γ_4) *Это "действие или бездействие" - приход,*

для (34) - из

(α_5) Иван принадлежит к некоторой категории людей, и

(γ_5) Эта категория - студенты,

для (35) - из

(α_6) Девушка, которую любит Иван, имеет некоторое имя, и

(γ_6) Это имя - Мария,

для (36) - из

(α_7) Девушка, которую любит Иван, обладает некоторым качеством, и

(γ_7) Это качество - ум.

Перечень (В) в каждом из этих случаев состоит из одного допущения - соответственно (γ_4), (γ_5), (γ_6), (γ_7); перечень (С) во всех случаях пуст. Для второй ситуации перечень (А) состоит в каждом случае из одного допущения - соответственно (α_4), (α_5), (α_6), (α_7); перечень (В) в каждом случае пуст, а перечень (С) состоит соответственно из ($\bar{\gamma}_4$), ($\bar{\gamma}_5$), ($\bar{\gamma}_6$), ($\bar{\gamma}_7$) (отрицаний (γ_4), (γ_5), (γ_6), (γ_7)). "Допущения о единственности" для всех этих предложений в обеих ситуациях отсутствуют, хотя, в отличие от случаев кванторных актантов, определений и обстоятельств, эти допущения легко сформулировать. Отсутствие допущений о единственности подтверждается для примеров (33), (34) и (36) правильностью предложений

(37) *Иван не пришел, но он действительно разговаривал с Федором.*

(38) *Иван не студент, но он действительно спортсмен.*

(39) *Девушка, которую любит Иван, не умная, но она действительно красивая.*

Что касается примера (35), то для него соответствующее предложение

(40) *Девушка, которую любит Иван - не Мария, но это действительно Варвара*

аномально, однако, этот факт является специфической особенностью данного примера; дело в том, что "условие единственности" порождается здесь тем дополнительным обстоятельством, что русский человек в нормальном случае имеет только одно имя.

Такой анализ относится, как и для определений и обстоятельств, только к собственно синтаксическому употреблению частицы *не*, когда она не образует единого целого с отрицательным словом. Такое собственно синтаксическое употребление отрицания *не* возможно лишь при выделенном ("рематическом") сказуемом. "Слово-

образовательное" же употребление возможно как при выделенном сказуемом, так и при невыделенном:

(41) Иван не спит.

(42) Иван уже давно не спит.

(43) С Федором Иван не разговаривает.

(44) Иван не разговаривает с Федором уже давно.

Здесь *не спит* и *не разговаривает* совершенно определенно ощущаются как цельные лексические единицы (причем для *не спит* имеется "положительный" синоним *бодрствует*).

В русской орфографии частица *не* при глаголе, в отличие от прилагательного и наречия, всегда пишется отдельно, но это, разумеется, не более чем случайная особенность правописания (ср. литовскую и латышскую орфографию, где отрицание *ne*, функционирующее, по-видимому, сходно с русским *не*, пишется слитно с глаголом; однако и там синтаксическое и словообразовательное отрицание орфографически не различаются, поскольку написание всегда слитное).

Можно ли извлечь что-либо поучительное из того факта, что анализ синтаксического употребления *не* при сказуемом сходен с анализом его употребления при кванторных актантах, определениях и обстоятельствах? Нам представляется, что вряд ли. Сходство это скорее внешнее, чем глубинное: в "кванторном" случае допущение о единственности не имеет смысла, в то время как в случае сказуемого смысл его ясен, но в числе допущений при данном речевом акте оно не фигурирует. Совмещаться эти случаи, по-видимому, не могут: "кванторных глаголов" не существует¹⁸, а кванторные существительные и прилагательные не употребляются в качестве сказуемых.

2. Совершенно аналогично примерам (33) - (36) анализируются случаи, когда рема представляет собой не "голое" сказуемое, а группу сказуемого, например:

(45) Они не ссорятся из-за пустяков.¹⁹

(46) Иван не может уйти.

без эмфатически выделенных слов.

В первой ситуации перечень (А) состоит для (45) из допущений

(α_8) Они совершат какое-то "действие или бездействие", и

(γ_8) Это "действие или бездействие" - споры из-за пустяков,

для (46) - из

(α_9) Иван находится в некотором состоянии, и

(γ_9) Это состояние - возможность ухода;

перечень (В) состоит соответственно из одного (γ_8) или одного (γ_9), перечень (С) пуст. Во второй ситуации перечень (А) состоит соответственно из (α_8) или (α_9), перечень (В) пуст, перечень (С) состоит из ($\bar{\gamma}_8$) или ($\bar{\gamma}_9$).

Так же анализируются и предложения с более чем одной темой, например:

(47) Иван не любит Марию.

(48) Иван не может уйти.

с эмфатически выделенным *не любит*, *не может*.

Здесь в первой ситуации перечень (А) включает допущения - для (47) -

(α_{10}) Иван находится в некотором отношении к Марии, и

(γ_{10}) Это отношение - любовь Ивана к Марии,

и - для (48) -

(α_{11}) Иван находится в некотором отношении к уходу, и

(γ_{11}) Это отношение - возможность;

перечень (В) состоит соответственно из одного (γ_{10}) или одного (γ_{11}), перечень (С) пуст. Во второй ситуации перечень (А) состоит соответственно из (α_{10}) или (α_{11}), перечень (В) пуст, перечень (С) состоит из ($\bar{\gamma}_{10}$) или ($\bar{\gamma}_{11}$).

3. Особого рассмотрения требует явление, которое Е. В. Падучева (1974) называет смещенным отрицанием - когда отрицание стоит перед сказуемым, но семантически относится, по-видимому, к некоторому обстоятельству или определению, которое является ремой, например:

(49) Он *не спал* долго.

(50) Он *не решил* всех ваших задач.

(51) Они *не ссорятся* часто

(52) Я *этого не знаю* точно.

Для таких предложений имеются синонимичные с отрицанием перед обстоятельством:

(49') Он спал *недолго*.

(50') Он решил *не все* ваши задачи.

(51') Они ссорятся *не часто*.

(52') Я знаю это не точно.

Мы сталкиваемся здесь как будто с исключением из общего правила, согласно которому частица *не* стоит непосредственно перед своей областью действия.

Нам представляется, однако, что исключение это кажущееся. Чтобы понять, в чем здесь дело, обратим внимание прежде всего на то, что слово, к которому относится отрицание, в этом случае всегда обозначает либо квантор общности, либо "высокую степень" или интенсивность действия или состояния, выражаемого сказуемым. Можно говорить здесь о "кванторе интенсивности", частным случаем которого является квантор общности. Однако при употреблении такого квантора интенсивности, за редким исключением (ср. выше § 3.3.), наличие того действия или состояния, к которому относится квантор, подразумевается, и поэтому возникает своеобразная нейтрализация: например, утверждать наличие действия/состояния вместе с квантором оказывается все равно, что утверждать только наличие квантора. А это значит, что предложения типа (49) - (52) могут быть проанализированы аналогично (45) и (46) - т.е. как предложения, у которых ремой является группа сказуемого, - с той только разницей, что к перечню А добавляются допущения

Он спал

Он решил какие-то из ваших задач

и т.п. Ср. еще пары предложений

(53) Он не ночевал дома.

(53') Он ночевал не дома.

и

(54) Он не отдыхал дома.

(54') Он отдыхал не дома.

Предложения (53) и (53') синонимичны, а (54) и (54') - нет, и причина этого различия совершенно очевидна: подразумевается, что человек где-то ночует, в то время как без отдыха можно и обойтись. 20

4. В контексте отрицательного сказуемого в русском языке встречаются отрицательные местоимения *никто*, *ничто*, *никакой*, *нигде* и т.п., описание смысла которых вызывает определенные трудности. Обычно считают (см., например, Падучева 1974), что одно из двух

отрицаний - при сказуемом и при местоимении - является основным, а другое представляет собой чисто формальное явление, в сущности, "ненужное" - один из досадных "алогизмов" русского языка.²¹ Возникает вопрос, какое из двух отрицаний считать основным. В книге Падучева 1974 он решается в пользу отрицания при местоимении: утверждается, что его следует считать основным, а отрицание при сказуемом - производным. Это решение, однако, не "работает": в соответствии с ним в предложении

(55) *Иван ничего не видел*

отрицание следовало бы считать относящимся к актанту - иначе говоря, это предложение нужно было бы описывать точно так же, как (11); но (11) описывается по принятой в Падучева 1974 схеме как результат применения "трансформации отрицания" к предложению *Неверно, что те, кого видел Иван - девушки*, в то время как для (55) подобное описание невозможно, и приходится считать исходным для (55) предложение

(55') *Неверно, что Иван что-то видел.*

а такое описание ничем не поддерживает тезис о первичности отрицания при местоимении. Что касается второго возможного решения - признать первичным отрицание при сказуемом - то оно в рамках схемы Е.В. Падучевой заставляло бы считать исходным для (55) предложение

(55'') *Для всего верно, что Иван это видел.*

Такая возможность также обсуждается в книге Падучева 1974, но считается менее удобной.

Посмотрим, что в этом случае дает наша методика.

Что является в предложении (55) ремой, т.е. собственно сообщением? Конечно, не *ничего* и не *не видел*, а *ничего не видел*. В соответствии с этим перечни (А), (В), (С) выглядят здесь так: в первой ситуации перечень (А) состоит из (α_{12}) Иван совершил некоторое "действие или бездействие", и (γ_{12}) Это "действие или бездействие" - видение чего-то; перечень (В) состоит из одного (γ_{12}) и перечень (С) пуст; во второй ситуации перечень (А) состоит из одного (α_{12}) , перечень (В) пуст и перечень (С) состоит из одного $(\bar{\gamma}_{12})$.

Рассмотрим теперь предложение

(56) *Иван не видел никаких девушек.*

Здесь рема - *не видел никаких девушек*. В первой ситуации перечень (А) состоит из

(α_{13}) Иван совершил некоторое "действие или бездействие", и
(γ_{13}) Это "действие или бездействие" - видение [каких-то] девушек,

перечень (В) состоит из одного (γ_{13}) и перечень (С) пуст; во второй ситуации перечень (А) состоит из одного (α_{13}), перечень (В) пуст и перечень (С) состоит из одного ($\bar{\gamma}_{13}$).

Обратимся, наконец, к предложению

(57) *Никто не пришел*.

Это предложение, также как и

(57') *Кто-то пришел*

не имеет темы. Ремой в (57') является сообщение о наличии ситуации 'прихода', в (57) - об отсутствии такой ситуации. Для предложения (57) в первой из двух типичных ситуаций его употребления (аналогичных рассматривавшимся выше) перечень (А) состоит из допущений

(α_{14}) Имеется некоторая ситуация, и

(γ_{14}) Эта ситуация - [чей-то] приход,

перечень (В) состоит из одного (γ_{14}), и перечень (С) пуст; во второй ситуации перечень (А) состоит из одного (α_{14}), перечень (В) пуст и перечень (С) состоит из одного ($\bar{\gamma}_{14}$).

Аналогичным образом анализируются предложения с несколькими отрицательными местоимениями. Так, предложение

(58) *Никто ни с кем никогда не бегивал в действительности*

[И.С. Тургенев]

имеет тему *в действительности*; перечень (А) для него состоит в первой ситуации из допущений

(α_{15}) В действительности имеет место некоторая ситуация, и

(γ_{15}) Эта ситуация состоит в том, что иногда кто-то с кем-то бегивал;

перечень (В) состоит из одного (γ_{15}), перечень (С) пуст. Для второй ситуации перечни легко составить по аналогии с предыдущими примерами.²²

Возможны, впрочем, и такие случаи, когда ремой является отрицательное местоимение само по себе. Тогда сказуемое образует с отрицанием единое лексическое целое, как в 41 - 44 ,

а отрицательное местоимение имеет значение усиления, т.е. является "квантором интенсивности". Рассмотрим пример:

Иван никогда не спит после обеда.

без *никогда* это предложение означало бы, скорее всего, что Иван, как правило, не спит после обеда. Предложение 59 анализируется совершенно так же, как

Иван всегда спит после обеда.

Для каждого из этих двух предложений имеются три типичные ситуации употребления, аналогичные описанным выше для примера 7 и отвечающие операциям указания, восстановления и замены. Перечни А, В, С для 59 и 60 показаны в таблице 2. Обозначения объясняются ниже.

Таблица 2

	Пример (60)			Пример (59)		
	А	В	С	А	В	С
Указание	α_{16}	\emptyset	γ_{16}	α_{17}	\emptyset	γ_{17}
Восстановление	$\alpha_{16}, \bar{\gamma}_{16}$	$\bar{\gamma}_{16}$	γ_{16}	$\alpha_{17}, \bar{\alpha}_{17}$	$\bar{\gamma}_{17}$	γ_{17}
Замена	$\alpha_{16}, \gamma'_{16}$	γ'_{16}	γ_{16}	$\alpha_{17}, \gamma'_{17}$	γ'_{17}	γ_{17}

Здесь

(α_{16}) Иван при некоторых обстоятельствах спит после обеда,

(γ_{16}) Обстоятельства, при которых Иван спит после обеда, исчерпывают все возможности,

(γ'_{16}) Обстоятельства, при которых Иван спит после обеда, состоят в том, что он устал или: он болен, у него нет срочной работы, на дворе воскресенье и т.п.;

(α_{17}) и (γ_{17}) получаются соответственно из (α_{16}) и (γ_{16}) заменой "спит" на "не спит"; как получить (γ'_{17}), также ясно.

Таким образом, слово *никогда* оказывается в этих случаях вариантом местоимения *всегда*, употребляемым в контексте отрицательного сказуемого, образующего одно лексическое целое. Точно так же, слово *никто* будет в подобных случаях вариантом слова *все* в субстантивном значении, *никакой* - вариантом того же слова в атрибутивном значении, *нигде* - вариантом слова *везде*, и т.п.

Замечания:

1. Из наших рассмотрений видно, что не только отрицание, но

и кванторы в русском языке функционируют совсем не так, как в формальной логике. Мы уже отмечали, что квантор общности в русском языке является частным случаем "квантора интенсивности", имеющего значение усиления. Что касается квантора существования, то он, в сущности, выражается по-русски только специальными глаголами *существует, имеется, найдется* и т.п.; местоимения *кто-то, что-то, какой-то, где-то* и т.п., считающие обычно кванторными, на деле представляют собой составные части описаний "общих" ситуаций: предложение *Кто-то пришел* описывает ситуацию 'прихода' так же, как *Стучат* - ситуацию 'стука'; предложение *Иван кого-то любит* описывает ситуацию 'любви Ивана' точно так же, как *Иван влюблен*.

2. Есть и другие языки, в которых отрицательное местоимение сочетается с отрицательным сказуемым. В качестве примеров приведем следующие четыре:

а) Польский: *Pójrzał, zadrżał, nie znalazł nikogo.*

Посмотрел, задрожал, не нашел никого.

A. Mickiewicz

б) Латвийский: *Man nepatīk neviens amats, kas cilvēku sauri gadu notur istabā.*

Мне не нравится никакое ремесло, которое держит человека круглый год в комнате.

R. Blaumanis

в) Французский: *Un soir, à l'heure où on ne voit plus rien, je fumais, appuyé sur le parapet du quai...*
Однажды вечером, когда уже ничего не было видно, я курил, облокотясь о парапет набережной...

P. Merimée

г) Венгерский: *Negyha nem kell senkinek, hát az ördög veszi meg.*

Если никому не нужно, пусть купит дьявол.

J. Attila

Во всех этих предложениях отрицательные местоимения (*nikogo, neviens, rien, senkinek*) находятся в контексте отрицательных сказуемых (*nie znalazł, nepatīk, ne voit, nem kell*).

Наиболее известные примеры языков, где такого "удвоения отрицания" не происходит - немецкий и английский. Ср. однако *Das ist kein Spielzeug nicht!* - *Это вовсе не игрушка!* [A. Chamisso],

где двойное отрицание употреблено для усиления. Таково же, скорее всего, происхождение "двойного отрицания" в тех языках, где оно обязательно: первоначально оно служило для усиления. Ср. в этой связи также следующие случаи употребления "лишнего" отрицания с целью усиления в латышском языке: *To nevar glābt no sārta ne pats dievs!* - *Того не может спасти от костра и сам бог!* (букв. ни сам бог) [J. Rainis]; *Ne Rīgā tādas nav!* - *Таких нет и в Риге!* (букв. ни в Риге) [J. Rainis].

§ 5. Другие случаи употребления *ne*.

Заключительный замечания.

1. "Отрицательные предлоги" (эмфатически выделенные) могут быть проанализированы аналогично случаям, разобранным в §§ 2, 3. Рассмотрим, например, предложение

(61) *Сирень росла не перед домом.*

Тема этого предложения - 'Сирень росла в месте, находившемся в некотором отношении к дому', рема - 'Это отношение - "не быть впереди"'. Типичные ситуации употребления - такие же, как выше. В первой ситуации перечень (А) состоит из

(α_{18}) Место, где росла сирень, находилось в некотором отношении к дому,

(β_{18}) Это отношение единственно, и

(γ_{18}) Это отношение - "быть впереди";

перечень (В) состоит из одного (γ_{18}), а перечень (С) пуст. Во

второй ситуации перечень (А) состоит из (α_{18}) и (β_{18}), перечень

(С) - из ($\bar{\gamma}_{18}$), и перечень (В) пуст. Необходимость допущения (β_{18}) подтверждается аномальностью предложения

(62) *Сирень росла не перед домом, но за домом она действительно росла.*

Если отрицание стоит перед невыделенным предлогом, его областью действия служит вся предложная группа. Этот случай был рассмотрен в § 2.

2. Мы разобрали, как кажется, все главные случаи употребления отрицательной частицы *ne*. Отставшие случаи - достаточно периферийные, и мы остановимся только на одном из них, связанном с вопросом, который естественно задать, завершая разбор: Может ли все-таки быть областью действия русской частицы *ne* предложение

как целое, и если да, то в каких случаях?

Из наших рассмотрений легко сделать вывод, что это может быть лишь в атематических предложениях, т.е. таких, которые совпадают со своими ремами. Один тип таких предложений мы уже рассмотрели - предложения с отрицательными местоимениями вроде 57. Но эти предложения имеют вырожденную семантическую структуру, сводящуюся к незаполненной "ситуационной рамке". Бывают ли атематические предложения более сложной структуры? Да: такие предложения нередки в поэтической речи, в частности, в народных песнях. И именно в народных песнях и в восходящих к песенной традиции поэтических произведениях мы встречаемся иногда с отрицанием, действующим на целое предложение:

*Не дождик березку обмывает,
Здесь в роще девок прибывает* Народная песня

*Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
Но за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич* М.Ю. Лермонтов

*Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз - воевода дозором
Обходит владенья свои* Н.А. Некрасов

3. В заключение - два замечания общего характера.

1) Наши рассмотрения показывают, что русская частица *не* является не "сентенциональным", а "рематическим" отрицанием. Такие "универсальные рематические" отрицательные частицы наверняка есть и в других языках, и было бы очень интересно провести аналогичные исследования на материале других языков, как близко родственных русскому славянских и балтийских, так и более далеких, в том числе неиндоевропейских (в частности, кажется весьма правдоподобным, что аналогичным образом ведет себя венгерская частица *net* и частица *lo* в современном иврите).

2) Мы видели, что при глаголах, прилагательных и наречиях частица *не* может регулярно выполнять как синтаксическую, так и словообразовательную функцию. Исключение составляют существительные, для которых словообразовательная функция не является регулярной: "отрицательных существительных" немного, значение их, как правило,

довольно далеки от простых отрицаний значений соответствующих "положительных", а главное - этот способ образования существительных непродуктивен. Причина такой особенности авторам неясна.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Два предыдущих шага сделаны - дело читателя судит, насколько удачно - в статьях Гладкий 1979 б и Гладкий 1982.
2. Схема описания, используемая в настоящей работе, несколько изменена и усовершенствована по сравнению с применявшейся в Дрейзин 1978.
3. Под высказыванием мы понимаем, следуя М.М. Бахтину (Бахтин 1979 а,б) реальную (не абстрактную) единицу речевого общения, границы которого определяются сменой субъектов речи. О значении бахтинской теории высказывания для лингвистической семантики см. Гладкий 1981 а .
4. Более обычна другая трактовка этих случаев, при которой считается, что в предложении нет ни темы, ни ремы. Кроме того, обычно рассматриваются только предложения с единственной темой. В остальном используемые нами понятия темы и ремы, как кажется, не отличаются сколько-нибудь существенно от общепринятых.
5. В подобных случаях многие лингвисты предпочтут говорить о "пресуппозиции" (presupposition) и "утверждении" (assertion). Наши "тема" и "рема" - понятия более общие.
6. Так в случае, когда в предложении нет эмфазы. При эмфатически выделенном в *Ташкенте* это предложение имеет, в зависимости от интонации, либо тему в *Ташкенте* и рему *Иван женился*, либо тему *Иван женился* и рему в *Ташкенте*.
7. Мир этот, разумеется, не обязательно реальный - (Иван может быть, например, персонажем литературного произведения).
8. В более слабом случае опровержения происходит просто и з ъ я-т и е убеждения из перечня (А). Это делается не с помощью отрицания, а другими способами, ср. *Иван вряд ли бывал в Париже*.
9. Один из рецензентов первоначального варианта статьи в качестве возражения против тезиса о наличии допущения (β) указал на правильность английского предложения
John doesn't like Mary but he certainly loves Barbara.
Но русский эквивалент этого предложения не (3) , а вполне правильное
(3') *Иван не любит Марию, но Варвару он действительно любит.*
Для (3') перечень (А) состоит из допущений (α), (β) и (γ')
10. В составе конструкции *не NP₁, а NP₂* (NP₁ и NP₂ - именные группы) союз *не...а*, по-видимому, выполняет функцию "объектообразующего оператора". Интересно было бы детально изучить семантическое поведение этого союза (и аналогичных союзов в других языках, например, венгерского *net...hanem*).

11. Из наличия (γ) в перечне (B) не вытекает автоматически, что перечень (C) должен содержать ($\bar{\gamma}$) в качестве убеждения. Ср. *Не знаю, кого любит Иван, но, конечно, не Марию. - Почему? Может быть Марию, а может быть, и нет.*
12. При этом несущественно, идет ли речь об "определенном яблоке" (англ. *the apple*) или "неопределенном" (англ. *an apple*).
13. Мы оставляем в стороне тот хорошо известный факт, что в ряде случаев "отрицательное" прилагательное не в точности выражает отрицание свойства, обозначаемого "положительным": *неумный* означает не то же самое, что 'не являющийся умным', *неумеренный* - не то же самое, что 'не являющийся умеренным', и т.п. Это, скорее всего, результат какого-то "сдвига" значений в процессе изменения языка.
14. Невозможно оно при прилагательных, имеющих значение "неопределенности" и "неопределенного количества": *какой-то, кое-какой, некоторые, несколько* и т.п. (за исключением случая, когда не входит в состав союза *не...а*: *Иван съел не какое-то яблоко, а то самое*).
15. Примеры соответствующих контекстов для (25):
 1. [*Я не знаю, сколько яблок съел Иван. А ты знаешь? - Знаю.*] *Иван съел все яблоки.*
 2. [*Не знаю, сколько яблок съел Иван, но, конечно, не все. - Ошибаешься.*] *Иван съел все яблоки.*
 3. [*Ты думаешь, Иван съел только два яблока? Нет.*] *Иван съел все яблоки.*Аналогичным образом легко подобрать контексты для (26).
16. Если на самом деле Иван работает более чем в одном месте, то под 'местом работы Ивана' подразумевается либо совокупность всех мест, где он работает, либо место его основной работы.
17. Юридический термин, представляющийся нам в данном случае подходящим.
18. Ср. замечание У. Вейнрейха (Weinreich 1961) об отсутствии в английском языке "глагола всеобщности".
19. Примеры (45), (46) и (50) заимствованы из книги Падучева 1974.
20. Особенностью предложений 45, 49 - 52 является естественность "топикализации" квантора интенсивности: *Долго он не спал* и т.д. Такие случаи легко подвести под нашу трактовку, если понимать "кванторное" слово как уточнение смысла "подкванторной" составляющей: *"Если понимать сон как долгий сон, то он и не спал вовсе."*
21. Один из авторов настоящей работы также отдал дань этому представлению в Гладкий 1981б, стр. 22.
22. В этом примере мы намеренно огрубели картину, вырвав предложение из контекста. У Тургенева оно входит в состав следующего сложного предложения: *Литвинов очень серьезно размышлял: решимость его была сильная, без малейшего колебания, а между тем, против его воли, мимо его воли, что-то несерьезное, почти комическое проступило, просачивалось сквозь его размышления, точно оамое его предприятие было делом шуточным и никто ни с кем никогда не бегивал в действительности, а только в комедиях да романах, да, пожалуй, где-нибудь в провинции, в каком-нибудь*

чухломском или сязранском уезде, где, по уверению одного путешественника, людей со скуки даже рвет иногда. Наша методика в ее нынешнем виде не дает возможности анализировать подобные предложения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- БАХТИН М. М. (1979а) Проблема речевых жанров. В кн.: Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 237-280.
- БАХТИН М. М. (1979б) Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. *Ibid.*, 281-307.
- ГЛАДКИЙ А. В. (1979а) Некоторые соображения о взаимоотношении между естественным языком и языком математической логики. В сб.: *Семиотика и информатика*, вып. 12, 182-183.
- ГЛАДКИЙ А. В. (1979б) О значении союза *ИЛИ*. В сб.: *Семиотика и информатика*, вып. 13, 196-214.
- ГЛАДКИЙ А. В. (1981а) Идеи М. М. Бахтина о высказывании и диалоге и их значение для формальной семантики естественного языка. В сб.: *Интерактивные системы. Доклады и тезисы докладов и сообщений третьей школы-семинара*. Кн.1. Тбилиси, 33-43.
- ГЛАДКИЙ А. В. (1981б) Описание синтаксической структуры предложения с помощью систем синтаксических групп. Лингвистическая интерпретация. *Slavica*, XVII, 5-38; XVIII, 21-50.
- ГЛАДКИЙ А. В. (1982) О значении союза *ЕСЛИ*. В сб.: *Семиотика и информатика*, вып. 18, 43-75.
- ПАДУЧЕВА Е. В. (1974) *О семантике синтаксиса*. М.: Наука.
- DREIZIN F. - D. RAAB (1978) Towards a Dynamic Representation of Sentence Meaning. *Slavica Hierosolymitana*, 2, 119-130.
- HAUSSER R. (1976) Presuppositions in Montague Grammar. *Theoretical Linguistics*, 3, 245-280.
- MONTAGUE R. (1974а) The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. In: Thomason R. H. (ed.) *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. Yale University Press, 247-270.
- MONTAGUE R. (1974б) English as a Formal Language. *Ibid.*
- WEINREICH U. (1961) On the Semantic Structure of Language. In: Greenberg H. (ed.) *Universals of Language*. M.I.T. Press, 128-129.

Wim HONSELAAR (Amsterdam)

WORD ORDER IN RUSSIAN NOUN PHRASES.

1. INTRODUCTION

Linguists agree that if a noun phrase $abc\acute{N}$ (in which a , b and c stand for modifiers and \acute{N} for the accented head dominating the modifiers) is acceptable, any variant order of these prenominal modifiers ($acb\acute{N}$, $cab\acute{N}$, etc.) is not necessarily equally acceptable in the same or any other context/situation. Native informants may consider the results of changing the word order unacceptable, acceptable under certain conditions, acceptable but find that the original order is to be preferred, acceptable with or without any perceptible semantic and/or stylistic difference, etc., etc. Linguistic research has tried to account for these observations and appreciations by developing various theories of noun phrase organization. Several authors have restricted their investigations to (a) certain class(es) of modifiers (e.g. Sussex 1971); others cover all kinds of modifiers (e.g. Mel'čuk 1974). Further, we can distinguish between language specific theories (e.g. Stiehm 1975 for Spanish, and Mel'čuk 1974 for Russian) and universal theories (e.g. Hetzron 1978 and Seiler 1978). From the methodological viewpoint at least two approaches can be identified: a distributional and a semantic one. An intermediate one, in which the order of classes is semantically motivated or associated with meaning, I will call also "semantic". The first approach has as its objective the establishment of order classes, i.e. paradigms containing words which potentially occupy the same relative po-

sition in prenominal sequences. According to the way these classes are labelled we can distinguish:

- "part of speech" classifications: Mel'čuk (1974:291) labels his order classes "[...] *kvantornoe slovo, ukazatel'noe prilagatel'noe, količestvennoe slovo, prítjažatel'noe prilagatel'noe, porjadkovoe prilagatel'noe, prilagatel'noe, [...]*".

NB. Throughout this section the order of order class labels is not arbitrary: it shows the relative position of the classes (except for Stiehm (1975)); thus, for Mel'čuk (1974): a word falling into the class labelled "*količestvennoe slovo*" precedes possessive adjectives, etc.

Krylova, Khavronina (1976:40-41) content themselves with fewer classes: "*definite pronouns, demonstrative pronouns, possessive pronouns, adjectives*"; the latter class is, as it usually is in Russian normative grammars (see e.g. also Gvozdev II (1968:169)), subdivided into *qualitative* and *relative* adjectives. Within these subclasses the order is said to be "free".

- "semantic" classifications: Dixon (1977) splits up adjectives into 9 semantic classes: *Value, Dimension, Physical Property, Speed, Human Propensity, Age, Colour, Origin or Composition, Purpose or Beneficiary*; Hetzron (1978:169) proposes some refinements of this classification; however, his main objective is the establishment of a semantic arrangement rule.

- "mixed" classifications: Stiehm (1975:64) combines classes defined by lists of *n* words, such as */todo/, /ambos/, /nín-gún, algún, cada, cualquier/*, etc. with classes called *Determiners, Limiting Adjectives, Descriptive Adjectives*.

The semantic approach has as its aim the definition of the meaning of the arrangement of an unbroken string of 1, 2, ..., *n* prenominal elements modifying a nominal head. In Hetzron (1978:178) we find the following rule determining the ordering of adjectives in English and Hungarian, "and probably [...] many others that have not been examined": "[...] the major rule is to place the more objective and indisputable qualifications closer to the noun, and the more subjective, opinionlike ones farther away. This is not a discrete polar

distinction but a gradual one, where "relatively more subjective" is the relevant criterium." For illustrative purposes he uses an extended version of Dixon's sequence of order classes (17 classes instead of 9), for each of which he tries to demonstrate that its members give a less personal qualification than the members of its left neighbour.

Seiler (1978) proposes "a single principle based on the idea of *gradience*" (Hetzron 1978:165) in order to account for the ordering of all kinds of modifiers. This principle is reflected in two (three) rules:

Rule₁ (i) "The range of head nouns for which a determiner D is potentially applicable increases with the positional distance of that determiner from the head noun N." (:308)

and the concomitant

Rule₁ (ii) "The potential of a determiner D for singling out the object referred to by the head noun N increases proportionally with the positional distance of D from N." (:309)

These two rules correspond to the principle of extension; Seiler's Rule₂ corresponds to the principle of intension:

Rule₂ "'Determiners' indicate properties implied in the concept represented by the head noun. The degree of naturalness of such an implication of Dn_i vs. Dn_j decreases proportionally to the distance of Dn_i vs. Dn_j with regard to the head noun." (:310)

Thus: "The more widely a 'determiner' is applicable to a head noun (Rule₁), the more it contributes to determining the *reference* [= the object/Gegenstand] and the less it contributes to determining the *concept* of the head noun (Rule₂). The less widely applicable a 'determiner', the less it contributes to *reference* (Rule₁), and the more it contributes to identifying the *concept* (Rule₂), explicating as it were, its inherent *properties*." (:310)

While dealing with the same phenomenon as Seiler in his conclusion quoted above, Tesnière (1959:69) states that an adjective delimits the extensional of the noun, but increases the intensional: the phrase *le chapeau rouge*, in which *chapeau* is modified by *rouge*, can be (correctly) applied to

fewer objects than *le chapeau* without any modifier. The opposition *determination of object vs determination of concept* frequently occurs in the literature on modification by determiners as well as by relative clauses under various names, e.g. *Referent Modifier vs Reference Modifier* (Bolinger 1967) and *xarakterizacija vs specifikacija* (Vol'f 1978: 12).

In Ebeling (1978:349-52) the process of delimitation in a sequence of prenominal adjectives has been treated as a stepwise process: every preceding adjective delimits the range of application of what is to the right of it. Thus, for *tall green trees* this results in an *oriented delimitation* which can easily be depicted by means of brackets: (tall(green (tree)))_{plural}; accordingly, *tall green trees* means roughly 'a subset₂ consisting of tall members of a subset₁ consisting of green members of a set of trees'. In his argumentation Ebeling uses native speaker's appreciation: if the meaning of adjective *x* is somehow implied in the meaning of adjective *y*, the order *yx* is felt to be non-pleonastic; the order *xy*, then, is pleonastic though neither "incorrect" nor "ungrammatical": if *x* = Dutch *oud* 'old' and *y* = *kras* 'hale and hearty' (said of old people), then *de oude krasse man* 'the old "hale and hearty" man' is pleonastic whereas *de krasse oude man* is not.

In the next section I will discuss some of these ideas in relation to the word order in Russian noun phrases. Therefore, I will confine myself to those aspects of order theories which are, or can be, directly relevant to Russian and touch only on a few peculiarities of other languages.

2. DISCUSSION

Generally speaking, semantic subcategorization of adjectives is doomed to failure because there are no formal criteria for the establishment of classes. For that reason, existing classifications always make a more or less loose impression, however detailed they may be (cp. Hetzron's 17-member classification; Sussex (1971) has even more classes).

Due to the absence of strict criteria for class-membership it will occasionally remain unclear in which class a word should fall. Take for instance *parallel'nyx* in (1):

- (1) *Severnee ee raspoloženy strogo po linii sever-jug dva parallel'nyx nizkix xolma, obrazujuščix prjamougol'nuju ploščad'*. (Guljaev, 89)

Intuitively speaking, *Physical Property* would be the less inappropriate choice from among the classes of Dixon's classification; nevertheless this choice can hardly be judged fully adequate. The next adjective in (1), *nizkix*, undoubtedly is an adjective of dimension. Note that the actual order neither corresponds with the order Dixon assumes (Dixon 1977) nor with the one assumed by Hetzron (Hetzron 1978). With respect to *cyganskim podvižnym licom* in (2) it is difficult to classify both adjectives:

- (2) [...] *malyj let tridecati, s cyganskim podvižnym licom i plutovatymi glazkami* [...] (Vol'f 1978:25)

Should *cyganskim* be classified under *Physical Property*, *Human Propensity* or *Origin*? And is *podvižnym* a *Physical Property* or a *Human Propensity*?

In spite of the fact that it is hard to decide into which class these adjectives fall, they were ordered with respect to other adjectives in the noun phrase!

Even when there is a more solidly based criterium for classification, the classification itself may remain unsatisfactory. This is the case with the subdivision of adjectives into qualitative and relative ones. The normative order of adjectives in Russian according to which qualitative adjectives precede relative ones (see e.g. Gvozdev II 1968: 169) is violated in (2) and may be also in (1). *Grammatika* (1970:307) tries to account for this kind of deviation by means of a "trick": relative adjectives may precede qualitative ones if they are "made qualitative" ("*okačestvlenie*"). However, precisely by attempting to save the order rule in this way, it blurs the distinction between the two categories of adjectives; as a corollary, the utility of the order rule is seriously affected. Incidentally, it seems to be odd to apply *okačestvlenie* to *stal'nym* in (3) and *babuškinogo* in (4):

- (3) *Na slovaš nekotorye učenye priznajut zamenu kamennogo topora stal'nym dlinnym nožom-mačete i dopuskajut, čto [...]* (Guljaev,46)
- (4) *Zaslyšav krik babuškinogo krasnogo petuxa, [...]* (Astav'ev,5)

Mel'čuk's provisional order scheme (Mel'čuk 1974:291) is meant to reflect regularities of word order in scientific texts. It has the status of an underlying pattern of classes (a basic order of classes) which may be changed at some higher level in the generation of sentences, but even at the deepest level variant orders occur (with or without corresponding differences in meaning or style), e.g. with respect to quantifiers and demonstratives, numerals and adjectives, and numerals and possessives (:292):

vse èti vešč'i vs èti vse vešč'i ,
dve krajnie točki vs krajnie dve točki ,
dve naši zadači vs naši dve zadači .

Should these variations - and other, unmentioned ones, such as the adjective/possessive "permutation" in the spoken language (*milye moi synov'ja*) - be reflected in the scheme, the arrangement of the classes would be considerably less linear. Moreover, there is yet another complicating factor, namely that not all the members of the classes (let us assume that class-membership can be unambiguously determined) behave in the same way. According to the pattern quantifiers precede demonstratives. This holds for *vse* (*vse èti vešč'i*) whereas for *vsjakij*, *každyj* and *ljuboj* it does not: these words do not combine with *ètot* at all. One must conclude that an order class is not necessarily homogeneous, but in that case such a class can hardly be said to be one single class.

The other, "semantic", approach seeks to find a semantic rule by which the order of established classes is determined, or to define the meaning of the construction $\text{mod}_n \dots \text{mod}_2 \text{mod}_1 \bar{N}$. In the following, I will assume that semantic rules applying to the order of classes, apply to the order of individual members of these classes as well.

Hetzron's order principle states that in a sequence $abc\bar{N}$ *a* is a more "personal" qualification than *b*, and a still more personal one than *c*, whereas *c* gives the most "factual"

qualification of the three modifiers and *b* surpasses *a* in this respect. This principle does not hold - at least not for Russian - because it seems intuitively unjustified to consider 'parallel' a more personal and private qualification than 'low' in example (1), or 'steel' a less factual qualification than 'long' in example (3).

Seiler's order principle is not restricted to adjectives only; moreover, it is very elaborate. However, his "basic regularity" Rule₁(i) concerning the increasing range of head nouns to which a determiner is potentially applicable is in more than one respect unsatisfactory. For instance, Seiler rather apodictically states that "the countable notions outnumber those being potentially "pretty" [= German "schön"]" (:309). How are we supposed to understand this statement? Discrete things can be counted (German *zehn Mädchen* 'ten girls', *zehn Hände* 'ten hands'); they can be judged 'schön' as well. "Mass nouns" combine with numerals only if they refer to "portions of X" (*zehn Bier* 'ten beers') or "kinds of X" (Dutch *tien wijnen* 'ten kinds of wine'); in the given cases, however, their referents may also be qualified as "beautiful, pretty". This qualification is equally possible in case the mass nouns refer to a mass: *schöner Sand* 'beautiful sand', but then mass nouns do not combine with numerals! Almost anything can be called beautiful, but only a part of all things can be counted. So I do not think Seiler's statement is tenable.

Seiler's Rule₁(ii) is remarkably similar to Ebeling's account (Ebeling 1978:349-52). The similarity vanishes if we take into account that Rule₁(ii) is the concomitant rule of Rule₁(i), which says that determiners (in fact, classes of determiners) have an inherent range of applicability which increases proportionally with the positional distance of that (class of) determiner(s) from the head noun. Further, Rule₁(ii) states that the relationship between the potential of a modifier for singling out the object referred to and the positional distance of the modifier from the head noun is "proportional". It can be argued that this characterization is out of place and that the potential for singling out the object referred to depends on the meaning of the modi-

fier. Compare *kakoj-nibud'* and *kakoj-to*. According to the discovery procedure applied throughout all order class models *kakoj-nibud'* and *kakoj-to* would fall into the same order class. Now, *kakoj-nibud' N* does not single out anything, it communicates that "ein abstrakter Vertreter einer Klasse" (Birkenmaier 1979:75). indicated by *N* is meant, whereas *kakoj-to N* conveys that "ein konkreter Vertreter einer Klasse" (idem:75) is meant. At least for the speaker, *kakoj-to N* completely singles out the object referred to, whereas *kakoj-nibud' N* does not refer to any concrete object at all. Thus, some determiners can be more powerful in singling out than others, even if they fall into the same order class.

3. WORD ORDER IN RUSSIAN NOUN PHRASES

Ebeling's discussion of *oude krasse mannén vs krasse oude mannén* demonstrates convincingly that in *abN* the delimitation is oriented. In the following, oriented delimitation is taken to be the meaning of the construction $\text{mod}_n \dots \text{mod}_2 \text{mod}_1 \hat{N}$, of whatever class the modifiers may be and irrespective of their number. If we add a modifier to a noun phrase containing *n* modifiers (*n* = 1, 2, ...), this new modifier contributes to a (further) delimitation of the set of possible referents as compared with the given noun phrase, cp. Tesnière(1959): increasing intension goes hand in hand with decreasing extension. Concomitant with this phenomenon is the fact that the modifier(s) which contribute(s) most to the intension will be positioned as close as possible to the head noun; compare, for instance, terminological names consisting of an adjective and a noun. Separation of adjective and noun by the insertion of another adjective inevitably causes a loss of the terminological meaning. Thus, not everything that can be designated by *sibirskij zelenyj slanec* (in which *zelenyj slanec* is a term) can be designated by *zelenyj sibirskij slanec* as well. The same holds for names such as *Bol'soj teatr* and German *die drei Könige* 'the Magi'. Modifiers which supply information about the things referred to and not (so much) about the "concept" (Seiler) precede

the more "intensional" modifiers. Inasmuch as most modifiers cannot be said to belong necessarily to one or other of these two groups, it will often be unclear whether a particular example contains intensional or extensional modifiers, or both. But if there is a modifier which is evidently an intensional one, all following modifiers will be intensional as well; if there is a modifier which is evidently an extensional one, all preceding modifiers will be extensional as well. Examine (5) and (6):

(5) [...] *naši predstavlenija o xaraktere majjaskogo rannego goroda ostajutsja poka nepolnymi i [...]* (Guljaev,35)

(6) *Voznikajut monumental'nye kul'tovye sooruzhenija v vide stupenčatyx vysokix piramid, razbityx vokrug [...]*
(Guljaev,88)

In (5) we find *majjaskogo rannego goroda*; since *rannij gorod* is used more or less terminologically (a special type of city), *rannego* is an intensional modifier. *Majjaskogo* in turn may function here as an intensional or an extensional modifier; in the former case a special kind of early city is meant, in the latter an early city related to the Maya. As to (6), *stupenčataja piramida* might well have been a term, but since *vysokix* functions here, obviously, as an extensional modifier, *stupenčatyx* will too.

In (7) *utrennij* must be an extensional modifier because *ëtot* is unmistakably one.

(7) *v utrennij ëtot molčalivyj čas* (Sussex 1971:2-21)

One of the conspicuous characteristics of noun phrases in Russian as compared with other European languages is that the order of modifiers is very free, that is to say, if there is a noun phrase *abÑ* in Russian, the corresponding noun phrase in some other language will often be unacceptable, and its order variant *baÑ* has a better chance of being acceptable in Russian than the corresponding noun phrase in the other language. Among others, the following patterns are common in Russian, whereas the corresponding ones in Dutch are unacceptable:

(a) Adj - Dem - Noun

krasivyyj ëtot rasskaz

**prachtige dat verhaal*

- (b) Adj - Poss - Noun *milye moi synov'ja*
 * *geliefde mijn zonen*
- (c) Dem - Univ.Quantifier - Noun *ëti vse vešëi*
 * *die alle dingen*
- (d) *takoj - odin* - Noun [...]
 nikto iz nix takim
 odnim "licom, dopustivšim
 ošibku", ne javljaetsja.
 (LG 26 V 1982,12)
 * ... *dergelijke een per-*
 soon ...
- (e) Dem - Poss - Noun *V ètom svoem kačestve oni*
 dolžny [...] (RJaZR 3,
 1976,55)
 * *In die hun kwaliteit ...*
- (f) *kakoj-nibud'* - Num - Noun [...]
 i čerez kakie-nibud'
 tri minuty [...] (Terc,
 228)
 * ... *en na een of andere*
 drie minuten ...

If the order of the modifiers is inverted, (a), (b), (c) and (d) become acceptable in Dutch. (e) is as such acceptable only in the official and archaic cliché *in deze mijn brief* lit. 'in this my letter', otherwise it is unacceptable in either order. (f), too, is unacceptable in either order.

Divergence of word order in Russian and Dutch may point at several differences between the two languages. If we assume (with good reason) that the meaning of the construction as such is the same for Russian and Dutch, then, first of all, differences in word order may be due to differences in the meaning of corresponding words. This is obvious in the case of *ves'* and *al(le)*, since *ves' den' ≠ alle dag* but *de hele dag*: *ves'* is definite, *al(le)* is not. In cases where there are no semantic differences, the preferred order in the one language need not be the preferred one in the other, especially if pronouns are involved; the same goes for preferred (or obligatory) alternative constructions; the latter is the case with pattern (e): like English, Dutch uses an alternative construction, viz *in deze brief van mij* 'in this letter of mine'. It must be noted that there is no semantic restriction for *deze* and *mijn* to co-occur in a modifier string: co-occurrence is just obsolete.

Notwithstanding the freedom in word order we do not

come across every calculable order of modifiers in Russian. The reason for this is that many constructed combinations of modifiers do not make sense in the construction $\text{mod}_n \dots \text{mod}_2 \text{mod}_1 \bar{N}$: the modifiers may be semantically incompatible (then the noun phrase is not interpretable), or the preceding modifier defines a subset which is co-extensional with the subset defined by the following modifier (then the noun phrase is pleonastic); the third reason is that there may be extralinguistic factors controlling the order of modifiers. So, the order of the adjectives in the official name of Moscow University, *Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni Lomonosova*, reflects Soviet reality: *gosudarstvennyj* delimits the potential universities to those universities that are state universities, *Moskovskij* gives a further delimitation (implying: not all state universities have the feature 'Moscow'). The reverse order, *Gosudarstvennyj moskovskij universitet*, would give an inadequate picture of reality, since all Moscow universities are state universities. From the linguistic viewpoint both noun phrases are equally well formed. In fact, it is only incompatibility which is a structural reason for the non-occurrence of particular calculable word orders. Examples of such uninterpretable noun phrases are: *každyj ljuboj avtobus* and *ljuboj každyj avtobus*; *takoj etot avtobus* and *etot takoj avtobus*; etc., but also *eto každye stixotvorenje* vs the acceptable *eti vse vešči*, which are both conform pattern (c). This difference in acceptability is caused by the fact that in the latter phrase *eti* can restrict 'all things' to all of the things which are in the forefront of the frame of reference as contrasted with other sets of "all things", whereas *eto* in the former phrase cannot restrict 'each poem'. This becomes clear in a fuller example, e.g. in (8):

- (8) *každye novoe stixotvorenje razvivalos' iz [...]* (Mandel'stam, 204)

Každye signals that this development was present in every single one of the members of the set of new poems (NB. for the meaning definition of *každyj*, see Honselaar 1983:227). In *eto každye novoe stixotvorenje*, *eto* contradicts this statement by pointing out that only one poem is designated.

In a number of other cases it cannot be proved that the unacceptability of a constructed noun phrase is due to semantic incompatibility. For instance, *moi tvoi druz'ja* never occurs. Most probably, this is due to the fact that there exist preferred, although less precise, expressions to designate "the set of your friends who are mine", viz *naši* and *naši s vami*. The existence of a preferred expression for the same meaning is another reason for non-occurrence of some constructed noun phrases.

Language users are very skillful in finding interpretations for noun phrases containing seemingly incompatible modifiers. For instance, *poslednij pervyj avtomobil'* does not convey an anomaly if *poslednij* defines a token of the type "first car", that is to say: the last car to be produced of the type of car that was the first type in history. The same interpretation may hold even in case of two identical modifiers: *poslednie poslednie izvestija*. This seemingly pleonastic noun phrase might be used to designate the last transmission of a certain kind of news report, viz the daily last news report.

Another kind of interpretation is given by the possibility to associate a part of the modifiers with the thing directly referred to by the head noun and another part of the modifiers with something else that has an unspecified relationship to this thing. For instance, Dutch *groene blauwe potlooden* 'green blue pencils' will be interpreted as "pencils which are green on the outside but which produce blue script" (cp. Honselaar 1980:188). Further, one modifier may designate a permanent property and another designates an actual state: *a light dark hall* may designate a hall in which there is usually insufficient light, but which is temporarily brightly lit. (Another reading is "a hall which is relatively light for dark halls"). Finally, the first modifier may be interpreted as a kind of correction of the second modifier which has been used before by some other speaker: Dutch *dat groene blauwe potlood ligt op de tafel* lit. 'that green blue pencil is on the table', i.e. the pencil you called "blue", but which is in fact green, is on the table (cp. Honselaar 1980:192).

Numerals contribute to the delimitation process in a specific way by introducing set-level differences (cp. Ebeling 1978:67); so, *pjat'* *studentov* means 'a five-member set, each member of which is a student'. If there are two numerals in one noun phrase, this is usually interpreted as an indication of approximate quantification: *pjat'* *šest'* *studentov* = 'five or six students'. Note, however, that we are dealing here with a different construction! One might suppose that the following interpretation of *pjat'* *šest'* *studentov*, viz 'a five-member set, each member of which is a six-member set, each member of which is a student' should be possible as well. In the decimal system, however, *tridecat'* is the appropriate term for five six-member sets; *pjat'* *šest'* *studentov* might be appropriate for '30' in a different numeration (a scale of 6), but in that case one would expect some derived form of *šest'*.

If a modifier is added to the left of a noun phrase consisting of a numeral as the leftmost word and a head noun as the rightmost one, the modifier directly applies to the set and only indirectly to the thing referred to by the head noun. Compare *poslednie pjat'* *studentov* and *umnye pjat'* *studentov*. The latter noun phrase is somewhat difficult to interpret since it makes little sense to say that the students are sensible as a group of five members; the former phrase is, of course, fully normal. Note that if numeral+noun form a proper name, *umnye* Num N would be perfect: cp. *die heiligen drei Könige* (Seiler 1978:313).

Set-level difference constitutes a barrier for stepwise delimitation in other, constructed, noun phrases, too: in *mno-gočislennye sto stolov*, *mno-gočislennye* directly applies to '100' and indirectly to 'tables'; this is the corollary of the chosen order, in which a modifier precedes the numeral. This kind of noun phrase (a combination of an indefinite quantifier and a numeral) does not occur for reasons of semantic incompatibility, as will be clear from the meaning of *mno-gočislennye sto stolov*: 'a 100-member set, each member of which is a table and the set of tables is, as a set, quantitatively unspecified, but the number of members exceeds a given high norm'. Note, however, that if a speaker wants to

refer to a given set of 100 tables, he may use, of course, either the phrase *sto stolov* or the quantitatively less precise phrase *mnogočislennye stoly*.

The reverse order, *sto mnogočislennyx stolov*, is even worse since it conveys the remarkable meaning 'a 100-member set, each member of which is a numerous table'; obviously, this meaning is nonsense.

Of course, it is impossible to list all calculable combinations of all modifiers. Moreover, this would be senseless since such a list would not contribute to a better understanding of delimitation. On the other hand, the list would contain many noun phrases which should be acceptable on theoretical grounds, but which are not used for reasons provided above; e.g.:

(9) *G., vse č'i blagoželatel'nye kritičeskie zamečanija ...*

(10) *G., blagoželatel'nye č'i kritičeskie zamečanija ...*

Remarkably enough, (9) would be acceptable in Dutch, but in Russian *čej* cannot be preceded by anything. Both (9) and (10) are modifications of an attested example running *G., č'i blagoželatel'nye kritičeskie zamečanija [...]*

For a complete description of word order in Russian noun phrases a list of such noun phrases, which are unpredictably unacceptable, is necessary.

4. CONCLUSION

The order rule proposed in section 3 is very simple: it is a definition of the relationship between (a) modifier(s) and their (its) head noun, or, more precisely, a definition of the syntactic relationship between the meanings of (a) modifier(s) and the head noun. The order rule makes it possible to assign a meaning to every noun phrase which fits into the pattern $\text{mod}_n \dots \text{mod}_2 \text{mod}_1 \bar{N}$. It allows us to prove, or at least make plausible, why certain noun phrases are not acceptable (or not acceptable in a given reading). In order to account for semantically acceptable noun phrases which, however, are not acceptable in usage, factors such as situational/cultural context, style, norms, *usus*, and may be

others must play a role. These factors are, however, as such not ad hoc.

I am very grateful to my colleagues A.A.Barentsen and T.N.M. van Brederode for their criticism and comments on this paper.

R E F E R E N C E S

- Birkenmaier, W. (1979) *Artikel-funktionen in einer artikello-sen Sprache. Studien zur nominalen Determination im Russischen*. Forum Slavicum. Band 34. München.
- Bolinger, D.L. (1967) 'Adjectives in English: attribution and predication'. In: *Lingua* Vol.XVIII, 1, 1-34.
- Dixon, R.W.M. (1977) 'Where have all the adjectives gone?'. In: *Studies in Language* 1, 19-80.
- Ebeling, C.L. (1978) *Syntax and Semantics. A Taxonomic Approach*. Leiden.
- Grammatika (1970) =*Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. Moskva.
- Gvozdev, A.N. (1968) *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk. II. Sintaksis*. Moskva.
- Hetzron, R. (1978) 'On the relative order of adjectives'. In: H.Seiler(ed.) *Language Universals*. Tübinger Beiträge zur Linguistik 111. Tübingen, 1978, 165-84.
- Honselaar, W. (1980) 'On the semantics of adjective-noun combinations'. In: *Studies in Slavic and General Linguistics* I, 187-206.
- Honselaar, W. (1983) 'Universal quantifiers in Russian'. In: *Studies in Slavic and General Linguistics* III, *Dutch Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*, 213-246.
- Krylova, O., Khavronina, S. (1976) *Word Order in Russian Sentences*. Moscow.
- Mel'čuk, I.A. (1974) *Opyt teorii lingvističeskix modelej "Smysl ↔ Tekst"*. Semantika, sintaksis. Moskva.
- Seiler, H. (1978) 'Determinatio:n: A functional dimension for interlanguage comparison'. In: H.Seiler(ed.) *Language Universals*. Tübinger Beiträge zur Linguistik 111. Tübingen, 1978, 301-28.
- Stiehm, B.G. (1975) 'Spanish word order in non-sentence constructions'. In: *Language* Vol.51 1, 49-88.
- Sussex, R.D. (1971) *Aspects of the Syntax of Russian Adjectives*. London. (uned. doct. thesis)
- Tesnière, L. (1959) *Éléments de syntaxe structurale*. Paris.
- Vol'f, E.M. (1978) *Grammatika i semantika prilagatel'nogo*. Na

materiale ibero-romanskix jazykov. Moskva.

Astav'ev = V. Astav'ev, "Poslednij poklon", In: *Naš souremennik* 1, 1978.

Guljaev = V.I.Guljaev, *Goroda-gosudarstva Majja.* Moskva, 1978.

LG = *Literaturnaja gazeta.*

Mandel'stam = N. Mandel'stam, *Vospominanija.* New York, 1970.

RJaZR = *Russkij jazyk za rubežom.*

Terc = A. Terc, "Pxenc", In: *Soviet Short Stories* 2, 213-263. Penguin 2555, 1968.

Леонид П. КРЫСИН (Москва)

О "СОЦИАЛЬНОМ" КОМПОНЕНТЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*... центральное место в семан-
тических исследованиях должны
занимать названия отношений...*

И.А. Мельчук

1. Предлагаемая статья посвящена семантическому анализу некоторых групп слов русского языка, обозначающих межличностные отношения. Лексика этого рода многочисленна и разнообразна, как многолики и разнообразны сами человеческие отношения.

Нас будут интересовать лишь те слова, которые обозначают ситуации с так называемой асимметрией социальных ролей участников ситуации - типа:

1) арестовать, аудиенция, благоволить, велеть, верховодить, взискание, властвовать, власть, вменить, возглавить, воспретить, выговор, выселить, выслать, гневаться, головомойка, даровать, диктат, диктатура, жучить, закатать (под арест), зачислить, зыкнуть, изгнать, инспектировать, кара, карать, кассация, кассировать, командировать, командовать, коноводить, консультировать, контролировать, конфисковать, мирволить, мобилизовать, надзирать, надлежит, назначить, нахлобучка, нотация, обязать, окрик, опека, опекать, отозвать (посла), отстранить (от работы), подчинить, позволить, покровительство, помиловать, разрешить, распекать, ревизовать, руководить, сместить, сослать, экзаменовать и под. (эти слова обозначают ситуации, в которых роль первого участника, семантического субъекта, "выше" роли второго участника - адресата);

2) апеллировать, апелляция, вымолить, выплакать (себе прощение), выхлопотать, гневить, грубить, дерзить, испросить, исхлопотать, консультироваться, молить, непочтение, ослушаться, отвертеться (от поручения), отпроситься, перечить, повиноваться, подпевала, подчиниться, прекословить, пререкаться, рапорт, рапортовать, резать (правду в глаза), слушаться и под. (роль первого участника ситуации "ниже" роли второго) ¹.

2. Прежде чем обратиться к анализу значений слов, принадлежащих к этим двум группам, необходимо определить понятие социальной роли, так как это понятие мы будем использовать в дальнейшем описании.

Социальная роль - это "нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию" (Кон 1967: 23; см. также Шибутани 1969: 44 и след.); социальная позиция, или статус, - формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы (Белл 1980: 137)².

Существенным компонентом социальной роли является **о ж и д а н и е**: то, чего ожидают окружающие от поведения индивида, они **в п р а в е** требовать от него; он же **о б я з а н** в своем поведении соответствовать этим ожиданиям. Например, приходя в гости, вы **о б я з а н ы** поздороваться первым и имеете право на внимание к вам со стороны хозяев. Школьный учитель по своей профессиональной роли **о б я з а н** передавать свои знания ученикам и вправе требовать от них внимания и прилежания (это их обязанность). Таким образом, роли - это своеобразные шаблоны взаимных прав и обязанностей.

Роли могут быть обусловлены как постоянными или долговременными характеристиками человека: его полом, возрастом, положением в семье и социальным положением, профессией (таковы роли мужа, отца, начальника, сослуживца и др.), - так и переменными, которые определяются свойствами ситуации: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и др.

Резюмируя сказанное о понятии социальной роли, мы можем сделать вывод, что роль - это форма общественного поведения человека, обусловленная его положением а) в некоторой социальной группе (например, в семье, в производственной, учебной, спортивной, военной группе - сравните роли отца и сына, начальника и подчиненного, учителя и ученика, тренера и спортсмена, командира и солдата) и б) в некоторой ситуации общения - например, в ситуации купли-продажи, приема у врача, судебного заседания и т.п. (ср. роли покупателя и продавца, врача и пациента, судьи и подсудимого).

Как мы видим из приведенных примеров, **п а р ы** социальных ролей - наиболее типичная форма ролевого взаимодействия людей. Соотношение ролей в таких парах может быть тройким:

1) роль первого участника ситуации (X) **в ы ш е** роли второго участника ситуации (Y): $P_x > P_y$;

2) роль первого участника ситуации (X) **н и ж е** роли второго участника ситуации (Y): $P_x < P_y$;

3) роли обоих участников ситуации равны: $R_x = R_y$.

Мы будем говорить: социальная роль X-а выше социальной роли Y-а, если в некоторой группе или ситуации общения Y з а в и с и м от X-а; и наоборот: социальная роль X-а ниже социальной роли Y-а, если в некоторой группе или в ситуации общения X з а в и с и м от Y-а³. При отсутствии зависимости говорят о равенстве социальных ролей членов группы или участников ситуации.

Для ситуаций всех трех типов в языке существуют многочислен-ные лексические обозначения. При этом значения слов, называющих ро-левые соотношения первых двух типов, можно охарактеризовать как с о ц и а л ь н о о р и е н т и р о в а н н ы е, а слова третьей группы (такие, как *дружить, сотрудничать, сосед, сослуживец* и под.) - как с о ц и а л ь н о н е о р и е н т и р о в а н н ы е⁴.

3. Семантическая структура слов с социально ориентированными значениями (далее мы будем рассматривать только их) содержит, как это вполне очевидно, не менее двух актантов - агента и адресата: *кто командует кем, кто контролирует кого, кто подчиняется кому, кто вислуживается перед кем* и т.д. Помимо актантов агента и адресата, в значения рассматриваемых слов могут входить актанты содержания (*Командир приказал нам н а с т у п а т ь*), мотивировки (*Его нака-зали з а н е р а д и в о с т ь*), начальной точки (*Их выселили и з к в а р т и р и*), конечной точки (*Лунин был сослан н а к а-т о р г у*) и нек. др. (об актантах содержания, мотивировки, началь-ной и конечной точек и др. см. Апресян 1974: 125 и след.).

Актант адресата у некоторых слов синтаксически не выражается: ср. *диктат, диктатура, окрик, аудиенция* - при этих словах выразим лишь первый актант (*диктат крупного капитала, диктатура партии, окрик генерала, аудиенция у папы*), и невозможно построение сочета-ний со словами, реализующими валентность адресата (или контрагента, как в ситуации 'аудиенция'): **диктат против мелких предпринимателей, *диктатура против буржуазии, *окрик на подчиненного, *аудиенция епис-копа у папы*).

4. Значительная часть перечисленных в начале статьи слов - это обозначение действий, которые связаны с выполнением данной социаль-но-ролевой функции: *командир д о л ж е н командовать, подчиненный д о л ж е н подчиняться, невзрослый сын д о л ж е н слушаться родителей и н е д о л ж е н их ослушиваться* и т. д. Компонент смысла, указывающий на неравенство ролей участников ситуации, здесь вполне очевиден.

Лингвистически более интересны слова, значение и употребление которых прямо не связаны с названием социально-ролевой функции. Социальная ориентированность значений таких слов не столь очевидна, как в словах *командовать*, *подчиняться* и под.

Рассмотрим несколько примеров.

4.1. Слова, значение которых содержит указание на ролевое отношение $P_x > P_y$.

4.1.1. В существующих словарях толкования этих слов не содержат социального компонента; лишь иногда его можно "вычитать" в иллюстративных примерах или (см. ниже описание глагола *благоволить* в БАС) в комментариях к толкованию. Ср.:

БЛАГОВОЛИТЬ (устар.): "проявлять расположение к кому-н., доброжелательствовать" (СУ); "проявлять благоволение" (СО); *Благоволение* в этом словаре определяется как "доброжелательство, благосклонность"; "чувствовать, проявлять к кому-либо доброжелательство, расположение (обычно об отношении высшего к низшему)" (БАС); "испытывать, проявлять доброжелательство, расположение" (МАС).

ГНЕВАТЬСЯ (устар.): "быть в состоянии гнева, испытывать гнев" (СУ); "испытывать гнев" (СО); "испытывать, проявлять чувство гнева, неудовольствия; сильно сердиться" (БАС); "испытывать гнев, предаваться гневу; сильно сердиться" (МАС). А *гнев* определяется как "чувство сильного негодования, возмущения, раздражения" (СУ).

Более детальное и глубокое толкование этого глагола находим в работе Иорданская 1970: 22:

"А гневается на С за В = А испытывает активно-отрицательное эмоциональное состояние, каузированное тем, что:

- 1) А уверен в осуществлении события В, субъект которого - лицо С,
- 2) В нежелательно для А,
- 3) А считает, что В противоречит основным принципам личной и общественной жизни,
- 4) С нежелателен для А из-за В,
- 5) А желает воздействовать на С с целью противодействовать событию В или повторению В".

Как видим, и в этом развернутом толковании нет указания на асимметрию ролей участников ситуации 'гневаться'.

РАСПЕКАТЬ-РАСПЕЧЬ (разг.): "сделать кому-н. суровый, строгий выговор, разбранить" (СУ); "сделать кому-н. серьезный выговор, внушение" (СО); "делать кому-либо строгий выговор; отчитывать" (БАС);

"сделать строгий выговор; разбранить" (МАС). Слово *выговор*, с помощью которого толкуется глагол, определяется как "порицание, выражение неудовольствия чем-н., сделанное с т а р ш и м и л и н а ч а л ь с т в о м" (СУ). Выделенные нами компоненты последнего толкования имплицитно указывают на неравенство положения участников ситуации 'распекать'. В толкованиях, которые даются слову *выговор* в других словарях, нет даже и такой импликации.

ОКРИК: "обращенный к кому-н. резкий возглас, содержащий приказание, выговор, угрозу" (СУ); "резкий возглас с приказанием, выговором, угрозой" (СО); "возглас с приказанием, угрозой" (БАС); "возглас, содержащий приказание, предостережение, угрозу" (МАС).

ПРИНИМАТЬ-ПРИНЯТЬ (в одном из своих значений): "впустить, допустить к себе для переговоров, для беседы (офиц.)" (СУ); "допустить, пустить к себе с какой-н. целью (для беседы, для осмотра, в качестве гостя, жильца и т.п.)" (СО); "пускать в дом, допускать к себе (гостя, посетителя и т.п.)" (БАС); "допустить к себе для переговоров, для беседы" (БАС) || Занять, угостить (гостя) || Выслушать, осмотреть (пришедшего больного)" (МАС).

АУДИЕНЦИЯ (устар.): Это слово семантически коррелирует с глаголом *принимать*, что отражено в имеющихся словарных толкованиях: оно считается квазисинонимом существительного *п р и е м*, словообразовательно и семантически производного от рассмотренного выше глагола *принимать*. Ср. "официальный прием у высокопоставленного лица" (СУ и СО); "официальный прием у главы государства, у лица, занимающего высокий государственный пост" (БАС); "официальный прием у лица, занимающего высокий государственный пост" (МАС).

Обратим внимание на тот факт, что толкования в БАС и МАС включают такие компоненты, которые неоправданно суживают значение слова *аудиенция*: 'глава государства', 'государственный пост' (ср. *получить аудиенцию у папы <у патриарха>*).

4.1.2. Каждое из рассматриваемых слов нормально употребляется только при условии, что между участниками ситуации либо отношение $P_x > P_y$ (*благоволить, гневаться, окрик, принимать, аудиенция*), либо отношения $P_x \geq P_y$ (*распекать*). Если это условие не соблюдено, то получают неправильные высказывания.

4.1.2.1. Это хорошо видно на примере глагола *благоволить*:

- (1) Начальник давно *благоволит* к этому сотруднику ($P_x > P_y$);
- (2) *Учитель математики *благоволит* к своим коллегам ($P_x = P_y$);
- (3) *Молодой монах *благоволил* к настоятелю монастыря ($P_x < P_y$).⁵

Анализ употребления этого глагола в текстах русской художественной литературы подтверждает наше мнение о необходимости указанного условия. При этом в качестве субъекта действия *благоволить* могут выступать не только должностное лицо, старший в социальной иерархии, старший по возрасту, но и такие понятия, как судьба, счастье, красавица (см. БАС), женщина, жена и т.п., если они мыслятся как нечто, от чего адресат благоволения находится в какой-либо зависимости (например, добывается расположения, внимания и т.д.). Ср.:

- (4) *Я втайне сознавал, что она ко мне благоволила* (И.С. Тургенев. Фауст);
- (5) - *Даже жена моя обиделась, а уж на что, кажется, благоволит к вам* (А.П. Чехов. Неприятность);
- (6) *Ко мне адмиральша благоволила, потому что считала меня моряком, скрывающим свое звание* (К.Г. Паустовский. Черное море; адмиральша - хозяйка дома, в котором помещалась школа для детей водников; с разрешения хозяйки Паустовский ночевал в этой школе).⁶

Существенным компонентом ситуации 'благоволить' (и, соответственно, значения глагола) является **выделение** второго участника ситуации из некоторой совокупности лиц: *благоволить к Y-у* значит выделять Y-а среди некоторого множества лиц. Вряд ли возможен такой диалог:

- (7) - *А к кому ваш начальник особенно расположен?*
? - *Ни к кому: он благоволит ко всем (в равной степени).*

Употребление этого глагола связано также с определенной **оценкой** говорящим отношений между X-ом и Y-ом: ведь говорящий заключает о том, что X благоволит к Y-у на каком-то основании - а именно на основании уже имевших место фактов, свидетельствующих о повышенном внимании X-а к Y-у, о том, что X так или иначе выделяет Y-а среди остальных и проявляет к нему доброту.

Эти обстоятельства также должны быть учтены при семантическом описании глагола *благоволить*.

4.1.2.2. В ситуации 'гневаться' субъект мыслится обычно как лицо почитаемое, авторитетное, обладающее в данной социальной иерархии большой властью, наводящее страх на подчиненных (подданных) и т.п.⁷ Ср.:

- (8) *И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные...* (М.Ю. Лермонтов);

(9) *Государь Андрей Петрович, отец наш милостливый! Милостливое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего...* (А.С. Пушкин);

(10) - *После сами же будете гневаться, что не разбудил [слуга Захар - Обломову]* (И.А. Гончаров).

Невозможно:

(11) **Лакей разгневался на барина <на хозяина> (за выговор, который тот ему устроил);*

(12) **Мальчик гневается на учителя, (который выгнал его из класса) (ролевые отношения "перевернуть": $P_x < P_y$)*⁸

и даже:

(13) ?*Гневаться на товарища за столь незначительный поступок - дело недостойное ($P_x = P_y$).*

Высказывания типа (14), хотя и возможные, воспринимаются как сделанные с установкой говорящего на шутку:

(14) - *Ты уж не гневайся: мы тут без тебя хозяйничаем, - сказал мне приятель.*

В значении слова *гневаться*, таким образом, присутствует элемент о ц е н к и говорящим субъекта гнева: прежде чем употребить глагол, говорящий должен решить, "достойно" ли - по своему авторитету, весу, власти и т.п. - лицо, о котором идет речь, соответствующего почтения, или же о нем можно сказать *сердится, злится* и т.п.

Кстати говоря, именно благодаря наличию этой оценки возможно шутливое употребление глагола, как в (14): оно обусловлено не столько устарелостью глагола (ср. стандартные указания в учебниках по лексикологии: архаизмы могут использоваться в современном языке с целью иронии, шутки и т.п.), сколько тем, что говорящий проявляет м н и м о е почтение к лицу, относительно которого употреблен глагол *гневаться*.

Оценка, присутствующая в значении этого глагола, - иного рода, чем оценка в ситуации 'благоволить': здесь она непосредственно связана со статусом субъекта гнева (объективным или приписываемым ему говорящими). Характерно, что она не указана в толковании Л.Н. Иорданской: это было бы возможно лишь при специальном внимании к статусу субъекта и к ролевым отношениям между субъектом и адресатом.

4.1.2.3. Употребление глагола *распекать* нормально при отношениях $P_x > P_y$ и $P_x = P_y$ и невозможно при отношении $P_x < P_y$. Ср.:

(15) *Вспомните сцену, где городничий распекает купцов за их донос ревизору (В.Г. Белинский. Русская литература в 1843 году);*

(16) *[Становой] был только что распечен исправником за пьянство и теперь был в припадке усердия (Л.Н. Толстой. Поликуша);*

(17) **Подросток распекал родителей за то, что они поздно пришли домой с работы;*

(18) **Подчиненные распекали начальника за грубость.*

Еще одним условием нормального употребления глагола *распекать* является наличие между X-ом и Y-ом некоторых долговременных отношений, при которых X считает своим долгом в какой-либо форме заботиться об Y-е. Поэтому чаще всего распекают младших в семье, непослушных учеников, нерадивых подчиненных, больных, не выполняющих режима лечения, и т.п. Этот глагол неуместен в ситуации общения малознакомых или совсем незнакомых людей. Ср.:

(19) **Продавщица распекала покупателя за пролитую сметану (правильнее было бы: ругала, бранила).*

Кроме указанных условий, в значении глагола *распекать* существенны следующие компоненты:

1) X уверен, что Y совершил поступок Q или что Y непосредственно причастен к событию Q, ср:

(20) *Мама долго распекала меня за случившееся: ведь я был старшим и не должен был допустить, чтобы Коля испортил скатерть;*

2) X осуждает Q;

3) X пытается внушить Y-у, что Q - плохо и что в дальнейшем Q не должно иметь места;

4) речевое действие, обозначаемое глаголом *распекать*, более или менее продолжительно;

5) X подробно перечисляет недостатки поведения Y-а (ср. *бранить*, *ругать*, для значений которых 4-й и 5-й признаки несущественны);

6) речь X-а высокоэмоциональна (ср. *порицать*, в значении которого этого компонента нет);

7) X непосредственно обращается к Y-у, - нельзя *распекать* Y-а в общении с Z-ом (ср. *осуждать*, *критиковать*, для значений которых этот признак необязателен).

4.1.2.4. При описании смысла слова *окрик*, помимо

1) указания на обязательную асимметрию ролей участников ситуации ($P_x > P_y$), необходимы следующие признаки:

2) X отрицательно оценивает поведение Y-а;

3) поведение Y-а актуально;

4) X стремится изменить поведение Y-а так, чтобы отрицательно оцениваемые им факты этого поведения в дальнейшем не имели места;

5) X хочет, чтобы поведение Y-а изменилось немедленно;

6) X непосредственно обращается к Y-у (ср. угроза: в значении этого слова нет указанного признака); ср. (21) - (25):

(21) *Вы этими окриками немногого добьетесь от сына <от учеников, от подчиненных>;*

(22) - *Сядь на место!* - послышался раздраженный окрик отца;

(23) *Юрины окрики, с которыми он обращался к начальнику, не возымели действия (ситуация "перевернутых" ролевых отношений: вместо $P_x > P_y - P_x < P_y$);

(24) *Слышится окрик учителя: - *Завтра же я вызову твоих родителей!* (налицо угроза, но нет стремления путем окрика изменить поведение адресата);

(25) *- *Перестаньте носить короткие юбки!* - долетел из 10-го "Б" окрик директрисы (налицо приказание, содержащее стремление изменить поведение адресата, но это поведение не является актуальным).

4.1.2.5. В интересующем нас значении глагола *принимать* существенны такие смысловые компоненты:

1) роль X-а выше роли Y-а;

2) X исполняет с л у ж е б н у ю социальную роль (нельзя, например, об отце сказать, что он принял сына, если они исполняют семейные роли или - что то же самое - их общение происходит не в служебной обстановке);

3) X является "хозяином" ситуации: действие 'принимать' осуществляется в привычной для X-а служебной обстановке: например, в его кабинете, в приемной и т.п. (ср.: "X осуществляет свои профессиональные или светские функции на своей "территории" - Селиверстова 1975: 118);

4) инициатива контакта исходит от Y-а;

5) контакт X-а и Y-а осуществляется с целью коммуникации (ср. выражения типа *принимать жильцов на постой*, где нет этого смыслового компонента и реализуется другое значение глагола).

Ср.:

(26) *Вчера президент Франции принял посла США (и имел с ним продолжительную беседу);*

(27) *Председатель исполкома <неврапатолог> принимает по втор-*

никам с 15 до 19 часов;

(28) *Посол Франции принял президента США;

(29) *Директор завода принял министра.

Интересно, что условие об асимметрии ролей является более сильным, нежели условие о наличии инициативы со стороны Y-а. Ср. некорректность предложений типа (30):

(30) *Посол Франции принял президента США по его просьбе (но добавление только одного слова: *принял б и в ш е г о президента США* - делает предложение правильным: "действующий" посол и бывший президент находятся, конечно, в ролевом отношении $P_x > P_y$).

4.1.2.6. Те же смысловые компоненты релевантны и для значения слова *аудиенция*. Ср. следующие примеры:

(31) Президент дал аудиенцию послу Норвегии (эксплицировано условие о неравенстве ролей, остальные компоненты не выражены);

(32) Епископ долго добивался аудиенции у папы (эксплицировано условие о неравенстве ролей и компонент, указывающий на инициативу, - ср. глагол *добиваться*);

(33) *Папа получил аудиенцию у епископа (нарушены условия о ролях и об инициативе контакта: *получил* в данном контексте имплицитирует смысл 'разрешение', т.е. выходит, что разрешило аудиенцию лицо, выполняющее более низкую роль).

Кроме того, существенно еще одно условие: лицо, дающее аудиенцию, должно занимать не просто официальное, а очень высокое положение в социальной иерархии (поэтому слова, реализующие первый акт, следует, возможно, задать списком: *папа, патриарх, кардинал, митрополит, президент, король, монарх, император* и, может быть, еще некоторые). Относительно лиц, занимающих хотя и официальное, но недостаточно высокое положение, слово *аудиенция* применяется редко⁹.

4.2. Слова, значение которых содержит указание на отношение $P_x < P_y$.

Среди лексики, составляющей эту группу, также есть слова, которые обозначают действия, связанные с выполнением социально-ролевых функций: *подчиняться, рапортовать, услужение (быть в услужении)* и др. Их мы здесь рассматривать не будем ввиду полной очевидности наличия в их значениях компонента, указывающего на неравенство ролей участников ситуации (или членов социальной группы).

Не столь очевидно присутствие этого компонента в значениях

глаголов *грубить*, *дерзить*, *резать* (правду в глаза) и нек. др. Мы ограничимся рассмотрением лишь перечисленных трех лексем.

4.2.1. Приведем сначала имеющиеся словарные толкования этих глаголов. В них, как и в толкованиях слов предыдущей группы, не отражена ролевая асимметрия участников соответствующих ситуаций.

ГРУБИТЬ - во всех словарях толкуется как "говорить грубости", *грубость* (в одном из двух значений) - "грубое выражение, грубый поступок" (СО), *грубый* - "недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный" (СО).

Сходным образом истолковано ДЕРЗИТЬ: "говорить дерзости", *дерзость* - "дерзкий поступок, дерзкое высказывание" (СО), *дерзкий* - "непочтительный, оскорбительно грубый" (СО).

Поскольку *дерзкий*, как мы видим, определяется через *грубый*, то эти прилагательные, так же как и их производные *грубость* - *дерзость*, *грубить* - *дерзить*, на основании словарных толкований следовало бы считать квазисинонимами, причем *дерзкий* уже по значению, чем *грубый*. Ниже мы попытаемся показать ошибочность такой трактовки.

РЕЗАТЬ (в одном из значений): "говорить прямо, открыто, не стесняясь" (СУ); "говорить прямо, открыто" (СО); "говорить прямо, резко, с грубой откровенностью" (БАС); "говорить прямо, без обиняков, не стесняясь" (МАС).

4.2.2. Рассмотрим каждый из глаголов более подробно.

Помимо общего для них компонента, указывающего на тип ролевых отношений между участниками ситуаций, значения этих слов обладают специфическими свойствами, которые необходимо учитывать в семантическом описании.

4.2.2.1. В обычном своем употреблении глагол *грубить* предусматривает два типа ролевых отношений между участниками называемой им ситуации: $P_x < P_y$ и $P_x = P_y$. Ср. (34), (35) и (36):

(34) *Не груби отцу <старшим>!*

(35) *Мальчик плохо учится, грубит учителям;*

(36) *Мы же с тобой друзья, а ты не хочешь говорить со мной нормально: все время злишься, грубишь.*

Некорректны высказывания типа (37) и (38), описывающие ролевое отношение $P_x > P_y$:

(37) **Отец грубит сыну;*

(38) **Учитель грубит ученикам.*

Есть, однако, некоторое различие в употреблении этого глагола

в зависимости от того, какие отношения X-а и Y-а он описывает. Если эти отношения институционализованы, т.е. находятся в рамках некоторой социальной иерархии (семьи, школы, воинского подразделения и т.п.), то обычным является применение *грубить* при описании действий младшего относительно старшего: грубят отцу, матери, учителю, начальнику, командиру и т.п. Возможно в этом случае употребление глагола *грубить* и при ролевой симметрии (*Не груби друзьям*).

Если же отношения X-а и Y-а возникают в ситуациях общения, таких, как купля-продажа, водитель и автоинспектор и под., то глаголом *грубить* можно описывать речевые действия и того лица, которое в этой ситуации является "хозяином", т.е. роль которого выше роли его контрагента.

Так, вполне возможны высказывания типа (39) и (40):

(39) - *Вы мне, товарищ лейтенант, не грубите, а объясните, в чем я виноват!* (разговор водителя с автоинспектором);

(40) *Эта продавщица постоянно грубит покупателям.*

Последний пример является иллюстрацией к сказанному выше лишь в том случае, если мы признаем, что в ситуации 'магазин' покупатель зависит от продавца, а не наоборот.

Для значения глагола *грубить* существенно также то, что это - р е ч е в о е действие: грубость выражается в словах, в интонации, в сопровождающих речь жестах и т.п. Нельзя описывать этим глаголом невербальное непочтение одного человека к другому. По-видимому, неуместен этот глагол в следующем предложении:

(41) **Дочь часто грубит мне: молчит, поворачивается спиной, хлопает дверью...* (ср. возможные здесь выражения: *ведет себя непочтительно, грубо, по-хамски* и т.п.).

4.2.2.2. В отличие от этого, содержанием действия *дерзить* является не "поверхностная", не чисто словесная грубость, а непочтение по существу: можно говорить дерзости (= *дерзить*), не употребляя ни одного действительно грубого слова.

Глагол *дерзить* в большей степени, чем *грубить*, ориентирован социально: дерзят обычно младшие (по возрасту, по чину) старшим. Например:

(42) *Почему ты дерзишь маме?*

(43) *Коля надерзил директору и даже не извинился;*

(44) *Хотя молодой офицер говорил тихо и вежливо, все понимали, что он дерзит генералу.*

Во всех трех примерах имеется в виду отношение $P_x < P_y$. Нельзя сказать:

(45) *Учитель постоянно дерзил ученикам ($P_x > P_y$);

(46) *Мальчик дерзит товарищам ($P_x = P_y$).

4.2.2.3. Кроме этих глаголов, в русском языке имеются предикативные сочетания *быть грубым с кем-либо* и *быть дерзким с кем-либо*. На первый взгляд кажется, что эти сочетания полностью синонимичны глаголам *грубить* и *дерзить* соответственно. В действительности, однако, социально ориентированным является лишь выражение *быть дерзким с кем-либо*: его употребление нормально лишь при наличии возрастного (или служебного, но в сочетании с возрастным) контраста участников общения (младший - со старшим). Например:

(47) Девочка дерзка с матерью;

(48) Молодая сотрудница недопустимо дерзка с начальником.

Выражение *быть грубым с кем-либо* социально не ориентировано (и, стало быть, по смыслу оно шире, чем оборот *быть дерзким*). Сравните (49), (50), (51):

(49) Мальчик <покупатель> груб с учителями <с продавцом>

($P_x < P_y$);

(50) Начальник <врач> груб с подчиненными <с пациентом>

($P_x > P_y$);

(51) Почему ты был так груб с товарищами? ($P_x = P_y$).

4.2.2.4. Глагол *резать* (в интересующем нас значении) описывает два типа ролевых отношений: $P_x < P_y$ и $P_x = P_y$. Ср. (52) и (53):

(52) На работе он [герой повести] смел, инициативен, режет "правду-матку" начальству, а дома, в разговорах с женой - весь какой-то поникший и нерешительный (Литературная газета, 15.09.82);

(53) Мы с ним давние друзья, но, бывает, он нисколько не щадит моего самолюбия: режет мне в глаза всё, что думает о моем поведении.

Неестественно употребление этого глагола при соотношении ролей $P_x > P_y$:

(54) *Директор режет правду в глаза подчиненным;

(55) *Учитель резал правду ученикам.

Существенными компонентами его значения (помимо ролевой асимметрии) являются следующие:

1) X оценивает отрицательно некоторые факты;

2) X считает, что Y имеет к этим фактам непосредственное отношение;

3) X не скрывает и не смягчает никаких неприятных для Y-а деталей из того, что X знает о фактах;

4) X не заботится о последствиях своих речевых действий, обозначаемых этим глаголом; ср.:

(56) *Шуре хорошо, она классный специалист, кому бы она там не мешала, никто ее не тронет - иначе кто работать будет? Вот она и режет свою правду, не боится.* (М. Рошин. Шура и Просвирняк. "Новый мир", 1982, №3, с.42);

5) Об указанных фактах X сообщает Y-у при непосредственном общении (нельзя резать правду заочно - об этом свидетельствует и семантика оборота *резать в глаза*).

5. Социальный компонент может присутствовать в значениях не только лексически и грамматически самостоятельных единиц языка, но и таких, которые реализуют свое значение лишь при сочетании с другими словами. Такова, например, модальная частица -КА, присоединяемая к глагольным формам повелительного наклонения.

5.1. В словарях и грамматиках эта частица описывается следующим образом:

"ставится после повелительного наклонения и заменяющих его форм и выражений для придания оттенка увещания, для смягчения приказа. *Ступай-ка отсюда. Дайте-ка пройти. Ну-ка, дружок, спойте нам что-нибудь!*" (СУ); "употребляется для смягчения просьбы, приказа. *Спой-ка. Ну-ка, покажи*" (СО); "употребляется после повелительного наклонения для выражения приказа, понуждения к действию, приглашения и т.п." (ВАС); "употребляется для смягчения приказа, для выражения просьбы, увещания, придавая оттенок непринужденности, простоты обращения" (МАС); "С формами повелительного наклонения сочетается ... постпозитивная частица -ка, смягчающая императивность требования:

...моя хозяйка

Была пригожа и добра,

А муж-то помер, замечай-ка

(Пушкин, "Гусар") (Виноградов 1947: 674);

"К частицам с несвободной позицией относится ... частица -ка, вносящая в форму побудит. наклонения оттенок смягчения: *Иди-ка отсюда! Пусть-ка он сам попробует*" (Грамматика 70: 613); "модальная частица..., смягчающая просьбу, побуждение (*помолчи-ка...*)" (Грамматика 80: т.1, 728)¹⁰.

5.2. В этих определениях не учтены по крайней мере два обстоятельства, необходимые для правильного понимания и употребления глагольных форм повелительного наклонения с частицей *-ка*:

- 1) говорящий и адресат общения (слушающий) должны быть знакомы друг с другом (на это условие есть слабый намек в толковании, содержащемся в МАС: ср. компонент 'непринужденность, простота обращения') и
- 2) роль говорящего не ниже роли слушающего ($R_x \geq R_y$).

Нормальное общение с незнакомым человеком невозможно с помощью фраз типа (57) и (58), где нарушено первое условие:

(57) *Дайте-ка мне газету;*

(58) *Подвиньтесь-ка!*

Невозможно также обращение, скажем, ученика к учителю в форме (59), где нарушено второе условие:

(59) **Повторите-ка задание.*

Сравните (60):

(60) *Повторите, пожалуйста задание.*

Употребляя глагольные формы с частицей *-ка*, говорящий не только выражает просьбу или побуждает адресат к действию, но и исходит из предположения, что адресат должен - по своей социальной роли - эту просьбу выполнить. Кроме того, у него есть уверенность, что адресат понимает, что он по своей социальной роли обязан выполнить просьбу говорящего. Такое обоюдное понимание необходимо для того, чтобы процесс общения протекал нормально и не вызывал недоумения или протеста со стороны адресата (что вполне вероятно при нарушении указанных выше условий).

Таким образом, частица *-ка* служит не для смягчения, а, скорее, для усиления просьбы или побуждения. В пресуппозиции фраз, содержащих формы повелительного наклонения с частицей *-ка*, имеется нечто вроде следующего смысла: 'говорящий, будучи хорошо знаком с адресатом общения и исполняя роль, которая не ниже роли адресата, и считая, что адресат должен выполнить указания говорящего, ...'.

6. Обсудим теперь вопрос о месте, которое должна занимать информация об асимметрии ролей участников ситуации в толковании языковых единиц, называющих эти ситуации.

Из рассмотренного выше материала видно, что подобная информация является как бы фоном употребления данной единицы, условием правильного ее использования, ситуативной уместности предложений, содержащих такие единицы. Следовательно, место указанной информа-

ции - в пресуппозитивной части толкования (о соотношении пресуппозитивной и ассертивной частей толкования см., в частности, Филлмор 1969, Апресян 1980)¹¹.

Такое решение вполне согласуется и с поведением слов с социально ориентированными значениями под отрицанием: значение частицы *не* присоединяется не ко всему значению слова, а лишь к той его части, которая остается за вычетом указания на асимметрию ролей (т.е. к ассертивной части). Например, говоря:

(61) *Начальник вовсе и не благоволит к этому сотруднику, мы не отрицаем того факта, что роль начальника выше роли сотрудника - мы отрицаем лишь наличие особого, "выделенного" отношения первого ко второму.*

Точно так же взаимодействует отрицание и с значениями других рассмотренных нами слов. Сравните следующие примеры:

(62) *Барин не гневался на холопа, (а был лишь слегка раздосадован его поступком);*

(63) *По утрам старый генерал уже не распекает своего денщика, (а только вяло ворчит на него);*

(64) *Вы бы с сном полегче: здесь нужен не окрик, а внушение;*

(65) *Сегодня председатель исполкома не принимает посетителей;*

(66) *Епископ добивался если не аудиенции, то хотя бы неофициальной встречи с кардиналом;*

(67) *Мальчишка исправился: стал лучше учиться, не грубит взрослым;*

(68) *Постарайтесь не дерзить начальству, и всё будет хорошо!*

(69) *Никакой правды он не резал, (а просто мнение свое высказывал).*

В заключение обратим внимание на следующее обстоятельство.

Обычно социальные факторы интерпретируются как нечто внешнее по отношению к языку. Они могут, например, убыстрять или замедлять процесс языковой эволюции, которая совершается по своим внутренним законам (диахронический аспект их влияния на язык), или обуславливать выбор стилистических подсистем и их элементов при тех или иных обстоятельствах общения - например, при смене официальной обстановки на непринужденную, при изменении намерений говорящего, его отношения к слушающему и т.п. (синхронический аспект).

Материал, рассмотренный в этой статье, как кажется, позволяет говорить о более глубоком проникновении социального в ткань языка, в частности, о существенной роли сведений о социальных взаимоотношениях людей в семантическом описании языковых единиц: толкования последних должны в явном виде содержать такие сведения¹².

П р и м е ч а н и я

1. Приводимые здесь списки слов, естественно, не претендуют на полноту, но достаточно представительны: по ним вполне можно судить о том, названия каких ситуаций имеются в виду, когда мы говорим об асимметрии социальных ролей.
Специфическую (вследствие некоторой своей жаргонности) подгруппу этого рода лексики составляют слова и обороты, принадлежащие официально-деловому и разговорному стилям современного русского языка и обозначающие разного рода административные, служебные и т.п. наказания (и, в меньшей степени, поощрения): *дать, снять, закатить, влечь выговор; дать нагоняй; дать строгаца; наложить, снять взыскание; снять (с работы, с должности); освободить (от работы, от занимаемой должности); отклонить (ходатайство, просьбу); удовлетворить (просьбу); предупредить, указать, поставить на вид* - часто без насыщения валентности содержания: *Бюро райкома предупредило коммуниста Сидорова; Иванову и Петрову строго указано, а Елкину поставлено на вид. Характерен глагол поправить, также принадлежащий к словам, обозначающим асимметричные ситуации: Если я ошибусь, старшие товарищи меня поправят.*
2. К сожалению, в современной социологии и социолингвистике отсутствуют более или менее формальные определения таких понятий, как роль и позиция (как, впрочем, и всех других). Однако для целей нашей статьи достаточно интуитивного представления о соотношении ролей членов таких групп, как семья, класс, бригада и т.п. или участников таких ситуаций, как прием у врача, купля-продажа и под. Как кажется, приведенное определение роли и дальнейшее разъяснение этого понятия на примерах может служить основанием для формирования такого представления.
3. Мы придерживаемся следующего истолкования понятия зависимости: "X зависит от B = 'B может каузировать изменения в свойствах, состояниях или поведении X-а'" (Апресян 1974: 108).
4. Ср. разграничение Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1980: 245) симметричного и несимметричного типов значений имен. К первому относятся слова *собеседник, собутыльник, одноклассник, однополчанин, друг* и под., а ко второму - пары лексем *врач - пациент, учитель - ученик, родители - дети* и др. Соотносительность членов этих пар автор объясняет наличием между ними опосредующего реляционного предиката - типа *лечить, учить, родить*. Однако, по-видимому, более существенным является фактор социальный: каждая такая пара - названия участников одной ситуации (*врач - пациент, учитель - ученик*) или одной социальной группы, например, семьи (*родители - дети*).
5. Мы рассматриваем здесь обычные, " типовые " отношения членов со-

циальных групп или участников ситуаций общения и не имеем в виду различных смещений или "осложнений" (например, таких при которых молодой монах может оказаться сыном или родственником епископа и, вследствие этого, считать себя вправе смотреть на настоятеля монастыря "сверху вниз").

6. Примеры (4) - (6), а также (10), (15), (16) - см. ниже - заимствованы из БАС.
7. Любопытно, что авторы цитируемых словарей не обратили внимания на характер приводимых ими примеров: эти примеры в почти явном содержат указание на особый статус субъекта гнева - это царь, барин, начальник и т.п. Ср. иллюстрации, приведенные в СУ: "*В карете бариня-с, и гневаться изволит*" (А.С. Грибоедов); "*Князь Курбский от царского гнева бежал*" (А.К. Толстой), в СО: "*гневный начальник*", в БАС: "*- Что? - сказала напуганная Наташа, - я бредила Валерианом? батюшка слыхал, батюшка гневается!*" (А.С. Пушкин), в МАС: "*[В письме] было прибавлено, что без сомнения Степан Михайлович не будет гневаться за нарушение его приказания*" (С.Т. Аксаков).
8. Читателю может показаться, что фразы типа (11), (12) неприемлемы просто потому, что в них использован устарелый глагол *гневаться*. Однако и в примерах (8), (9) этот глагол, бесспорно, ощущается как устарелый - тем не менее, эти предложения мы вряд ли сочтем неправильными. Стало быть, дело не в архаичности глагола, а в соблюдении/несоблюдении условия об асимметричности социальных ролей участников ситуации 'гневаться'.
9. Такое сужение круга слов, реализующих первую семантическую валентность слова *аудиенция*, произошло, по-видимому, вследствие устаревания самого этого существительного. В XIX в., когда оно употреблялось более свободно, этот круг был шире. Ср. следующие цитаты из произведений литературы прошлого века: "*- Да вот нынче поеду к барону Воробьеву, вчера не мог добиться аудиенции*" (Л.Н. Толстой); "*После обеда Порфиша был призван на аудиенцию к отцу*" (М.Е. Салтыков-Щедрин). Примеры заимствованы из БАС и МАС.
10. Употребление частицы *-ка* с глагольными формами I лица (*скажу-ка я ему, пойдём-ка вместе*) отражает другое значение этой частицы (см. словари и грамматики) и здесь не рассматривается.
11. Пресуппозиционный характер "социального" компонента значений обуславливает и тип неправильностей, которые возникают в случае, если этот компонент не учитывать при употреблении социально ориентированных слов: это - п р а г м а т и ч е с к и е н е п р а в и л ь н о с т и .
В отличие от собственно языковых аномалий (типа **оказивать впечатление* вместо *производить впечатление*) и логически противоречивых высказываний (типа *круглый квадрат*) - о разграничении тех и других см. Апресян 1978, - прагматические неправильности возникают тогда, когда нарушаются условия - ситуативные, социальные, культурные и т.п. - употребления данной языковой единицы.
12. Автор искренне признателен Ю.Д. Апресяну, который прочёл рукопись этой статьи и сделал ряд существенных замечаний.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1974 - Ю.Д. Апресян. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М.: Наука.
- Апресян 1978 - Ю.Д. Апресян. *Языковая аномалия и логическое противоречие*. - В кн.: *Tekst. Język. Poetyka*. Warszawa.
- Апресян 1980 - Ю.Д. Апресян. *Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл ↔ Текст"*. Wien (=Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 1).
- Арутюнова 1980 - Н.Д. Арутюнова. *К проблеме функциональных типов лексического значения*. - В кн.: *Аспекты семантических исследований*. М.: Наука.
- Белл 1980 - Роджер Т.Белл. *Социолингвистика*. М.: Международные отношения.
- БАС - *Словарь современного русского литературного языка (Большой Академический Словарь)*, тт.1-17. М. - Л., 1950-1965.
- Виноградов 1947 - В.В. Виноградов. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.: Учпедгиз.
- Грамматика 70 - *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука, 1970.
- Грамматика 80 - *Русская грамматика*, тт. I-II. М.: Наука, 1980.
- Иорданская 1970 - Л.Н. Иорданская. *Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства*. - В кн.: *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 13. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза.
- Кон 1967 - И.С.Кон. *Социология личности*. М.: Политиздат.
- МАС - *Словарь русского языка (Малый Академический Словарь)*. тт. I-IV М., 1957 - 1961.
- Селиверстова 1975 - О.Н. Селиверстова. *Компонентный анализ многозначных слов*. М.: Наука.
- СО - С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- СУ - *Толковый словарь русского языка*, тт. I - IV. Под редакцией Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935 - 1941.
- Филлмор 1969 - Ch. Fillmore. *Types of lexical information*. - В кн. *Studies in syntax and semantics* (ed. F. Kiefer). Dordrecht.
- Шибутани 1969 - Т. Шибутани. *Социальная психология* (перевод с английского). М.: Прогресс.

Renate RATHMAYR (Innsbruck)

ZUR POLYFUNKTIONALITÄT KLEINER WÖRTER

AM BEISPIEL VON RUSSISCH *ТОЛЬКО*.

Zur Beschreibung der Bedeutung sogenannter Autosemantika werden in den Wörterbüchern semantische Merkmale angegeben, die den Begriff, den sie bezeichnen, mehr oder weniger erschöpfend beschreiben. Wesentlich problematischer ist die Beschreibung der Bedeutung von Synsemantika. Ihre Rolle in der Sprache besteht nicht darin, Begriffe zu symbolisieren, sondern eine Beziehung zwischen autosemantischen Elementen der Sprache herzustellen (z.B. Präpositionen und Konjunktionen) oder pragmatische Bedeutungen auszudrücken (z.B. Partikeln)¹. Die Grundbedeutung der Synsemantika ist, sofern man eine solche überhaupt voraussetzen kann, sehr viel abstrakter als die der Autosemantika und nicht in derselben Weise durch semantische Merkmale beschreibbar.

Insbesondere die Bedeutung der Partikeln ist in höchstem Maße kontextabhängig - ŠVEDOVA (1960:97) geht sogar so weit zu sagen, daß sie überhaupt keine Eigenbedeutung haben. Dennoch können für sie Verwendungsmöglichkeiten sowie allgemeine pragmatische Merkmale angegeben werden und es läßt sich feststellen, welche pragmatischen Veränderungen ihre Verwendung in einer Äußerung bewirkt. Im Wörterbuch findet man statt dessen meist mehr oder weniger genaue Synonyme. Da es sich hierbei in der Regel ebenfalls um Partikeln handelt, findet der Suchende, wenn er unter dem Synonym nachschlägt, meist wieder einen Rückverweis auf das Ausgangswort.² Hinzu kommt, daß viele Partikeln auch in der Funktion anderer Wortarten auftreten, sodaß es dem Erklärung Suchenden überlassen bleibt, nicht nur herauszufinden, welche der verschiedenen Bedeutungen gerade zutrifft, sondern auch, mit welcher Wortart er es gerade zu tun hat.

Die hier angedeuteten Schwierigkeiten treffen auch für das in diesem Beitrag behandelte Lexem *только* zu. So zeigt etwa ein Blick in den vierbändigen *Slovar' russkogo jazyka* (Bd.4:517, gekürzte Wiedergabe)³ eine Auswahl von 6 Wortbedeutungen:

1. ограничительная частица: не более, как, всего, всего лишь
2. выделительно-ограничительная частица: единственно, исключительно
3. противительный союз: но, однако
4. наречие: едва, едва лишь
5. временной союз: едва
6. усилительная частица: при местоимениях и наречиях в отрицательных предложениях//в предложениях, выражающих пожелание или предположительную возможность// при повелительном наклонении

Unter den für die ersten beiden Bedeutungen genannten Synonymen findet der Benutzer im genannten Lexikon Rückverweise auf *только*:

- всего: 2. *только, лишь*
единственно: 2. *только, лишь*
исключительно: 2. *только, лишь*
лишь: 1. *только, исключительно, единственно*

Die Unzulänglichkeit derartiger Beschreibungen ist umso schwerwiegender, als die kleinen Wörter insgesamt und *только* insbesondere - es steht im Häufigkeitswörterbuch von ZASORINA (1977:807) an 42. Stelle - im praktischen Sprachgebrauch eine sehr wichtige Rolle spielen.

Mit dem Ziel, in der scheinbaren Heterogenität Gemeinsamkeiten auf einer abstrakteren Ebene zu finden, sollen in dem vorliegenden Beitrag die einzelnen Funktionen von *только* anhand von Beispielen⁴ syntaktisch und semantisch bzw. pragmatisch beschrieben werden. Dabei gilt das Hauptaugenmerk jenen Bedeutungen, in denen *только* als Partikel auftritt, da Konjunktionen und Adverbien als Wortarten und funktionale Klassen besser beschrieben und abgesichert sind.

Ausgehend von der Grundannahme, daß syntaktische und semantische Eigenschaften sprachlicher Elemente in einem Zusammenhang stehen, werden die einzelnen Funktionen zunächst durch verschiedene syntaktische Tests, deren Trennschärfe

freilich durch die semantische bzw. funktionale Interpretation überprüft wird, voneinander abgegrenzt. Eine erste Abgrenzung erlaubt der Eliminierungstest, mit dessen Hilfe syntaktisch obligatorisches von syntaktisch fakultativem *только* abgegrenzt wird. Eliminiert man nämlich *только* in verschiedenen Sätzen, so zeigt sich sehr rasch, daß ein Teil der Beispiele dadurch inakzeptabel wird, - es liegt also syntaktisch obligatorischer Gebrauch von *только* vor, - und ein anderer nicht, - es liegt also fakultativer Gebrauch vor. In syntaktisch obligatorischer Position tritt *только* vorwiegend als adversative, aber auch als temporale Konjunktion auf.

1. ТОЛЬКО ALS ADVERSATIVE UND TEMPORALE KONJUNKTION

Als Konjunktion verbindet *только*⁵ Satzteile oder Sätze miteinander, in deren erstem Teil zunächst etwas akzeptiert wird, für dessen Zutreffen oder Realisierung in dem mit *только* eingeleiteten Teil jedoch eine Einschränkung der Gültigkeit oder eine Bedingung für die Realisierung gegeben wird. Dazu die folgenden Beispiele:

- (1) - Ладно, - говорит Димка, - берем тебя с собой. Только не хныкать потом. (Акс.12)
- (2) И это даже правда. Только я не участвую в хоре. (Нё.70)
- (3) Я согласен ехать, только не сейчас. (Ож.736)

In all diesen Beispielen ist *только* funktionsäquivalent durch *но* oder *однако* substituierbar und leitet Sätze ein, die einen einschränkenden Gegensatz zu etwas vorher Gesagtem ausdrücken, der häufig durch eine Negation (*не*) im *только*-Satz oder -Satzteil signalisiert ist.

Allein oder mit *как*, *лишь* oder *едва* kombiniert tritt *только* auch als temporale Konjunktion in der Bedeutung von *in dem Augenblick*, *sobald* (*в тот момент, как*) auf.

- (4) Только скажешь, я приду. (Ож.736)
- (5) Нарисованный мир красивее, чем настоящий ... Как только освоишься в настоящем мире, так тебе становится хорошо - хорошо. (Акс.25)

Nicht syntaktisch eliminierbar ist *только* auch in der zusammengesetzten Konjunktion *не только но и*, die durch keine andere substituierbar ist und dem deutschen *nicht nur sondern auch* entspricht.

(6) В дороге не только исследуют, но и вспоминают. (Акс.19)
Die Kombination kleiner Wörter untereinander stellt jedoch ein noch weitgehend unerforschtes Gebiet dar und es würde den Rahmen des vorliegenden Aufsatzes sprengen, darauf im Detail einzugehen.⁶

In allen anderen Fällen ist только syntaktisch nicht obligatorisch, was freilich nicht heißt, daß die Bedeutung eines Satzes durch die Eliminierung von только unverändert bleiben würde. Mit Hilfe des Fragetests läßt sich die Adverbfunktion aussondern: Nur das temporale только in der Bedeutung *gerade, eben* (совсем недавно) kann erfragt werden bzw. allein als Antwort auf eine Frage stehen.

2. ТОЛЬКО ALS TEMPORALADVERB

Als Adverb bezeichnet только einen dem Sprechzeitpunkt oder dem zeitlichen Referenzpunkt der Aussage unmittelbar vorausgehenden Zeitpunkt. Häufig tritt es dabei in der Kombination mit что als только что auf. Dazu die folgenden Beispiele:

(7) Илья, видно, только что вернулась домой. (Нё.28)

(8) Ты давно дома? - Да только вошел. (Ож.736)

(9) Солнце только что село: на небе высоко стояли длинные красные облака. (Сл.р.я.4:517)

Daß только in dieser Funktion erfagbar ist (Когда она вернулась домой? - Только что.) steht mit seiner Funktion als autosemantischem Wort in Zusammenhang. Einer Erklärung bedürftig wäre, daß только in Adverbfunktion nicht negierbar ist, während Adverbien ansonsten ebenso wie andere autosemantische Satzglieder immer negierbar sind.

(7') *Илья, видно, вернулась домой не только что.

Funktionsäquivalent kann только hier mit совсем недавно substituiert werden:

(7'') Илья, видно, совсем недавно вернулась домой.

Der vierbändige Slovar' russkogo jazyka gibt neben der Bedeutung *gerade eben* (совсем недавно) auch noch eine zweite Adverbbedeutung an, nämlich *kaum, nur ein wenig* (едва, едва лишь). Die Beispiele dafür zeigen jedoch keinen semantischen Unterschied zu den hier zitierten, sodaß diese Variante in der hier vorliegenden Analyse, die in erster Linie den Partikel-

funktionen von только gewidmet ist, nicht weiter berücksichtigt zu werden braucht.

3. ТОЛЬКО ALS LOGISCHER OPERATOR

Hier ist только syntaktisch eliminierbar, also fakultativ, es bezieht sich nicht auf den ganzen Satz, sondern auf ein bestimmtes Satzglied, die Bezugskonstituente. Nur gemeinsam mit dieser kann es als Antwort auf eine Frage stehen. Als Bezugs- konstituenten sind nominale Satzglieder wie Nominalphrasen, sie ersetzende Pronomina, Adverbien, Adverbialbestimmungen, Objekt- und Temporalsätze, nicht jedoch Verba ohne Objekt⁷ anzutreffen. Innerhalb des Satzes kann только nur gemeinsam mit der Bezugs- konstituente verschoben werden, andernfalls verändert sich die Bedeutung des Satzes.

(10) Мама желает ей только добра. (Нё.40)

Permutationstest: Мама ей только добра желает.

Только добра желает ей мама.

Мама ей желает добра только.

Только мама ей желает добра.

Die Nachstellung von только gegenüber der Bezugskonstituente ist zwar nicht so üblich wie die Voranstellung, aber ohne Bedeutungsveränderung akzeptabel, während die Trennung von только und der Bezugskonstitutente die Bedeutung verändert: aus *Die Mama wünscht ihr nur Gutes* wird *Nur die Mama wünscht ihr Gutes*.

In der vorliegenden Analyse wird als entscheidendes Kriterium für die Abgrenzung dieser Funktion von только die Änderung auf der Ebene des dargestellten Sachverhalts, also der Assertion, durch das Vorhandensein bzw. die Tilgung von только angenommen. Schon der Vergleich der beiden folgenden Sätze macht dies deutlich:

(11) Пришел Иван.

(11') Пришел только Иван.

Während der erste Satz nicht ausschließt, daß auch andere gekommen sind, ist dies beim zweiten, eben dem mit только, sehr wohl der Fall. (11') wird ja gerade dann verwendet, wenn mehrere Personen erwartet wurden. Das heißt also, die Bedeutung von только geht in die Wahrheitsbedingungen des Satzes ein und enthält eine eigene Information. Für deutsch *nur*, das hier mit

только äquivalent ist, hat dies BARTSCH 1972:195 sehr anschaulich beschrieben: " 'Nur a' wird in einer Situation verwendet, in der auch 'nicht a' erwartet oder angenommen wird. Auf diese Weise ist das 'nur' informativ, da es 'nicht a' ausschließt." Только in dieser Funktion wird daher in Anlehnung an BARTSCH 1972:194-195 als *logischer Operator* bezeichnet. Bei der Beurteilung der semantischen Funktion von только als logischem Operator gehen die Meinungen stark auseinander, es soll daher kurz darauf eingegangen werden.⁸

Speziell der Funktion als logischer Operator gewidmet ist die Beschreibung des Wörtchens только bei I.M. BOGUSLAVSKIJ: 1979 u. 1980, die hier kurz skizziert werden soll. Только hat drei Valenzen: Q - das Objekt, das in der gegebenen Situation hervorgehoben wird, P - diejenige Eigenschaft, aufgrund derer es hervorgehoben wird und R - diejenige Menge, aus der die Hervorhebung erfolgt. (1979:13) Z.B.: Из всех его друзей мне нравится только Коля. Die Valenz P ist erfüllt durch die Wörter мне нравится, Q durch das Wort Коля und R durch die Wortverbindung из всех его друзей. Ein Satz wie

(12) Только ветер гудит в отдаленьи. (Boguslavskij 1979:15) ist demnach so zu interpretieren, daß die Valenz R ergänzt wird:

(12') Имеет место только следующая ситуация: ветер гудит в отдаленьи. (ebd.:15)

Unser Beispiel (11') ist nach BOGUSLAVSKIJ folgendermaßen zu interpretieren: Die Bezugskonstituente für только, also Иван ist das Objekt, das in der gegebenen Situation hervorgehoben wird (Valenz Q), hervorgehoben wird Иван durch seine Eigenschaft, daß er gekommen ist- пришел (Valenz P) und hervorgehoben wird Иван aus der Menge all derer, die nicht gekommen sind, aber hätten kommen können oder sollen (Valenz R).

Ähnlich gelagert, aber weniger formal ist die Interpretation von только als *logische Partikel* bei TOROPOVA (1978). Die Autorin spricht von der *bejahend-verneinenden Bedeutung* (утвердительно-отрицательное значение) des Wortes только (85). Das heißt, только stellt zwei *Kontrastelemente* (противочлены), bei denen es sich um einen *Teil* und das *Ganze* (часть и целое)

handelt, in die Beziehung eines Gegensatzes (противоречие). In dem von только hervorgehobenen Element ist ein positives und ein negatives Urteil vereint. Dies wird an dem folgenden Beispiel demonstriert:

- (13) В джазе только девушки.
positives Urteil: в джазе девушки
negatives Urteil: и больше никого (кроме девушек)

Auch MEL'ČUK (1974:55ff.) behandelt только, und zwar analysiert er es nach einem logisch-semantischen Verfahren, wobei er für Beispiel (14) zu folgenden Paraphrasen kommt:

- (14) Я купил только чашки.
(14') Я не купил ничего кроме чашек.
Я купил чашки, и я не купил ничего, кроме чашек.
Я купил чашки, и я не купил чего-либо, не являющегося чашками.

Unter Bezugnahme auf eben diese Funktion von только kommt MEL'ČUK (ebd.:74) zu dem Schluß, daß das Wort только ohne Kontext überhaupt keinen Sinn hat (само по себе не имеет смысла), und wir nur deshalb, weil wir uns unbewußt immer einen typischen Kontext dazudenken, den Eindruck haben, es würde auch isoliert etwas bedeuten. Diese Feststellung ist sehr wichtig und alles, was hier über die Funktion von только als logischer Operator gesagt wird, ist unter eben diesem Vorbehalt zu verstehen, daß nämlich die logische Operatorfunktion nur in einem konkreten Kontext Sinn bekommt. ⁹

Die rein logische Bedeutungsexplikation von *nur a* als *a und nicht nicht-a* (HARRIS 1968:71 zitiert nach BARTSCH 1972: 195) muß für die Beschreibung der Sprache als Kommunikationsmittel noch ergänzt werden. In der alltäglichen Kommunikation kommt es dem Sprecher, wenn er eine Äußerung wie Beispiel 15 macht, nämlich weniger darauf an, mitzuteilen, daß er nur bei Grün, nicht aber bei Nicht-grün über die Straße geht, als das Faktum, daß er nur bei Grün geht, sich also der geltenden Norm entsprechend verhält, von einer vorausgesetzten Menge anderer -in diesem Fall, eben nicht der Norm entsprechenden - Möglichkeiten abzugrenzen bzw. diese zu negieren.

- (15) Я иду только когда увижу зеленый сигнал "идите".
(Акс.3)

Eben diese Möglichkeiten, die aus der Situation erschließbar sind, werden hier mit TOROPAs Terminologie als *Kontrastelemente* zur Bezugskonstituente (1978) von *только* bezeichnet. BARTSCH 1972:195-196 zeigt, daß die Skala dieser Möglichkeiten oft nur aus zwei Antonymen besteht, z.B. wird mit der Äußerung *er lügt nur selten* das Antonym *er lügt oft* negiert. In unserem Beispiel 15 sind die Kontrastelemente zu *когда увижу зеленый сигнал "идите"* (bei Grün) *bei Rot* oder *bei Gelb*. Die Bedeutung von *только* in diesem Satz wäre also zu paraphrasieren mit *nur bei Grün, nicht aber bei Gelb oder Rot*. Diese Kontrastelemente sind nicht explizit genannt, sondern allgemeiner kultureller Hintergrund der Sprecher. - Für jemanden, der mit dem Ampelwesen nicht vertraut ist, wäre der Satz, allerdings unabhängig von *только*, unverständlich. Sage ich denselben Satz ohne *только*, so ist keinesfalls ausgeschlossen, daß ich nicht auch bei Gelb oder Rot über die Straße gehe, vgl.:

(15') Я иду, когда увижу зеленый сигнал "идите".

Только zeigt also in den Belegen für diese Funktionsklasse eine zusätzliche Information an, und zwar keine primär sprecher- oder hörerbezogene, also pragmatische, sondern eine auf den dargestellten Sachverhalt bezogene. Eben weil man diese zusätzliche Information abstrakt darstellen kann (*x* und nicht nicht-*x*, wobei nicht-*x* erschließbare Kontrastelemente zu *x* sind), scheint bei dieser Funktion von *только* mehr Gemeinsamkeit mit den Autosemantika als mit den Synsemantika zu bestehen. Dies wird auch in der Literatur verschiedentlich so gehandhabt: So bezeichnet DIE RUSSISCHE SPRACHE DER GEGENWART, 2, 1975:345 *только*, wenn seine Umstellung den "Sachgehalt" des Satzes verändert, als ein "autosemantisches Wort, und zwar ein Adverb, das eine Graduierung ausdrückt". MIROVIĆ 1962:108 spricht in diesem Zusammenhang von rein lexikalischer Bedeutung, da es sich um Bedeutung ganz im selben Sinne wie bei den Autosemantika handelt. Auch in der deutschen Partikelliteratur "zögert" z.B. BARTSCH 1979:374 *nur* in dieser Funktion zu den synsemantischen Partikeln zu zählen, eben weil die durch *nur* angezeigte Information zur Assertion gehört. Sie gibt dafür auch noch einen syntaktischen Grund an: Zum Unterschied von den

Synsemantika ist *nur* hier negierbar.¹⁰

Auch только ist in dieser Funktion negierbar, das sieht man daran, daß die Bezugskonstituente nicht von der Negation betroffen ist, sondern weiter vorausgesetzt bleibt. Von der Negation betroffen ist hingegen der Bedeutungsgehalt von только, das heißt, die Negation betrifft die Kontrastelemente der Bezugskonstituente von только. Dies sei an Beispiel 16 demonstriert:

(16) Принцесса кокаколы и мартини - вот она кто! Только по внешности, конечно. (Нё.15)

Nur äußerlich (только по внешности) ist zu paraphrasieren als *aber nicht, was den Charakter betrifft, aber nicht charakterlich* (а не по характеру), da es in unserem Kulturkreis generell üblich ist, die Ähnlichkeit von Personen nach äußerlichen und charakterlichen Kriterien zu beurteilen. Die Negation *nicht nur äußerlich* (не только по внешности) ist also zu paraphrasieren als *auch charakterlich* (но и по характеру) und würde auch, ohne daß das nicht negierte Kontrastelement explizit ausgedrückt ist, so verstanden werden.

Auf dasselbe Phänomen weist APRESJAN (1980:49-50) im Zusammenhang mit dem Begriff der *Präsupposition* hin, worunter er jenen Teil der Bedeutungserklärung einer sprachlichen Einheit versteht, der sich durch die Negation nicht verändert, während jener Teil, der dadurch eine Veränderung erfährt, als *Assertion* (утверждение) bezeichnet wird. Die Präsupposition *x* делает *y* gilt auch für die Assertion *x* делает не только *y*, die Assertion jedoch erfährt eine Veränderung. Bei nicht negiertem только besagt sie: "*x* делает *y* и не существует *z* отличного от *y*, такого, что *x* делает *z*", bei negiertem только hingegen besagt sie: "*x* делает *y*, и существует *z*, отличный от *y*, такой, что *x* делает *z*".

Auch andere Tests zeigen, daß sich только in dieser Funktion anders verhält als die reinen Synsemantika: In Echofragen muß только erhalten bleiben und von einem generellen Widerspruch ist только betroffen, nicht jedoch die Bezugskonstituente.

(17) Их голоса мы слышим только в перерывах между музыкой. (Акс.7)

Widerspruchstest: Не может быть. Вы их слышите (не только в перерывах, но) и когда играет музыка.

Echofragetest: Вы их слышите только в перерывах? Только в перерывах?

Zu beachten ist, daß только in der Echofrage auch den Satzakkzent tragen kann, was bei Synsemantika ebenfalls ausgeschlossen ist.¹¹

Für den semantisch eigenständigen Charakter von только als logischer Operator spricht auch noch ein weiteres Argument: только in der Bedeutung *x und nicht nicht-x* hat ein Antonym, nämlich и, und in manchen Kontexten auch также, das die Nichtausschließlichkeit anzeigt. Vgl.:

(16') Принцесса кокаколы и мартины - вот она кто! И по внешности, конечно.

Die Bedeutung von и in diesem Satz wäre zu paraphrasieren mit *äußerlich und auch in anderer Hinsicht*, abstrakt ausgedrückt *x und auch nicht-x*, wobei *nicht-x* wieder in demselben Sinne Kontrastelemente der Bezugskonstituente von и sind, wie bei только.

Dadurch, daß только praktisch in einem Wort nicht nur eine Möglichkeit hervorhebt, sondern alle anderen situativ erschließbaren negiert bzw. ausschließt, ist es ein hervorragendes Mittel zur Satzverkürzung: Anstatt zu sagen, was alles nicht zutrifft, genügt es, vor die zutreffende Möglichkeit только (nur) zu setzen. Statt also zu sagen *die Oma kauft nicht im Supermarkt und nicht in der Bäckerei und nicht im Obstgeschäft und nicht beim Fleischhauer*, genügt es zu sagen:

(18) Die Oma kauft nur auf dem Markt ein. (NÖ.12)
Бабушка все покупает только на рынке. (Нё.15)¹²

Stehen die negierten bzw. ausgeschlossenen Kontrastelemente explizit da, so ist только von seiner logischen Funktion entlastet und trägt auch nicht zur Satzverkürzung bei. Es dient dann dem Ausdruck pragmatischer Bedeutungen und fungiert als Partikel. Die pragmatische Funktion von только wurde bisher in der Literatur kaum behandelt und oft, so z. B. durch I.M.BOGUSLAVSKIJ (1980:135), explizit aus den Analy-

se ausgeschlossen. Eben deshalb wird ihr hier besonders viel Raum gewährt.

4. ТОЛЬКО ALS BEWERTENDE PARTIKEL

Unter Partikeln werden hier Lexeme verstanden, die nicht zur Vermittlung denotativer Inhalte, sondern zur Vermittlung pragmatischer Inhalte dienen. Sie sind irrelevant für die Ebene des dargestellten Sachverhalts und realisieren eher eine Wirkungsabsicht als eine Darstellungsabsicht des Sprechers. Charakteristisch für die Partikelfunktion ist also der Ausdruck pragmatischer Inhalte, die nach JACHNOW (1977:62-69) folgende Merkmale haben: Im Unterschied zu denotativen Inhalten, die auf Referentenerkennung beruhen, dienen pragmatische Inhalte dazu, diese sprecher- und hörerbezogen zu kommentieren und so in besonderer Weise hörerwirksam zu machen. Ihre Abwahl ist weder durch die besprochenen Referenten noch durch sprachinterne Gesetze bedingt und nur unter Berücksichtigung der in den Kommunikationsprozeß eingeschlossenen nichtsprachlichen Faktoren möglich. Sie kann z.B. auf Referentenbewertung beruhen.

Da, wie allein schon die Analyse von только zeigt, ein Lexem, das als Partikel auftritt, auch in der Funktion anderer Wortklassen auftreten kann, - hier als Konjunktion, Adverb und logischer Operator - ist *Partikel* nicht als Wortart im klassischen Sinne, sondern als funktionale Klasse zu verstehen.

Im Unterschied zu den Vorkommen von только als logischer Operator, wo die Bezugskonstituente immer nominaler Natur war, bezieht sich только als bewertende Partikel in der Mehrzahl der Fälle auf das Verbum bzw. Prädikat. Die Bezugskonstituente ist dabei immer auch das Rhema des Satzes. Während die Kontrastelemente der Bezugskonstituente von только als logischem Operator nicht explizit ausgedrückt, sondern erschließbar waren, sind sie hier explizit ausgedrückt. Das heißt, als bewertende Partikel tritt только in expliziten Kontrastsätzen oder kontrastiven Äußerungen auf. Diese Sätze oder Äußerungen kann man auch als Gegenbehauptungen bezeichnen, da in ihnen

auf eine unmittelbar vorher gemachte Äußerung Bezug genommen wird, und zwar in der Form, daß sie wieder aufgenommen und in Teilen korrigiert wird. Z.B.:

- (19) -Любви нет, - отрезал Алик. - Старомодная выдумка. Есть только удовлетворение половой потребности. (Акс.20)

Wenn man только in dieser Aussage tilgt, bleibt der Gegensatz *x gibt es nicht, aber (nur) y gibt es* erhalten. Только drückt also nicht den Gegensatz aus - любви нет steht ja explizit da-, sondern ist frei für den Ausdruck einer pragmatischen Bedeutung, die in der Bewertung des Sachverhalts durch den Sprecher besteht. Dieser bewertet in der vorliegenden Existenzaussage mit только die Bezugskonstituente als relativ wenig, gering, wobei dies je nach dem Zusammenhang als positiv oder negativ eingestuft wird. Negative Bewertung liegt in Beispiel 19 vor, positive im folgenden:

- (20) Честно говоря, система у меня уже собрана, и остается только присоединить к ней кое-какие устройства камеры. (Акс.14)

Auch diese Äußerung wäre ohne только akzeptabel und der bezeichnete Sachverhalt bliebe gleich. Wegfallen würde dadurch jedoch die Einschätzung dessen, was noch zu tun bleibt, als relativ wenig, was, da es um die Erledigung von Arbeit geht, vom Sprecher positiv bewertet wird.

Negative Bewertung liegt auch in dem folgenden Beispiel vor, das außerdem die Schwierigkeit, die kleinen Wörter ohne Kontext richtig zu verstehen, besonders gut zeigt.

- (21) Мой олух совсем не попрощался. Сказал только вчера вечером: "Не дави мне, папаша, на психику." (Акс.16)

Betrachtet man nur сказал только вчера вечером, würde man только вчера zuordnen und temporal verstehen: *erst gestern abend...* Nimmt man jedoch den Vorsatz dazu, sieht man, daß только сказал zuzuordnen ist:

- (21') Mein Dummkopf hat sich überhaupt nicht verabschiedet. Er sagte gestern abend nur: "Trample mir nicht auf der Seele herum, Papa." (Акс.47)

Das Kontrastelement zu только сказал ist also explizit ausgedrückt und negiert: совсем не попрощался, mit только be-

wertet der Vater das Verhalten seines Sohnes als ungehörig und drückt seine Enttäuschung darüber aus.

Auch im folgenden Beispiel ist das negierte Komplement im Vortext explizit vorhanden: Viktor macht sich Gedanken über seinen jüngeren Bruder Dimka, seinen geringen Fleiß in der Schule, seine Unwilligkeit, der Mutter im Haushalt zu helfen. Aber er sagt nichts zu ihm, er lächelt nur und klopf ihm auf die Schulter:

(22) Но я не говорю ему ничего. Я только смеюсь и хлопаю его по спине. (Акс.4)

Daß Viktor seinen Bruder nicht zur Rede stellt, steht explizit da, sodaß es nicht an dem Wörtchen только liegt, andere bestehende Möglichkeiten auszuschließen. Um die Funktion von только zu ermitteln, kann man es tilgen und die beiden Varianten miteinander vergleichen:

(22') Но я не говорю ему ничего. Я смеюсь и хлопаю его по спине.

Auf der Sachverhaltsebene tritt keine Änderung ein, jedoch stehen im Satzpaar ohne только die drei Handlungen gleichwertig nebeneinander, während im Original mit только dessen Funktion wieder in der Bewertung besteht: Viktor sagt mit aus, besser, deutet durch только an, daß er seine Reaktion für geringfügig, für sehr milde hält und in diesem Sinne positiv bewertet. Dabei schwingt auch Beschwichtigung mit: Viktor bewertet nicht nur, er beschwichtigt auch seinen Gesprächspartner, der Schlimmeres erwartet hat. Noch deutlicher wird das an dem folgenden Beispiel, wo die Eltern angesichts des spätabendlichen Besuches eines jungen Mannes bei ihrer Tochter die schlimmsten Befürchtungen haben;

(23) Ich wollte nur ihrer Tochter etwas Unaufschiebbares mitteilen... (NÖ.106)
Я только хотел сделать вашей дочери неотложное сообщение. (Нё.123)

Es ist wichtig, in diesem Zusammenhang auf ein allgemeines Charakteristikum der Partikelfunktion hinzuweisen: Partikeln drücken nicht in dem Sinne Bedeutungen aus, wie dies Autosemantika mit denotativer Bedeutung tun, vielmehr besteht ihre eigentlich bedeutende Funktion darin, "Annahmen oder Voraus-

setzungen anzudeuten, die nicht explizit ausgesagt werden." (BARTSCH 1979:369). Sie sind also immer vage, von daher ist auch zu verstehen, daß sie negative wie positive Bewertung andeuten können.

Da es nicht üblich ist, diese Funktion von только zu beschreiben, soll noch einmal auf ihre Abgrenzung von der als logischer Operator eingegangen werden. Diese Abgrenzung ist nicht nur durch die funktional-semantiche bzw. pragmatische Interpretation gegeben, auch der Negationstest trennt die beiden Funktionen voneinander: Während nämlich только als logischer Operator negierbar ist, ist es in Partikelfunktion nicht negierbar, d.h. durch die Negation von bewertendem только werden die Äußerungen inakzeptabel:

Negationstest:

- (20') *Честно говоря, система у меня уже собрана, и остается не только присоединить к ней кое-какие устройства камеры.
(21') *Мой олух совсем не попрощался. Сказал не только вчера вечером: ...
(22') *Но я не говорю ему ничего. Я не только смеюсь и хлопаю его по спине.

Außerdem hat только in dieser Funktion im Unterschied zu der als logischer Operator auch kein Antonym, vgl.:

- (20'') *Честно говоря, система у меня уже собрана, и остается и присоединить к ней кое-какие устройства камеры.
(21'') *Мой олух совсем не попрощался. Сказал и вчера вечером: ...
(22'') *Но я не говорю ему ничего. Я и смеюсь и хлопаю его по спине.

In der Literatur über только werden Beispiele für die Funktion als logischer Operator und als bewertende Partikel in dem hier beschriebenen Sinne vielfach nicht unterschieden und als Belege für только als abgrenzende Partikel behandelt. Dies gilt z.B. für das folgende Beispiel aus STARODUMOVA 1974: 21, das diese für abgrenzendes только (ограничительное только) gibt:

(24) Но никто не обиделся. Только рассмеялись. (Стар.21)
Только hat hier zwar auch die Funktion, die beiden Sätze miteinander zu verbinden, doch könnte es auch getilgt werden, ohne daß sich auf der Ebene der sprachlichen Richtigkeit oder

der des dargestellten Sachverhalts etwas ändern würde. Das Kontrastelement zu *рассмеялись* ist explizit genannt und negiert: *никто не обиделся*. Mit *только* liefert der Sprecher seine Bewertung der Reaktion der Anwesenden: statt beleidigt zu sein, haben sie viel weniger drastisch reagiert, sie haben zu lachen begonnen. Eben diese positive Bewertung bringt der Satz mit *только* gegenüber einer Variante, in der *только* getilgt ist, zum Ausdruck:

(24') Но никто не обиделся. *Рассмеялись*.

Dabei ist *только* tatsächlich an die Position vor dem als geringer bewertbaren Kontrastelement gebunden, denn die Umkehrung würde zu einem inakzeptablen Satz führen, es sei denn, man konstruiert einen Kontext, in dem es weniger ausmacht zu lachen als beleidigt zu sein.

Als bewertende Partikel bezieht sich *только*, wie die Beispiele zeigen, immer auf die Verbalphrase, d.h. das grammatische Prädikat. Es leitet somit eine Ersatzhandlung ein bzw. kündigt sie an. Die Struktur der Aussage ist dabei für alle Beispiele einheitlich: Anstelle einer erwarteten, gewünschten, gefürchteten usw. Handlung *x* tritt (nur) die Handlung *y* ein bzw. für Existenzaussagen wie Beispiel 19: anstelle des erwünschten *x* existiert (nur) *y*.

4.1. BEWERTENDES ТОЛЬКО VOR EINEM NUMERALE

Anders als in den bisher erörterten Vorkommen von bewertendem *только* ist es in der Position vor einem Numerales nicht an das Auftreten in Kontrastsätzen gebunden. Syntaktisch unterscheiden sich jedoch die Belege dieser Gruppe von jenen für *только* als logischer Operator ebenfalls dadurch, daß von einem Widerspruch nicht *только*, sondern die Bezugskonstituente betroffen ist und *только* beim Echofragetest getilgt werden kann.

(25) В сочинении Никита сделал *только* одну грамматическую ошибку. (Слов. синонимов 1971/2:522)

Widerspruchstest: Нет, не может быть, он не сделал никакой ошибки./ ... он сделал 20 ошибок.

Echofragetest: Он сделал *только* одну ошибку?/ Одну?

Negationstest: Он сделал не *только* одну ошибку (а двадцать /но и грязно писал/ но и много исправлений)

Negiert man *только*, so ist, wie der Negationstest zeigt, ebenfalls die Bezugskonstituente negiert, allerdings ist sie

nicht direkt ausgelöscht, denn auch in den 20 Fehlern ist der eine mit enthalten, präziser ausgedrückt bewirkt die Negation hier also: *nicht nur x*, sondern $x+x+x+x+x\dots$

Die Bedeutung von только vor einem Numerale ist somit umschreibbar als: *das und nicht mehr*. Он сделал только одну ошибку heißt also *Er hat nicht mehr als einen Fehler gemacht* (Assertion) und präsupponiert *Er hat einen Fehler gemacht* (Präsupposition) (vgl. LAKOFF 1971:57-58). Hierin zeigt sich freilich andererseits auch die semantische Verwandtschaft zu только als logischem Operator: Es wird gleichsam ausgeschlossen, daß er mehr als einen Fehler gemacht hat, wenn vor das Numerale только gesetzt wird. Bei der Verwendung von только vor einem Numerale kommt es dem Sprecher jedoch nicht sosehr darauf an, seinem Partner mitzuteilen, daß eine größere Quantität ausgeschlossen ist, als ihm zu signalisieren, wie er die gegebene Quantität bewerten soll. Die pragmatische Funktion von только besteht dabei darin, daß der Sprecher seinem Partner signalisiert *das und nicht mehr und die gegebene Quantität ist als wenig zu interpretieren*. Das heißt also, die mit только verbundene Zahl gilt als unter der für die gegebene Situation gültigen Norm liegend.

Während die Aussage Он зарабатывает 80 рублей für jemanden, der sich beim Lohnsystem in der Sowjetunion nicht auskennt, ziemlich nichtssagend ist, sagt ihm der Sprecher, wenn er seine Äußerung um только erweitert, mit, daß dies relativ wenig ist. *Relativ* heißt dabei immer *im Vergleich zu*, in diesem Fall *im Vergleich zu anderen Lohnempfängern in der Sowjetunion*. Die Verwendung von только ist auch hier an die tatsächliche Bewertung als wenig gebunden, denn ein Satz wie У нее только семеро детей ist, soferne er nicht ironisch gemeint ist, inakzeptabel, eben weil 7 Kinder zu haben in der heutigen Sowjetunion nicht als wenig, sondern als relativ viel gilt. Dies sieht man auch noch daran, daß zwar eine Qualifikationsphrase in Richtung der Behauptung des Hauptsatzes möglich ist, nicht jedoch in der Gegenrichtung:

(26) Ему только двадцать лет. (Слов.син.1975:579)

Suspensionstest:¹³ Ему только двадцать лет, если не

меньше.

nicht jedoch: *Ему только двадцать лет, если не больше.

Es wird mit diesem Satz also behauptet, daß er nicht älter als zwanzig Jahre ist, impliziert, daß er nicht jünger ist und signalisiert, daß dies im gegebenen Zusammenhang wenig ist, er also allenfalls für etwas Bestimmtes zu jung ist (vgl. deutsch *Er ist erst zwanzig*). In dieser Bewertung als im gegebenen Zusammenhang wenig liegt oft auch ein Aspekt der Brauchbarkeit verborgen (vgl. Beispiel 26 und Sätze wie *Курца весит только 500 грамм*).

Die pragmatische Funktion zu signalisieren, daß die gegebene Quantität als wenig zu interpretieren ist, hat только nur in der Position vor einem Numerales. Allerdings gibt es mit der Zahlenreihe vergleichbare hierarchische Reihen, wo syntaktisch und semantisch genau dieselben Bedingungen vorliegen, z.B. die militärischen Ränge:

- (27) Товарищ командир дивизии, вы генерал, я же только капитан. (Слов.син.1971/2:552)
Widerspruchstest: Нет, не может быть, вы же уже майор.

Die militärischen Ränge sind der Zahlenreihe vergleichbar hierarchisch geordnet, also *ich bin nur Hauptmann und das ist relativ wenig* analog zu *er ist erst 20 Jahre alt und das ist im gegebenen Zusammenhang wenig*.

Zur semantisch äquivalenten Substitution eignet sich *всего*, das zwar nicht so häufig wie *только* ist (972. gegenüber 42. Stelle, ZASORINA 1977), aber vor Zahlwörtern stilistisch nicht eingeschränkt zu sein scheint und auch in Beispiel 27 für *только* substituiert werden kann.

Wenn *только* als bewertende Partikel in zweigliedrigen kontrastiven Äußerungen einerseits und vor Numerales andererseits unterschieden wird, so liegt dies nicht nur an der unterschiedlichen syntaktischen Struktur, sondern hat auch eine pragmatische Seite: Während bewertendes *только* in kontrastiven Äußerungen primär sprecherbezogen ist, ist es vor Numerales primär hörerbezogen.

5. ILLOKUTIONSVERSTÄRKENDES ТОЛЬКО

Unter *Illokution* werden hier im Sinne von FRANCK 1980:90ff. alle nicht propositionalen Bedeutungskomponenten, also Aspekte der Beziehung zwischen Sprecher und Hörer, Haltungen, Wertungen etc. verstanden. Werden derartige pragmatische Bedeutungskomponenten durch die Partikel *только* verstärkt, so wird dieses Phänomen hier als illokutionsverstärkende Funktion von *только* bezeichnet. In dieser Funktion tritt *только* in Frage- und Ausrufesätzen sowie in Aufforderungssätzen auf. Diese sollen getrennt behandelt werden.

5.1. ILLOKUTIONSVERSTÄRKENDES ТОЛЬКО IN FRAGE- UND AUSTRUFESÄTZEN

Только ist in dieser Funktion an die Position nach Fragewörtern bzw. Pronomina gebunden, die jeweils die Bezugskonstituente darstellen. Die Funktion der Partikel *только* ist wieder pragmatischer Art: Der Sprecher benützt sie dazu, dem Hörer zu signalisieren, daß er mit der Handlung, nach deren näheren Umständen er fragt, gar nicht gerechnet hat und die Frage insoferne "fragender", dringlicher wird - daher die Bezeichnung als illokutionsverstärkende Partikel.

Wenn man also ganz sicher damit gerechnet hat, daß Ivan kommen wird, und er unerklärlicherweise doch nicht gekommen ist, dann kann man seiner Einstellung mit *только* Ausdruck verleihen und fragen:

(28) Почему только он не пришел?

Oder aber, man hat sicher damit gerechnet, Ivan wäre dageblieben, dann kann man fragen:

(29) Куда только он пошел?

Auch deutsch *nur* hat in Fragesätzen oft die Funktion, die Basisillokution zu verstärken, das heißt mit *nur* (bzw. *bloß*) wird das Interesse des Sprechers an der erfragten Information unterstrichen und damit die Aufforderung, die gewünschte Information zu liefern, dringlicher gemacht (vgl. FRANCK 1980: 227-228).

(30) Wo steckt bloß (nur) der Michel? Er muß doch jetzt in die Schule. (Franck 1980:227)

*Где только Миша?

Где же Миша? (Куда же делся Миша?) Ведь ему пора в школу.

Wie man sieht, steht jedoch deutsch *nur* nicht direkt nach dem Fragewort und, anders als bei den bisher behandelten Funktionen von *только*, besteht hier keine durchgehende Äquivalenz zu deutsch *nur*. Dies zeigen insbesondere jene Fragen, bei denen die Verwunderung darüber, daß die genannte bzw. erfragte Handlung überhaupt stattfindet, noch stärker wird und, sozusagen in die Behauptung des Gegenteils umschlägt. Wir haben es dann mit sogenannten rhetorischen Fragen¹⁴ zu tun. In Beispiel 31 geht es dem Fragenden überhaupt nicht darum, seine Verwunderung darüber, daß jemand davon weiß, auszudrücken, sondern emphatisch zu behaupten, daß niemand von der Sache weiß.

(31) Кто только об этом знает?

Analoges gilt für Beispiel 32, in dem der Sprecher zum Ausdruck bringen möchte, daß er eigentlich nichts hätte sagen sollen. Man vergleiche damit die Paraphrase, der jedoch die Expressivität fehlt.

(32) Зачем только я сказал! (Ож.736)

Paraphrase: Не надо было говорить.

In solchen emphatischen Ausrufen wird oft auch die Behauptung des Gegenteils zurückgewiesen, das heißt dem Gesprächspartner unterstellt, er sei gegenteiliger Ansicht, oder könnte gegenteiliger Ansicht sein.

(33) Боже мой, как только не пахнут ветры! (Акс.19)

Paraphrase: Ветры, конечно, сильно пахнут.

Im folgenden Beispiel ist der Sprecher selbst zu einer neuen Einsicht gelangt:

(34) Мама, и как только я раньше не замечала, - это просто постаревшая Ильза. (Нё.38)

Paraphrase: Мама, и я должна была это заметить раньше, - это просто постаревшая Ильза.

Die Übersetzungen zeigen auch hier, daß es keine durchgehende Äquivalenz von *только* und *nur* gibt:

(33') Mein Gott, wie verschiedenartig kann der Geruch des Windes sein! (Акс.54)

(34') (Original): Die Mama sah - ich hatte das bisher nie bemerkt - wie eine alte Ilse aus. (Nö.33)

- (35) "Mein Gott, was hat die Ilse nicht alles zusammen-
gelogen! Sachen hat die zusammengelogen, Sachen!"
(Nö.65)

- Боже мой, чего только не выдумывала Ильза! Чего
только она нарвала! (Нё.75)

In allen diesen Beispielen ist es im Russischen только, das den Ausruf expressiver macht, während im Deutschen andere sprachliche Mittel diesen Effekt erreichen.

Im Russischen wie im Deutschen werden Fragesätze häufig auch dazu verwendet, einen Vorwurf auszudrücken. Hier entsprechen *nur* und только einander:

- (36) Wie konntest du nur so etwas tun? (Wunderlich 1972:
13)

Как только ты смог так поступить?

- (37) Wie kann man bloß (nur) so blöd sein und bei so einem Wetter das Fenster offen lassen! (Franck 1980:227)

Как только можно в такую погоду оставить окно открытым!

5.2. ILLOKUTIONSVERSTÄRKENDES ТОЛЬКО IN AUFFORDERUNGSSÄTZEN
Syntaktisch ist diese Funktion von только an das Auftreten in Aufforderungssätzen, also die Kombination mit Imperativformen gebunden. Das heißt, die Bezugskonstituente von только ist ein Imperativ.¹⁵

Häufig tritt только in solchen Aufforderungssätzen auf, die als Sprechakt eine Drohung sind. Diese Drohung wird durch только verstärkt.

- (38) - Ну и что ?

- А то, что сейчас мне хочется дать тебе хорошую
плюху.

- Попробуй только. (Акс.12)

Mit der entsprechenden Intonation gesprochen wäre попробуй auch ohne только als Drohung zu verstehen, mit der Partikel aber wird es eindeutig und die Drohung verstärkt.¹⁶ Im folgenden Beispiel folgt die Drohung auf eine Reihe echter Aufforderungen bzw. Wünsche, die an die dritte Person gerichtet sind. Wie die Übersetzung zeigt, entspricht только in dieser Funktion betontes langes *ja (+nicht)*.

- (39) Тот пижончик оказался рядом. Ладно, лишь бы сидел тихо. Только бы перестал возиться и напевать. И пусть только попробует пялить глаза на Галку!
(Акс.24)

Meinetwegen, wenn er sich nur ruhig verhält.
Hoffentlich hört er bald mit seiner Rekelei und dem Singsang auf. Und er soll sich ja nicht unterstehen, Galka anzuglotzen. (Aks.77)

Während *лишь бы* und *только бы*, das hier als eigene Funktionseinheit zum Ausdruck des Wunsches betrachtet wird (vgl. die 5. Bedeutung von *только* bei OŽEGOV 736), einen Wunsch ausdrücken, bewirkt das an den Imperativ *пусть попробует* gekoppelte *только*, daß dieser als scharfe Drohung, die genannte Handlung ja nicht auszuführen, verstanden wird. *Только* bzw. *ја* bewirken somit auch, daß die Konsequenzen für den Hörer bei Nichtbefolgung der Aufforderung bzw. Drohung schwerwiegender erscheinen. Das deutsche *nur* ist nur bedingt für diese Funktion geeignet, und muß jedenfalls betont sein, ansonsten verleiht es der Aufforderung nämlich "einen beruhigenden Ton und einen permissiven Einschlag mit einer fast gönnerhaften Note" (FRANCK 1980:228)¹⁷.

(40) Bleib *nur* sitzen! Ты сиди, сиди! (не вставай)
Bleib *nur* (bloß, ja) sitzen! Ты только посиди! (никуда не уходи)

Mit der entsprechenden Intonation gesprochen, könnte zwar auch in der permissiven Äußerung *только* verwendet werden, jedoch jedenfalls mit dem imperfektiven Aspekt, vgl.: ты только сиди! Im Sprachgebrauch sehr viel häufiger wird hier jedoch der Imperativ des imperfektiven Aspekts verdoppelt.

Ein Satz wie Beispiel 41 ist demnach zweideutig und kann je nach Kontext und Intonation als Bitte, die Großmutter anzurufen, oder aber als Drohung, dies ja nicht zu tun, verstanden werden. Der jeweilige illokutionäre Charakter der Äußerung wird durch *только* verstärkt.¹⁸

(41) Только позвони бабушке!

Daß *nur*, *bloß*, *ја* in Drohungen im Russischen natürlich auch andere Entsprechungen als *только* haben können, soll abschließend noch das folgende Beispiel aus KRAŠENINNIKOVA 1958:181 zeigen.

(42) Sei bloß aufmerksam! Ну будь же внимателен!
Sei *nur* aufmerksam!

6. SCHLUSS

Zusammenfassend läßt sich aufgrund dieser Analyse feststellen, daß *только* in vielfacher Hinsicht die Beziehungen autosemantischer Sprachelemente regelt und ordnet und übersituative pragmatische Bedeutungen trägt:

- Als *adversative* und *temporale Konjunktion* schränkt es das Zutreffen oder die Realisierung assertorischer Sätze ein.

Musterbeispiel: (3) Я согласен ехать, только не сейчас.

- Als *Temporaladverb* verweist es auf einen dem Sprechzeitpunkt oder dem zeitlichen Referenzpunkt der Aussage unmittelbar vorausgehenden Zeitpunkt.

Musterbeispiel: (8) Ты давно дома? - Да только вошел.

- Als *logischer Operator* bezeichnet es die Exklusivität einer vom Sprecher aus mehreren nicht explizit genannten kontrastierenden Möglichkeiten ausgewählten.

Musterbeispiel: (10) Мама желает ей только добра.

- Als *bewertende Partikel* nimmt es unter völlig anderen syntaktischen Voraussetzungen die Bewertung einer gegenüber verschiedenen explizit genannten Kontrastelementen hervorgehobenen Möglichkeit bzw. Handlung vor.

Musterbeispiel: Но я не говорю ему ничего. Я только смеюсь и хлопаю его по спине.

- Als *illokutionsverstärkende Partikel* schließlich dient es in verschiedenen syntaktischen Strukturen dem Ausdruck und der Verstärkung illokutiver Anteile des Sprechaktes.

Musterbeispiel: (33) Боже мой, как только не пахнут ветры!

Es ist problematisch, für *только* eine Grundbedeutung anzusetzen; die in den Skizzen zu einem semantischen Wörterbuch des Russischen von VEŽBICKA (1968:22) angebotene Paraphrase "не думай, что больше" deckt sicherlich nicht alle Funktionen ab. Demgegenüber konnte hier gezeigt werden, daß diese Funktionen von *только* im einzelnen ganz bestimmten syntaktischen Regelmäßigkeiten unterworfen sind, sodaß in einzelnen Fällen aus der jeweiligen Syntax auch Hinweise auf den semantischen bzw. pragmatischen

Gehalt erschlossen werden können, eine für den Übersetzer gewiß bedeutsame Hilfe.

Darüber hinaus ließ sich der eigenständige Charakter der Partikeln als pragmatischer Sprachelemente neuerlich verdeutlichen, wobei insbesondere anhand von только sichtbar wird, wie wenig die starre Einordnung der Partikeln als synsemantischer Wörter ihrer Kontextvariabilität und ihrer pragmatischen Flexibilität gerecht wird. Auch am Beispiel von только erweisen sich die Partikeln als Exponenten jenes Aspekts der lebendigen Sprache, der durch situationsabhängiges, variables In-Beziehung-Setzen stabiler sprachlicher Elemente alltagsweltliche Kommunikation in ihrer notwendigen Offenheit erst ermöglicht.

ANMERKUNGEN

1. Zur Definition der Partikeln als Lexeme, die zum Ausdruck pragmatischer Bedeutungen dienen, siehe RATHMAYR 1982.
2. Auf diese Problematik im Zusammenhang mit den Partikeln weist z.B. auch ŽEVAKO 1977:68 hin.
3. Vgl. auch OŽEGOV 1973:736 (gekürzte Wiedergabe):
 1. частица ограничительная: не больше, чем столько-то
 2. частица ограничительная: единственно, исключительно
 3. союз: в тот момент, как
 4. союз противительный: однако, но, при условии
 5. частица: с частицей бы в предложении выражающем желание
 6. частица: после местоимений, наречий, союзов для усиления выразительности
 7. наречие: непосредственно перед чем-н., совсем недавно.
4. Die Beispiele stammen aus AKSĚNOV, V. Zvezdnyj bilet, Moskva 1961 (deutsch: Fahrkarte zu den Sternen, Bertelsmann, o.J.) und NÖSTLINGER CH. Ilse Janda 14. Hamburg 1974 (russisch: Il'za Janda, let četyrnadcat', Moskva 1980 sowie verschiedenen Werken über Partikeln und Lexika. Für jedes Beispiel ist der genaue Quellennachweis gegeben, wobei Aks. für das Buch von Aksėnov und Nö. bzw. Hė. für das von Nöstlinger, gefolgt jeweils von der Seitenangabe, steht. Die außerdem verwendeten Abkürzungen wie Oж. für das Lexikon von Ožegov und Слов.р.яз. für den Slovar' russkogo jazyka sind leicht ergänzbar. Der genaue Quellennachweis soll dabei kein Hinweis zur Beurteilung der Belegstelle sein, sondern gegebenenfalls eine Überprüfung des Zitats ermöglichen. Für die vorliegende Untersuchung ist es von untergeordneter Bedeutung, woher ein Belegsatz stammt. Aus praktischen Gründen sind auch einige Beispiele ohne Quellenangabe angeführt. Es handelt sich dabei ausschließlich um Beispiele, die sich aus der Diskussion mit muttersprachlichen Informanten ergeben haben und die jedenfalls mehreren Informanten vorgelegt wurden.
5. Diese Auffassung weicht etwas von der z.B. von IVANOVA 1970:15 vertretenen ab, die bei der Analyse derartiger Beispiele für только von *Partikel mit Konjunktionsfunktion* spricht.
6. Als eigene funktionale Einheit wird auch die Kombination только бы behandelt, die zum Ausdruck des Wunsches dient und aus den eben genannten Gründen hier nicht weiter behandelt wird. Auch die Partikelkombination только и, die nach ŠVEDOVA 1960:191 nur als Bestandteil prädikativer Einheiten auftritt, wird hier ausgeklammert. Zum Thema Varianten von und Zusammensetzungen mit только siehe auch IVANOVA 1970:17-18 und ROGOŽNIKOVA 1981:94-96.
7. Eine Ausnahme können hier nur ganz wenige Verben bilden, die jedoch kaum eine eindeutige Ergänzung durch Kontrastelemente zulassen, denn auch ein Satz wie Он только пьет kann nicht so interpretiert werden, daß er nur trinkt und sonst nichts anderes tut, sondern etwa im Sinne von а не бьет свою жену oder а не ест, wobei dies nur die wahrscheinlichsten, keineswegs die einzig möglichen Interpretationen sind.

8. Es sei nur am Rande vermerkt, daß in den meisten Grammatiken die einzelnen Funktionen von только nicht deutlich voneinander getrennt werden und man den Eindruck bekommen kann, es gehe jeweils um только als solches. Dazu nur zwei Beispiele: In der Grammatik von ROZENTAL' 1979:I, 290 wird только als *hervorhebende begrenzende Partikel* (выделительно-ограничительная частица) bezeichnet, in der Akademiegrammatik 1980:I figuriert только unter formalem Gesichtspunkt als nicht zusammengesetzte Partikel (§ 169 простая частица), unter funktionalem als Modalpartikel (§ 1695)-und zwar in der ersten Untergruppe, nämlich als Partikel, die emotionale und andere Nuancen ausdrückt, die die unmittelbare Reaktion des Sprechers wiedergibt (частицы вносящие эмоциональные и другие оценки, выражающие непосредственные реакции говорящего), daneben wird только in § 1697 als Partikel mit mehreren Bedeutungen (многозначная частица) bezeichnet und in § 1698 als Partikel-Konjunktion (частица-союз). Welche Funktion von только jeweils genau gemeint ist, ist nicht zu entnehmen, denn nur für только als Partikel-Konjunktion ist ein Beispiel angeführt (ebd.730).

9. RESSEL 1980:67-68 weist auf die Schwierigkeit hin, diese Art der Analyse auf die Partikeln generell anzuwenden; sie ist jedoch einerseits von MEL'ČUK nicht als solche gedacht und andererseits von der zugrundeliegenden Partikeldefinition abhängig.

10. Die Synsemantika wie Konjunktionen und Präpositionen etc. sind nur in Kontrastfunktion negierbar, z.B.: *Das Buch liegt nicht auf sondern unter dem Tisch.* In: *Das Buch liegt nicht auf dem Tisch* ist nicht auf, sondern das gesamte Prädikat negiert.

11. Hilfswörter können nach VINOGRADOV 1972:30 nur in Kontrastgegenüberstellung den Akzent tragen. Man beachte in diesem Zusammenhang auch den durch Betonungsunterschiede bewirkten Funktionswechsel von *nur: Gib ihm nur drei Knödel!* (Partikel im Sinne von *gib ihm halt drei, sei nicht so knausrig*) gegenüber *Gib ihm nur drei Knödel!* (im Sinne von *drei und nicht mehr*)

12. Da покупает nicht ohne Objekt stehen kann, ist in die Übersetzung все (alles) eingefügt, was die Bedeutung der Ausschließlichkeit noch unterstreicht.

13. Dieser Test und seine Bezeichnung wurden von ALTMANN 1976:69 übernommen.

14. Man vergleiche damit die Definition der rhetorischen Frage in der Grammatika russkogo jazyka Akademii Nauk SSSR 1952: II/I 357, wonach die rhetorischen Fragen entweder eine versteckte Negation (скрытое отрицание) oder eine versteckte positive Behauptung (скрытое утверждение) enthalten.

15. Ist die Bezugskonstituente von только in einem Aufforderungssatz nicht der Imperativ, sondern ein anderes Satzglied, so handelt es sich um eine andere Funktion von только, vgl. das folgende Beispiel:

Только поскорее придумайте, как забросить человека в космос

и забросьте меня первым. Мне это все надоело. (Aks.4)

Denkt euch möglichst bald aus, wie man einen Menschen in den Kosmos befördert und nehmt mich zuerst. Ich habe das alles satt. (Aks.11)

In expliziten Kontrastäußerungen hat только selbstverständlich auch bei Bezug auf den Imperativ die Funktion einer wertenden Partikel, im folgenden Beispiel im Sinne von *du hast nur wenig zu tun*: Ты только посмотри суп/ больше ничего// я даже посолою его чтобы... (Русская разговорная речь. Тексты 1978:237)

16. In der Prager Akademiegrammatik *Russkaja grammatika* 1979: II, 816 ist ein ähnliches Beispiel zu finden, wird aber anders interpretiert: Ты у меня пикни только! Dieses Beispiel wird im Zusammenhang mit der Abschwächung der Aufforderung durch die Verwendung des Personalpronomens zitiert, und zwar als Gegenbeispiel, in dem das Personalpronomen die Aufforderung kategorischer macht: "Оно /наличие подлежащего/ может смягчать побуждение, ... но может также усиливать категоричность побуждения." Der vorliegenden Analyse nach, in die auch dieses Beispiel einbezogen wurde, handelt es sich jedoch hier nicht um eine kategorische Aufforderung, sondern um eine Drohung im Sinne von Не пикни у меня, я тебя предупреждаю, wobei die Drohung nicht durch das Personalpronomen, sondern durch только "bedrohlicher" wird.

17. Die von FRANCK 1980:227-228 gemachte Beobachtung, daß *nur* in Aufforderungen, die den Charakter einer Drohung oder Warnung haben, nicht verwendet werden könne, scheint zumindest für den österreichischen Sprachgebrauch nicht zuzutreffen, insbesondere, wenn *nur* betont ist. - Interessant ist in diesem Zusammenhang auch ein Vergleich zum Englischen: Versuch es ja nicht You just try (dare)/Don't you try (dare) (TRÖMEL-PLÖTZ 1979:329).

18. Die hier gemachten Beobachtungen gelten jedoch nur für только in Verbindung mit einem nicht negiertem Imperativ. Bezieht sich только nämlich auf einen negierten Imperativ, so wird die Bitte, etwas nicht zu tun, durch только häufig abgeschwächt, das heißt weniger kategorisch, was allerdings im Zusammenwirken mit der Intonation noch einer genauen Analyse bedarf. Dazu das folgende Beispiel:

Только не звони бабушке! : Не звони бабушке!

LITERATUR

- ALTMANN, H. 1976: Die Gradpartikeln im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Syntax, Semantik und Pragmatik. Tübingen.
- AKSENOV, V. 1961: Zvezdnyj bilet. In: Junost' 6, 7.
Deutsche Übersetzung: Fahrkarte zu den Sternen. Bertelsmann o.J.
- APRESJAN, JU.D. 1980: Tipy informacii dlja poverchnostno-semantičeskogo komponenta modeli smysl ↔ tekst. (= Wiener Slawistischer Almanach Sonderband I) Wien.
- BARTSCH, R. 1972: Adverbialsemantik. Die Konstruktion logisch-semantischer Repräsentationen von Adverbialkon-

struktionen. Frankfurt/M.

1979: Die Unterscheidung zwischen Wahrheitsbedingungen und anderen Gebrauchsbedingungen in einer Bedeutungstheorie für Partikeln. In: Weydt, H. (Hg.): Die Partikeln der deutschen Sprache. Berlin, New York. S. 365-377.

BOGUSLAVSKIJ, I. 1979: O sootnošenii semantičeskich i sintaksičeskich svojstv nekotorych ograničitel'nych častic v russkom jazyke. Avtoreferat kand. diss. Moskva.

1980: Semantika časticy tol'ko. In: Semiotika i informatika vyp.14. Moskva. S. 134-158.

DIE RUSSISCHE SPRACHE DER GEGENWART 1975: Bd. 2 Morphologie. Leipzig.

FRANCK, D. 1979: Abtönungspartikel und Interaktionsmanagement. Tendentiöse Fragen. In: Weydt, H. (Hg.): Die Partikeln der deutschen Sprache. Berlin, New York. S.3-13.

1980: Grammatik und Konversation. Königstein/Ts.

GRAMMATIKA RUSSKOGO JAZYKA 1953-54: Bd. I u. II. "Akademija Nauk SSSR". Moskva.

HARRIS, Z. 1968: The Mathematical Structure of Language. New York.

IVANOVA, T.K. 1970: Funkcii častic vot i tol'ko v sovremennom russkom jazyke. Avtoreferat kand. diss. Blagoveščensk.

JACHNOW, H. 1977: Pragmatik und grammatische Kategorie. In: Specimina Philologiae Slavicae Bd. 12. München. S.48-89.

KRAŠENINNIKOVA, E.A. 1958: Modal'nye glagoly i časticy v nemeckom jazyke. Moskva.

KRIVONOSOV, A.T. 1982: Modal'nye casticy kak sredstvo logiko-grammatičeskogo členenija predložénija v nemeckom jazyke. In: Voprosy jazykoznanija 3, S. 48-61.

LAKOFF, G. 1971: Linguistik und natürliche Logik. Frankfurt/M.

LEONT'EV, A.A. 1980: Aktual'noe členenie i sposoby ego vyražénija v russkom jazyke. In: Teorija jazyka, metody ego issledovanija i prepodavanija. Leningrad. S. 167-172.

MEL'ČUK, I.A. 1974: Opyt teorii lingvističeskich modelej: "Smysl ↔ tekst". Moskva.

MIROVIČ, A. 1962: Osnovnye funkcii častic v sovremennom russkom jazyke. Leksikografičeskij sbornik, vyp. V. Moskva.

NÖSTLINGER, CH. 1974: Ilse Janda 14. Hamburg.
Russische Übersetzung: Il'za Janda, let četyrnadcat'. Moskva 1980.

RATHMAYR, R. 1982: Die russischen Partikeln als Pragmalexeme. In: Slavistische Linguistik 1981. München (= Slavistische Beiträge, Bd. 160), S. 186-225.

RESSEL, G. 1980: Eigenschaften russischer Sätze mit komplexen Prädikaten. In: ZfSlPh XLI, S. 65-77.

ROGOŽNIKOVA, R.R. 1981: Varianty služebnych slov v sovremennom

- russkom jazyke. In: Literaturnaja norma i variantnost'. Moskva, S. 86-98.
- ROZENTAL', D.E. 1979: Sovremennij russkij jazyk. Čast' I i II. Moskva.
- RUSSKAJA GRAMMATIKA 1980: Bd. I-II. Moskva: Nauka.
- RUSSKAJA GRAMMATIKA 1979: Bd. I-II. Praha: Academia.
- RUSSKAJA RAZGOVORNAJA REČ'. TEKSTY 1978: Moskva.
- STARODUMOVA, E.A. 1974: Akcentirujuščie časticy v sovremennom russkom literaturnom jazyke. Avtoreferat kand. diss. Leningrad.
- ŠVEDOVA, N.JU. 1960: Očerki po sintaksisu russkoj razgovornoj reči. Moskva.
- TOROPOVA, N.A. 1978: K issledovaniju logičeskich častic. In: Voprosy jazykoznanija 5, S. 82-92.
- TRÖMEL-PLÖTZ, S. 1979: "Männer sind eben so". Eine linguistische Beschreibung von Modalpartikeln aufgezeigt an der Analyse von deutsch *eben* und englisch *just*. In: Weydt, H. (Hg.): Die Partiklen der deutschen Sprache. Berlin, New York. S. 318-334.
- VEŽBICKA, A. 1968: Nabroski k russko-semantičeskemu slovarju. In: Naučno-techničeskaja informacija, serija 2, 12. S. 23-28.
- VINOGRADOV, V.V. 1972: Russkij jazyk. 2. Aufl. Moskva.
- WEYDT, H. 1969: Abtönungspartikel. Bad Homburg.
- WUNDERLICH, D. 1972: Zur Konventionalität von Sprechhandlungen. In: Wunderlich, D. (Hg.): Linguistische Pragmatik. Frankfurt/M. S. 11-58.
- ŽEVAKO, G.A. 1977: K voprosu razgraničenija proizvodnych častic i ich étimologov v leksikografičeskoj literature. In: Nepolnoznačnye slova, vyp. 2. Stavropol'. S. 64-73.

ZITIERTE WÖRTERBÜCHER

- OŽEGOV, S.I. 1973: Slovar' russkogo jazyka. 10. Aufl. Moskva.
- SLOVAR' RUSSKOGO JAZYKA 1957-63: Bd. 1-4. "Akademija Nauk SSSR". Moskva.
- SLOVAR' SINONIMOV RUSSKOGO JAZYKA 1970-71: Bd. 1-2. "Akademija Nauk SSSR". Leningrad.
- SLOVAR' SINONIMOV 1975: Spravočnoe posobie. "Akademija Nauk SSSR". Leningrad.
- ZASORINA, L.N. 1977: Častotnyj slovar' russkogo jazyka. Moskva.

Petr SGALL (Prague)

ON SOME MAIN DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE
TYPOLOGY OF LANGUAGES.

The development of the classical, *morphemically* based typology of languages was characterized by a gradual change of reasoning from regarding the types of languages as *rigid categories* connected with some *psychological values* to analyzing the *interplay of typologically different properties* within a language. Several steps in this development led from the assumption that some of the - in principle unchangeable - types of languages (those assigned to old Indo-European, or, later, to West European languages) were superior to a sober examination of the typologically relevant phenomena and their combinations.

One of these steps may be seen already in the difference between SCHLEGEL's (1808) rigid classification and HUMBOLDT's (1836) much more sophisticated, though often inconclusive formulations on the relationships between languages and between the substantial aspects of their structures. Also the development of STEINTHAL's (and MISTELI's) approach, documented by the three editions of their book, is highly illustrative from this point of view. Also FINCK changed his attitude in a similar way from his earlier writings (1899) to later ones (1910). As for the theories of the *change of the type* in the development of a language, it is important that SCHLEICHER's (1848-50) ideas about "Sprachaufbau" and "Sprachzerstörungsperiode" were succeeded by JESPERSEN's (1894; 1905) "progress" in language, and also by GABELENTZ' "Spirallauf". Only the last approach studies the typological development of languages without evaluating some of them as principally "higher" than others.

SAPIR's (1921) typological reasoning is fully freed from the old onesided standpoints, and he concentrates on an analytical examination of the properties that can be assumed to have

a typological relevance. However, his understanding of the individual language systems as combinations of such properties leaves the interconnections between these properties outside the focus of attention. On the other hand, JAKOBSON (1929) studied such relationships between different linguistic (especially phonological) phenomena, and worked with general (universal) rules of the form of an *implication*: if the phenomenon *a* exists in a given language, then the phenomenon *b* exists there, too. SKALIČKA's (1935; 1979) typology differs from JAKOBSON's approach in two major points:

(a) The implication is modified so that instead of the binary choice a *comparative (not exactly quantitative) formulation* is used: if *a* exists in a language, then the presence of *b* is more probable than if *a* is not present there; e.g. if the lexical units of a language have inflectional endings, the presence of such phenomena as grammatical agreement is probable.

(b) The typologically relevant phenomena are grouped together into several sets which can be discovered empirically and which correspond more or less exactly to the classical types of FINCK and others; SKALIČKA finds five such *clusters of mutually favourable properties*: inflection, agglutination, isolation or analysis, introflexion and polysynthesis. He defines the *type* as an extreme in which such a cluster is most fully developed, while in the existing languages it is always possible to find phenomena belonging to different types.

With this viewpoint the classical types of languages are again the main aim of linguistic typology, but they appear here without their previous rigidity, they are no strict classes of languages. The relationships between the properties characteristic for a given type, and also between the phenomena of different types within a single language are systematically studied in this framework, though a mathematical elaboration of the *probabilistically* oriented viewpoint is lacking. We attempted to find certain starting points for such an elaboration in SGALL (1960).¹

During the last decades investigations of rather different character have often been subsumed under the term 'typology'

so that it is now not easy to tell where the boundary lies between different uses of an ambiguous term and different approaches to an essentially identical set of problems. After JAKOBSON (1958) and GREENBERG (1963) one of the meanings of 'typology' was partly identified with the search for *linguistic universals*. In this connection we would only like to note that such an approach seems to be interesting especially in those domains where the difference between the following two sets is relatively small: (i) the phenomena present in "all languages",² and (ii) the universal repertoire from which "all languages" take their items or properties of the given domain; in other words, it is the difference between 'the intersection' and 'the union' that is rather small, e.g. in phonemics.

Another trend in what is called typology is connected with the search for typologically relevant *differences in the (deep) syntax* of languages, in their *levels of meaning* or in similar points (the writings of P. HARTMANN, H. BIRNBAUM, B. USPENSKIJ and others are important here).

A third layer is constituted by the investigations of the *basic features of word order* in different languages. Since TESNIÈRE's (1959) dichotomy of 'centrifugal' and 'centripetal' languages and GREENBERG's (1963) analysis of the interconnections between the primary word order of a language and its other properties it has been realized that interesting clusters of features of languages can be characterized on this basis, see esp. VENNEMANN (1974; 1977), who also investigates some of the main tendencies of the development of languages from this point of view. Since word order is one of the most general means conveying the *topic-focus articulation*,³ these investigations have much in common with LI and THOMPSON's (1977) approach, which proved to be fruitful for an analytical comparison of most different languages from a non-traditional viewpoint, though their criteria for 'subject prominence' and 'topic prominence' do not appear fully clear and pertinent. Since topic is not always a single constituent of the sentence and also the recursive properties connected with embedding are important in this respect, it seems necessary to work with

more subtle means (see SGALL, HAJIČOVÁ and PANEVOVÁ, in prep.); the so-called free word order in most of the inflectional languages (which is connected with the rule "a single ending with every word form", see below) is in fact directly determined by the topic-focus articulation (and the scale of communicative dynamism); on the other hand, in the analytical languages of Western Europe the paucity of endings underlies the fact that most often the word order is grammatically bound, so that the role of marked positions of the intonation centre (expressing 'focus proper', or the most dynamic part of the sentence) and of specific constructions (passive, clefting) plays an important role in the identification of topic and focus; in some agglutinative languages, especially in Eastern Asia, there are specific morphs conveying topic. However, this relationship between the topic-focus articulation and the classical types of languages often has remained without a thorough analysis in the discussed trend of typological thinking, the main results of which have been recently summarized by MALLINSON and BLAKE (1981).

A fourth trend of domain is that concerning *textual typology*. As DRESSLER (1981), quoting Longacre, recalls, discourse typology should not be left out of consideration if types of languages are investigated. BEAUGRANDE and DRESSLER (1981) work with the descriptive, narrative and argumentative types of texts; it still seems difficult to connect such a classification in a straightforward way with types of languages. However, such principles as those of natural morphology seem promising in this respect, especially within diachronic linguistics, see DRESSLER (1982), who works with such notions as 'naturalness conflict' and distinguishes between the conditions of the origin and of the spread of a change.

Having these more or less recent trends in mind, I am still convinced that one of the main points concerning typology as a study of types of languages consists in looking for *clusters* of linguistically important properties that often *accompany each other* and thus in attempting to explain at least some aspects of the interrelations of linguistic phenomena and of the development of languages. Within typology, aims of this

kind should be preferred to collections of interesting, but rather isolated facts, or to classifications of languages according to a single feature not determining other features.

According to the definition of 'type' given by SKALIČKA (as mentioned above), it is possible to speak about types and typology 'sensu stricto' in those cases where clusters of properties connected by favourableness are present. On the other hand, in such cases where only a single property (not connected with others for which it would be favourable) underlies a classification, we can speak about kinds or classes and of classification rather than about types and typology in the narrow sense.⁴

In this sense it is not arbitrary in what domain a typology is looked for; a comparison of the domain of languages with that of sentences may illustrate this point: if one speaks about "types" (or, preferably, "classes") of sentences, then it may be discussed whether e.g. such a feature as simplicity (vs. complexness and compoundness) should be taken as the basis of their classification, or whether the difference between verbal and non-verbal (or double-based and single-based) sentences should be preferred; however, in this domain there is no typology, since the properties of sentences appear not to combine in clusters that would underlie types (rather than mere classes). Thus, typology can be characterized as a rare blossom in the meadow of contrastive linguistics; the clustering properties have to be found empirically, which has been done in the domain of languages rather than in that of sentences.

The classical typology of languages seems still to be un-surpassed from this point of view, though it certainly needs deeper investigations, a broader range and a clearer way of formulating its results. Its importance is conditioned by the very nature of human language. As it has been recently recalled (see esp. RAMAT 1982), the main (clustering) properties of the structure of natural languages, important for typology, can be found first of all in the *relationships between underlying and surface (including morphemic) representations of sentences*. It is here where the arbitrary char-

acter of linguistic means of expression leaves enough of free room for such clustering of important properties. The underlying structures (or the patterning of meaning) are universal to a great extent (esp. the 'formal' universals are present here, while there always is discrepancy in some of the 'substantial' items); on the other hand, the morphemic patterns of individual languages are rather disparate, differing not only in the phonemic shapes, but even in the basic principles of their structuring: while the lexical (autosemantic) morphemes always are conveyed by means of morphs (strings of phonemes), the structuring of the auxiliary (synsemantic) items is usually based on one of the following principles (which constitute the main possibilities that are "at hand" for natural languages):

(a) the auxiliary items are also expressed by morphs; these can have either the shape of independent words (as the analytical prepositions, conjunctions, auxiliary verbs, etc.), or they can be attached to (autosemantic) words as their parts - the agglutinative affixes;

(b) auxiliary items are cumulated, they are expressed by phonemic modifications of words, so that every word form is characterized by a single phonemic item - either at the end (a single ending, often with alternations)⁵ or in the inner part of the word (introflection)⁶;

(c) instead of auxiliary items only the arrangement of autosemantic words is used - grammatically fixed word order and composition of the type *stone wall*, *wall stone*, i.e. polysynthesis.

It can be easily seen that - substituting an asymmetric relation to SKALIČKA's symmetric one - the relation '*favourable to*' can now be defined (tentatively, since a probabilistic or at least comparative elaboration still has to be added) as follows:

A phenomenon *a* is favourable to a phenomenon *b* iff it holds with a high probability that if *a* exists in the language *L* and not in the language *M*, then *b*, too, exists in *L* and not in *M*.

With such a definition an abundance of analytical function words is favourable to grammatically fixed word order, agglutination (affixation) is favourable to possessive suffixes (instead of pronouns), inflection (a single ending at each word, or just a modification of the word) is favourable to agreement, to free word order, etc. In some cases such features are then characterized as belonging to the same type (inflection and agreement, etc. - these examples can easily be multiplied),⁷ in other cases we find relatively stable combinations of basic properties of different types (e.g. the fixed word order of most analytical languages).

Also the *formal frameworks of linguistic descriptions* should reflect this typological diversity, if they aim at a general linguistic validity. It seems that the *stratificational models* such as MEL'ČUK's (1974) and APRESJAN's (1980) "meaning ↔ text"-model or the functional generative description are better adapted to this purpose than the transformational framework, which has the same shape for all languages, its underlying P-markers being similar to English in that the auxiliary words are treated as independent units here. In most approaches using dependency syntax (since TESNIÈRE 1959) this is not so, the nodes of the underlying trees correspond here only to autosemantic units and are labelled by complex symbols, certain parts of which reflect the functions of prepositions, auxiliary verbs, etc. In a functional generative description (see SGALL et al., in prep.) the difference between the defining functions of the transductive automata and the matrices attached to each of them may be seen as relevant (e.g. the choice between morphs is easily confined to the latter, while movement rules must be included in the former).

The importance of typology for *contrastive linguistics* and for the study of the *development of languages* cannot be denied. Typology can show that a certain external factor (e.g. an acceleration of the natural tendency to shorten the word forms, or intensive migration corroborating a development towards more regular morphemic patterns) can influence different linguistic systems or subsystems in different ways (e.g. in

the direction of different steps on GABELENTZ' spiral). Thus also the old question concerning the divergent development of Indo-European languages can be answered on this basis: minor differences were proper already to the old languages (while the endings of Vedic and Sanskrit were in several respects rather close to agglutinative suffixes, those of Greek were highly inflectional, and e.g. in the oldest attested stages of Germanic languages the endings were relatively weakened already, the use of prepositions was rather intensive there); when the influences of the 'external history' culminated (at different epochs in different languages), the merging of cognate dialects, relatively quick enrichment of vocabulary, etc., led to a change from inflection to analysis in the Western part of the language family, while agglutination was supported by these external factors in the Eastern branches, even without an influence of the neighbouring languages (which itself hardly could be responsible e.g. for the rapid development of English from one type to another). This development, a more detailed discussion of which can be found in SGALL (1958; 1970), does not occur often among the languages of the world, and it seems that especially the types characterized under (a) above are rather stable, and therefore also most widespread.

N O T E S

1. A modification of this method was used for a typological comparison of Slavonic languages by REVZIN and his colleagues, see VOLOCKAJA et al. (1963)
2. The fact needs no comment that most of the languages that existed during the development of homo sapiens will never be known, so that this collocation cannot be taken literally, which is a serious problem for most approaches to the search for universals.
3. One of the few exceptions, namely the fact that Eskimo uses only changes in grammatical relations to convey changes in topic and focus, is discussed by CREIDER (1979).
4. MEL'ČUK's (1963a, p. 485) notion of "gliding classification", combining more features as relevant for a delimitation of classes, may be helpful in distinguishing different approaches to classification.
5. With such inflectional forms as Greek *poús* - *podós* or *glukús* - *glukeŕa* there is no clear boundary between two morphs, and it appears as more intuitive to speak about a modification of the lexical morph than about adding a grammatical morph.
6. MEL'ČUK (1963b) duely recalls that such phenomena as the German *Umlaut* do not play such a role in the grammatical system as the introflexion in Semitic languages; however, from the viewpoint characterized in this paper such a pair as sing. *Mutter* - plur. *Mütter* even so can be understood an instance of introflexion.
7. Thus it is probable that e.g. an embedded verb is expressed by clauses introduced by subordinating conjunctions in analytical languages, while in agglutinative languages different kinds of postverbal nominals with affixes are widespread, the inflectional way of conveying the same function is to have an infinitive with a single ending, etc.; similarly, in the domain of word formation affixes are the main means in agglutinative languages, such compounds as *stone wall* or *cul-de-sac* are typical for analysis, and conversion of the type *deus/dea* is found in inflectional languages (with the rule "a single ending with every word form").

R E F E R E N C E S

- APRESJAN Ju. D. (1980), *Tipy informacii dlja poverchnostno-semantičeskogo komponenta modeli "Smysl ↔ Tekst."* Wien (= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 1).
- BEAUGRANDE R.-A. de and W.U. DRESSLER (1981), *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen.
- CREIDER C. A. (1979), On the Explanation of Transformations, in: *Syntax and Semantics 12. Discourse and Syntax*, ed. by T. Givón. New York, 3 - 22.
- DRESSLER W. U. (1981), Notes on Textual Typology, *Wiener linguistische Gazette* 25, 3 - 12.
- DRESSLER W. U. (1982), Introduction to Section 3: Naturalness as a Principle in Genetic and Typological Linguistics, *Travaux du cercle linguistique de Copenhague* 20, 75 - 90.
- FINCK F. N. (1888), *Der deutsche Sprachbau als Ausdruck deutscher Weltanschauung*. Marburg.
- FINCK F. N. (1910), *Die Haupttypen des Sprachbaus*. Leipzig.
- JESPERSEN O. (1894), *Progress in Language with Special Reference to English*. London.
- JESPERSEN O. (1905), *Growth and Structure of the English Language*. Oxford.
- GABELENTZ G. v. d. (1891), *Die Sprachwissenschaft*. Leipzig.
- GREENBERG J. H. (1963), Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements, in: *Universals of Language*, ed. by J. H. Greenberg. Cambridge (Mass.), 58-90.
- HARTMANN P. (1956), *Zur Typologie des Indogermanischen*. Heidelberg.
- HUMBOLDT W. (1836), Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, quoted from the 6th ed. of his *Gesammelte Werke*. Berlin 1848.
- JAKOBSON R. (1929), Remarques sur l'évolution phonologique du russe, *TCLP* 2.
- JAKOBSON R. (1958), Typological Studies and Their Contribution to Historical Comparative Linguistics, in: *Proceedings of the Eight Internat. Congr. of Linguists*. Oslo, 17-35.
- LI C. N. and S. A. THOMPSON (1976), Subject and Topic: a New Typology of Language, in: *Subject and Topic*, ed. by C. N. Li. New York, 457 - 589.

- MALLINSON G. and B. J. BLAKE (1981), *Language Typology*. Amsterdam - New York.
- MEL'ČUK I.A. (1963a), *Avtomatičeskij analiz tekstov*, in: *Slavjanskoje jazykoznanije. V Meždunarodnyj kongress slavistov (Doklady sovetskoj delegacii)*. Moscow, 477-509
- MEL'ČUK I.A. (1963b), O "vnutrennej fleksii" v indoevropskich i semitskich jazykach, *Voprosy jazykoznanija*, 4.
- MEL'ČUK I.A. (1974), *Opyt teorii lingvističeskich modelej "Smysl ↔ Tekst"*. Moscow.
- RAMAT P. (1982), *Typology, Universals, and Change of Language*, (paper presented at the Annual Meeting of Societas Linguistica Europaea, Athenes).
- SAPIR E. (1921), *Language*. New York.
- SCHLEGEL F. v. (1808), *Über die Sprache und Weisheit der Indier*. Heidelberg.
- SGALL P. (1958), *Vývoj flexe v indoevropských jazycích* (Development of the Inflection in Indoeuropean Languages). Prague.
- SGALL P. (1960), *Soustava pádových koncovek v češtině* (The System of Case Endings in Czech), *AUC Philologica 1 - 2, Slavica Pragensia 2*, 65-84.
- SGALL P. (1970), *Typology and the Development of Indoeuropean Languages*, in: *Actes du Xe Congres international des linguistes*. Bucarest, 505-511.
- SGALL P., HAJIČOVÁ E. and J. PANEVOVÁ (in prep.), *The Meaning of the Sentence in Its Semantic and Pragmatic Aspects*. (to be published in Dordrecht and Prague).
- SKALIČKA V. (1935), *Zur ungarischen Grammatik*. Prague.
- SKALIČKA V. (1979), *Typologische Studien*, ed. by P. Hartmann, Braunschweig.
- STEINTHAL H. (1850), *Die Classification der Sprachen, dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee*. Berlin.
- STEINTHAL H. (1860), *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues*. Berlin.
- STEINTHAL H. and F. MISTELI (1893), *Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues*. Berlin.
- TESNIÈRE L. (1959), *Eléments de syntaxe structurale*. Paris.
- USPENSKIJ B. (1965), *Strukturnaja tipologija jazykov*. Moscow.

- VENNEMANN T. (1974), Topics, Subjects and Word Order, in: *Historical Linguistics I*, ed. by J.N. Anderson and C. Jones. Amsterdam, 339 - 376.
- VENNEMANN T. (1977), Konstituenz und Dependenz in einigen neueren Grammatiktheorien, *Sprachwissenschaft* 2, 259 - 301.
- VOLOCKAJA Z.M., MOLOŠNAJA T.N., NIKOLAEVA T.M., REVZIN I.I. and T.V. CIV'JAN (1963), Ob odnom podchode k tipologii slavjanskich jazykov, in: *Slavjanskoe jazykoznanie. V Meždunarodnyj kongress slavistov (Doklady sovetskóej delegacii)*. Moscow, 510 - 522.

Anna WIERZBICKA. (Australian National University, Canberra)

SKIRTS AND TROUSERS:

LEXIKOGRAPHY AND CONCEPTIONAL ANALYSIS

PREFACE.

"The dictionary of a language is not just a practical reference book for the speakers, but also a theoretical work in lexical semantics, which has the same status as a theoretical grammar." (APRESJAN 1972:39)

The idea that devising dictionary definitions deserves to be taken as a challenging linguistic task and treated with the same zeal and earnestness as formulating grammatical rules, is, to many linguists, a striking novelty.

In his preface to the "Explanatory combinatory dictionary of Modern French", currently being prepared by Igor Mel'čuk and his collaborators in Montreal (MEL'ČUK et al. To appear:12), André Clas quotes Samuel Johnson's dictum: "Dictionaries are like watches: the worst is better than none, and the best cannot be expected to go quite true." As Clas points out, the first serious attempts to disprove the second proposition in Johnson's dictum are the work of the "Moscow semantic school" (cf. APRESJAN 1974, APRESJAN et al. 1969 and 1973, MATERIALY 1970-1976, MEL'ČUK 1974, MEL'ČUK et al. To appear).

The present paper, too, pursues the goal of capturing the "true" meaning of words. (Cf. also WIERZBICKA 1972, 1980 and To appear). My methods and many of my assumptions are different, but the principal goal is similar, and I am deeply conscious of the debt which I owe to the pioneering work of the Moscow group.

1. Introduction

According to Webster's Dictionary, a *skirt* is 'a woman's garment that hangs from the waist', and *trousers* is a 'two-legged outer garment, esp. for men and boys, extending from the waist to the ankles'. Compared with most dictionary definitions of kinds of clothing, these two can be said to be quite reasonable; at least they avoid the potentially circular practice of defining some kinds of clothing in terms of others, along the lines of:

- jacket (Webster) - 'a short coat',
- jumper (Webster) - 'a loose jacket';
- cardigan (OED) - 'a knitted woolen over-waistcoat, with
or without sleeves',
- dress (OED) - 'a lady's robe or gown made not merely to
clothe but also to adorn'.

And yet the definitions of *skirt* and *trousers* quoted at the outset, though superior to the others, are clearly deficient in other ways. 'A woman's garment that hangs from the waist' could describe a half-length slip or petticoat, or even an apron. 'A two-legged outer garment extending from the waist to the ankles' comes closer to identifying trousers, but it is obviously deficient too, for example in excluding 'garments' which start below the waist or which extend beyond the ankles.

Trying to replace the dictionary definitions with something more adequate turns out to be a task much more laborious and much more sophisticated than anyone would assume who has never attempted to do it.

The first problem involved in defining words for kinds of clothing has already been hinted at: it is the problem of the metalanguage, or, to put it differently, the problem of relative simplicity. To avoid circularity, we must define all lexical items in terms of a small set of "indefinables" - not necessarily ultimate, truly irreducible indefinables, but at least relative indefinables, i.e. items which are indubitably simpler in meaning than the definienda themselves. To define a *jacket* as some kind of coat, or a *cardigan* as some kind of jacket is potentially circular and therefore inadmissible.

Can we define *shirts*, *cardigans* and so on as 'kinds of garments' or 'kinds of clothing' or perhaps 'kinds of clothes'?

Here, the danger of circularity is less imminent and no doubt many semanticists would regard such a move as legitimate, and indeed as self-evidently correct. In my view, however, none of the classificatory words in question (*garment*, *clothing* or *clothes*) should be allowed to appear in the definitions of words such as *shirt* - because none of these concepts are included in a concepts such as *shirt*. As I have argued in detail elsewhere (WIERZBICKA Ms.), *clothing* and *clothes* are collective concepts, concepts which designate heterogeneous classes or heterogeneous groups of objects. *Shirt*, on the other hand, is a taxonomic concept, a concept which stands for one kind of thing, not for a heterogeneous collection of things.

The distinction between homogeneous 'kinds' and heterogeneous 'collections' has nothing to do with the level of abstraction. A concept such as *flower* or *tree* is more abstract than *tulip* or *oak*, and yet *flower/tree*, too, stands for one kind of thing. But collectiva-singularia tantum such as *crocker*, *furniture* or *clothing* stand for heterogeneous classes of objects, and collectiva-pluralia tantum, such as *leftovers*, *groceries* or *clothes*, stand for heterogeneous groups of objects. Both kinds of collectiva embody a type of conceptualization quite different from that embodied in "taxonomic" concepts such as *shirt* or *cardigan*. To define *shirts* as 'a kind of clothing' or as 'a kind of clothes' is like defining *apples* as 'a kind of groceries' or like defining *ribbons* as 'a kind of haberdashery'.

The distinction between individual *things* such as *ribbons*, *apples* or *shirts* and heterogeneous *collections* such as *haberdashery*, *groceries* or *clothing* is not particularly hard to grasp. It is probably harder to see why concepts such as *shirt* or *cardigan* shouldn't be defined as 'kinds of garments'. After all, *garment* is an individual concept, too.

This is true. And yet I would maintain that a shirt is not conceptualized as 'a kind of garment' either. Words such as *garment*, *toy*, *vehicle*, *container* or *ornament* embody purely functional concepts, concepts which do not stand for kinds of things

but for kinds of functions. For example, a *toy* is not 'a kind of thing made for children to play with', but 'a thing of any kind made for children to play with'. Dolls, balls, teddy-bears and rattles can all be classified as 'toys' (and one can find all these things in toy-shops), but it would be incorrect to define the words *doll*, *ball*, *teddybear* or *rattle* as 'a kind of toy (such that...)'. As I pointed out in WIERZBICKA Ms., kangaroos and grasshoppers can be classified as 'hopping creatures', but it would be incorrect to define the words *kangaroo* or *grasshopper* as 'a kind of hopping creature'. Conceptually, a kangaroo is above all a kind of animal (like a cat or an elephant), not 'a kind of hopping creature'. Similarly, a *shirt* or a *hat* is, in the first place, a kind of thing, and in the second place, 'a kind of thing made by people for people to wear', not 'a kind of garment'.

It should be added that if we tried to define *shirts* as 'garments', we would be forced to draw a line somewhere (between garments and non-garments). Presumably, no one would want to define *belts* or *galoshes* as 'garments', and I doubt if anyone would be quite happy to define *hats* or *gloves* as 'garments' (because only things which cover considerable areas of the body seem to be regarded as 'garments'). But what of *neckties*? *Scarves*? *Stockings*? *Aprons*? A line would have to be drawn somewhere, and I conjecture that it would have to be drawn in an arbitrary fashion. If we define all the words in question as, above all, 'kinds of things made by people for people to wear', our definitions will reflect the true conceptual structure, and no arbitrary lines dividing garments from non-garments will have to be drawn.

A *shirt*, then, is a kind of thing made by people for people to wear, and so is a *dress*, a *jumper*, a *cardigan* or a pair of *trousers*. But what kind of thing is each of these? How should it be identified?

Clearly, the answer has to be framed partly in terms of anatomy: *hats* are meant to be worn on the head, *scarves* on the neck, *gloves* on the hands, and so on. Equally clearly, however, to be really useful as a frame of reference, anatomy must be

treated in definitions of clothing with a considerable degree of vagueness. A temptation to be "scientific", to be "precise", defeats the purpose, as shown by the definition of *trousers* quoted earlier. There is no point in trying to establish the exact anatomical extension of trousers, skirts and so on, because the permissible range as such is irrelevant to the idea, and is established only indirectly, on the basis of function. For example, *trousers* must cover, roughly, the lower half of the body (so that all the parts of the lower half of the body which people think should not be normally seen are not seen); and they must have two long straight parts separated from one another each for one leg, so that when they are on the body each leg is surrounded from all sides, so that people wearing them can walk freely, while having their legs protected from bad weather and the like. Having said all this, we don't have to refer specifically to either the waist or the ankles. If the legs of the trousers are broad enough they may reach well below the ankles while remaining straight, thus meeting the definitional requirements. At the top, trousers may start a little above or a little below the waist: the exact 'height' doesn't matter as long as the 'lower half' of the body seems to be covered (including all the parts of the lower half of the body which are not meant to be seen in public).

Thus, suitably vague, references to the anatomy can indeed provide useful and even indispensable clues to the meaning of words for clothing. They do not, however, provide a sufficient basis for the identification of different kinds of clothing. For example, *jumpers* and *cardigans* are intended for the same area of the body (the upper half, below the head), and so are *hats* and *caps* (the head, excluding the face), and yet the meaning of each of these words is different.

It might seem that the conceptual differences between the different words can be spelled out in terms of the appearance: hats don't look like caps, and cardigans don't look like jumpers. On the other hand, there is often a considerable referential overlap: sometimes, the same objects could be described as either cardigans or jackets, either jackets or coats, either

blouses or shirts. This means that the appearance is not always a decisive factor. Furthermore, some kinds of clothing, in particular *resses*, have an enormously wide range of possible appearance. To try to define a concept such as *ress* in terms of what the denotata may look like is indeed a hopeless task. In my view, it is also a misconceived one. A wide range of possible appearance indicates that the appearance is in fact irrelevant to the concept in question - or that it is relevant only indirectly.

I suggest that the real clue to the conceptual structure of words such as *shirt* or *trousers* lies in the function. Not in the abstract, general function hinted at in a purely functional concept such as *garment*, but in the specific, complex, concrete, culturally relevant function which determines all the invariant features of a given 'cultural kind' (cf. LYONS 1981:56-74). Function in this sense includes the expected conditions of use, the intended effect, the advantages sought and so on.

To show the close link between the function (in the sense just explained) and the form I will discuss in turn the concepts jumper, cardigan, jacket, skirt, dress and trousers, paying special attention to differences between closely related concepts such as jumper and cardigan, or cardigan and jacket.

2. *Jumper vs. cardigan*

Compare, for example, the words *jumper* and *cardigan*. The function may seem the same: both jumpers and cardigans are worn for warmth. The only difference may seem to lie in the fact that cardigans 'look different': they open down the front whereas jumpers are all 'in one piece' and have to be pulled over the head.

But if the function of the two 'kinds' were really the same why should the form be different? Furthermore, the basic difference 'open in the front vs. pulled over the head' is associated with a number of secondary differences. Cardigans are often worn with dresses as well as with skirts or trousers, whereas jumpers are normally not worn with dresses. When worn

with skirts, cardigans are often worn on top of blouses, including frilly or 'dressy' ones; jumpers, on the other hand, tend to be worn with simple shirts. Jumpers are normally made of wool or of something similar to wool in thickness and in warmth; but cardigans can be made of something thinner and less warm than wool. Jumpers often have 'turtle' necks, but cardigans normally don't cover the neck.

I conjecture that all these differences between jumpers and cardigans can be explained in terms of their respective functions.

Jumpers are meant to be worn when it is cold and when one expects it to be cold for some time. Cardigans, on the other hand, are meant to be worn when it is cold or cool, and when one expects that it may become warmer. With cardigans, it is important that they should be easy to take off. It is also important that one should be able to regulate the warmth; this one can do by wearing them fully or partly open in the front, or even hanging down from one's shoulders. Since one expects to take the cardigan off at some point, one takes care to have suitable, 'good' clothes underneath. With jumpers, there is also the possibility that one may want to take them off, so one usually wears some shirt underneath (and in any case, a thick woolen jumper may not be particularly pleasant in contact with the skin), but the stress is on warmth, not on the expectation of a changing temperature. Both jumpers and cardigans are meant to be warm, comfortable and easy to handle (e.g., they don't get easily crumpled and they don't have to be hung with care); they are not meant to be necessarily elegant or nice to look at; hence their air of informality. But cardigans may be worn over 'dressier' clothes than jumpers (e.g., over dresses and blouses) because they are expected to be taken off at some stage.

Thus jumpers and cardigans are indeed complex 'cultural kinds', which differ from one another in a number of interrelated ways. All these interrelated differences, as well as the similarities, should be reflected in adequate definitions.

3. *Cardigan vs. jacket*

In turn, we will compare the concept *cardigan* with the related concept *jacket* (not *dinner jacket* or *straightjacket* or *life-jacket* but simply *jacket*). Referentially, the two classes of objects (cardigans and jackets) may overlap, but conceptually there are many differences between them, as well as many similarities. Again, all these differences are inter-related and can be explained in terms of the fundamental difference in function.

But first an important caveat. After having analyzed the concept embodied in the word *jacket* as it is used in Australia, I became aware of regional and perhaps social variation in the use of this word in English. In Australia, the top part of a man's suit is normally referred to as *coat*, not as *jacket*. On cold days men might wear an *overcoat* over a *coat* but normally not over a *jacket*. I now realize that the use of the words *coat* and *jacket* in England and in America is different. I suspect the difference may have something to do with the climate: in Australia, overcoats are worn very rarely, especially by men, so the category *overcoat* is marked with respect to (a man's) *coat* (the thing that a man normally wears over a shirt in a formal or semi-formal situation). I warn the reader that the analysis of the word *jacket* in the present paper reflects the Australian usage.

Loosely speaking, both cardigans and jackets are worn for warmth. We have seen, however, that the idea of a cardigan contains much more than that: it hints at degrees of warmth, at a changing temperature, at comfort, at suitable clothes underneath, and so on. Jackets, too, are meant to be easy to take off (unlike jumpers), but not because of expected changes in the temperature. Essentially, jackets are meant to be worn when going outside, on the assumption that it may be colder outside than inside. Cardigans may be worn anywhere where and when it is cold or cool (provided of course that the place in question is informal enough to allow the 'anywhere' type of clothes); jackets, on the other hand, are meant specifically for going out.

Being outdoors-oriented, jackets are more concerned with appearance than cardigans need to be. Cardigans are meant to be comfortable and easy to handle, they can be easily put away, carried in a bag, and so on); but for a jacket, the appearance is more important than comfort. Jackets must look like something meant to be worn outside (and probably in public). It must be clear, from the way they look, that they are not meant to be worn underneath something else (for example, underneath a coat). Cardigans (and jumpers), being stretchy and 'close to the body' in all places, can be very well worn under coats. Jackets are not intended to be very close to the body in all places. Often, jackets have padded shoulders, pockets that stick out, stiff collars, belts, and so on - all features which make them unsuitable for wearing underneath other clothes, and which make them look like something meant to be worn outside. For the same reason, jackets are supposed to 'keep their shape', and so they are made, typically, of fairly thick or fairly rigid materials, or, alternatively, they are given a lining.

All these individual details - lining, pockets, padded shoulders, belt, collar and so on - are of course dispensable, but some features must be present which ensure that a prospective 'jacket' looks like something to go out in, not like something to be worn around the house.

Being concerned with the appearance, jackets are typically made in such a way that they don't cover all the parts of the front part of the upper half of the body, so that something worn underneath (a blouse, a scarf, or whatever) can be seen. This is less relevant with cardigans, which are meant to be, above all, warm and comfortable. Moreover, since jackets can be fairly thick and rigid (being meant to be worn outside and as outer clothing), it is more important that something thinner, softer and frankly attractive rather than warm should show near the face. In any case, jackets are worn on top of other clothes, and they are expected to be taken off at some stage (when coming inside), so the clothes worn underneath are meant to look good when exposed.

It is interesting to note that there seem to be two kinds of women's jackets: a thicker kind, which evokes the idea of a

skirt rather than of a dress, and a thinner kind, associated with dresses rather than with skirts (the latter kind having its extreme form in what is known as 'bolero jackets'). This is logical, too, given that a skirt is typically thicker than a blouse. A dress and a solid jacket don't form a very logical combination, because if it is too cold or too windy or too wet outside for just a dress then a jacket doesn't really solve the problem (the lower half of the body will still be unprotected). But a thicker skirt, or a pair of trousers, does solve the problem. This points to another subtle difference in function between jackets and cardigans: cardigans are meant simply for warmth, but jackets are meant, more generally, for protection from bad weather. A jacket can protect not only from cold weather but also from wind and even from light rain but a cardigan can't, and it is not meant to. Being meant just for additional warmth, a cardigan makes as much sense when combined with a dress as when combined with a blouse and a skirt. But a solid jacket, being meant for both warmth and protection, is more likely to be worn with a blouse and a skirt (or a pair of trousers) than with a dress. On the other hand, if the dress is sleeveless and/or low cut then extra protection for the upper half of the body is clearly needed. Since, however, sleeveless and low cut dresses are likely to be light (not too thick and not too solid), jackets worn with them tend to be light, too.

The length of a jacket may vary considerably, depending on what it is meant to be worn with. Worn over trousers or thick skirts jackets may be quite short; worn over skirts made of the same material (as in the case of a classical suit) they are often fairly long, covering a little more than what would be regarded as the upper half of the body. They cannot, however, cover *much* more than the upper half of the body because then they would be too cumbersome to carry or to hold at times when one temporarily takes them off. When going indoors temporarily (usually not to one's own house) one might want to hang one's jacket on the back of one's chair - something one couldn't do with an overcoat. With a jacket - in contrast to a cardigan -

considerations of this kind do matter because jackets are supposed to keep their shape and have to be handled with care.

Coats, too, have to keep their shape and to be handled with care. But in contrast to jackets, coats are meant to be used for wearing outside when going from one place to another; they are not meant to be worn temporarily inside, in a place other than one's home. A jacket is more versatile than a coat, being suitable not only for wearing outside, while going from one place to another, but also for wearing - temporarily - inside, in a place such as a café, a museum, and so on. Under such circumstances, the relative shortness of a jacket is an advantage. For getting from point A to point B in cold weather a coat is more suitable.

It is worth noting that many of the conceptual features of jackets posited in our discussion are reflected in various extended uses of the word *jacket*. Thus *book jackets* highlight the easy removability and the protective function; *potato jackets* point to the need to remove the outer 'layer' when the time comes to 'go inside' (a person coming inside removes his or her jacket, a potato about to be eaten normally has its jacket removed; it is unusual for potatoes to appear on the table in their jackets, as it is unusual for people to stay inside in their jackets); *dinner jacket* derives from the notion that a jacket should have an appearance suitable for going out in. A *life jacket* highlights the fact that jackets are meant to be put on when going out, not when sitting at home. Even a *straightjacket* makes more sense than a hypothetical **straight-cardigan*, because jackets are supposed to keep their shape, whereas cardigans are supposed to be stretchy and comfortable.

4. *Skirts and dresses*

A skirt is perceived as something worn by women - so much so that something that looks very much like a skirt but is worn by men (a Scotsman's kilt) is given a different name: *kilt*, not *skirt*. A kilt is not 'a kind of skirt worn by Scottish men'. A kilt is a kilt: a kind of *thing* worn by Scottish men, not 'a kind of skirt'. The slangy and contemptuous use of

the word *skirt* to refer to women (seen as a sexual object) highlights the conceptual association of skirts and women.

The reason why a skirt is thought to be a quintessentially 'woman's thing', and a thing particularly suitable for women to wear is obviously related to sex: skirts seem to hide and 'guard' the sexual parts of a woman's body by 'fencing off' the entire area around those parts, they seem to prevent these parts of the body not only from being seen but also from being easily accessible. This 'fencing off' function is of course largely symbolic: the important thing is that the sexual area *seems* to be hidden and modestly deemphasized. Of course provocative and sexually explicit skirts are possible, but even those exploit the sexual mystique based on the symbolic 'concealment' of the whole taboo area of a woman's body. Skirts are seen as more 'feminine' than trousers not only because they are traditionally reserved for women (for 'historical' reasons, which may no longer apply), but also because their form is still perceived (at the subconscious level) as motivated by symbolic rather than practical factors.

Of course both trousers and skirts are meant to prevent the genital area of the body from being seen in public, and also to protect the lower half of the body from direct contact with the environment (a function to which we will return later). But in addition to that, trousers are made in such a way as to allow the wearer to move their legs freely (a practical consideration), whereas skirts are made in such a way as to hide and 'fence off' the lower half of the body (a symbolic consideration).

Needless to say, from this 'symbolic' point of view dresses are as good as skirts. In fact, dresses are felt to be even more 'feminine' than skirts. The reason for this is probably twofold: first, dresses emphasize even more strongly than skirts the sexual differences between women and men, and second, dresses are less practical than skirts (especially winter dresses).

A dress emphasizes the sexual differences between women and men in assuming a parallel need to cover both the upper and the lower half of the body, i.e. the area where the breasts are as well as the genital area. The lower half of the body, where the genitals are, must be covered for both women and men.

For this reason, any kind of clothing intended specifically for the lower half of the body is potentially 'unisex', being based on the universal human need to have the genitals covered. But a dress, being intended to cover both the genital area and the area of the breasts, alludes to needs which are specific to women, and so it emphasizes the difference between women and men.

But while women have to have not only the lower but also the upper half of the body covered (at least partly), they don't have to have both halves covered with the same thing. From a purely practical point of view, it makes more sense to have them covered with two different things (a skirt and a top of some sort). There are many reasons for this. A skirt, which is meant to hang around the lower half of the body, doesn't have to be in close contact with the body, whereas the top normally has to be in close contact with the body. For this reason, the range of materials suitable for skirts and blouses (tops) is different. The range of colours suitable or desirable for each is also different: it is desirable that blouses, being close to the face, should be 'becoming', whereas skirts should be above all practical, or, if attractive, then attractive in themselves rather than 'becoming' to the face. Furthermore, skirts, which are not in close contact with the surface of the body, don't have to be washed as often as blouses. For all these reasons, skirts are often thicker, rougher and darker than blouses. Of course they don't have to be, but it makes sense to have different possibilities for the lower and the upper half of the body. Moreover, it is easier to change blouses (to wash them or simply to look different) than to change the entire outfit. To have two different outfits a woman needs two blouses and one skirt, not two blouses and two skirts.

Given all these practical advantages of skirts over dresses one may well wonder: what is the point in wearing dresses at all? The Oxford English Dictionary provides, I think, the correct answer (not necessarily in correct phrasing): 'a dress is made not merely to clothe but also to adorn'. A dress may be less practical than a combination of a skirt and a top - but

who said that people are guided only or even mainly by practical considerations? A dress is less practical than a skirt (not to mention a pair of trousers)? But isn't this in itself a potential advantage? A dress is perceived as something 'feminine', as something that is meant 'not merely to clothe but to adorn'. The idea of a dress hints at a desire to 'look good' and to 'look feminine'. A certain impracticality of dresses helps rather than hinders the stereotypical image. Of course some kinds of dresses are manifestly intended to be 'sensible' and 'practical', and some kinds of skirts are manifestly intended to be 'feminine', 'romantic' or decorative. But the very idea of a skirt doesn't contain any references to an 'adorning' function. I would maintain (with the OED) that the idea of a dress does. (Some evidence for some such component in the meaning of *dress* is of course provided by the polysemy of this word, and by the meaning of related words such as *overdressed*, *dress up*, or *dressy*).

It should be added that with the advent of washing machines and wash-'n-wear fabrics the 'impracticality' of dresses has greatly diminished. No doubt many women would even say that they find dresses more practical than skirts. In a place like Australia, during a long hot summer a single piece of clothing, light, flimsy and easy to wash is indeed often more practical than a combination of two pieces (a skirt and a top). Nonetheless if one compares women's dresses with men's outfits composed of trousers and shirts it is obvious that dresses are similar to shirts, not to trousers, in their washing requirements. Clearly, trousers (jeans etc.) don't have to be washed as often as shirts, and in that sense they are more practical. Dresses, at least light summer dresses, must be washed as often as shirts (not as seldom as trousers).

Granted, washing, drying and ironing has become much less of a problem than it used to be in the past, but it still takes some time and some effort. In any case, even if these days many dresses, including white dresses, are very easy to wash, they still look as if they were less practical than a combination of a top and a darker and thicker skirt. In fact

it is a great advantage of contemporary wash-'n-wear dresses that they can be very practical without looking very practical. In Australia at least, 'dresses' which look very practical (such as uniforms worn by nurses, hairdressers or waitresses) tend to be called *uniforms*, not *dresses*. Clearly, the only feature which makes such garments ineligible for the status of dresses is their air of practicality: they look like something meant to be practical, not like something meant to make a woman look good. The fact that people are reluctant to call such garments *dresses* confirms the reality of the component 'to look good' in the meaning of *dress*.

Skirt and *dress* present a real challenge to the semantacist not only because of the difficulties involved in stating the definitional function but also because of the problems involved in trying to capture accurately the vagueness of these concepts with respect to size: in particular, their vague specifications of length.

The vagueness of concepts such as *jumper*, *cardigan* or *jacket* can be captured by a reference to the upper half of the body (below the head). The vagueness of concepts such as *trousers* (*slacks*, *jeans*, and so on) can be captured by a reference to the lower half of the body and to the legs. But a skirt or a dress? How much exactly do they have to cover?

The upper extension presents less problems than the lower one. It is true that one dress may start right under the chin and cover all the parts of the upper half of the body except for the head and hands and another may barely cover the breasts and the parts of the upper half of the body below the breasts. Nonetheless the idea is clear: a dress must cover, or seem to cover, the breasts, and also to cover enough of the upper half of the body not to seem to be made exclusively for the breasts: this would emphasize the breasts too much, and a dress purports to cover the whole area of the body where the breasts are rather than the breasts themselves. (Again, some dresses may be provocative and sexually explicit, and they may deliberately draw attention to the breasts, but they must at least pretend that they try to cover the whole area where the breasts are -

otherwise, they would lose their status of *dresses*.

A skirt has to start, roughly, in the middle of the body. It is clearly envisaged as one of two things which jointly clothe a woman's body: one thing for the upper half and one thing for the lower half. The exact position of the top of a skirt doesn't matter, as long as it visibly divides the body into two halves.

But the length of both dresses and skirts varies enormously, and it is not clear how this great variation should be reflected in an adequate definition. If we say for *skirt*, as well as for *trousers*, that they are meant to cover the lower half of the body, this would be misleading, because it would suggest that the range of variation in length is comparable, whereas in fact it isn't: a *mini-skirt* is still 'a kind of skirt' but *shorts* are not 'a kind of trousers'. (It is worth noting the contrast between a *mini-skirt* and a *divided skirt*: a *mini-skirt* is a kind of skirt, but a *divided skirt* is not a kind of skirt: it is a kind of thing, similar to a skirt in the way it looks but divided between the legs. A *mini-skirt* is related to *skirt* like a *small orange* is related to *orange*; but a *divided skirt* is related to *skirt* like a *mock-orange* is related to *orange*.)

It was suggested earlier that to describe correctly the length of trousers a reference should be made both to the 'lower half of the body' and to 'the legs'. (The fact that the feet are normally not covered is accounted for by a reference to 'two long straight parts' surrounding each leg from all sides.)

The idea suggests itself that perhaps *skirts* and *dresses*, too, should be defined with reference to the legs: a skirt, and the lower half of a dress, has to cover the lower half of the body including at least part of the legs. But the idea of a skirt (or a dress) has to do less with the 'concealment' of the legs themselves than with the 'concealment' of the whole area where the lower half of the trunk and the upper parts of the legs are, so that the exact 'topography' of that area is concealed, and the exact shape of the 'objects' in that area,

and of the shape between them, is concealed. (Archetypically, a skirt is like a curtain around a secret area; it is meant to hide an area, with all that it contains, rather than to hide simply specific things.)

Finally, are dresses and skirts (and, for that matter, trousers and shirts) meant to protect people from cold?

Very often, people do wear dresses and skirts (as they do trousers and shirts) in order to be protected from cold. But is protection from cold part of the *idea* of a *dress* or a *skirt*, as it is part of the idea of a *jumper* or a *cardigan*?

I tend to think that it is not. On very hot days women still wear dresses and skirts. They may take them off at the beach, but in most other places and circumstances they would wear them, despite the heat - mainly, one must suppose, in order to look 'proper' and to look good.

It seems to me, however, that although 'protection from cold' is not a part of the idea of a dress or skirt, protection from the environment does come into it, in some form. A dress or a skirt does seem to protect the wearer from 'exposure' - not only from exposure to the eyes of potential onlookers, but also from various forms of undesirable contact with the world outside.

The idea of *clothes* in general seems to contain a reference to a 'protective' function. Of course, our clothes normally cannot, and are not meant to, protect us from all bad things that other people could do to us or that could happen to us by accident, but they *can*, and are meant to, protect us from various undesirable things that we could feel if we went about with nothing on. If we went about naked, our skins would come into contact with cold wind, with burning sun, with rough surfaces, with flies, and so on - our clothes protect us against all this, as well as against the eyes of other people.

But while it is clear that the notion of a 'protective layer' enters into the idea of *clothes* in general, it is not clear which words referring to particular kinds of clothing contain it too. Perhaps they all do? I don't know. Is a bra or a slip meant to protect the body from undesirable contact

with the environment? Presumably not, because they are meant to be worn under other clothes. And a cardigan or a jumper? Presumably not, because they are meant to be worn over other clothes. However that may be, it would seem that the words for 'basic' kinds of clothes such as *dress*, *skirt*, *trousers* or *shirt* do contain the component in question. In normal circumstances, cardigans, jumpers, slips or bras are optional, but dresses, skirts, and trousers (or equivalent clothes) are more or less obligatory, that is to say they constitute the social norm. Of course this can be explained partly in terms of the need to prevent the taboo areas of the body from being seen in public. But from this point of view, a loincloth or a halter would be sufficient. A dress, a skirt, a shirt or a pair of trousers are much less explicit sexually and therefore much more acceptable in normal circumstances (in our society), because they don't focus too exclusively on the body parts which must not be seen in public. Instead, they focus on the general human need to have some sort of 'protective layer' between our bodies and the world at large.

5. *Trousers*

The word *trousers* presents special difficulties to the analyst because its meaning seems to be in the process of change. As usual, the change proceeds via polysemy. But the two or three current meanings of the word *trousers* differ from one another in subtle ways and are difficult to disentangle and to bring to the level of consciousness.

It is worth comparing *trousers* in this respect with *shirt*. *Shirt*, too, has more than one meaning and although most native speakers of English don't seem to be aware of this fact, it is easy to make them aware of it and to see what exactly the difference consists in: for some speakers, a *shirt* is 'a kind of thing made by people for *men and boys* to wear (...)' ; for others, a *shirt* is 'a kind of thing made by people for *people* to wear (...)'. Beyond that, the two meanings seem to be identical. The difference between the two meanings has a clear sociolinguistic basis: it is related to age (for older people, *shirt* is a kind

of thing made for men and boys to wear, for younger people it is a kind of thing made for people to wear).

But the polysemy of *trousers* presents a more complicated picture.

Possibly in the speech of the older generation the word *trousers* has only one meaning (the one portrayed in my definition); but in the speech of the younger generation two meanings seem to coexist. If one shows a young person a pair of jeans and asks 'What is this?' the answer would normally be 'It is a pair of jeans', not 'It is a pair of trousers'. If one asks 'Is this a pair of trousers?' a young person is likely to say 'No, it is a pair of jeans'. Thus, in one usage *trousers* can be contrasted with *jeans*, and treated as different but comparable kinds of thing. On the other hand, if a young person says 'My mother never wears trousers' he or she is implying that the mother doesn't wear jeans either. Here, the word *trousers* is used as the name of supercategory, which includes jeans, slacks, pants and trousers *sensu stricto*.

A polysemy of this kind would have nothing unusual about it: it is common for one word to designate a category and a supercategory if the lower level category represents the 'unmarked' representative of the supercategory in question. *Dog* is a standard example: *dog*₁ means 'a kind of animal (that lives with people, barks, and so on', (cf. WIERZBICKA, To appear) *dog*₂ means 'a male dog₁ (cf. 'I like dogs but I hate cats' vs. 'I like dogs but I hate bitches').

If it is true that older people use the word *trousers* only in one sense, a more general one, whereas younger people have two meanings, a more general one and a more specific one, this fact would not be difficult to explain either. It is easy to see why for older people all 'two-legged garments' should present one major category, associated with men and contrasted above all with 'garments which surround the lower half of the body as a whole', associated with women. For younger people, however, especially for younger women, two-legged garments are no longer separated by a sharp boundary from 'surrounding' ones such as skirts. For a girl, a pair of jeans,

a pair of traditional-looking trousers and a skirt are all available as possible choices and can be seen as comparable alternatives. Once the 'unbridgeable gulf' between skirts (for women) and trousers (for men) is bridged, the differences between different kinds of two-legged garments become no less important than the difference between two-legged garments on the one hand and skirts on the other. Especially from a woman's point of view, the need for a specific concept 'trousers' (as opposed to jeans, slacks, and so on) emerges only when the gulf between skirts and two-legged garments of any description closes.

But do the younger women, who have a specific concept of trousers, on a par with jeans, retain also the former concept of trousers, in an unchanged form?

I suspect that they don't, and that their second, more general concept of trousers differs somewhat from the older, undifferentiated one. From my observations and discussions with students it emerges that younger people don't use the word *trousers* as a taxonomic concept at all, i.e. that they don't use it to identify a kind of thing, no matter what the level of abstraction. When shown a tulip and asked 'What is this?' a native speaker of English (young or old) may reply: 'A tulip' or 'A flower'. When shown an oak and asked the same question he or she may reply 'An oak' or 'A tree'. Similarly, when shown a pair of jeans and asked 'What is this?' an older woman may reply: 'A pair of jeans' or 'A pair of trousers'. A younger woman, however, would say only: 'A pair of jeans'. For younger people, especially for younger women, the word *trousers* seems to be used either in a very specific sense (as something on a par with jeans), or in a classificatory sense (as in 'My mother never wears trousers of any kind'). This classificatory use of the word *trousers* implies: 'a thing of any kind made by people for people to wear on the lower half of the body, with two long parts each for one leg (...)'. This is different both from the specific sense of the word *trousers* and from the older, undifferentiated, taxonomic sense: 'a kind of thing made by people for people to wear on the lower half of the body, with two long parts each for one leg (...)'.
'

Another problem presented by the concept *trousers* concerns the nature of the masculine connotations. On the one hand, trousers seem to be associated with men as skirts are with women, (Cf. 'I wear the trousers in this house'), although for younger speakers this association is no doubt weaker than for older ones. On the other hand, women do wear trousers (and people of all generations are now aware of that), whereas men normally don't wear skirts, so clearly the two cases are not parallel. (They may have been parallel in the past, but they are not now.)

It seems to me that from a synchronic perspective *trousers* are 'a kind of thing made by people for *people* to wear', not 'a kind of thing made by people for *men and boys* to wear'. In that sense, the concept *trousers* is not parallel to the concept *shirt* (not even in the speech of the older generation). At the same time, however, the concept *trousers* is still associated with men in some way - even in the minds of those girls who wear trousers all the time, and who wear them to look sexy and to emphasize their female forms, not in order to look masculine or 'unisex'. I think the reason why, synchronically, the concept *trousers* is still associated with men, is that trousers are still seen as the normal thing for men to wear, under most circumstances. For women, trousers are no longer marked or unusual. But for men, they are still the only 'normal' thing - the only unmarked and usual thing to wear. Admittedly, shorts may be seen as an alternative to trousers (at least in warm parts of the Anglophone world such as Australia). But even shorts are seen as a short substitute for trousers, that is to say they are conceptualized in terms of trousers (not as a kind of trousers but as a replacement for trousers).

A man can wear trousers in most kinds of circumstances, as women can wear dresses (and skirts) in most kinds of circumstances. From this point of view, trousers can indeed be viewed as the archetype of 'men's clothes', as dresses can be viewed as the archetype of 'women's clothes'. (Skirts are an alternative archetype of 'women's clothes', but they are clearly insufficient to clothe a woman, whereas for a man trousers may suffice as a necessary minimum of clothes.)

6. Material

One last point which I will raise here concerns the material that different kinds of things discussed in this paper are made from. In the definitions which follow material is largely ignored as if it was not relevant to the concepts defined. This omission reflects not so much my conviction that material is in fact irrelevant as my bewilderment and uncertainty as to the correct solution of the problem involved. On the one hand, there are indubitable restrictions on the kinds of material that things such as skirts or trousers can be made from and it might seem that adequate definitions should reflect them. (For example, I cannot imagine a tin dress or wooden trousers.) On the other hand, the restrictions in question seem to follow automatically from the functional requirements; it is possible, therefore, that they don't form a separate part of the concept, and consequently don't have to be spelled out: if *any* material compatible with the functional requirements is acceptable then the factual restrictions on the material may be conceptually irrelevant.

All the kinds of clothing discussed here must be made from something flat or from something that can be made into something flat; from something flexible enough to be able to take the shape of the body in places where it is in contact with the body, and strong enough for things made from it to be able to be put on and taken off without tearing; and from something light enough for people to be able to wear things made from it without much discomfort. All these points are so obvious that it may seem silly even to mention them here. I tend to think that it is not necessary to include them in the definitions of the words in question, but I do not regard the problem as trivial. Even less trivial is the question of those restrictions which differ from one kind of clothing to another. For example, while the range of materials from which trousers are made is very wide it is nonetheless somewhat different from (and narrower than) the range of materials suitable for skirts.

Trousers must be made from something strong enough not to

tear under tension in contact with the moving legs and in contact with hard surfaces that people may sit on, and yet thin and flexible enough not to constrain the movements of the legs. Skirts, which can be broad, which don't have to be in close contact with moving legs, and which don't have to rub against hard surfaces in the way trousers do, can be made both from materials too flimsy, too delicate to be suitable for trousers and also from materials too thick and too rigid for that. Should such differences in the range of suitable materials be reflected in the definitions of the words *trousers* and *skirt*?

At present, I can only raise the questions and leave them without answers. The problem arises of course with respect to many other semantic fields, and many other semantic fields must be considered before adequate answers can be found. (For further discussion of this and other methodological problems relevant to the present topic cf. WIERZBICKA, To appear).

7. Definitions

CARDIGAN

a kind of thing made for people to wear

they are made to be worn on the upper half of the body below the head

when it is cold or cool
to be warm

they are made of wool or from something similar to wool in appearance so that they are stretchy and can be warm

they are made in such a way that they can stretch so that when they are on the body they can be close to the body and so that they are comfortable to wear and easy to handle

they are worn on top of something else put on the body in order to cover the body

which would look good when one took off the things worn on top of it

so that when one gets too warm one can take them off

they are made in such a way that one can take them off and put them on easily

without having to pull them over the head

and that one can wear them open or partly open in the front or hung over one's shoulders

to feel more warm or less warm

they are light and easy to carry

JUMPER

a kind of thing made by people for people to wear
they are made to be worn on the upper half of the body, below
the head
when it is cold
to be warm
they are made of wool or of something similar to wool in appear-
ance and warmth
so that they can be warm and stretchy
they are made in such a way that they can stretch
so that when they are on the body all their parts can be close
to the body causing the person to be warm
and so that they can be put on and taken off quickly
by pulling them over the head
and so that they are comfortable to wear and easy to handle
they can be worn on top of something else put on the body in
order to cover the body
so that when one gets too warm one can take them off

JACKET

a kind of thing made by people for people to wear
they are made to be worn on the upper half of the body below
the head
when going out of one's house and expecting to be outside for
some time
to be warm and to have some protection from bad weather
being able to take them off easily when going inside for some
time
without having to have a special place in which to put them
then
they are made in such a way and of something such that when
they are on the body they can keep their shape
and look like something meant to be worn outside, not underneath
anything else
they are worn on top of something else put on the body in order
to cover the body
which would look good when one took off the things worn on top
of it
so that when one gets too warm one can take them off
they are made in such a way that one can take them off and put
them on easily
and that one can wear them open or partly open in the front
to feel more warm or less warm
they are made in such a way that they don't cover all the parts
of the front part of the upper half of the body
so that some parts of something worn underneath can be seen
to make the person look good

they are long enough to cover the upper half of the body or a little more
so that they can cause people wearing them outside to be warm and to be protected from bad weather
they are not so long as to cover much of the lower half of the body
so that they are light and comfortable to wear
and easy to carry or to hang somewhere when one wants to take them off

DRESS

a kind of thing made by people for women and girls to wear
they are made to be worn on the body, below the head, to cover most of the body
so that all the parts of a woman's body which people think should not be normally seen are covered with that one thing
and to protect most of the body from undesirable contact with the environment
and to cause the woman wearing it to look good
they are made in such a way
that when they are on the body the lower half surrounds the lower half of the woman's body from all sides
so that the legs are not separated from one another
and so that the genital area of the woman's body seems to be hidden
and so that woman wearing things of this kind look different from men
things of this kind are viewed as something suitable for women to wear in most kinds of places and in most kinds of circumstances

SKIRT

a kind of thing made by people for women and girls to wear
they are made to be worn on the lower half of the body while wearing something else on the upper half of the body, to cover the parts of the lower half of the body which people think should not be normally seen
and to protect the lower half of the body from undesirable contact with the environment
they are made in such a way
that when they are on the body they surround the lower half of the body from all sides
so that the legs are not separated from one another
and so that the genital area of the woman's body seems to be hidden
and so that women wearing things of this kind look different from men

a thing of this kind can be worn on the lower half of the body with different things worn at different times on the upper half of the body

TROUSERS

a kind of thing made by people for people to wear

they are made to be worn on the lower half of the body while wearing something else on the upper half of the body to cover the parts of the lower half of the body which people think should not be normally seen and to protect the lower half of the body from undesirable contact with the environment

they are made in such a way that they have a top part which covers the lower half of the trunk and below that part two long parts separated from one another each for one leg so that when they are on the body each leg is surrounded from all sides because of that people wearing them can move freely being able to put their legs as far apart as they would without having anything on the lower half of the body

things of this kind are viewed as something suitable for men to wear in most kinds of places and in most kinds of circumstances

R e f e r e n c e s

- APRESJAN, Ju.D. (1969) O jazyke dlja opisanija značenij slov. *Izvestija AN SSSR, serija literatury i jazyka*, vol. 28, no 5, 415-428.
- APRESJAN, Ju.D. (1972) Definiowanie znaczen leksykalnych jako zagadnienie semantyki teoretycznej. In: Anna Wierzbicka (ed.), *Semantyka i słownik*, Wrocław: Ossolineum, 39-57.
- APRESJAN, Ju.D. (1974) *Leksičeskaja semantika*, Moscow: Nauka.
- APRESJAN, Ju.D., I.A. MEL'ČUK, A.K. ŽOLKOVSKY (1969) Semantics and lexicography: towards a new type of unilingual dictionary. In: F. Kiefer (ed.), *Studies in Syntax and Semantics*, Dordrecht: Reidel, 1-33.
- APRESJAN, Ju.D., I.A. MEL'ČUK, A.K. ŽOLKOVSKIJ (1973) Materials for an Explanatory Combinatory Dictionary of Modern Russian. In: F. Kiefer (ed.), *Trends in Soviet Theoretical Linguistics*, Dordrecht: Reidel, 411-438.
- LYONS, J. (1981) *Language, Meaning and Context*. Fontana Paperbacks.

- MATERIALY (1970-1976) *Materialy k tolkovu-kombinatornomu slovarju russkogo jazyka*, Vypuski 2, 7, 14, 17, 23, 28, 29, 34, 35, 37, 38, 42, 62, 63, 80, 85, 86, Moscow: Institut Russkogo Jazyka AN SSSR.
- MEL'ČUK, I.A. (1974) *Opyt teorii lingvističeskix modelej "Smysl ↔ tekst"*, Moscow: Nauka.
- MEL'ČUK, I.A. et al. (To appear) *Vers un dictionnaire explicatif et combinatoire du Français contemporain (Etudes lexicosémantiques)*. (Igor Mel'čuk avec Nadia Arbatchewsky-Jumarie, Léo Elnitsky, Lidija Iordanskaja et Adèle Lessard; rédacteur: André Clas).
- WIERZBICKA, A. (1972) *Semantic Primitives*, Frankfurt: Athenäum.
- WIERZBICKA, A. (1980) *Lingua Mentalis*, Sydney-New York: Academic Press.
- WIERZBICKA, A. (Ms.) *Apples aren't a kind of fruit: the semantics of human categorization*.
- WIERZBICKA, A. (To appear) *Lexicography and conceptual analysis*, Ann Arbor: Karoma.
- Dictionaries:
- OED - *Shorter Oxford English Dictionary*, Oxford: Clarendon Press, 1964.
- WEBSTER - *Webster's New World Dictionary*, Sydney: Fontana, 1977.

Dean S. WORTH (Los Angeles)

CONDITIONS ON *á*-PLURAL FORMATION IN RUSSIAN.

The nominative plural in *-á* of first-declension masculines (домá, адресá, учителя́, колоколá) seems to have arisen in the early 16th century (Unbegaun 1935: 212). This desinence spread slowly until the latter 18th c., somewhat more rapidly in the 19th, and has proliferated, especially in professional jargons, in our own time: Ivanova 1967 lists 648 words taking this ending, compared to a total of 200+ in Beaulieu 1913 and Černyšev 1915, 70-odd in Vostokov 1831, and only 10 in Lomonosov 1757. Contemporary Standard Russian has some 224 such words, if one counts all those listed in GRJa 1960: 146-148, together with the items considered "общелитературные" by Ivanova 1967: 69-77 (the classification of individual lexemes as literary, substandard, professional etc. varies somewhat from source to source, but not enough to affect the total significantly).

If the existence of a substantial number of *á*-plurals in CSR is well-known, the structural conditions which encourage or hinder such formations are not. Some recent grammars, e.g. Barnetová et al. 1979, do not discuss these conditions at all, and most others (GRJa 1960, GSRLJa 1970, Garde 1980) pose an initial-stress condition in the singular, treating words like дирéктор, редáктор, профéссор, учíteль etc. as medially-stressed exceptions; only RG 1980 posits (correctly, in my opinion, see below) penult stress, but lists кóлокол, óкорок, пéрепел, тéтерев, прóмысел and дóговор among its polysyllables with no further comment. Only a few descriptions touch on stem phono-

logy, e.g. on the role of pleophony in GRJa 1960 and Zaliznjak 1967, on final -op, -ктор in Zaliznjak 1967 and Garde 1980. Only Zaliznjak 1967 gives a serious and interesting discussion of the role of consonantism and vocalism, phonetic analogy, etc., in á-plural formation, but he too assumes initial stress everywhere but in дирéктор, профéссор, etc. All in all, it seems there may be room for an alternative explanation, a preliminary version of which we shall propose here.

There are two types of structural condition on the formation of á-plurals: a stress condition, and a stem-phonology condition. The first of these is nearly an absolute, the second considerably less stringent.

STRESS CONDITION. Stress in the underlying base form (i. e., the singular stem) must be assigned to the penultimate syllable: disyllabic жéмчуг, óткуп, пóезд, áдрес, пáрус, óрден, бúфер, пéкарь, клéвер, штéпсель, and c. 130 others (exceptions: обшлáг, рукáв, but Obnorskij 1931: 23-25 assumes an earlier óбшлаг, corresponding to the German); polysyllabic дирéктор, кондúктор, профéссор, учéитель, прожéктор and eleven others (exceptions: conversational дóговор, гóспиталь; парохóд is not an exception, but rather, a compound of хóд, cf. ходá; инженерá is substandard, though often cited). In monosyllabic stems stress is assigned by default to the only syllable: бóг, мéх, тóм, глáз, край, шéлк, грóб, кóрм and 37 others. Stress assignment must precede the resolution of vowel ~ zero alternations as vowel or zero respectively, i. e., pleophonic forms are treated as pre-pleophonic: óкорок = *ókork, тéтерев = *téterev, кóлокол = *kólkol, пéрепел = (structurally, though not etymologically) *pérpel. Surface pleophonic disyllables are treated as structural monosyllables: бéпер = *bérg, гóлос = *góls, чéреп = *čérp, бóров = *bórv, and seven others. Forms like *bérg, *góls are not merely ad hoc constructs; most of them (or some analogy thereto, such as BER%G, GOL%S à la Worth 1968) are independently necessary to account for the interplay of pleophonic and non-pleophonic forms in derivation: безбрежнýй, огласить, etc.; cf. the fact that бeпер = *berg, a structural monosyllable meeting the conditions

(stem-stressed monosyllable) for formation of the loc² бepe-
 рý, and also the need to assign stress (retracted from ending
 to stem-final syllable) before vocalizing {#} in such genit-
 ive plurals as бeдep = {b'ód'#r-ø}, мeтeл = {m'ót'#l-ø}, etc.
 Similarly, on the inflectional level, пpóмысел = *p'rómis'#l,
 a structural disyllable, and therefore not an exception to the
 penult-stress condition; cf. conversational vérep, plural ve-
 rpá = *vét'#r, a structural monosyllable like *bérg. Formulati-
 oned in the above manner, the stress conditions for á-plurals
 leave only four exceptions (обшлár, рукáв; conversational дo-
 говop, гoспиталь) out of 224 words, or an accuracy rate of
 98.2%, and even if one adds end-stressed лeмéx, coкoл (~лe-
 мeх, coкoл) and coкýль, пepёд, пocтáв from Zaliznjak 1967: 224
 the accuracy rate is still 96.1%, and there is no need to ap-
 proach the somewhat productive -кpоpa formations as exception-
 al.

STEM-PHONOLOGY CONDITIONS. Segmental phonology imposes
 less stringent conditions on á-plural formation than stress,
 but is curious in its own way.

Consonantal conditions concern, above all, the distribu-
 tion of liquids as related to stem length: the longer the stem,
 the greater is the likelihood that it will contain a liquid,
 especially as its final phoneme. As is clear from the follow-
 ing table, monosyllables cannot end in a liquid, and need not
 contain one at all; disyllables need not, but tend to contain
 liquids, especially in stem-final position; polysyllables must
 contain a liquid, almost always in final position:

STEM LENGTH (SURFACE)	NO LIQUID	NON-TERMI- NAL LIQUID	TERMINAL LIQUID
monosyllable	20 (44%)	25 (56%)	0 (0%)
disyllable	21 (13%)	50 (32%)	87 (55%)
polysyllable	0 (0%)	2 (9.5%)	19 (90.5%)

The curious relation between stem length and liquid frequency would deserve more detailed investigation (we note in passing that not one of the ninety-odd masculine monosyllables ending in {r} in Zaliznjak 1977 takes an á-plural).

Vocalic conditions deal primarily with the distribution of mid- vs. non-mid-vowels, i.e. of stressed {é}, {ó} : {á}, {í}, {ú} and unstressed [ɤ], [ə] : [i], [u] - in other words, between the less and the more highly specified segments. The distribution of stressed vowels in the 100 disyllables in GRJa 1960 is {é} 26%, {ó} 41%, {á} 14%, {í} 8%, {ú} 11%; mid-vowels comprise 67% of the total. In combination with posttonic vowels the following distribution obtains:

		i	0							
		ɤ	8	} 13						
		ə	5							
		u	1							
é	+	i	0	} 25	í	+	ɤ	6	} 8	
		ɤ	15					ə		2
		ə	10					u		0
		u	1							
ó	+	i	0	} 34	ú	+	ɤ	6	} 11	
		ɤ	7					ə		5
		ə	27					u		0
		u	7							

As can be seen, diffuse vowels are all but unknown in posttonic position, the only salient exception being prefixed deverbatives in {ó-} (óткуп, óмут, óкруг, óтруб, прóпуск; cf. also кóрпус, кóнсул). Moreover, 59% of the total reproduce a vocalic pattern identical or very similar to that of pleophonic forms: бéрег, гóлос, жéлоб, ...; жёрнов, óстров, прóвод, etc. If one looks at this mid-vowel distribution in connection with the

unusual role of liquids described just above, it becomes clear that the segmental conditions on á-plural formation consist of what might be called a kind of neo- or pseudo-pleophony, joining together into a single, albeit not yet adequately described structural class three genetically disparate groups of words: (1) actual East Slavic pleophonic words (б́е́рег, го́лос; т́е́терев, ко́локол); (2) Russian stems which partially imitate the segmental phonology of pleophonic forms (по́трох, то́рмос); (3) native and borrowed (usually German) words with reversal of medial and final consonant classes, as compared to pleophonic forms (в́е́чер, то́поль, со́боль; шт́е́псель, шо́мпол). The undoubtedly close relation of this neo- or pseudo-pleophony to the syllabic structure of stems, and of both of these factors to the stress conditions on á-plural formation, must be left to a more detailed study in the future.

B I B L I O G R A P H Y

- Barnetová, Vilma, Helena Běličová-Křížková, Oldřich Leška, Zdena Skoumalová, Vlasta Straková, *Russkaja grammatika*,¹ Prague, 1979.
- Beaulieu, L., L'extension du pluriel masculin en -a, -ja en russe moderne, *Memoires de la Societé de linguistique de Paris*, 18, 1913, p. 210-218.
- Černyšev, V.I., *Pravil'nost' i čistota russkoj reči*, 2, Petrograd, 1915.
- Garde, Paul, *Grammaire russe. Tome premier. Phonologie - morphologie*, Paris, 1980.
- GRJa = *Grammatika russkogo jazyka. Tom I. Fonetika i morfologija*, Moscow: AN SSSR, 1960₂.
- GSRLJa = *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*, Moscow: AN SSSR, 1970.
- Ivanova, T.A., Imenitel'nyj množestvennogo na -á (rodá, tenorá, gospitaljá) v sovremennom russkom jazyke, *Razvitie russkogo jazyka posle velikoj oktjabr'skoj socialističeskoj revoljucii*, Leningrad, 1967, p. 55-78.
- Lomonosov, M.V. *Rossijskaja grammatika*, SPb., 1757, reproduced as p. 389-578 of his *Trudy po filologii 1739-1758 gg.* (= *Polnoe sobranie sočinenij, Tom sed'moj*), Moscow - Leningrad, 1952.

Obnorskij, S.P., *Imennoe sklonenie v sovremennom russkom jazyke*, 2, Leningrad, 1931.

RG = *Russkaja grammatika. Tom I. Fonetika, fonologija, udarenie, intonacija, slovoobrazovanie, morfologija*, Moscow: AN SSSR, 1980.

Unbegaun, Boris, *La langue russe au XVIIe siècle (1500-1550). I. La flexion des noms*, Paris, 1935.

Vostokov, A.X., *Russkaja grammatika*, SPb., 1831.

Worth, D.S., Vowel-zero alternations in Russian derivation, *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 11, 1968, p. 110-123.

Zaliznjak, A.A., *Russkoe imennoe slovoizmenenie*, Moscow, 1967.

Zaliznjak, A.A., *Grammatičeskij slovar' russkogo jazyka*, Moscow, 1977.

Светлана И. ЕЛЬНИЦКАЯ (Montréal)

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА М. ЦВЕТАЕВОЙ (IV)

СИТ. 4 'НЕСОЕДИНЕНИЕ ИСТИННОГО И НЕИСТИННОГО'

Данная работа является продолжением серии статей, посвященных анализу поэтического мира Цветаевой¹ (ПМЦ - см. список сокращений в конце статьи). Нами были рассмотрены три типичные ситуации, описанные в терминах исходных инвариантных оппозиций: 'соединение/несоединение', 'неистинное/истинное'. Ситуации отражают отношение ('соед.' или 'несоед.') между главными противопоставленными в ПМЦ силами ('неист.' и 'ист.', 'низшее' и 'высшее', соответственно). Наиболее типичные представители этих сил: *жизнь* "как она есть" (далее просто *жизнь*), этот, неистинный мир (НМ), *земля, тело, обихновенный смертный, не-художник + жизнь* "как быть должна" (высшая жизнь, *Жизнь*), тот, иной, истинный мир (ТМ), *небо, душа, личность, герой, художник* (в широком смысле), *поэт, высшие силы* и др. Напомним кратко содержание ситуаций:

--сит.1 'соединение неистинного' описывает взаимодействие элементов, принадлежащих к этому миру, т.е. контакт *не-художника с жизнью*;

--сит.2 'несоединение истинного' описывает невозможность или нарушение в НМ контакта между элементами, не принадлежащими этому миру;

--сит.3. 'соединение истинного и неистинного' описывает конфликтное взаимодействие НМ и элементов "не от мира сего": конфликт *художника и жизни, Бытия и быта* (страдательным элементом в этой ситуации является "неотмирное").

В данной статье рассматривается сит.4, описывающая взаимное отъединение противоборствующих сил: этого мира, *жизни* и *личности*, отталкивающейся от всего земного. В терминах принятого нами описания сит.4 представляет собой 'несоединение (неосуществление или прекращение контакта) Ист. и Неист.' Сит.4 представлена двумя вариантами: 'Неист. не соед. с Ист.' и 'Ист. не соед. с Неист.'

Вариант 'Неист. не соед. с Ист.', непосредственно продолжая сит.3, тему враждебных действий этого мира против личности, души, художника, - менее актуален для сит.4, чем ее второй вариант. Поэтому мы ограничимся примерами лишь некоторых типичных

МОТИВОВ:

'Неист. не имеет ист. (таким образом, Неист. описывается и характеризуется через различные несоединения с ист.), не нуждается в ист.'; 'не любит, не понимает, не ценит ист.'; не желает вступать в контакт с ист.'; '"не вмещает", отвергает, выживает, выталкивает ист.' и т.д.

Примеры.

В Гаммельне отсутствует все, нарушающее меру и порядок НМ, все вечное, духовное "единственное", стихийное, все что грозит изменением привычного status quo, ср. Без загадок - город... Без пожаров... С миром сношенья прерваны!.. в семействе Гаммельнском - местоименья "я" Нет: не один: все вместе... вечных благ Нет, хоть земных и густо... Гаммельн - не в царстве душ... кроме Пива - ни жажды в сердцах... к чему - душа? Не глубоко ль негодный, как... кларнет - в нашем битву - предмет? В городе Гаммельне - Ни одного кларнета... НИ ДУШИ, Но уж тела за это! Плотные, прочные! Столб, коль дож, Дюжини стоит душ. "Крс."; Неист. боится перемен, "инога", напр., "застраховывается" от случая, от стихий, от божеств, ср. страхуют... от Зевса, от Гефеста - ...со всем, что в оном - дом, а яхту - от Посейдона... над каждым... домом - богоотвод, ИП, 547 (громоотвод, "отводящий" от дома Бога); Ви! Собирательное убожество! Не обрывающиеся с криш! ИП, 264 (о неспособности Неист. оторваться от земли, летать, а также бросаться в новое, неизведанное, рисковать); Стихи растут, как звезды и как розы, как красота - ненужная в семье. ИП, 133; душа - ненужный в жизни предмет. П; уж никому не по нраву ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид. ИП 322 (т.е. прямизна стана и мысли об ином, инаком) ... непонимаемой битвь встречным!.. (Читателем, газетных тонн Глотателем...) Двадцатого столетья - он, А я - до всякого столетья! ИП, 305; гаммельнцы не допускают неравного брака, отказываясь дать певцу-флейтисту в жены дочь бургомистра: Можно ли... За музыканта - плоть Нашу. "Крс."; из людской среди битвь витесненной - непременно. ИП, 304, сравни париц, отверженные; некуда деться; мне в современности МЕСТА НЕТ. ПкТ, 97.

Наиболее актуальным для сит.4 является ее второй вариант 'Ист. не соед. с Неист.'. В этом варианте сит.4 связана, с одной стороны, с сит.3, как ответная реакция Ист. на насильственное

соединение с "несвоим", а с другой стороны - с сит.5, образуя как бы совмещенную сит.4,5 ('Ист. не соедин. с Неист. *чтобы* соедин. с Ист.'; *раз* Ист. соедин. с Ист., *значит* не соедин. с Неист.' и т. п.).²

'Не соедин. с Неист.' и 'соедин. с Ист.' соотносятся друг с другом как путь, средство и цель. 'Неистинный' мир (НМ) есть точка отправления и отталкивания в движении к 'истинному', а 'истинный' мир (ИМ) - это точка устремления этого движения. 'Не соедин. с неист.' и 'соедин. с ист.', являются начальной и конечной стадиями единого процесса миро-мифотворчества. 'Не соедин. с неист.' - это отрицающая, разрушительная (неприятие, преодоление, уничтожение старого НМ), а 'соедин. с ист.' - это положительная, созидаящая (утверждение, построение нового ИМ) части ситуации 'сотворение иного мира' путем преобразования НМ ("как есть") в ИМ ("как быть должно"). Отсюда сит.4 рассматривается как желательная, это *благо, спасение, исход*.

В ПМЦ 'ист.' противопоставлено 'неист.' по многим признакам (см. разновидности оппозиции 'ист/неист.', WSA-3). Из них для ситуации конфликтного столкновения Ист. и Неист. наиболее актуальными являются следующие противопоставления: 'высшее/низшее'; 'душевное, духовное/материальное'; 'живое/мертвое'; 'беспредельное, безмерное/ограниченное, малое'; 'свободное/несвободное'; 'не-вне-сверх-человеческое/человеческое'; 'личное (ср. я), внеличное (ср. *стихи*), надличное (ср. *высшие силы*)/безличное, безличное' (ср. *они все*); 'необычайное, избранное, единственное/обычное, заурядное, общее'.

ПМЦ является лирический герой (ЛГ) "цветаевского типа": лирическое "я" и типологически сходные с ним персонажи. Контакт ЛГ с миром носит характер пристрастной вовлеченности (см. WSA-3), что определяется особенностями самого ЛГ. Наиболее общими чертами поведения ЛГ, в частности в сит.4 являются следующие: а) активность б) сознательность в) избирательность г) целенаправленность. Кратко охарактеризуем их.

а) В ситуации контакта ЛГ с миром ('неистинным, низшим', в том числе с "низшим собой") позиция ЛГ - не приятие, не "проживание" жизни, а борьба, преодоление, преобразование, сопровождающиеся насилием, жестокостью. Перефразируя сказанное Цветаевой о поэте и времени, ее героини отражают *жизнь не как зеркало, а как щит, т.е. с девятью десятками в ней сражаясь* ("П. и вр.").

б) ЛГ Цветаевой - это личность, центральным комплексом сознания которой является Я,САМ, ОДИН. Принцип самооценности, самодостаточности личности обуславливает такие ее проявления, как самонадеянность, самоуверенность, самоволие и др., а также определяет "самоличный" характер действий ЛГ (ср. самоборство, самообучение, самодисциплина, самолечение, самовнушение, самоохрана, самозащита, самосуд, самосозидание и т.д.).

Отношение ЛГ к миру, его максималистское "НЕТ" всему земному, есть сознательное и "законное" *неприятие в полном знании*. Знанием того, "что не надо" и "что надо", "как быть должно", направляется и самооправдывается вся деятельность ЛГ.

Поведение ЛГ есть проявление воли, следование решению. Намеренный, программный характер действий придает поведению ЛГ "деланность", надуманность. При установке на идеал "как быть должно", не существующий в реальности, тот или иной поступок ЛГ приобретает характер позы, жеста, своеобразного "обмана" действительности, т.е. того, "что есть".

в) Избирательность ЛГ выражается в его пристрастном отношении к миру: осуществление отбора по принципу *предпочтения и жертвы*, утверждение одного ('истинного') путем отрицания другого ('неистинного'), 'высшего' - "за счет" 'низшего', отбрасывание всего нежелательного как ненужного, лишнего.

г) Неприятие 'неист.' как "неценного" есть не бесцельная отмена, а целенаправленная замена с высшей целью, "переоценка ценностей", при наличии идеала и положительной программы. Поскольку все действия и не-действия ЛГ направлены к высшей цели, вся деятельность ЛГ оправдана и возвышена. Отсюда, напр. "права жестокости", а искусственность как система средств для "обмана" реальности предстает как искусство "ВОЗВЫШЕННОГО обмана".

В конфликтном столкновении с 'неист.' поведение ЛГ характеризуется как "защита высшего от низшего". Этой цели служат разнообразные защитные средства, приемы, позы, жесты. Разновидностью защиты является самозащита, самоохрана, в том числе защита себя от себя, т.е. "высшего себя" от "низшего себя".

Перечисленные выше свойства ЛГ проявляются во всей деятельности ЛГ, что необходимо иметь в виду при рассмотрении любого конкретного мотива сит.4. Проиллюстрируем это на нескольких примерах. Избирательность отношения ЛГ к миру проявляется, в частности, в том, что недоверие, непочтение, ненависть, презре-

ние и т.п. ЛГ испытывает только к тому, что оценивается им как 'низшее', в то время как к 'высшему' ЛГ проявляет доверие, почтение, любовь. И так - во всем (ср. *Знаешь царя - Так псаля не жалуй!* ЛС, 56; *Плохой сын царю земному, звать небесному хорош.* "Ц-Д"; ЛГ строит, но не жизнь, а миф, не дом, а песню, ср. *не устроитель жизни, а строительница струн*). Так же избирательно и сознательно, напр. бесчувствие ЛГ. Это не вообще, прирожденная и полная, атрофия чувств, а сознательная слепота, глухота и т. п. и именно к 'низшему'. Как и прочие проявления ЛГ (сравни бесстрашие в ситуации 'отрешение'), это не столько состояние, сколько, и прежде всего, отношение, сознательная установка, поза, отражающая, а часто вызывающе демонстрирующая, отношение ЛГ к 'низшему' - вне или внутри себя. Отсюда, преобладающий тип героя в ПМЦ - не прирожденный герой, а герой сотворенный, выросший в героя, сделавший из себя героя. Соответственно, более типичная разновидность неимущего - не *отродясь нищий*, а *богач отрешившийся*. Таким образом, для ЛГ характерно не чистое отсутствие контакта с 'неист.', а ситуация, когда ЛГ как бы имитирует отсутствие 'неист.' или в схватке с 'неист.' уничтожает его (пример совмещенного 'соед.-несоед.'). Всякое неучастие ЛГ в жизни фактически представляет собой активное, страстное, волевое, своевольное недействие, результат решения, выбора, нацеленных на победу. Сравни: *пройти, чтоб не оставить следа...тени на стенах...не встретить скал...вод...органного не тронуть эха* (ПР, "Пркр." - "миновать" жизнь, пройдя без отклика и без отзыва, "обмануть" жизнь и тем "взять" (ср. *отказом взять, обманом взять*) - есть разновидность 'победы путем отказа'. Именно так и начинается это стихотворение: *А может, лучшая победа над временем и тяготеньем...* - а далее перебирание возможных решений победы над жизнью.

'Несоединение с неист.' идет по линии 'отказа-отречения' от низшего мира (ср. *В Бедламе нелюдей Отказываюсь жить.* ИП, 336), либо 'отказа-отрешения' от "низшего себя" под девизом 'отказ от меньшего низшего ради ббльшего высшего', расцениваемый как 'победа путем отказа' (ср. *Блаженни, дочерей твоих, Земля, бросавшие для боя и для бега. Блаженни - в Елисейские поля Вступившие, не обольстившись негой.* ИП, 183). Иными словами, ЛГ осуществляет освобождение изнутри. Другой разновидностью освобождения является освобождение извне. ЛГ приветствует все, что способствует уничтожению 'неист.', напр. всякую беду (ср. пожар, пропажа, лишение ненасущного и т.п.), рассматривая это как *спасительную ин-*

тервенцию внешних сил, как плату за величие. "Потеря" и в этом случае оборачивается "выигрышем", триумфом 'истинного', ср. раз ГОЛОС тебе, поэт, дан, остальное - взято. ИП, 310; значит, бог в мои двери - раз дом сгорел! ИП, 213 (мотив 'благая беда' будет рассмотрен в сит. 4,5).

Неприятие мира, отказ от жизни, преодоление земного есть общее содержание всего комплекса мотивов данного варианта сит.4. Из них наиболее типичны следующие: 1. 'отрицательное отношение к земной жизни'; 2. 'отсутствие, неучастие в жизни'; 3. 'движение в обратном от жизни направлении'; 4. 'отталкивание от жизни, преодоление земного тяготения и земных пределов, выбывание из жизни'; 5. 'протест, бунт, мятеж против жизни, вызов миру'; 6. 'уничтожение, гибель неистинного'.

Как правило, ЛГ демонстративно декларирует свою позицию неприятия жизни (часто в пренебрежительно-презрительной форме), категорически утверждает абсолютную ненужность, неценность всего земного, вызываясь отказывается от жизни. Сравни типичные формулы отказа: от не надо, на што мне, отказываюсь, отрекаюсь - до дерзких проклятий. Напр. мне не надо хлеба ИП, "Психея"; Ной мне черт в твоих пеленках! ИП, 353; Нагромождение немощей - Будь проклят, мой пол! ИП, 656.

Перейдем к описанию отдельных мотивов и их разновидностей.

1. 'Отрицательное отношение к этому миру, к земной жизни: недоверие, неверие, ненависть, непочтение, пренебрежение, нетерпимость, надменность, высокомерие, презрение, брезгливость, отвращение' и пр.³

Подчеркнем, что отношение ЛГ к миру определяется его оценкой (соответственно, оценочная характеристика всего земного - 'неистинное, неценное, низшее', сравни оценочные формулы не в счет, не в цене). Таким образом, негативное отношение ЛГ к НМ не просто эмоциональное, а идеологическое.

Именно ориентацией ЛГ на "должное": 'истинное-ценное-высшее' обусловлена его позиция превосходства над жизнью. Напр. презрительное замечание жизни толкуется им как презри: гляди поверх (Н, 260), а высокомерие к земному понимается как с висока мерить и високой мерой (ТІ, 121). Поскольку 'истинная' мера человека - это 'высший', примером которого является поэт, обычный человек оценивается как недочеловек (относительно которого

настоящий, "полный" человек это, естественно, *сверхчеловек*). Отсюда максималистское: *ниже поэта и в счет не идет*. (ТГ, 395).

ВСЕ жизненное отвращает ЛГ. Не ценя и не считаясь ни с чем земным, ЛГ проявляет к жизни надменное презрение (ср. *спесь, гордец*), не признает над собой никакого *первенства, главенства*, пренебрежительно смеется над всем этим миром.

Примеры.

*Не люблю жизнь, как она есть, люблю преображенную. П; Бит, это НЕПРЕОБРАЖЕННАЯ ВЕЩЕСТВЕННОСТЬ... Бит: НЕНАВИДИМАЯ ВИДИМОСТЬ. ПкБг (бит - это оценочное определение жизни, сравни уподобление жизни сирью, черновику, подстрочнику, т.е. непреобразенному материалу); мое оттолкновение от всех житейских низостей. П, 348; ваших браков отвращающая тщета (Вакх - Тезею); царевич брезгует лаской мачехи, к земным плодам надменен... не дорожил хлебом... ничего не читил, кроме струнного ремесла. "Ц-Д"; сравни муженнадменную Артемиду и женоненавистника Ипполита. "Ф"; Время - не в счет: вот все мое отношение к времени. ПкВ, 184; ... меня, ни единой вещи не читившей в сем вещественном мире думом! ИП, 464; ваша...презрением к плотью плоти - временному, стих. "Отцам"; слишком дерзко смеялся над реальностью. ПкВ; певец кичится перед земными владыками, ср. лютня-ослушница Давида перед Саулом. ПР, 56; поэт не снисходит до реальности, сравни Бальмонта, который от нее полностью освобожден; Не: НЕ ХОЧУ людей, а НЕ МОГУ людей, повторяя чью-то изумительную формулу: *je n'otiz ton prochaïn*. ПкГ; мне земля необходима, как Антею: оттолкнуться. П, 185.*

2. 'Отсутствие, неучастие в жизни'.

2.1. 'Атрофия:бесчувствие, слепота, глухота, беспамятство, безучастие, равнодушие, бездействие' и пр.

Для ЛГ характерна полная исключенность из действительности, общая *атрофия* - всех 5 чувств, памяти, чувства времени и пространства, состояние "закаменелости" (ср. *бревно, камень, столбняк*).

Как правило, атрофия у цветаевских персонажей - это не природно-естественное состояние, а сознательный прием. Другая особенность намеренной атрофии - ее избирательность: атрофия именно к 'неистинному'. Невосприятие означает также отказ ЛГ признать существование 'неистинного', что равноценно его отрицанию. Кроме того, отключение от реальности - это защитная реакция ЛГ на не-

желательный контакт с НМ. Так, ЛГ не видит, ибо не желает видеть, смотрит - но не видит, либо не видит, потому что не смотрит, напр. опускает, закрывает глаза, отводит, переводит взгляд и т. п. Сравни типичные приметы всех *отсутствующих здесь*: близорукий, рассеянный, отсутствующий взгляд, пустые, слепые, спящие или опущенные, закрытые глаза. Тот же механизм избирательности и сознательного исключения нежелательного лежит в основе памяти, которая в сит. 4 выступает как *беспамятство, забвение*, - а также речи. ЛГ забывает, не вспоминает, не упоминает, опускает, замалчивает 'неист.' Атрофия используется лирическим героем для спасения от жизни - путем самонасильственной изоляции себя от внешнего мира. Таковы приемы сознательной глухоты (ср. *насильственное заткание себе ушей*. "Иск."), намеренной слепоты (ср. закрывание глаз и т.п.), сознательного беспаятства (ср. спасительное забывание ненужного, неважного, нежелательного или неприемлемого), напускного лунатизма "среди белого дня", отключающего от дневных дел и забот, деланного равнодушия и прочие защитные средства от жизни. Теми же приемами пользуется и цветаевский художник в целях самоохраны творчества от вторжения жизни.

Проявляя бесчувствие и равнодушие к жизни, ЛГ, например:

(i) отсутствует в жизни: в 'ближайшем, внешнем, обычном, временном, малом, низшем' и т.п. Напр. ЛГ не живет *здесь и сейчас*, не участвует в жизни дней. Сравни такое типичное проявление безучастия как 'бездействие рук' (отказ подать руку, "приветствовать", быть соучастником общих недостойных личности действий, напр. "черных" дел толпы-черни; отказ от любовного касания и пр.);

(ii) не снижается до 'низшего': *вертикаль* не унижается до "плоскости" и "низменности" *горизонталю*. Напр. ЛГ не сходит до *унизительности всего житейского*: хозяйственно-бытового, гастрономического и прочих аспектов обычной жизни, не интересуется "низкими подробностями" жизни. Соответственно, цветаевский поэт не опускается до служения "низшей" литературе (ср. *наклонная плоскость к читателю*), примеры которой и близорукое бытописание, и приземленная проза жизни, и газета-однодневка (сомнительное варево из *пошлости, политики и преступлений* - насущная "жвачка" для безликой читательской массы);

(iii) не откликается на "зов" 'низшего', напр. не поддается соблазнам, не прельщается земными радостями, не имеет "вкуса" к

"сладким земным плодам".⁴

Примеры.

Мои глаза, ничего не видящие, ничего не хотящие видеть... П, 429; *На всех, на все - равнодушьем глаз.* ИП, 256; сравни слепоту бойниц глухонемой крепости, столбняковой глыбой возвышающейся над брэнностью жизни с ее суетным движением. ИП, 199; Адам, минуя низшее, земное, не смотрит на Еву, "проглядывает" ее. ИП, 174; *позабыв о сальных бальниках, дети покидают гаммельнское царство тел, город туш. "Крс."*; *Но зато, в нищей и тесной Жизни: жизнь, как она есть - Я не вижу тебя совместно Ни с одной: - памяти мечь!* "П.Г."; сравни умолчание матери Цветаевой, в рассказах о Пушкине своим детям не упоминавшей даже имени Натальи Гончаровой - дабы не снижать миф о поэте до мещанской трагедии. "М.П."; *Я сын, не помнящий родства.* ИП, 128; *мне все - равно, мне все - равны...* ИП, 305; *поэт никогда не жил подножным кормом времени и места.* Т2, 320, сравни атрофию настоящего у поэта; *не люблю участвовать в своей жизни: о, не лень - брезгливость.* ПкБх; *К устам не клонился, на сон не крестил. О сломанной кукле со мной не грустил.* ИП, 436 (о своей суровой Музе в мужском облике); *А я - руки настезь! - застыла - столбняк!* ИП, 165 (жест вызывающего противодействия "другим" с их "плутанием плоти по плоти"); сравни высокомерную позу Стаховича, наполеоновским жестом скрещенных рук устраняющегося (открещивающегося от) с праздника победившей черни: *Вы не вышли к черни с хлебом-солью, И скрестились - от дворянской скуки! - В черном царстве трудовых мозолей - Ваши восхитительные руки.* "Памяти Стаховича" ("высокая" скука и великое равнодушие - типичные состояния 'высших' в мире 'низших'); одушевленная природа не вступает в контакт с бездушным человеком-машиной, *ср. не ответит...лица не покажет...души не отдаст.Ничего не отдаст вам ни апрель, ни июль.* ИП, 261; домашние вещи буквально "изымают себя из употребления", перестают функционировать в своем утилитарном назначении. "П.Л."; *Когда, и как, и кем, и много ли - целовани твои уста - не спрашиваю.* ИП, 75; *С кем - и не гляну! Спишь...* "С моря"; *Что душе до яств и брашна!* ИП, 186; *И не сладко нам ложе страстное!* ИП, 127; *не ест-ся яблочко румяно, не пьются женские уста...на бабы речи весь - как ржавый замок...до бабы не охоч...до любви нелакомый* (царевич из поэмы "Ц-Д"); сравни стойкого к соблазнам женоупорного Иппо-

лита, с ртом негоупругим, не поддающегося любовным чарам и призывам. "Ф"; мать Цветаевой, вообще - протестантка и спартанка - не унижалась до любимого блюда; сравни самозапрет художницы Гончаровой на все нетворческие, жизненные действия: есть нельзя... спать нельзя, говорить нельзя... можно только работать. Т1, 288.

2.2. 'Неприкрепленность к земле: беспочвенность, бездомность, бесхозяйственность, неумелость, аскетизм, ницета, безбрачие' и пр.

Осуществляя принцип бездействия в жизни, не дорожа земным, ЛГ "не прикрепляется" ни к чему земному - к месту, к земле, к дому (ср. бродячие братства, кочевники, странники, безземельные братства, беспочвенные, пловучий остров), к вещам и к людям (ср. неоседлость чувств), отказывается от строительства и устройства жизни. Напр. ЛГ не строит дома, не вьет гнезда, не борется за "место" в жизни, уступает все жизненное, пренебрегает земными делами, заботами, жизненными обязанностями, проявляет неумелость в жизни, которая чаще всего совмещается с нерадивостью, не имеет земных благ и не нуждается в них, не обрывает собственностью, не копит неистинных земных богатств, легко и без сожалений расстаётся с любым земным имуществом, напр. тратит (ср. не беречь, не считать, раздарить, протрапиться до нитки, проиграть, промотать наследство) или теряет в час Беды.

Преобладающим типом неимущего является богач отрекшийся, добровольный аскет. Характер аскетизма ЛГ - спартачество, самоотказ, насильственное самоограничение. Сравни жестокий закон что не насущно - лишне (Т2, 66, - одна из самых любимых формул Цветаевой), ср. Все, что не необходимо - лишне. Так я к вещам и к людям. ПкВ, 181; Не насущно. Обойдусь и без. Т1, 296. Нежелание обременять себя (душу) ненасущным, неценным есть позиция НИЧЕГО ЗДЕСЬ НЕ хотящих: отступников от мира сего. П, 148.

Неприкрепленность ЛГ к земле объясняется его нежеланием считать этот мир своим настоящим домом. Душа - не житель, а лишь гость сего мира, где она живет несвоей жизнью. Не соответствуя идеалу дома, любой земной дом "не по душе" ЛГ: мал, не по росту и пр. Именно этим и нежеланием "устраиваться" в жизни объясняется бездомность, неустроенность ЛГ в мире. Типичные приметы земного жилища ЛГ - нежилой вид неприспособленного

для жизни дома, отсутствие каких-либо черт "домашности", уюта, порядка (ср, *малодомашний дом, не пахнувший сдобным*. ИП, 315; полностью "разлаженный" быт - Т1, 118). Нерадивость ЛГ в жизни так же объясняется нежеланием 'высшего' служить 'низшему', недостойному, т.е. сознательным выбором - *ибо двум богам не служат* -, что иллюстрирует универсальный принцип избирательности поведения ЛГ. Не заботясь о неважном внешнем (отсюда беспорядок в "домашнем" доме), ЛГ проявляет максимум усилий, чтобы держать в порядке главное - душу (сравни наведение внутреннего порядка - укрощение хаоса чувств как преодоление состояния "неприбранной души", мотив 'бесстрастие' в сит. 'отрешение'). Показательная биографическая параллель - описание "трусобы" поэта, где *все запущено - кроме души*. Цсб, 172.

Примеры.

Предупреждаю: не жилища! Еще не выстроен мой дом. ИП; Смерть - и никаких устройств! "П.К." - таково максималистское решение героини, отказывающейся из любви устроить жизнь. Ср. ЭТО вот - Наш дом? - Не я хозяйкою! (из черновиковЦ. к поэме: Он просит ДОМА, а она может дать ТОЛЬКО душу. ИП, 767); Оба героя поэмы "Царь-Девушка" не ведут себя соответственно своему полу и "положенной" роли в жизни. Царевич-дева не любит драк, баб, не занимается мужскими делами, ср, не паша, не боронюя...Даже печки не сложил...Для гробочки-домовини...ни единой я не выстрогал доски. Царь-девушка отказывается от женских забот, забав, земных дружков, земной родни; В майское утро качать колмбель? Гордую шею - в аркан? НП; женская доля меня не влечет, Скуки боюсь... НП; нам, над люлькой да над прялкой не клонившимся в ночи... ИП, 73; Не моя печаль, не моя забота, как взойдет посев. НП, 108; а деви не надо...По синему гладу один я поеду. НП; Бренних не копим великолений. ИП; Нищ мой домашний кров. ИП, 166; Раз музыкант - так мот. ИП, 527; провались, бережливость! ИП, 493; милый, растрать! С кладью не примут! Дабы принять - Надо отринуть! "Переулочки"; Разом проигривать - Чище нет!...О, не проигривает - Кто рвет!...кто прочь... "П.К."; Без думи о насущном хлебе Живущий - чем и как - Бог весть! Н, 41; земли не чующий, ничей. НП, 127; смещенная разом со всех земных мест душа. "Пл.Д." (- о поэте Нилендере); отвращение к лишним одежам. Т2, 73 (- о Волошине); сравни аскетизм отца Цветаевой -

скудость аскета, сделавшего выбор между вещью и сутью. Т2, 342; Гончаровский дом не для жизни, внешней неприглядностью, бедностью, недомощностью отталкивающий посетителей, - пример самозащиты от вторжения жизни (ср. Сюда не доходят шумы и сюда не очень-то заходят люди... Дом - оплот (недаром в один цвет: защитный - времени)... ничего, кроме насущного ничего, сравни неприкрепленную к полу складную кровать и как следствие неоседлость сна художницы. "Нат.Г."; НЕ понимаю, НЕ могу, НЕ выходит. "Мои службы"; в земных делах несведущий... Я, гусяришка узкогрудый, Не понимающий ни в чем! ИП, 348; то первенца забуду за пером, ... не видя, как уходит молоко... Н, 118; И уж не помню я, что там - в котле! ИП, 180; на дорогах ЖИЗНИ я ВСЕГДА уступаю дорогу. П, 450; я просто уступаю, как душа всегда уступает телу... - от честнейшего презрения, от неслыханной соизмеримости. П, 312.

3. 'Движение в обратном от жизни направлении: уклонение, отворачивание, отгораживание от жизни, удаление от реальности; движение против жизни' и пр.

Способы "миновать" жизнь, которыми пользуется ЛГ, разнообразны. Укажем главные из них.

(i) 'Уклонение от встречи' - обходить, избегать, прятаться, убегать от (совмещено с удалением), сравни мотив 'не даваться жизни', напр. 'не даваться в руки, ускользнуть мимо рук'.

(ii) 'Отворачивание, отклонение', ср, отворот, наклон от, отскок. Отворачивание от жизни, как правило, осуществляется в форме вызывающего отстранения и непочтительных, вольных жестов. Сравни *отерат, отшатывание* как выражение отвращения и брезгливости; поворачивание *спиной, задом* как выражение недоверия, раздражения, обиды, презрительного самоустранения, как жест самозащиты - охранения "лица" от опасного контакта.

(iii) 'Отгораживание', с применением различных заградительных средств, возведением положительных преград, заслонов, примерами которых являются *изгородь, щит, завеса* (напр. опущенные веки), *верста расстояния* (совмещено с удалением), а также *самозапрет* как создание внутренней преграды к соблазнам (напр, ЛГ отгоняет неистинные желания, соблазняющие мысли).

Разновидности 'изгороди': "живая изгородь" кустов и деревьев, загораживающая от улицы, внешнего мира; незримая изгородь воображаемого мира, которой душа, как магическим кру-

гом, ограждает от видимой реальности, окружая себя вымыслами, стихами, книгами и пр.; *струнная изгородь* (ср. *Лира, гусли, семиструнная расческа-гребешок*). Лира - орудие и оружие поэта - служит также "щитом", которым поэт защищается от наступающей на него жизни, отражая, отбрасывая от себя жизнь. Другое орудие поэта, письменный стол, преграждает путь к соблазнам, не допуская поэта до низких земных радостей.

Верста расстояния - это пример "пространственной преграды". Расстояние является барьером для "ненужного, лишнего", напр. для "очного" зрения, "простого" слуха, воспринимающих внешнее, близкое.⁵ Удалением от очевидности, от шума жизни достигается отключение от реальности, создается особая разновидность спасительной слепоты и глухоты. Отдаление от жизни, как и прочие охранительные средства, - это спасительная защитная реакция на нежелательный контакт с миром. *Даль* - это заградительная сетка, задерживающая и не пропускающая 'неист.', как бы "пространственное сито", отделяющее несущественное от настоящего. Как разновидность "творческого сита" *даль* применяется в процессе мифотворчества.

(iv) 'Движение против жизни' (как правило, совмещается с 'вызовом, бунтом') включает:

- 'движение против неподвижности жизни', т.е. против 'неистинного' покоя. Сюда относятся всякого рода отклонения, отталкивания, противодействия, контрдействия ЛГ против косности, застойности, ограниченности человеческого *болота* (ср. *против стояния - всякой среды (стоячей воды)*, *La Chose Etablie* - всех устоявшихся форм и норм человеческого *общезития*;

- 'движение против течения жизни', т.е. против 'неистинной' деятельности, пустой жизненной активности (как других, "всех", так и "нижего себя", сравни движение *против течения собственной крови*, напр. в сит. 'отрешение').

Примеры.

Не желая выполнить приказ царя *любить, целоваться* с царицей, царевич-гуслир *пятится* от мачехи, гуслими заслоняется от приближающихся царицыных уст, "Ц-Д". Сравни аналогичные примеры с отроком, уклоняющимся от преследующей его женщины: Иосиф, отказывающийся "позабавить" свою госпожу (Н, 106), спасающийся бегством (ИП, 397); *неуловимый, необгонимый* Ипполит, избе-

гающий встреч с Федрой, отталкивающий ее страстные признания ("Ф"; ИП, 224).

Поэт не дает жизни поймать себя, обгоняет жизнь, оставляет позади, ср. *ты охотник, но я не дамся, Ты погоня: но я есмь бег... Не возьмешь мою душу живу, Не дающуюся как пух.* ИП, "Жизни"; *не догонит колена - ткань, ...дыхания - грудь, ...поэта - век.* ИП; *Тот, чьи следы - всегда простыли, Тот поезд, на который все Опоздывают.* ИП, "Поэт"; *Ибо МИМО родилась Времени. Вотще и всуе Требуешь! Калиф на час - Время! Я тебя миную!* ИП, 240. Поэт "минует" время всеми возможными способами, напр. не идет ему навстречу, не служит ему, не движется в ногу со временем, не живет на уровне сиюминутной, "сей-часной" современности, а "обманывает" время: делает различные обманные движения - в сторону, назад и т.п. Так, поэт отстает от бессмысленно и суетно несущегося в пустоту времени, движется в обратном направлении от времени: удаляется от жизненного, реального *Præsens*, "гнет" против времени, в том числе против "своего времени", идет *наперекор* веку. Отказываясь плыть "по течению" жизни, "вниз" (т.е. как положено, вместе со всеми, ср. *С акулами равнин Отказываюсь плыть - вниз - по теченью спин.* ИП, 336), ЛГ движется против течения, *вспять*. Сравни также уподобление движения "против течения" и движения "по течению" жизни поездам разного направления. *Поезд жизни* - это местный поезд, он идет по жизни в смерть. Поезд "обратного" направления увозит из жизни, ср. ИП, "Поезд".

В области мифотворчества "поэтов путь", наряду с другими приёмами, включает уклонение от *прямосказания* (аналогия, в сфере языка, "прямому", жизненному пути) и удаление от действительности, от реальной "прозы жизни" в сторону "возвышенного обмана". Таковы обходные, минуя реальность, *окольные, кривые, "обманные"* пути поэтического *иносказания* (высокого обморочного бреда, возвышенных *вымыслов*, сложно-простых *притч* и пр.).

Как и *братья-поэты*, отворачиваются от чужого, враждебного им мира *деревья*, ср. *с пугливым наклоном... а может - брезгливым? Мечтателя - перед богатым... отворотом от улицы: всех и всегб там.* "Дер."; *загородясь от всего мира спиной... П; дом ...к городу - задом Встал, а передом - к лесу.* ИП, 315; сравни позу "Памятник-Пушкина": *стоял спиной...ко всем и всему.* Т2, 252; холсты и подрамники Гончаровой стоят *лицом ОТ* непрошенных

гостей, от глаз: сглазу. Сравни другой защитный жест самосохранения Гончаровой: *Как Одиссей, связавший себя от сирен - дверь на крюк*. ТІ, 287; Примером самоохраны творчества является и самоборение Пушкина: *с утренней негой Бившийся бодро, отгоняющий от себя соблазняющие желания в лес - на бал - в возок ... спать*. ИП, 286; юная "гончаровская бабушка" уклоняется от женихов, качаясь на качелях: *от венца спасалась в воздух* (ТІ, 289, - 'откачнуться от, подняться над' есть 'движение от земли, от жизни' - "в воздух", в игру), подобно тому как юная Цветаева от жизни: *от дружб, знакомств, любви спасалась в стихи*. П; *Дабы ты меня не видел В жизнь - пронзительной незримой изгородью окружусь...* ИП, 196; *от улицы вдали Я за стихами кончу дни - Как за ветвями бузины*. ИП, 293; *стал (Соблазнам мирским порог) Всем радостям поперек, Всем низостям - наотрез!... У не вечных благ Меня отбивал - как маг - Сомнамбулу*. ИП, "Стол"; *Меж ртом и соблазном версту расстояния для... блаженни длинноты, Широты забвений и зон!... Не видь и не слышь и не будь... Пространство... - глухая стена!* ИП, "Заочность".

4. 'Отталкивание от жизни, преодоление земного тяготения и земных пределов, выбывание из жизни'.

4.1. 'Тяготение ОТ земли, освобождение от земного плена, разрыв связей с жизнью (разрывание земных пут, расторжение земных союзов, отказ от жизни: отречение и отрешение), отрыв от земли, от жизни' и др.

Тяготясь вынужденным контактом с чужим НМ (мотив 'зажить-ся, загоститься на земле'), отказываясь длить эту насильственную связь, ЛГ отталкивается от всего земного, рвется из этого мира. "Вызывающим" вариантом усталости от несвоей жизни, нежелания претерпевать, резкого отстранения, разрыва с неприемлемым является мотив 'надоело'. Сравни типичные формулы отмежевания: *К черту!, Будь проклят!, Прочь!, Опостылело!*.

Разрыв земных связей есть разрушение 'неистинной соединенности' ибо в НМ жизнь соединяет "не то" и "не так" (т.е. "рифмует" *с:лживо*. ИП, 269), сравни ложные земные союзы и неестественное состояние униженной плененности, спеленутости, скрученности, скрюченности и т.п, Освобождаясь от земного плена, ЛГ рвет все земные узы, разрывает все земные союзы: расторгает насильственные "браки с не-тем", обрывает жизненные связи

и привязанности земной части своей души - родственные, семейные, домашние, сердечные. Укажем типичные действия ЛГ.

(i) Разрывание и вырывание из *уз, сетей, пут, стесняющих одежд* (совмещение 'разрыва' с 'движением из'), размыкание земного плена (ср, *загон, каземат, тюрьма, клетка, трюм, гроб*), например 'неистинного земного дома', каким является для духа - земля, географическая родина, церковь, для души - тело, домашний дом, семья, для детей - школа, для коня-скакуна - стойло и т.д.

Расторжение плена земного дома включает распахивание, раскрытие настежь окон, дверей (ср. сходное раскрытие раковинных створ, ИП, 250), устранение стен (ср, *прорубание*), потолка (ср. "снимается" как *короб*). Разрывая, напр. любовный плен (ср. *рук и ног захват*, ПР, 138) или сердечный плен (напр. плен материнской любви), ЛГ освобождается от объятий: распахивает, расцепливает, разжимает руки, вырывается из рук. "Распахиванию" души (ср. *распростать душу, "отпустить" душу*) сопутствует распахивание, расстегивание одежд и выпускание на волю волос, что, как правило совмещается с вольностью (сравни напр. мотивы 'душевная свобода', 'душевный отпуск').

Вызывающий жест расстегивания и поза расстегнутости "на все пуговицы", распахнутости ЛГ обратны "застегнутости на все пуговицы" наглухо-закрытого НМ (идея пуговицы - добропорядочность, ее роль в НМ - поддержание, охрана неистинного, внешнего порядка, ср. ИП, 476-478). Это бунтарское нарушение приличий, дразнение общественного вкуса, проявление надменного пренебрежения к куцым "пуговичным" истинам. Раскосматиться, распустить (как правило, по ветру) волосы - это жест бунтарского вырывания на свободу буйных, часто демонических сил.

Наиболее типичные уподобления вырывающейся на волю души: *птица*, рвущаяся из клетки, *конь*, застоявшийся, срывающийся с привязи (причем в последнем случае подчеркивается характерная для преобладающего типа ЛГ стихийность, буйность природной силы, так что порыв к свободе осуществляется в форме "дикой воли").

(ii) Отрыв от земли, от почвы, от корней, вырывание с корнем - как полный отрыв от жизни, окончательный разрыв со всем земным, сравни *землеотпущение...землеотлучение...землеотсечение*. "П.В.". Крайним случаем подобного разрыва является

разрывание надвое и отделение главной высшей части от нижней, связанной с землей. Примерами действующих лиц, оторванных от земли, являются уже упоминавшиеся бездомные, безродные, бродяги, странники и пр. (см. 2.2. 'неприкрепленность к земле'), сравни уподобление поэта "вечному жиду".

(iii) Раскручивание (напр. *винтовой лестницы* - черной лестницы жизни; *веревки*, некогда бывшей льном, ср. "П.Л."), расплетение (напр. женской *косы* как "развязывание узла" 'неистинного' земного брака, ср. "На кр.к."; расплетание косы является также вызывающим нарушением, по принципу обратности, традиционной обрядовости), развивание (напр. *свитка* - застывших в неподвижности веток, ср. "Дер.") и т.п.

Примеры.

*О как я рвушь тот мир оставить, Где маятники душу рвут, Где вечностью моею правит Разминовение минут. ИП, 253; В смертных изверся, зачароваться не тщушь, ... в вереск-потери... "Дер."; хочется вон, прочь... с этого света. П; СТРАСТНЫЙ отрыв от жизни... П, 124; из душности дамских комнат... Нельзя ли дальше, душа, от этой фатальной фальши: папильоток, пеленок... О-де-ко-лонов Семейных... Подушек, матрон, нянь. Не хочу в этом коробе женских тел Ждать смертного часа! ПР, "Поезд жизни"; сравни "уставшего от чужбин" поэта, пасынка земли (стихи на смерть Блока; смерть для ЛГ- это "узоразрешительница", ср. *Расковывает смерть - уши мои. ПР, 148*); прочь, гумно и бремя хлева И воли... Н, 12; Опостытели мне вина, опостытели мне яства (сравни опостылевшие домашний фарш и молочный суп, "Крс.") ... От великого богатства Заступи, заступник, - заступ! Н, 121 (совмещение с мотивами 'вернуть земле земное' и 'уничтожение земного': закапывать в землю то, что принадлежит земле, хоронить земное); Конем рванувшим коновязь, - ввясь! - и веревка в прах! ИП; канати сам разорвешь своей рукой. ИП, 413; С веком порвав родство. ПР, 25; Распутая пути: Рученки, - и... зашелестит амазонка По ... пустым ступеням расставанья. Рученки, ручки! Напрасно зовете: Меж нами - струистая лестница Летя. ИП, "Разлука"; Вырвалась! ... Из рук любовниковых - ризы Высвобожденный край. НП, 206; царевич ("Ц-Д") и Ипполит ("Ф") уходят из женских тенет; Иосиф, вырываясь от обольстительницы, буквально выскальзывает из ее рук - выскальзывая из одежды- так что в*

руках соблазнительницы остается лишь одежда юноши, ср. *От бабы Иосиф-то Нагишом...* ИП, 397; девица, "выходец" с того света, рвется из рук барина, как какое-то морское чудище - *Вьется из рук, Вьется из рук...Льется из рук... Пригом из рук...Дыбом из рук...Рыбой из рук!* "Млд."; *Дух мой, из ребер взывав...* ИП, 723; *дух от плоти косной берет развод. Птица клетке костной дает развод.* ИП; *Как скорлупою треснувшей - Жизнь с ее грузом мужей и жен.* ПР, 137; сравни раскрытие школ, "Крс."; поэт-арестант выбирается на волю из каземата действительности на канате собственных жил, т.е. размыкает плен песней. "Ст.к П."; живой божий дух освобождается из плена церковной узости, воскресает из мертвых церквей как из гроба. ПР, 46; *вздымаю пожар...разметались кудри, разорван ворот...Пустота! Полет!* НП, 108; сравни как "вольный дух" Эол, "взыграв с цепи", треплет "космы" героини. ИП, 440; *Коли с демонами в родстве - Бард, - расстегнись на все!* "Крс."; сравни бунтарский жест "выпрастывания пейсов" - "жида", отказывающегося от несвоей, навязанной ему веры, отказывающегося "быть выкрестом", ИП, 545; *...с корнем Ввись сорвавшийся лес!* "Дер."

Примеры отделения "верха" от своего "низа": голова отделяется от туловища (ср. *полная оторванность Темени от плеч сброшенных.* "П.В."; ср. ИП, "Орфей"), дух - от тела (дух бегущего вырывается из тела, обгоняет отстающее тело бегуна. НП.), шпиль - от храма (ср. *пространством всосанный Шпиль роняет храм - Дням.* "П.В."), Бог - от церкви (книг, храмов, креста, людей, ср. ПР, 46).

Рассматривая действия ЛГ, направленные на разрыв с жизнью, как проявление наиболее общего инвариантного мотива сит. 4 'отказ от жизни', мы выделяем два основных вида 'отказа': 'отречение' и 'отрешение'. Различие определяется тем, от чего именно отказывается ЛГ.

'Отказ-отречение' есть яростное отмежевание от неприемлемого, разрыв с "явно несвоим", чаще всего в вызывающей, бунтарской форме. Ограничимся несколькими примерами, поскольку многие из приводимых в статье примеров иллюстрируют данный тип отказа.

Отказываюсь - бить...Отказываюсь, жить...Не надо мне ни дур Ушних, ни вещей глаз...На твой безумный мир Ответ один - отказ. ИП, 337; *Право - на - жительство свой лист Но-гами*

топчу! Втаптываю... В месиво тел! Не упоительно ли, что жид Жить не захотел?! "П.К." ; Первородство - на сиротство! Не спокаюсь! Велико твое дородство: Отрекаюсь...тем, как твой топчу булижник - Отрекаюсь. НП, "Москва" (своенравный вызывающий 'отказ от жизни' совмещается в данных примерах с мотивами 'вернуть земле то, что ей принадлежит': и эта жизнь и право на такую жизнь, - и 'уничтожение неистинного', причем в резком агрессивном варианте втаптывания в землю, топтания ногами, смешивания с грязью, полного уничтожения, как в "сравнить с землей"); сравни бунтарский отказ вещей служить человеку ("П.Л."). Крайней разновидностью полного 'отказа от жизни' является самоубийство (см. подробнее в 6, 3.).

В отличие от 'отречения', 'отрешение' - это отказ от "ненасущного своего", т.е. своего, обращенного к земле и ненасущного лишь на фоне максималистского "самого насущного высшего" (в соответствии с "беспредельным повышением идеи высокого").

"Ненасущное свое" - это вся сфера сердца и души, ее земной части, т.е. это жизнь "души тела" (сердечные и душевные привязанности, желания: область любви, дружбы, семьи), а также самые последние звенья земного, еще связывающие с жизнью, напр. собственное имя, родной язык. Отрешение, следовательно, есть отказ от "земного себя" как от "низшего себя".

Деление "я" на "низшее" и "высшее" отражает "двуединую" природу лирического героя, которую можно определить цветаевской формулой *двойная сущность*, что указывает на наличие разного в пределах единого целого. Это совмещение разного может иметь бесконфликтный или конфликтный характер. Для ЛГ "цветаевского типа", справедливо занимающего в цветаевской иерархии высших, по ее собственному признанию, низшее место, - характерно конфликтное соприсутствие разного. Так, в Цветаевой разное - *дралось*. Цветаева, вся, на напряжении: конфликта и конфликтного же его разрешения.⁶ Цветаевский вариант отрешения - типичный тому пример.

Рассмотрим общие черты, присущие 'отрешению' и связанным с ним мотивам 'бесстрастие', 'преодоление соблазна жить наяву', 'вольный отказ', 'уединение', 'ускорение конца'. Как и все поведение ЛГ в сит. 4, отрешение носит активный, сознательный, избирательный и целенаправленный характер.

Отрешение - это акт воли личности. Такому ОТРЕШЕНИЮ всегда

предшествует или сопутствует РЕШЕНИЕ. Степень волевого УСИЛИЯ обусловлена двойной трудностью. Отрешение совмещает САМОотказ (акцент на "сам", т.е. сам отказывается, ср. *вольный отказ*) и отказ СЕБЕ. Отрешение - это *приказ себе, самозапрет, самоборение* и победа над собой как преодоление "низшего себя", напр. земных желаний (сравни "переборотое хочу", что в цветаевском варианте означает внутренний самозапрет: "не хочу хотеть", "хочу не хотеть").

Отрешение, подобно любому отказу ЛГ, совершается в ситуации сознательного ВЫБОРА, ПРЕДПОЧТЕНИЯ, ЗАМЕНЫ - как 'отказ от меньшего', т.е. малого "низшего себя", 'ради бóльшего', т.е. бóльшего "высшего себя". Так, преодоление земных желаний осуществляется как замена, напр. любовных отношений идеальными, любовной страсти - восхищенным любованием, почитанием. Ср. *Дух мой алчущий Переборол сию мечту. В тебе божественного мальчика, - ДЕСЯТИЛЕТНЕГО я чту. ИП, 74; Души, души! - быть вам сестрами, Не любовницами - вам! ИП, 262; Хотеть, это дело тел, А мы друг для друга - души отныне...Брат стоим с сестрой. "П.К."; сравни "пересиливание" "достоверной гущи недр" (Рахиль, первенец. ПР, 74), отказ от кровного или брачного родства ради союза "в духе" и др. Итак, не мужчина - а мальчик, отрок, не любовник - а брат, не жена - а сестра (и именно "названные" брат, сестра), не любовница - а "любимица". Следующая ступень отрешения - отказ и от этих связей. А далее, все круче поднимаясь по лестнице, ведущей от земли в небо, ЛГ вершит свой "единоличный" путь наверх одиноким паломником, "чистым духом". Отрешение, таким образом, есть путь полного САМОосвобождения.*

Перебарывание себя, превозможение собственной природы есть НАСИЛИЕ над собой. Почти всем разновидностям отрешения свойственна жестокость, причинение боли. Сравни жестокость к человеческому в себе (ср. *я с человеком в себе, как с псом: надоел - на цепь. П, 281*), подавление, укрощение чувств, бессердечие, жестокосердие, *самосуд* как суд "высшего я" над "низшим я", *расправа* с "низшим собой", вплоть до убийства "любимого" или "низшего себя", т.е. тела. Здесь необходимо сделать важные пояснения. Цветаевское отрешение - это не самоотречение в привычном понимании. Это отказ от земного себя - во имя СЕБЯ высшего (а не вообще полный отказ от себя). Таким образом, это не отказ от себя ради других, а отрешение от той части себя,

которая именно связана с "другим" - хотя бы и только с "любимым". Причем, это "другое" рассматривается не как самоценность, а лишь как имеющее отношение к "я", т.е. как "свое", так что вся ситуация отрешения рассматривается ЛГ исключительно под своим углом зрения. С этой позиции отрешение - чистый случай *саморанения*, отрешающийся - *эгоцентрик боли*, а борьба "самого с самим" - это *битва без злодейства* (ИП, 287), что таким образом как бы снимает момент жестокости и причинения боли "другим". Фактически же, отрешение от "нижнего себя" есть лишь особая разновидность сосредоточенности на себе (хотя и на "высшем себе"), оборачивающаяся болью для других, - и, как таковое, обратно самозабвенной альтруистической "милосердной" самоотрешенности.

За всем поведением ЛГ в ситуации 'отрешение' стоит высокая цель - быть на высоте "должного", т.е. 'высшего': идеала личности. Отсюда усилие ЛГ "не быть ниже высшего себя", т.е. не быть "просто человеком", и сознательное преодоление собственной "малости" (путем преодоления человеческого в себе ЛГ творит из себя "сверхчеловека", строит себя по образцу "героя", в осуществление заданной себе программы "как быть должно").⁷ С этим же связано оправдание жестокости. Героическое поведение ЛГ заключается в преодолении слабости и в проявлении мужества, поэтому суровость, крутость, безжалостность, сопровождающие отрешение, рассматриваются как проявление силы, твердости, смелости и расцениваются как *ВЫСОКАЯ беспощадность* (выделено мною - С.Е.), как героизм, как победа над собой (разновидность 'победы путем отказа'). Например, *презрение к телу* есть *доверие к духу* (Т1, 118), *самоубийство* - это *героизм тела* (Т1, 117), *отказ от любви* - *мужественности взмах* (ПР, 14). Типичный пример мужества ЛГ - преодоление своего пола. Напр. для женских персонажей это означает волевое преодоление "женственности", т.е. различных "немощей" женского пола, - мужественностью. Цветаевская героиня, т.е. ГЕРОИЧЕСКАЯ женщина, не ведет себя "по-женски", а поступает как героическая личность.

Показателем силы ЛГ является также умение владеть собой, напр. своими чувствами, своим голосом. Владение собой - это искусство, проявляющееся как способность играть, творить желаемого и должного себя. Это искусство "НАС возвышающего обмана". Так, "обман чувств" - это искусство справляться с собой,

управлять своими чувствами, скрывать нежелательные, человеческие чувства, состояние расслабленности и "расстроенности". "Обман голосом" - это искусство "лгущего" голоса, умение играть голосом, целенаправленно управлять им, например менять *стон, крик, плач - на пение.*

Все эти действия ЛГ по преодолению "низшего себя" - ничто иное как защитные средства, которыми 'высшее' (ср. *оборонительное божество в нас*) обороняется от 'низшего' в себе. Примерами такой 'самозащиты, самоохраны, самосохранения' являются обманное бесстрашие, спасительная ложь, деланная веселость. Так, *железное сердце, сердце в латах* (Т1, 150) - это охранительное жестокосердие, спасающее от "падения вниз": в *бездну, в пропасть чувств-страстей. Броня, личина "лгущего голоса"* скрывает голос земной души. *Смех*, деланный или вызывающий, - это средство самообороны (ср. Т1, 65), прикрытие *слез, страха. Песня "прячет" горе* и т.д.

В сознательном культивировании образцового героического поведения и насильственно прививаемых себе свойств, обратных искореняемым, заключается определенная искусственность, надуманность, намеренность. Сравни показательное *КАК БУДТО И ВПРАВДУ - не женщина я!* ИП, 165 (выделено мною - С.Е.), вскрывающее "сотворенный" характер неженского поведения цветаевских героинь. Поведение ЛГ есть игра. Цветаевский персонаж играет роль, принимает позу, делает жесты, надевает маску, строит из себя героя (напр. напускает на себя бесстрашие, безразличие, демонстрирует силу - одним словом, "разыгрывает" ГЕРОЙСТВО). Смех вместо слез (точнее сквозь слезы), песня вместо плача как спасительный прием - это хорошая, но все же "мина" в плохой, т.е. нежелательной для ЛГ ситуации (снижающей, унижающей его "высшее я"), которую он таким способом "переигрывает" в свою пользу, "исправляет", возвышает.

Приведем несколько примеров (подробнее конкретные мотивы ситуации 'отрешение' будут рассмотрены в отдельной статье "Отрешение как разновидность отказа от жизни", в приложение к описанию сит. 4).

МНЕ ХОЧЕТСЯ - не резон, а...обратный резон. Я - активист обратного направления: отказа. ПкШ; Так. Справимся. Знак равенства Между любовь и Бог с тобой. С2, 276; Бой с любовью Дик и жестокосерд. ПР, 17. Таковы, напр. жестокосердные решения

цветаевских героических женщин, предпочитающих смерть земной любви: *Ах, с... отвеса Вниз - чтобы в прах...* ПР, "Балкон"; так, героиня "Поэмы Конца" на предложение любимого уехать - как средство "устроить" жизнь, осуществить любовь в жизни, - предлагает свой жестокий вариант "маршрута": *яд, рельсы, свинец - на выбор, т.е. решает тему "уехать" в своем максималистском варианте ухода из жизни: Там где мед - там и жалко, Там где смерть - там и смелость... Так без женского крика и без бабьего вою - Разлучилась с тобой: разлучилась с собою. Н, 121; Мхом и медом дымящий плод - Прочь, последнего часа тварь!... Сарру-заповедь и Агарь-сердце - бросив... - ликуй в утрах, Вечной мужественности взмах! ПР, 14; Над миром мужей и жен - Та Оптика пустынь, Отдавшая - даже звон. Душа без прослойки Чувств Голая, как феллах. "П.В."*.

4.2. 'Перемена жизни: отмена старого, привычного, смена дома, измена земному, отключение от жизни (переключение с земного на "иное")' и пр.

Отказываясь длить неистинное земное существование, преодолевая состояние косной неподвижности, расслабленности, занеженности (мотивы 'засидеться, застояться', 'заплыть жиром', ср. *перестой, пересест, пересип, перекорм. "Крс."*; *жизнь, ты часто рифмуешь с жиром. ИП, 270*; мотив 'захваченность негой', сравни "пух" разнеживающих перин и женской лести. ПР, 138), ЛГ полностью меняет жизнь, разрывает с прошлым:

(i) уничтожает все "старое" (напр. сжигает "прошлогоднюю" *шкуру, кожу - старого, внешнего себя -, одежду*); отключается от всего привычного, отбрасывает жизненные дела и заботы как неважное, пустое;

(ii) бросает земной дом, устроенную жизнь: *насиженное место, опостылевшие уют, тепло домашнего стола*;

(iii) сдвигается с места (ср. напр. "сдвигание с места" домашней мебели, деревьев);

(iv) сходит с "жизненной" дороги, "выбивается" из привычной *колеи, покидает поезд жизни*;

(v) пускается в путь (сравни разнообразные *уезды, отъезды, отлети, уходи, выходи, бегства ИЗ этого мира, От этой жизни*).

ЛГ - это беглец, беглый, выходец, эмигрант. Его характерные свойства - *полная готовность к бегу (Т1, 136), легкость пере-*

мещения (Т1, 169). Движение из жизни есть путь, обратный земному. Если "все" - В жизнь, то лирический герой Цветаевой - ИЗ, ОТ жизни. "Все" живут, пребывают в жизни. Цветаевские герои - выбывают из жизни, ибо в ПМЦ аксиомно утверждается, что истинное движение НЕ осуществляется "на дорогах жизни".

Дорога, уводящая из жизни (сравни формулу-определение *верста: уводящая*. Т1, 108) и связанное с этим странничество, паломничество, бродяжничество - один из центральных образов сит. 4. Дорога понимается широко: как "путь" и как "средство, способ" С покиданием дома, привычного места, с пусканием в путь связано также преодоление "страха дороги", который заставляет держаться за обжитое и уже непереносное. ПкТ, 148;

(vi) изменяет земному, т.е. нарушает верность во всяких 'земных союзах'. Сравни "неверность" лирических героев Цветаевой, их "непостоянство" (или, что то же, "постоянство в измене", ср. *Как мы вероломны, то есть Как сами себе верны*. ИП, 73). 'Измена земному' включает:

- 'измену неистинным незыблемостям', косным учтойчивостям, ср. нарушение "оседлости чувств"; измена в земном браке: нарушение супружеской верности, разрыв со старым партнером; измена "домашнему" дому, жизненному долгу, напр. нарушение верности детям и т.п.;

- 'измену всему изменчивому', всему брэнному, временному, здешнему, сегодняшнему и т.п.

Примеры.

Снашивай, Сбрасывай старий день! ИП, 183; *И безудержно - мой конь Любит бешеную скачку!* - Я метала би в огонь Прошлое - за пачкой пачку: *Старих риз...* ИП, 60; *Оседлости прорвана черта!* ИП, 556; *Дом, это значит: из дому...Домом рушащимся - Слово: дом.* "П.К." (разрушение дома - это позиция героини поэмы, обратная "строительству дома" устремленного в жизнь партнера героини. Она рвется из дому, он - домой. Сравни толкование земного "домой" как детского комплекса собственности: "дай" и "мой", присущего "малым сим"); *все вещи сорвались с пазов.* ИП, 248; *Оторвись!...Отвались!...С мест!...Не жалеите...насиженных гнезд!...К черту всю биль с ее трехсолетними Lind'ами! ...Нам опостылел домашний фарш! Свежесть, которой триста лет - не свежа уже...опостылел молочный рис* (мягкая пища, "привычная

снесь" - это надоевшая жвачка для "беззубых", обессиленных, одомашненных, "чахнувших" в домашнем тепле, ср. в ватном отчем халате, - в застарелой несвежести протухшего, прокисшего земного быта) ...Прочь из нор...из школ ...из стойла...Мимо рынка, мимо кирки...Мыслью - вестью - страстью - выстрелом - мимо ... "Крс." (душевные страсти ЛГ противопоставлены как низкой бесстрастности, так и бездушным плотским страстям НМ; а вот еще "пути" выхода из этой жизни, средства, уводящие из НМ: Не штык - так клик, так сугроб, так шквал, - В Бессмертье что час - то поезд. ПР, 123); от земли не вечной... ИП; из лепрозория лжи и зла...из мертвого сна надгробий...из мира вражды и дробы...ИП, "Раковина"; каменной глыбой Выйду из двери - Из жизни. ИП, 177; от дел наших тошных. ИП, 130; из всякой плоти... Т2, 146; Так, выбившись из страстной колеи, Настанет день - скажу: "не до любви". С2, 266; Есть на свете поважней дела Страстных бурь и подвигов любовных. С2, 226; ср. Любовь? - Пустое! ИП, 255; от жизни-рядом вся ты оторвешься взглядом и душой. Н, 43.

Дети бегут из затхлого тесного Гаммельна, бросают надоевшее: дом, родителей, школу, пастора. "Крс."; героиня драмы "Метель" покидает свой родовый замок; деревья и поэты убегают из города, с улицы, с топочущих стога, спасаются от свалки потной, от рева рыночного, от прочности, от срочности. "Дер."; поэт бросает бранные радости этого мира, напр. бежит от зеркал, от плеч голых (т.е. с бала, от красавиц), ИП, 287; Муза удаляется от жизни: от пуговичных пустот, ..от истин куций. ИП, 478; В измену! Руслон разставаний, не встреч Реке моей бечь. НР, 240; лирическая героиня бросает земных дружков, ею же привороженных к себе (мотив 'обман, вероломство'), пускается в путь - Дитя разгула и разлуки - Но всем протягиваю руки, Тяну, ресницами плеча Всех юношей за край плаща. Но Голос: Мариула, в путь! И всех отталкиваю в грудь. ИП, 153; своего рода измену, "предательство" совершает Тезей, отказываясь от Ариадны: покидает ее "обманом", спящую, "предает", т.е. передает в руки Вакха. "Ар."; Бог, "изменяя" земной невесте-церкви, покидает храм, сквозь дичь и глушь чувств земной неистинной веры устремляясь ввысь. "П.В."

4.3. 'Переодоление земной ограниченности как нарушение

"сильной" границы, выводящее из НМ; "бег" как центробежное движение с преодолением препятствий; "рост" как перерастание, вырастание из неистинного'.

Выход из НМ связан с преодолением всех и всяческих земных пределов. Безмерная активная сила (т.е. СИЛА и ДВИЖЕНИЕ, а в случае человека еще плюс ВОЛЯ) потока Бытия, природы, стихии, творческой игры, живой души, личности, не умеаясь, в ограниченных рамках этого мира, ПЕРЕХОДИТ границу НМ, преодолевает препятствия, мешающие свободному движению, проходит МИМО, выходит ИЗ границ, перехлестывает ЧЕРЕЗ край, вырывается ЗА границу, за пределы этой жизни и этого мира. Сравни: *переступ, переход, перелет, переселение, через мост, через реку, через Лету, перешед вал, за пределы стен, за рубежи, за горизонт, выступив из берегов, разверзшие шлюзы, плотины, разодранные завесы, прорванный занавес, опрокинутые преграды, разрушенные стены и т.д.*

Предел? - Осиль! ("П.В."). Эта императивная формула - девиз ЛГ Цветаевой. Именно удовлетворение этого требования входит в цветаевское определение Истинного: тот, кто преодолел земной предел. Отсюда и формула-определение *поэта* (как меры "настоящего" человека): *Поэт - тот, кто преодолевает (должен преодолеть) жизнь*. РЦП, 243.

'Преодоление жизни' означает преодоление 'внешнего, поверхностного, материального, малого, близкого, простого, обычного, реального' и прочих разновидностей 'неистинного', характеризующих земную жизнь. Преодолением материальных форм жизни является, напр. преодоление цвета этого мира - светом того мира. Так, преодолевается: красный - цвет материи, плоти, крови, жара, страсти; "простой" белый - цвет белого света, дня; "низший" черный - цвет земли, грязи; зеленый - цвет молодого, "влажного", напр. зеленого леса, и т.д. Разновидностью преодоления жизни является преодоление "жизненного себя", т.е. преодоление "природной границы", "человеческого предела", в частности мужского или женского, напр. зова пола, страсти.

'Выход за пределы первого, низкого уровня жизни', за рамки всех "жизненных теснот" - пространственных, временных, социально-этических и прочих - включает, напр.

- 'выход из неистинного пространства' (территориального, географического, физического, социального и пр.), ср. из до-

ма, за окно, с улицы, из города, за пределы земли, реальности, из жизни, из школ, со службы, за границу пространства, за границу пяти чувств, из области видимого и вещественного, из физики, из кожи, из тела, из дел;

- 'выход из времени, из реальности', напр. уход из жизненного *Præsens* (реального, простого, конкретного, краткого сиюминутного "сейчас", навязанного нам, ср. *своеволье дней*; *СЕЙчас-страна*, - или обычно-повторяющегося "как всегда", т.е. временного аналога 'старого, обычного, косного'), разрыв со своим временем, с веком, выход за пределы современности, за границу времени. Свободное обращение с пространством и временем, характерное для цветаевского поэта, - пример 'поэтической воленности', сравни право мифотворца *перемещать годы и версты*.

Напомним, что НМ представляет собой тесный замкнутый круг. 'Круг, кольцо', заключающие в себе земное содержание, имеют в ПМЦ смысл предельности, конечности, смерти. Отсюда образ *мертвой петли*, которой оборачивается так называемая жизнь. Плененность, задушенность жизнью есть состояние окольцованности, загнанности в безвыходный круг, в петлю. Например: Пушкин *в кольце николаевских рук*. ИП; поэт *в тройном кольце бита*. П; Маяковский уподоблен опутанному змеинными кольцами Лакоону. Т2, 22; поэт на арене Политехнического музея в Москве - это *жертва, удушенная кольцевыми движениями удава (амфитеатра)* Т1, 202; женская страсть, женщины для Ипполита - это *кольцеволосие змеи, душительница*. "Ф.", сравни *удавку влюбленности*.

Закон НМ - 'земное притяжение', 'движение к земле', 'в круг' ('вниз, назад', сравни также конечность земного пути: *земные дороги коротки*.). Обратное ему - 'тяготение ОТ земли' и 'движение ИЗ круга': размыкание круга, разрывание кольца, выход из круга. Сравни 'выход из круга': из круга семьи, из любовного круга-тупика (ср. размыкание объятий), из круга друзей, из круга людей, из планетного круга.

Наиболее типичной формой 'движения от неистинного', в применении к самодвижущей силе, является *бег* (в широком смысле, т.е. это и *скоробег*, и *полет*, и *плаванье* и пр.): безостановочное центробежное движение, бесконечный *побег от* всего земного, "бег с препятствиями" и постоянное взятие - собою установленных - барьеров, бег за удаляющейся целью, ибо всякое

данное, "то, что есть" воспринимается цветаевским бегуном как предел, постоянно отодвигаемый и отбрасываемый как ненастоящая цель. При этом дух бегущего отождествляется с самым бегом, который "опережает" тело бегуна.

Графическое изображение 'преодоления земных пределов' и 'непрерывного выхождения из круга': стрела, ориентированная, как весь ПМЦ, по вертикали, разрывающая бесконечный ряд колец "земной цепи", каждое из которых больше предыдущего. Интересно отметить, что именно эти символы - *прямая*, уходящая в бесконечность, и *круг* - графически являют два различных типа поэтов: *с развитием* и *без развития* в цветаевской классификации, основанной на анализе сущности поэтов (МД2, "Поэты с историей и поэты без истории"). "Двойная сущность" самой Цветаевой, как действующего лица ПМЦ, по данной классификации, является совмещением обоих типов. Ее знак: *прямая* и *круг*. Точнее, конфликтное единство прямой и круга: *прямая*, пронзающая, разрывающая *круг*, - как "графическая формула" преодоления жизни.⁸

Своеобразным вариантом 'бега' является *рост*. Неслучайно приравнивает Цветаева *росток* и *побег* (то что растет, бежит и сам "акт-состояние" ростка, побега), выявляя и подчеркивая их основное свойство - 'активное движение от'. *Росток* значит *отрастает от*, *побег* означает *бежит от*, *побег от ствола*. Т1, 325. Итак, 'рост' - это заложенный в самой природе закон внутреннего изменения, развития, перерастания, вырастания из малого, преодоление низшего, что включает - обязательную для последующего возрождения - стадию полного уничтожения, умирания старого (ср. *закон зерна*).

В ПМЦ мы выделяем два основных вида 'роста': 'естественно-природный' и как бы 'искусственный'. Пример естественного роста - созревание в процессе старения, сопровождающееся ослаблением жизненных функций и внешних материальных проявлений жизни. Для человеческих персонажей ПМЦ это выражается, напр. в ухудшении зрения, слуха, памяти и пр. (имеется в виду восприятие на внешнем поверхностном уровне "пяти чувств"), в потере вкуса к жизни, в угасании земных желаний. Однако для преобладающего типа ЛГ Цветаевой характерен "ускоренный" способ роста, а именно, волевое саморазвитие как перерастание, вырастание из малого, низшего себя, преодоление, уничтожение человека в себе, - т.е. "катастрофическое" развитие. Напр. ЛГ не

делает того, что соответствует низкому уровню обычного среднего человека, перерастая "малого себя", рвется (выходит, вылезает, выпрыгивает) из себя, сознательно выводит из строя свой жизненный организм (сравни "искусственное старение" как результат намеренной атрофии).

Особой разновидностью 'роста' является 'творческий рост': 'естественный рост' и 'сознательное целенаправленное самозидание', сравни соответственно, два типа творческой личности: естественно-растущая и сознательно строящая себя.

Всякий рост сопровождается освобождением от лишнего, ненужного, ненасущного, будь то в форме произвольного отпадения (ср. естественный распад отжившего или "утеря" в ситуации 'беда', напр. пропажа, пожар) или в форме сознательного отбрасывания как основного приема самоосвобождения ЛГ. Это та необходимая потеря, включающая болевой момент, через которую и совершается рост, именно в этом смысле *рост - жесток*. (ПкТ, 158). "Расти от потерь", "теряя - расти" - в этом же заключается и "рост души".

Движение, преодолевающее мертвую земную ограниченность, абсолютизируется в ПМЦ до идеи Бога. В цветаевском определении Бога явлена его суть. Бог у Цветаевой - *растущий*, другое имя Бога - *бег*, что для сит. 4 равносильно отождествлению Бога и побега.

Примеры.

Сильные потоки СВЕРХ рта и МИМО рук Идут...И мимо проходила Вода, как жизни - сон. ИП, 557 - безмерная ирреальность творческого "сна" больше и выше малой низкой реальности, вне и над жизнью; За предельные пределы Станций! Понимаешь, что из тела Вон - хочу! (В час тупящихся вежд Разве выступаем - из одежд?) ...За потустороннюю границу: К Стиксу! ПР, 125; Из всех Тарус, стен, из собственной кожи - выход! N2, 146; сравни выход из жизни как вычеркнуться из зеркал... выписаться из широт. "Пркр."; Все поэты из кожи действительного мира лезут...из физики... Т1, 23; Почвенность, народность, национальность, расовость, классовость...все это только поверхность, первый или седьмой слой кожи, из которой поэт только и делает, что лезет. Т1, 372; свободное движение мощного поэтического гения Пушкина, пленника российской действительности, преодолевает русскую кос-

ность - жизни и судьбы (ср. на кашалотвей Туше судьбы - Мускул полета, Бега, Борьби. "Ст.к П.").

Геройством и доблестью отмечено в ПМЦ и все, что из круга тщится ("Ф"). Примеры: единоборство с удавом - героически со- владавший с залом Политехнического музея Волошин. Т1, 202; Лакоон, разрывающий кольца змеиного плена. Т2, 22; ребенок- Цветаева, раздирающая нарядную кофту-удавку удушающей благо- воспитанности. "М.П."

Душевная любовь (любовь по выбору души, по влечению серд- ца) и тем более любовь в духе есть именно пробитые тупики и раздвинутые границы рождения и крови. Т1, 126. Таковы много- численные цветаевские "союзы душ", родство по избранию. Срав- ни примеры "названного", "нареченного", "духовного" сына, от- ца: арап Ганнибал и Петр ("Ст.к П"), Гринев и Пугачев (так, дворянский сын любил Пугачева вопреки: всей обратностью своего рождения, воспитания, среды. Т2, 286), молодой поэт русского Зарубежья 20-х годов Гронский и Державин (поверх... Пастерна- ка, Мандельштама, Блока и даже Лермонтова... обрывая все кров- ные связи с поколением... родство духовное: не случайность, а выбор, не неволя, а свобода... Преодоление собственного возрас- та, всего соблазна и всех самообманов современности, преодоле- ние полутора столетий. Т2, 124).

Безостановочно: "рачьте дале"... Безумно люблю этот крик кондукторов, жестокий и творческий, как сама жизнь. Это она кричит - кондукторами! ПКТ; Я емь - бег. ИП; в опережающем тело бега... С непоспевающей за движеньями Тенью, теряемой на изломах Бега. "Ф"; дух - вожатаем, тело - за версту... ИП; О, его не привяжете К вашим знакам и тяжестям!... Разводными мос- тами и Перелетными стаями... Бог - уходит от нас. О, его не при- учите к пребыванью и к участи! В чувств оседлой распутице Он - седой ледоход. О, его не догоните! В домовитом поддоннике Бог - ручною бегонией На окне не цветет!... Ибо бег он - и движется. Ибо звездная книжица Вся: от Аз и до Ижица - След плаща его лишь. "Бог" (стихотворение иллюстрирует многие из выделенных нами мо- тивов сит. 4); сравни славословие Богу побегов. С2, 128; в оп- ределении Вакха, появляющегося в поэме "Ариадна" только как Голос, - Бог, перефразой, раскрывающей его содержание, дан как бег, отменяющий предел как таковой (ср. Раздвинутая граница... Пределам твоим предел).

Душа от всего растет, больше всего же - от потерь. ПкЧ; ...выросшая из потерь... ИП; Рост - жесток. Я не расцветала просто - как цветок. В ходе роста ЛГ, как из малых одежд, вырастает из дней, из дел, из возраста, вылезая как змей из старой кожи, отбрасывая негодную шкуру (ср, сношенная кожа, старые ризы и пр. - вся пустопорожняя дань земле, которая в землю и возвращается. ИП, "Змей"). Сравни "перерастание" молодости: Как змей на старую взирает кожу - Я молодость свою переросла. ИП, 184; Молодость моя! Моя чужая молодость! Мой сапожок непарный!..Ничего из всей твоей добычи не взяла задумчивая Муза, молодость моя! Назад не кличу: Ты была мне ношей и обузой... (Скипетр тебе вернув до сроку... ИПь 185. Молодость - это незрелая пора "зрячих ошибок", неистинных желаний возраста, пола, крови, ненужных "добыч" и "присвоений", от которых "отчуждается" выросшая из "детских болезней" повзрослевшая душа (сравни уподобление раздробленности, малости земных дней и дел "десятиричной кори", которой подвержена незрелая душа).⁹ Примером сознательно-волевого роста является Тезей, который мужает не только в бою, сражаясь и побеждая чудовище Минотавра, но и в борьбе с собой, побеждая "зверя плотской страсти". Отказываясь от Ариадны, "переступая" через земную "лежащую" любовь, Тезей преодолевает "мужской предел", перерастает земного себя. Еще более наглядный пример "катастрофического" роста - лирический выстрел Маяковского, "вырастающего" в смерти, через самоотказ от жизни перерастающего человека, пролетария в себе. (Н).

5. 'Протест, бунт, мятеж против жизни, вызов миру'

В ситуации насильственного контакта с чужим, низшим НМ, ощущая свою отдельность, особость, превосходство, ЛГ по закону исключительности:

(i) не сливается со "всеми" (ср. белая ворона среди темной серой массы, черная овца, отбившаяся от стада), не растворяется в массе (ср. скученности), не уподобляется стаду, своре, не участвует в хищническом разбое черни;

(ii) не поддается счету (ср. единственный - вне), учету (ср. "непредугаданность" ЛГ), не включается ни в какие унифицированные упорядоченности НМ. Напр. ЛГ отсутствует (не числится, не вписывается, не умещается) в массовых "организациях" (ср. бессмысленный ряд нулей, скопища безликих мертвецов), в "тираж-

ных изданиях", ср. справочники, календари, хрестоматии, словари, карты, паспорта (неподвижное, ограниченное, общедоступное, утилитарное, регламентирующее и т.п.). Типичное действие ЛГ - это исключение себя из круга, из ряда. ЛГ не вступает в круг, не становится в ряд, выходит из круга, из ряда. Отношение ЛГ с миром - это конфликт "одного" против "всех", "личности" против "общего". Сравни *мятеж одного против всех; заговор одиночек против масс* и личную позицию лирического "я", знаменитое цветаевское *одна из всех...противу всех*. ИП, 168;

(iii) не подчиняется общепринятому порядку, не признает неистинных авторитетов, навязываемых личности "всеми" или главной земной властью (государство, царь, земной бог, церковь), не делает "положенное", а, напротив, делает "неположенное", т.е. нарушает законы, нормы, правила, меру НМ, протестуя, бунтуя против мира, этой жизни, разрушая саму систему *La Chose Etablie* (при этом 'бунт', как правило, сопровождается разрушением - совмещение с мотивом 'уничтожение неистинного').¹⁰

Особой разновидностью 'бунта' является 'мятеж стихий' (в том числе высших стихий Музыки и Слова) - силы, не подчиняющейся человеческим законам.

Что касается 'протеста против земного бога и церкви', то он выступает у Цветаевой как часть общего протеста против человеческого "искажения" высшей сути Бытия, Верховного божественного Высшего Замысла. В целом, неверие ЛГ в бога, непризнание бога, отход от церкви не есть атеистическое безверие. Это воинственное иноверие, протестующее против земного бога: конкретно-материального, местного, церковного, "одомашненного", упрощенного, сниженного, внешнего, ложного. Наиболее типичные мотивы: нецерковность (несоблюдение церковных обрядов, заповедей, непосещение церкви и т.п.); бунтарское непослушание, вызов богу (ср. "оспаривание" бога, "меряние силой" с богом), богоборчество, демонизм, еретизм и пр.

Нарушая, опровергая порядок НМ, лирический герой Цветаевой тем самым утверждает свою свободу от этого мира: от малости земного масштаба, от узости жизненных рамок, от низости простых истин, от заурядности общего мнения, от ограниченности общих правил, от убогости здравого смысла,¹¹ от несправедливости правоты большинства, от неистинности земного суда и т.д. (мотив 'независимость, своеволие, свобода', сниженным вариантом кото-

рой является 'дикая воля'). Как правило, нарушения порядка ИМ лирическим героем носит характер эпатирования, дразнения, оскорбления нормы поведения, несоблюдения правил приличия, неуважительного, неучтывого "вольного поведения" (мотив 'вызывающая, дерзкая вольность'), ср. *визов, выпад, аффронт, фронда, вызывающее отталкивание от общепринятого.*

'Независимость, своеволие, свобода' и 'вызывающая, дерзкая вольность' - это разновидности мотива 'вольность'. Сочетание 'вольности' и 'чрезмерности' (высшая степень интенсивности, отрицающая само понятие меры, что часто проявляется как крайность, необузданность, несдержанность) дает 'безмерность'. В терминах сит. 4 'безмерность' означает БЕЗ, ВНЕ меры, т.е. отрицание, отмена меры. Другими словами - нарушение меры 'положенного' и 'малого, умеренного'.

Наиболее общее определение ЛГ - преступивший земное. Безмерность - его отличительная черта. "Вольна" и "чрезмерна" вся физика цветаевского героя. Сравни, напр. вольность поз и языка цветаевских персонажей (ср. поворачивание *спиной, задом; нагловзорий, соленый* Пушкин), одежды (ср. *распахнутость, расстегнутость, отсутствие одежд*), "вольность" волос. "Буйные" волосы (ср. *дикие косми, гривы, кудри*) - одна из самых типичных примет облика ЛГ. Сравни обилие волос (*копна, грива, лес* волос), "вольный" беспорядок: *растрепанные, разметанные, развевающиеся* волосы - это пример 'свободы', с оттенком мятежной и даже дикой воли, выражение стихийности, бунтарства, демонизма, а *распущенные* волосы - пример 'вызывающей вольности', одно из проявлений вольного, "распущенного" поведения ЛГ.

Напомним, что инвариант ЛГ Цветаевой - это *душа*. 'Безмерность' ЛГ, следовательно, это прежде всего 'душевная безмерность' как сочетание 'душевной вольности' (душевная свобода, своеволие души, напр. свобода чувств, вызывающая вольность чувств) и 'душевной чрезмерности', несдержанности (напр. безмерность чувств, ср. *неистовая страсть, душевная ненасытность* и т.п.).

Цветаевскому поэту, помимо 'душевной безмерности', присуща 'поэтическая безмерность'; 'поэтическая вольность' (соответственно, 'поэтическая свобода, своеволие' и 'поэтическая дерзость') и 'поэтическая чрезмерность'.¹²

Наиболее типичным проявлением 'душевной безмерности' цве-

таевского поэта является 'демоническое бунтарство', 'душевное своеволие' и 'душевная стихийность', а проявлением 'поэтической безмерности' - 'поэтическая вольность'.

'Поэтическая вольность' - явление творческой силы, "отрывающейся" от всех посягательств на ее свободное самовыражение. 'Поэтическая вольность' есть право поэта на так называемые "поэтические вольности" - неизбежные "жертвы и предпочтения" поэта.¹³ Примером 'поэтической вольности' является своевольно-свободное от реальности мифотворчество цветаевского 'художника', творимый им миф, равно как и сам мифотворец. Поэтические вольности - это те же позы, жесты, отражающие, напр. в сфере литературы сущность поэта и его отношение к миру.¹⁴

Примеры.

С волками площадей отказываюсь - вить. ИП, 336; здесь меж вами...не слюбившись с вами, не сбившись с вами... ПР, "Эмигрант"; ...Не числящимся в ваших справочниках... ИП, "Поэт", сравни там же об особости стези поэта - всегда и только "своими путями" - и "поэтовых затмений", "не предугаданных календарем; час Души "не числится на часах". ИП, 247; вольная любовь - "не значится в паспортах" (ср. ложь паспортов), безмерные чувства и слова - вне штампованностей постоянств, не вмещаются в печатные бланки, телеграммы (цикл "Провода"); В здешнем порядке вещей я непорядок вещей. "П. и вр."; мне, ни в чем не знавшей меры... ИП; некоторым - не закон...не устав. ПР, 15; Это - заговор против века: Веса, счета, времени, дроби. "Дер."; На смех и на зло: Здравому смыслу... ИП. 141; Люди спать - ты саблю точишь, В церковь - псов из ручек кормишь - О "беззаконнице" Царь-Девице; сравни вольные сны лирических персонажей. Ц., сны-видения как опровержение действительности: В других городах, В моих (через край-город) Мужья видят дев Морских, жени - Байронов, младенцы - чертей, Служанки - наездников ("незаконное" содержание этих лирических снов обратно нормальным, прозаическим снам добропорядочных гаммельнцев, ср. муж видит жену, Жена видит мужа, Младенец - сосбк...Служанка - очаг...), "Крс."; Если вам скажут: Так НИКТО не делает (не одевается, не думает и т.д.) - отвечайте: А я - КТО! ТИ, 441, "Детям". Именно так своевольно, вызывающе, дерзко ведут себя все "из ряда вон выходящие" личности ПМЦ. Например:

-- Волошин, ср. *вожатый душ, а не масс...* В проходном дворе всеравенства - перст главенства... В век: "Распевай, как хочется НАМ - либо упраздним, В век скопищ-одиночества Вдох: "Хочу лежать один! НП, "Ici haut"; ср. "Ж.о Ж."

-- Сонечка, это сплошное выхождение из круга. "Пов. о С."

-- Пушкин-самовол. Сравни бунт бушкинский, его поэтическое своеволие, безмерность гиганта, свободного от "карликовых" мер, ср. *самый вольный, самый крайний лоб*. "Ст. к П.". Пример пушкинской 'поэтической вольности' - его "Капитанская дочка", свободный вздох души поэта, творящей миф о Пугачеве вопреки низкой исторической правде. "П. и Пуг." (миф - это *ripост* поэта-лирика на ущербную действительность малых, низших правд НМ; к сит, 4 относится разрушительный аспект мифотворчества: миф как вызов действительности, опровержение, уничтожение реальности). Пример 'вызывающей вольности' Пушкина - его неэтикетное и даже неприлично-дезкое поведение в нарушение земной иерархии (*не стоял по струнке*, ср. *вертлявый*; ср. *непринужденный поклон царю; на стол Вспрыгнувший при самодержце*. "Ст. к П.").

-- Гринев (тот же Пушкин), НЕ целующий руку Пугачева периода его "царствования", "П. и Пуг" (Отметим, что так же вызывающе ведет себя ЛГ в ситуации "побежденный и победитель", где, подобно ситуации "подчиненный и государь", ЛГ занимает, по законам этого мира, низшее положение. Сравни надменно-гордый взгляд свысока "сбитого седока", амазонки Пенфезилеи. ИП, 259).

-- Цветаева, ребенком читающая "Капитанскую дочку" и отождествляющая себя с Гриневым-Пушкиным: *раз все вокруг шепчут: целуй руку!*... - ясно, что я руку целовать НЕ должна. Я такому круговому шепоту отродясь цену знала. "П. и Пуг." (не примкнуть ко "всем", не поддаться общему мнению, в данном случае "КРУГ-овому шепоту" означает 'невхождение в круг').

Жив, а не умер Демон во мне... Мир - это стены. Выход - топор. ИП, 271; сравни бунт детей, уничтожающих будильники, школьные предметы, отметки и пр. "Крс."; вещи, взбунтовавшись против своего униженного рабского земного существования в качестве презренной УТВАРИ, неодушевленных "предметов", "мебели", - "взрываются" (ср. *нрав сказался вещи... бес взиграл*), "выходят из себя", т.е. из состояния покорного претерпевания своей не-

жизни, ведут с человеком войну по принципу жестокой мести, сравни напр, мечь *утеса*, раздробленного на камни для строительства дома (*Камень требует головы* - падает на голову человеку), мечь *леса*, распиленного на рейки строительных лесов, с которых якобы случайно и падает человек ("П.Л.").

*Музыка есть аффронт - Смыслу здоровому...Музыка - есть - бунт...Музыка - это раскрепощение фурий...бестий...бунт архангела...за фортепьяно - ведьма...бесня...музыка - есть...черт... демоны...с демонами в родстве бард... "Крс."; сравни демонскую гордыню в облике поэта: *лба осиянный свод Надменен до бесчувствья...в каждом повороте головы - целая преисподня*. НП, 203; *...и слишком гордый вид*. ИП, 63; *Душа, не знающая меры, Душа хлиста и изувера...Душа, не съевшая обиды, Что больше колдунов не жгут...Скрежещущая еретица - Саванароловой сестра - Душа, достойная костра!* НП, 129; *косматая звезда...волосатая звезда...спешащая в никуда из страшного ниоткуда...между прочих овец приبلуда*. С2, 101 - о поэтовой "кометности", сравни *гривастая кривая*, т.е. "хвостатая" комета как символическое определение поэта. ИП, "Поэт". "Волосатость", "косматость", "хвостатость" - это типичные приметы нечеловеческой, демонской природы цветаевского ЛГ, что в первую очередь относится к поэту, певцу. Сравни *беспутные кудри Марины* (ИП, 162) и *курчавого мага Пушкина* ("Ст. к П."), "летащие" волосы Бальмонта, "ореол" развевающихся кудрей Белого (Т2, 92), "неукротимость" вьющейся львиной гривы Волошина, а также "косматого коня", как в варианте дикого коня на вольной цыганской свадьбе (ИП, 120), так и небесного огненного коня ("На кр.к.").*

Заповедей не блюла, не ходила к причастью... ИП, 71; позабыл иконам Класть поклон земной. ИП, 385; *Какое дело НАМ до той слюны, Названной ЗДЕСЬ молитвой?!* НП, 203; *Без Христа - без креста...* ИП, 118; *Всяк храм мне пуст*. ИП, 305 - как сказано о земной церкви, покинутой Богом, об отсутствии в ней божьего духа; *Узнаю тебя, гроб, как тебя ни зови: В вере - храм, в храме - поп, - Вечный третий в любви!* ИП, 278; сравни *цветаевского монаха без молитвенника*, а также пример верующей души "без креста", предсмертный жест отстранения от креста, - "открещивание" бунтарской души, принадлежащей высшему (ср. *Неба дочь!*), от ложных форм веры: *нежной рукой отведя нецелованный крест...* ИП, 168. Сходный жест - "сбрасывание креста" Богом,

"воскресшим из церквей", ПР, 46 (самоотделение Бога от церкви - пример "самоотлучения" от 'неистинного'). Примеры вызова бога: "отодвигание прелестной чаши от грозных и розовых уст Бога" как проявление дерзкого, непокорного поведения ЛГ, ср. *я знаю, кто этой чаше хозяин...Но...* ИП, 178; "ратоборство" Тезея с Вакхом, ИП, 677; подобно титану-богоборцу Прометею, вырвавшему у богов огонь, цветаевский поэт "вырывает" у богов "дар": *Бег* (символически соотнесенный с творческим огнем), ИП, 261; протестующий отказ от жизни (ср. *Пора - пора - пора Творцу вернуть билет.* ИП, 337), крайним выражением которого является самоубийство, последний вызывающий земной жест, *самосуд*, игнорирующий церковный запрет на самовольное прерывание жизни. Как во всех случаях конфликтного контакта ЛГ с миром, воинствующее неприятие церковности доходит до активных действий по уничтожению неистинного. Сравни, напр, уничтожение церкви - *храмов, священных книг*. Своеобразным "разрушением храма", в варианте 'самоуничтожение', является отделение *шпиля* (высшее, дух) от здания *храма* (низшее, тело), "П.В."

6. 'Уничтожение, гибель неистинного'

При рассмотрении всей совокупности мотивов этой группы необходимо иметь в виду активный, сознательный характер поведения ЛГ. В частности, дематериализация в ПМЦ, как правило, происходит не "сама собой", а вызывается намеренными действиями ЛГ. Этот тип насильственной дематериализации: разрушение, уничтожение материи, осуществляемое по отношению к "другому" или к себе (саморазрушение, самоуничтожение как разрушение, уничтожение земного, жизненного, низшего себя) - преобладает над естественной дематериализацией, вне активного участия ЛГ напр. в процессе старения. В этом отношении сит. 4 есть, преимущественно, описание разрушительной и саморазрушительной деятельности лирических героев Цветаевой и различных типов разрушителей, уничтожителей, включая убийц и самоубийц.

6.1. 'Дематериализация (распадение и разрушение материи): освобождение от земного груза, сбрасывание веса, истончение плоти, развоплощение реальности, разрушение земной оболочки (снятие "одежд", "чехлов", "покровов", сбрасывание "земных примет"); деформация как результат дематериализации (утрата предметности, потеря "земной достоверности", изменение земного об-

лика) '.

'Дематериализация' есть осуществление "закона всех отсутствий" ("П.В."). Укажем наиболее типичные ее разновидности.

(i) 'Обезвоживание, обесцвечивание'. Так, иссушаются тело, листва, реки, слезы и даже звук (сравни сухой *сребролетейский плач*), уничтожается вся брэнная *пестрота* НМ.

(ii) 'Уничтожение тяжести'. ЛГ освобождается от земного бремени, от всего отягощающего душу (т.е. крылья), "сбрасывает" все жизненное как тяжелый крест, напр. груз тела, пола, возраста, "накопленной клады", земных дел и забот. Потеря весомости является также результатом преодоления земного тяготения в процессе движения от земли, что сопровождается разуплотнением земной "атмосферы". Избавление от лишнего груза является необходимым условием 'движения к высшему'. ЛГ пускается в путь к новому "налегке", перед дорогой освобождаясь от всего ненасущно-необходимого, не берет с собой в дорогу ничего и никого.

(iii) 'Уничтожение, исчезновение внешних, ненасущных земных форм'. Напр. ЛГ избавляется от поверхностной земной "оболочки", от всех "земных примет", сбрасывая "прах" земных "вторичных" необязательных признаков, это "почти что платье", как сказано о возрасте, сословии, имущественном положении, партийности и т.п. (Т1, 152). Эта разновидность 'дематериализации' теснейшим образом связана с деформацией того, что дематериализуется. Назовем типичные мотивы.

- 'Срывание покровов, разбивание чехлов, футляров'.

- 'Снятие одежд, украшений'. В сбрасывании одежд ЛГ доходит до крайности - до полного обнажения, вызывающего раздевания "догола" (с точки зрения ЛГ - "до души", оголение в терминах сит. 5 есть выявление главного, обнаружение "голой" сути).

- 'Сбрасывание кожи, тела'. Яростно отталкиваясь от всего внешнего, ЛГ в своем максимализме рвется и вырывается из тела, буквально "вылезает из кожи" (в том числе и в смысле интенсивности усилия, силы "рвения"), безжалостно сбрасывая и отбрасывая даже эту наименее внешнюю из одежд" тела, которое само является лишь земным "нарядом" души. Как и раздевание, вылезание из кожи, из "старого себя", сбрасывание тела осуществляется часто как вызывающе-надменный акт самоотчуждения, в процессе перерождения (сравни пример отчуждения от молодости).

- 'Дематериализация (разрушение и распадение) и деформация предметов утилитарного назначения':

-- предметов домашнего обихода (мебели, утвари), которые освобождаются от неестественных форм, навязанных им человеком, деформируются, теряя при этом свой обычный земной, т.е. "предметный" вид;

-- приборов, инструментов, пособий и пр., в которых "поймано", загнано в искусственные и тесные рамки, раздроблено, "посчитано", "узвано", поставлено на службу узким человеческим целям 'безмерное', например, время и пространство. Сравни такие "предметные" формы времени и пространства как *часы* (ср. будильники, карманные часы), дробящие, "разменивающие" Вечность на бренную мелочь земных дней и минут; *глобус* - "наглядное пособие", очевидно и достоверно демонстрирующее малость и ограниченность земных пределов. *Глобус*, как и *карта*, - разновидность "географического" словаря, где 'живое' втиснуто в 'мертвую упрощенную' схему, сравни тюремную клетку-решетку широт и долгот - сеть меридианов и параллелей, удавьиными кольцами опоясывающих земной шар.

- 'Дематериализация (разрушение и распадение) и деформация земного дома':

-- домашнего дома, напр. крыша обваливается, потолок "снимается", стены раздвигаются или прорубаются, двери срываются "с петель", пол "плывет", уходит "из-под ног" (ИП, 131), дом теряет черты домашности (ср. *без всякого тепла...пустующий*. ИП, 293);

-- церковного дома, напр. сбрасывается крест, отбрасывается "тело", т.е. само здание храма;

-- тела человека, этого земного дома души. Примером естественной деформации является деформация тела в процессе старения (ср. ссыхание, истончение плоти, поседение, стирание или утрата признаков пола, возраста, отключение всех чувств, ослабление жизненных сил и т.д.).

Естественное старение соотносимо с аналогичными процессами в природе, где старости соответствует осень. Сравни умирание "тела" леса: осыпающийся лиственный наряд, обесцвеченные краски (ср. "поседевший" пурпур", *осенняя седость...расплелось...и - обрывается связь...свитки рассыпающихся в прах риз... "Дер"*). Однако, как мы уже говорили, дематериализация в

ПМЦ преимущественно насильственная, так что типичным является искусственное старение, ранняя старость (ср. напр. *ранние седина*) - результат ускоренного саморазвития, либо самонасильственной атрофии, либо благого вмешательства, под видом "беды", "высших сил", разрушительно действующих на "здоровье тела". Соответственно, типично цветаевское явление старости в природе - не мирная картина осеннего распада, а сражение (напр. *света с цветом*), разрушение (ср. *вереск-потери...вереск-руины*. "Дер.").

В результате дематериализации от человека, в конечном счете, остается самое нематериальное: *голос, слух* или *голос и взгляд*, но, напр. *ни рук, ни уст, ни ланит*. Важнейшей разновидностью 'дематериализации' является 'уничтожение пола', причем основной удар наносится "слабому", женскому полу. Это включает скрывание пола, изменение пола и другие средства преодоления пола. Одним из типичных способов осуществления этого является уничтожение внешних признаков пола: *одежд, украшений, прически*. Например, ЛГ отказывается носить или сбрасывает с себя одежду своего пола, переодевается в необычное и т.д. В одевании и переодевании цветаевских персонажей - и мужских и женских - участвует, как правило, какой-либо наряд, лишенный специфически мужских или женских черт, или некое бесформенное одеяние, которое как бы стирает различия полов, придавая им облик так называемого "третьего царства". Напр., типичная одежда ЛГ, имеющая функцию скрывания пола - это *плащ*, в "просторах покроя" которого "теряется" тело, следовательно и пол. Плащ, кроме того, это не домашняя, а например дорожная одежда - всех странствующих по цветаевским дорогам, ведущим из жизни, мимо реальности. Плащ - наряд цветаевских путников, "высоких" обманщиков (сравни *лгущий плащ* поэта, мечтателя, музыканта, мага, учителя жизни и др.), "любителей подвигов".¹⁵ Что касается переодевания в одежду другого пола, то это относится, в основном, к женским персонажам Цветаевой, для которых преодоление пола более актуально, чем для мужских персонажей, поскольку "женское" значит "слабое", а идеалом в ПМЦ является сильная, мужественная героическая личность.

Преодевание в мужское, в плащ и прочие анти-женские акты цветаевских героинь, например сбрасывание женской одежды, бус,

колец, расплетание кос (как уничтожение типично женской формы прически) приводят к утрате женственности, к изменению женского облика. С преодолением женственности связывается для женских персонажей Ц. изменение жизни, преодоление женской судьбы.

Разновидностью 'изменения облика' является 'изменение имени'. Это может быть: незакрепленность, подвижность имени; перемена имени, замена псевдонимом как отказ от "земной предметности", "маской" (ср. "личина" не своего лица. "Пл.д."); отбрасывание имени, фамилии как "ненужных"; полная утрата имени, безымянность.

Примеры.

сброшенная клажа... ИП, 170; Дням конец. Негам (читай - камням). ИП, 467; Ранец? Снят. (бунт детей, "Крс."); все привяжи с меня, все грузи... ИП, 717; Книги и храмы людям отдав - взвился... Сброшен последний крест! Бог из церквей воскрес. ПР, 46 - "тело" души своей, т.е. тяжелое, мертвое, застывшее, рукотворное, человеческое, Бог оставляет внизу, земле (мотив 'земле - земное', так людям - нести тяжкий крест земной жизни), а сам воспаряет в небо. Сравни уже упоминавшийся пример со шпилем, который "роняет" вниз, на землю тяжелое тело храма. "П.В."

Выступать нагишом!... натоцак. "Крс." - сбрасывание одежд и сознательное голодание как средство борьбы с лишним весом; ...Куда - взять не смеет дитя - мать. ИП, 177 (якобы амбивалентная, фраза верна в обоих случаях: дитя не берет мать, мать не берет дитя); больше не вешу...оттяготела. "П.В."; Все признаки с меня, все мети, Все даты - как рукой сняло. ИП, 305; Все покровы сняв... ПР, 103; Сняв и отринув ключья последней парчи... ИП, 202; Раз музыкант - так гол. ИП, 527; Тело? - Мне нету дела! ИП, 261; Мои кольца - не я! Вместе с пальцами скину! Моя кожа - не я, получай на фасон! ИП, 558; Сластолюбивый роняю пояс, Многолюбивый роняю мирт. ИП, 184 - отбрасывание атрибутов любовной страсти; Сбросит дух Тело: чехол последний. ИП, 527.

Пример дематериализации путем саморазрушения: шкаф рассыпается, стул ломается, прочая мебель распадается, газ взрывается, посуда разбивается и т.п. "П.Л."; уничтожая время, останавливаются часы, от них отлетает стрелка. ИП, 609 (деформация циферблата - "лица" часов). Сравни "упразднение" летатель-

ного аппарата (*сплошное аэро - Сам - зачем прибор? "П.В."*) и аналогичную смену ненужного инструмента (*Не в инструменте - в нас Звук. Разбивайте дудки! "Крс."*).

Сравни развалины, "внежизненность" старого дома художницы Гончаровой: *все нежилое...беспредметность...вне людей...как книга, уже не нуждающаяся ни в авторе, ни в читателе...Дом, вшедший из игры...дом, современники которого спят вот уже четыреста лет...дом на снос. "Нат.Г."*. Деформация церковного дома: *церковный престол-алтарь - опрокинут, церковные ризы обесцвечены - земное золото, сиянье риз "меркнет" от огненной пены небесного коня, купол шатается и "рухает". "На кр.к."*.

А вот во что превращается человек: *Сивилла: выбившая из живых: выжжена...выпита...все жилы высохли. ИП, 198; та последняя форма человека, которая остается после сожжения: дохнешь - рассыпется. Т2, 120 - "последний портрет" Белого; подобно часам, останавливается или разбивается, со звоном, сердце человека - "часы" тела, отмеряющие его земную жизнь, ср. ИП, 610. "Жесточкой" разновидностью деформации тела является отделение головы от туловища (*Так плыли: голова и лира... ИП, "Орфей", ср. отсечение темени от плеч сброшенных. "П.В." и "обезглавливание" маков. ИП, 322*); *Не надо мне женских кос! Не надо мне красных бус!* "На кр.к." - вызывающий отказ ЛГ от "вечных женственностей". Отметим отсутствие именно этих атрибутов женскости у мужественной цветаевской Музы в образе Воина "в латах": *не черные косы, не бусы... ИП, 436. Сравни суровый наряд амазонки, весь облик "неженский" Царь-девицы (не то Воин, не то Ангел, не то Демон...без косиц...каска хвостатая набекрень...одета не то в латы, не то в ризы) и, соответственно, "немужской" царевича-деви. Бросая старую жизнь, героини Ц. покидают свой дом, обыкновенно закутавшись в плащ, сравни "даму в мужском плаще" (Метель); плащ и гусарский мундир превращают Генриэтту в беззаботного Анри ("Пркл."). Сравни наказ танцовщицы своей дочери (ИП, 147) "надеть мальчишеский наряд", чтобы таким образом избежать женской участи (ср. *Вся наша белая дорога У них, мальчишечков, в горсти*), т.е. *уйти дальше сердца - не попасться в сети, не дать в руки, вырвать свою судьбу из рук мужчины, жизни, и взять в свои, уйти по "белой дороге" девственности, безбрачия из жизни (ср. белоснежную чистоту "лилейных риз" Артемиды, ИП).***

Пример "подвижного" имени: Анри-Генриэтта ("Пркл."). Андрей Белый - вместо Бориса Николаевича Бугаева - знаменует *отказ от отца...и от веры, в которую был крещен...и от матери, звавшей Боря...отказ от всех корней, то ли церковных, то ли кровных* ("Пл.д."). Сравни "ненужность" имени - Бальмонту, фамилии - "Вячеславу" (Иванову), Т1, 172, 205. Еще большая степень освобождающей дематериализации в случае неизвестного имени, ср. *И - отменяя фамилии и даже первые буквы их - просто Жанна - (вся та Франция) и Ваня - (вся Россия) - и далее окончательное их преобразование, снявшее все земные приметы, в том числе различия языков: просто Иоанна и Иоанн. Т1, "Твоя смерть"*. Пример полного устранения имени как постороннего, условного земного наименования: Белый, отбросив "помеху" имени-отчества, называл "родную" Цветаеву *просто - Ви...Я у него звалась "Ви"*. Сравни как дорога, по которой бредут под "колокольным дождем" слепцы, *смывает и смывает имена смиренных странников...* ИП, 82.

6.2. 'Уничтожение, умирание старого, несовершенного земного как подготовка к новой совершенной жизни, необходимость этой предварительной ступени на пути к возрождению (ср. "закон зерна", "чистилище", "исправительная школа"); ЛГ в роли мифотворца, поэта, воина, врача, мага, учителя, проповедника, критика, судьи, карателя' и т.д.

'Уничтожение неистинного' связано с первой, разрушительной стадией процесса 'миротворчества', объединяющего сит. 4 и сит. 5 в едином акте сотворения нового мира путем преобразования старого мира. И эта жизнь, и этот мир, с точки зрения ЛГ, не *самоцель* и даны лишь затем, чтобы показать всю разницу между "этим" и "тем": "как есть" и "как быть должно". Сравни ответ Вакха Тезею о смысле его краткого земного союза с Ариадной: *дабы знали разницу между небом и дном. ИП, 680. Несовершенство же этого мира отбрасывает нас к иному, лучшему, не данному, но долженствующему быть, обратному тому что есть. Так, Бог (тот свет) - наш опыт с этим: все отшвыривает. Т1, 346. Этот мир, следовательно, как наглядный образец того, что НЕ НАДО, как отрицательный пример, необходим, для того, чтобы отталкиваясь от него, построить, по принципу обратности тот, иной мир (таким образом, НМ и ТМ - антимирры). НМ - это всего лишь сырой материал, предназначенный к переработке. Взгляд на этот мир*

как на средство достижения высшего определяет активное, творческое отношение к нему: не приятие, а преодоление (ср. *Всякое творчество... - перебарывание, перемалывание, переламывание жизни.* Т1, 296).

Миротворчество в таком случае есть сотворение иного мира путем преобразования "жизни, как она есть" (в "жизнь, как быть должна", т.е. 'миротворчество' принимает форму 'мифотворчества'). Конец старого мира знаменуется полным уничтожением всех земных форм материи, пространства, времени и пр. Например, уничтожаются не только различные фиксаторы земного времени (напр. часы) и временные разделители-ограничители (напр. годы, часы, минуты), но и само понятие времени (ср. *смяв время, как черновик... Ока последний взмах И некоторый миг Миру.* "Крс.").

Стадия смерти старого - то общее, что имеет миротворчество и явление роста в природе, в основе которого лежит "закон зерна". Существенное различие: во-первых, искусственный, сознательный, насильственный характер всех преобразований и перерождений, в отличие от естественности природного процесса, а во-вторых, специфика роста в ПМЦ, помимо естественного роста представленного искусственно-ускоренным ростом. Таким образом, "закон зерна" принимается ЛГ в качестве универсального закона 'движения от низшего к высшему' - закона творчества, роста в широком смысле и используется как сознательный прием и в области миротворчества вообще и строительства себя в частности (ср. *Зерном лечь, цветком встать.* "Млд." *Солдаты! До неба - один шаг: Законом зерна - в землю!* "На кр.к.").

Смерть, боль, жестокость как необходимое условие всякой "качественной" перемены оправдана "высшей целью", отсюда работа всех жестоких действий и средств ЛГ, в частности связанных с преобразованием мира.

Миро-мифотворческими функциями наделены в ПМЦ Верховные Силы: Бог-творец и его ставленники, "высшие силы", на которых и лежит задача исправления земной несовершенной жизни. Цветаевский Бог, верховный "вожатый" - суров, крут. Насылая на землю Беду (ср. час Грози, пожар, горе и пр.), пророков, учителей, поэтов, певцов, музыкантов - хранителей божественного творческого огня, носителей высшей истины на земле, воинственный Бог и воинство господне огнем и мечом карают и одновременно спасают мир. Именно в этом смысл благого воздействия всех сил

"нисходящих свыше" (ср. *огненный бич молнии, небесный огонь, свет, дождь, музыка, ночь, голос свыше и т.п.*).

Например, божественная музыка *омывает от современности*, уводит из НМ. Так, флейта Крысолова выманивает детей из скучного человеческого гаммельнского *рай-города*, а благой дождь перемен смывает с детей старую, домашнюю и школьную грязь, освобождая их от груза ранцев, глобусов и пр. "Крс.". Ночь, как истинное время суток, *час души*, устраняет шум дня, освобождает *от дневных уз*, скрывает ненужные частности и подробности внешней жизни, стирает цветовые, несущественные, различия, побеждает простой белый цвет дня. Действием высших законов духа на бренное тело объясняется иссушение плоти человека, старение (*седость - победа Бессмертных сил. ИП, 213; ср. непли седых волос*).

Наиболее полно совмещает в себе все мифотворческие функции Огонь и его еще более высокий вариант - божественный, небесный Свет. Уничтожая 'неистинное', огонь способствует полному обновлению мира (именно в этом смысле *жизнь ЖИВЕТ пожарами. ИП, 550, выделено мною - С.Е.*). Огнем уничтожается все сгораемое, бренное, ненасущное (ср. *Что не алмаз на огне - то шлак. ИП, 775*). Так, иссушается, испепеляется сырая материя, плоть мира. Сравни гибель "тела" (ИП, 198): дерева (*жил, листья, птиц*), человека (напр. *вещая Сивилла - это то же дерево с выжженной СЕРДЦЕВИНОЙ*). Уничтожение огнем прекращает недостойную рабскую жизнь вещей, сравни освободительный, очистительный пожар в доме (*Грязь явственно сожжена!..Ваши рабства и... главенства - ... валятся... рушатся. "П.Л."; Трещи, тысячелетний ларь! Пылай, накопленная кладь! Мой дом - над всеми государь. Мне нечего желать. "На кр.к."*). Уничтожая "имущество", огонь "страхует" от вещей, т.е. спасает самих имущих (*громоотводом-богоотводом застраховывающихся от стихий, от божеств*) - от имущества ("П.Л."). Освобождение от "вещественности" в результате насильственного лишения - это пример освобождения извне ("Кедр"). Небесный Свет уничтожает земной цвет, сравни осенний апофеоз как победу света над цветом (*Не краской, не кистью! Свет - царство его, ибо сед. Ложь - красные листья: Здесь свет попирающий цвет. "Дер."*). Подобно огню, уничтожающему грязь, свет Солнца, иссушая слезы Царь-девице, "выжигает срамоту" - некрасивое состо-

яние "неприбранной души". Глядящий на Солнце, ослепленный светом Адам, утрачивает близкое земное зрение, не видит "жизни-рядом", в частности Евы (ИП, 174). Горизонт: свет и даль, стирая реальность, побеждает цвет и пространство (ИП, 501).

Те же функции имеет творческий огонь поэта-мифотворца. Например, огонь поэтического вдохновения - лирический вымысел, "бред" души, "тот свет" потусторонних видений "растопляет" "всякую явь", "выжигает", очищает черноты жизни, преобразует черновой хаос, черновик жизни, которая служит лишь подстрочником Лиры (ср. *Стихи быт перемололи и отбросили*. Т1, 365). *Конь-огонь* (образ цветаевской Музы), иссушающий, сжигающий земную материю, - это несыйтый едок. Чтобы взметнуться огневой полосой - в небеса ему НЕОБХОДИМО "пожирать" все земное (ср. *где...дожнул - родник не бьет, где...махнул - трава не растет*. ИП, 132). Другой вариант Музы поэта - самосжигающаяся *Птица-Феникс* (ср. *самосжигаться на...творческом костре*. РА, 210), поющая *ЛИШЬ* в огне (выделено мною - С.Е.) и для своего возрождения требующая жертвенной пищи (*Все должно сгореть на моем огне! Я и жизнь маню, я и смерть маню В легкий дар моему огню...Пламень пишет с подобной пищи...* ИП, 135). Таким образом, лишь уничтожением земного "поддерживается" "высокая жизнь" цветаевской мифотворящей Музы, лишь из пепла жертвы рождается цветаевский поющий Феникс. Другими словами, этот мир абсолютно необходим для мифотворчества Цветаевой - для того, чтобы уничтожив его, сотворить иной мир, т.е. *ЗА СЧЕТ ЖИЗНИ* создать миф (выделено мною - С.Е.).

Мифотворец - это высший тип уничтожителя земного в ПМЦ. 'Уничтожение неистинного' (как крайний случай 'несоединения с неистинным') с преобразовательными целями - и есть общее содержание всей деятельности цветаевского мифотворца (в описываемой нами сит. 4), различными сторонами которой являются художественное творчество, врачевание, магия, учительство, проповедничество, критика и др. Подчеркнем, что во-первых, все разнообразные функции, как то: художника (в широком смысле), врача, мага, учителя, судьи и т.п., совмещает в себе единая личность ЛГ, а во-вторых, действия ЛГ направлены не только на внешний мир, но и на себя (ср. *...сам себе должен быть врачом, укротителем, конвойным...* Т1, 404), что проявляется как направленная против "нижнего себя" САМОдеятельность, напр. самоборство и самоуправств-

во (вплоть до самоубийства), самолечение (самообман, самогипноз, самовнушение), самодисциплина (самоконтроль, самоуправление, самонаблюдение, ср. *самоуправная зоркость*, самообучение, самовоспитание, самосозидание), самокритика, самооценка, самосуд (ср. *жестокий самосуд ума*) и т.д.

Исходя из установки, что этот мир нужен *КАК СРЕДСТВО*, а не как цель¹⁶ (Т1, 230, сравни там же: *самоценность мира, для поэта, вздор*), цветаевский мифотворец преодолевает жизнь, отбрасывает, исключает, уничтожает все неистинное, жертвует несущественным, отталкивается от низших малых "жизненных правд, отрицает, зачеркивает "тьмы низких истин", отрешает и отрешается от земного, очищая, исправляя неистинный мир, преображая жизнь. Цветаевский миф - это поэтическое "опровержение" реальности - *били, протокола*, т.е. якобы правды, а на самом деле низкого ложного вымысла. Сравни, напр. как "отводя" свою поэтическую и романтическую душу, Пушкин преобразовывает "исторического", реального Пугачева архивов и своей "Истории Пугачевского бунта", преображая его в "мифического" Пугачева "Капитанской дочки": *Низкими истинами Пушкин был завален, Он все отмел, все забил, прочистил от них голову, как сквозняком, ничего не оставил...* Т2, 299. Если творчество служит ЛГ еще и защитным средством от жизни и непозитического "жизненного себя", то мифотворчество есть сознательная самоохрана творчества от прозы жизни, от бытописательства и т.п. Сравни цветаевское определение мифотворчества: *то, что быть могло и быть должно, обратно чеховщине: тому, что есть, а чего, ПО МНЕ, вовсе и нет*, Т2, 66 (выделено мною - С.Е.) и примеры Гоголя, кн. Волконского, положительным "противовесом" противопоставленных Чехову, победивших "чеховщину" (ср. *местное, одоленное вселенским, бит - битием*. Т1, 169).

Избирательность, принцип "отсеивания" - закон творчества вообще и мифотворчества в особенности. Именно таково устройство глаза, слуха, памяти у цветаевского мифотворца, который не видит, не слышит, не помнит "несвое", неистинное. Сравни *цедкость глаза (сетчатки) и уха поэта ("П.В."), творческий принцип памяти...* - *несущественное, то есть 90 сотых забывает* (Т2, 66) и прочие разновидности "творческого сита" - "очень редкого решета", сквозь которое все мелкое ненасущное *проскакивает - dans le neant* (Т1, 121).

Любое средство в руках ЛГ Цветаевой служит целям мифотвор-

чества, в частности "орудие" всякого художника (ср. ...*кисти, шпаги или струн просят пальцы*. ИП). Однако первенство среди художников отдано в ПМЦ художнику поэтического слова - поэту, певцу, лирику. Это единый образ поэта-музыканта и недаром его орудие - не перо, а Лира.

ЛГ превращает любое используемое им средство и орудие в оружие, которым сражается со всем неистинным миром. Типичный ЛГ Цветаевой - это разоблачитель неистинного ("срыватель покровов и чехлов"), *воин, боец, борец, солдат, защитник мира высшего от мира низшего*. Страсти его - *боевые*, действия - беспощадно-жестокое (ср. *за око - око, кровь - за кровь*), оборонительно-наступательные, вплоть до открытых военных действий. В военном арсенале ЛГ: *меч* (в том числе *Лира-меч*, т.е. голос, слово поэта), *копье* (вариант: *стальной луч*), *шпага, сабля, щит, топор, лопата* (ср. *заступ*), *плуг, нож* (ср. *разбойный нож, лекарский нож, ланцет*), *камень, бомба, динамит, бич, хлест, яд* и др. В борьбе с врагом все средства хороши: ЛГ толпит врага в проруби (ИП, 264) *затапывает ногами, уничтожает руками, сжигает и т.д. и т.п.* Таким образом, если "мифотворец" - это как бы "содержательное" определение ЛГ, то "воин" указывает на бойцовский темперамент ЛГ. Ограничимся несколькими примерами агрессивных, разрушительных действий ЛГ по уничтожению 'неистинного' (поскольку многое из цитировавшегося в данной статье иллюстрирует этот мотив):

Св. Георгий копьём пронзает *гада*. НП; "Конный" топчет "тело" ("На кр.к."); *свет цвету пятою на грудь*. ИП, 205; дети разбивают будильники, уничтожая "школьное" время ("Крс."); Царь-девица руками вырывает из груди свое "женское" сердце; огненный всадник "стальным копьём" - "лучом" потустороннего холода выжигает земное сердце героини (ИП, 441); музыкант - это *чехо-лоненавистник, футлярокол, тот, кто из всего и всё в мире чехлы срывает!.. Нехороша - так пнуть! Чтоб просияла суть* ("Крс."); поэт взрывает НМ, стирает его с лица земли (ср. *взрыв и взлом - поэтов путь*. ИП, 232), "наступает" на свою эпоху (ср. ...*не только в смысле военном, но - ногой: пятой на голову Змия*. "Из записных книжек").

Лирой борется поэт с несовершенной земной жизнью, сражается со "своим временем", *воздействуя на КАЧЕСТВО своего времени* ("П. и вр.", выделено мною - С.Е.). Меч Лиры - это "дву-

острое" оружие, одновременно разящее и спасающее. Лира - не только меч, но и щит. Лирика - и оружие против жизни, и средство защиты от жизни (сравни стихи как *щит, панцирь, убежище, форт*. С2, 231). Лирическим вымыслом "прорубает" поэт *стены* этого мира. Голосом укрощает, как мифический Орфей, звериную ярость враждебного ему мира - *тигров, львов, удава* (Т1, 202). Голосом же клеймит поэт, этот "настоящий" человек, все озверевшее человечество: *волков площадей, акул равнин* и т.п. Уничтожение словом - типичный пример расправы цветаевского поэта с *чернью, с миром низшего* (сравни яростный обстрел читательской и писательской *газетной нечисти*. ИП, 316).

Если *безмерность слов, чрезмерные слова* это проекция в орудийную сферу *бесмерности чувств* ЛГ вообще, то безмерность в выражении негативных чувств к НМ - это "водопадная ненависть" и презрение 'высшего' к 'низшим', обрушивающиеся яростной лавиной оскорбительно-уничижительных ругательных слов-кличек, низких обидных определений, низводящих человека до низшего животного - *грязного, хищного, бесхребетного, похотливого* и т.п. (что является словесным эквивалентом аналогичных уничтожительных действий ЛГ, сравни напр. *втаптывание в землю, в грязь, "автограф"-пощечину редактору газет*, ИП, 316), ср. *нечеловечки, недочеловеки, недоросли, недошедшие, собирательное убожество, мертвецы, нечисть, труха гипсовая, сброд рыночный, землю роющие лбы, кроты земляные, черви, слизь, акулы, лиси, сравни также уподобление презренного гастронома низкому овощу: некий капустаный аноним.*

В целом, все литературные приемы, жесты и позы цветаевского поэта - особый вид оружия, одно из сильнейших оборонительно-наступательных средств борьбы с миром, с действительностью. Сравни, напр. словесный *рипост*, защитный отпор или, чаще, словесный укол ответного либо превентивного удара: *надменная ирония, вызывающая вольность, дерзость, беспощадная злая критика, безжалостная оценка, обвинительная речь, бесчеловечный, убийственный приговор, издевательское осмеяние, умышленное замалчивание, сознательное опускание.*

Рассмотрим теперь кратко деятельность ЛГ в функции мага, врача, учителя, судьи и др.

ЛГ - маг, чародей волшебник. Магические средства включают гипнотическое внушение, завораживание голосом (словом, пением),

взглядом, заговаривание с применением зелья и прочих "отворотов" от жизни. Отвораживая от этого белого света, цветаевский маг насылает тьму, слепоту, туманный морок, затмевающие белый свет, затуманивающие реальность (сравни различные состояния помраченности: *оторопь, одурь, обморок, бред забытья, беспамятство* и т. п.). Например, *Луна*, завоораживая *Лунатика*, внушает ему состояние сомнамбулической отключенности от низкой реальности, заклинающая его не видеть, не слышать, не откликаться на земное: *Оплетавшие - останутся. Дальше - вись. В час последнего беспамятства Не очнись... Не прозрей... Будут звать тебя по имени - Не расслышь.* ИП, 243; *Верховный Рудокон* завоораживает ЛГ от света божья. ПР, 103; Магические чары поэта (ср. Эллис, поэма "Чародей"), певца (сравни чарующий голос льстивой флейты и обманные завоораживающие песни Крысолова) отрешают от земной жизни, уводят из этого мира сравни обряд завоораживания от земной любви: дарение кольца-"талисмана" *от красних губ* (ср. *чтоб не глядел... девушкам в лицо, чтоб позабыл... даже слово нежность*) как создание охранительного магического круга, преграждающего путь к соблазнам. Железное кольцо - это щит, завоораживающий губы от *красних углей* любви, железным холодом остужающий любовный жар. Кольцо - спасительный пояс, "первое звено" в *кольчуге*, хранящей от губительных стрел Эроса. Н, 284.

ЛГ - врач. Поскольку эта жизнь диагностируется цветаевским лекарем как "болезнь", "прижизненная смерть", то средством излечения, спасения, т.е. лекарством ОТ жизни в широком смысле может рассматриваться в ПМЦ все, что идет не на пользу, а во вред жизни, все, что не способствует жизни, а помогает не-жить. Лечение, как правило, осуществляется радикальным способом, например хирургическим (ср. *лекарский нож.* ИП, 249; *ланцет*, вскрывающий *певчье горло.* ПР, 29), либо необычным с точки зрения традиционной медицины методом. Таковы, в частности, "окольные" пути излечения от жизни с помощью "обманных" средств воздействия, например магии, гипноза и прочих средств, отключающих от действительности, выводящих из жизни (сравни действие "хмелья-мозгокрута"). Применяемый с лечебными целями холод анестезирует боль от контакта с жизнью, исцеляет от "горячки" (напр. остужает "горячку чувств"), укрепляет невосприимчивость к жизни (сравни *лед отрешения*, холод бесстрастия; ср. *знаю лечите обиду времени прохладой вечности.* "Дер."; *А та, ладонями свежа Горячку:*

"Надо..." ПР, 104).

Сильнейшее отворотное средство от жизни - горькие "отвратные" вещества (см. примечание 4), а также яд, полностью излечивающий от жизни.¹⁷ Напомним, что именно соком анчара, неподслащенной бедою, не переслащенным вином "крестили" цветаевского поэта на трудный брак с жизнью, дабы послужил анчарный яд и противоядием от жизненной горечи (так чтобы потом - все яди - водой отварною...) и "отворотным" средством от жизненной сладости (ИП, "Крестины"). Отсюда "горечь" цветаевской Музы (ср. суровости горький дар. ПР, 8; горечь певчих горл. ПР, 29) и назначение ее Лиры: горчить-огорчать-омрачать ложные земные радости (ср. В тот час, душа, мрачи Глаза, где Вегой Взойдешь... Сладчайший плод, Душа, горчи. Горчи и омрачай: Расти: верши. ИП, "Час души").

ЛГ - учитель, проповедник, пророк. Утверждение ЛГ, что ничто и никто не пример, отрицает не вообще школу, учебу, а земную школу, уроки жизни. Отстаивая право не учиться чуждому (ср. зачем приучаться к чужому? П), право на самостоятельность, независимость от навязываемых неистинных ценностей, ЛГ проповедует самообучение, причем самообразование сочетается с самовоспитанием. В программу учебно-воспитательной деятельности ЛГ входит распространение "отрицательного" знания о жизни и о мире и пропаганда поведения, основанного на этом знании. А именно, что все земное, жизненное есть 'неистинное, низшее', неценное, недостойное, все ценности этого мира есть ложные ценности, что не надо делать "это" (все разновидности 'соединения с неистинным'), а надо делать "не-это" (все разновидности 'несоединения с неистинным', напр. неприятие этого мира, отказ от жизни, уничтожение всего земного).¹⁸ Таким образом, содержание "уроков" ЛГ обратно тому, что "дается" жизнью и что требуется "для жизни". Задача обучающего заключается в том, чтобы научить незнающих (сравни типичное обращение ЛГ: знающего, старшего, высшего - к младенцу, детям, "первому человеку" Адаму и т.п.) и переучить знающих не-то, то есть отучить их от 'соединения с неистинным'. Для достижения этой цели используются различные дидактические приемы и средства воздействия, напр. совет, проповедь, наставление, внушение, диктаторское запрещение, угрозы, запугивание, отрицательные примеры, разъяснения, лозунги, де-

визы и т.д. и т.п. Примеры: *Не надо мне белым - По черному - мелом доски!* ИП, 251 - отказ от "прописных", наглядных, примитивных истин этого мира, сравни гордо-вызывающее: *а я - самоучка.* ПКТ, 64; *Мне скажут (а не скажут - сама себе скажу, ибо наш худший (лучший) противник, самый зоркий и беспощадный - ми) ...* Т1, 269; сравни обучение "навыворотному" поведению в наставлении "детям" (Т1, 441); *Рождение - паденье в дни... в час ... рождение в счет И в кровь, И в пот... Смерть, маленький, не спать, а... вспать. "Сивилла - младенцу"; Жизнь, это место где жить нельзя... ИП, 470; Помни закон: Здесь не владей! ПР, 11; Кто победил на площади - Про то не думай и не ведай. А, 170; Слушай-слушай, Адам... Никаких земель Не открыть вдвоем... Берегись слуги, Дабы в отчий дом В гордый час трубы Не предстать рабом. Берегись жени, Дабы, сбросив прах, В голый час трубы Не предстать в перстнях (перстень здесь как знак "окольцованности" земным браком и как ненужное, внешнее украшение) ... Берегись! Не строй на родстве высот (Ибо крепче - ТОЙ В нашем сердце - ТОТ) ... От вчерашних правд В доме - смрад и тлам. Даже самый прах Подари ветрам!.. ПР, 27-29; Мимо иди!.. НП, 229; В чудный час передвосточный Мой совет тебе - кто б ни был! Меняй страстный путь на водный! Бросай бабу, - иди к рыбам!.. Не теряй на подлость силу... Дай челну полный ход... Надо быстро грести... "Ц-Д", сравни там же совет Ветра Царь-девице: Будет тебе руки Марать бабьим делом!.. Предоставь, товарищ, Это дело - дурам.*

ЛГ - критик, судья, каратель. В области морали и этики в ПМЦ разграничение идет не по линии добро/зло, а справедливо-не справедливо, вправе-не вправе, законно-не законно, причем, главное - это точка зрения ЛГ, определяющая содержание этих понятий, т.е. их оценочное истолкование в терминах 'истинное/неистинное'. Это же характерно для цветаевского правосудия в широком смысле слова, в частности суда, основа которого не милосердие, а справедливость (ПКТ, 33, ср. там же справедливость значит безжалостность). Неприятие 'неистинного' мира 'низших', принцип правоты 'высшего' ставит ЛГ вне всего земного - человеческой морали, суда, законности, определяя этику поведения ЛГ в этом мире: его вызывающую надменность высокомерную самоисключенность из общих правил, бесчеловечный героизм, жестокую справедливость (ср. напр. проповедь отказа от любви-жалости, осуждение и искоренение мягкосердечия). Как всякое отношение

ЛГ, суд и критика 'высшего' (судить и мерить с *-высока, высокой меркой*) - это всегда оценка по жесткой шкале 'неистинное/истинное' (ср. *говору ему о своем отношении - делении мира на два класса: брюха и духа. Цсб, 183*), что в применении к сит. 4, отражающей отношение-оценку 'высшего' к 'низшему', означает жестокое правосудие 'высшего', осуждающего и карающего все земное (заметим, что вина судимых 'вышним' судом заключается часто именно в исполнении земных законов, по отношению к которым сам цветаевский судья выступает как нарушитель, преступник).

"Не милосердие, а справедливость" - руководящий принцип и самого Главного Судии, сурового, беспощадного цветаевского Бога, карающего неверных, жестокими мерами исправляющего несовершенства человеческого мира.

Не менее жесток и цветаевский высший суд Слова. Цветаевский поэт, он же критик, свободен от традиционно-навязываемой этики, в частности литературной, и эстетики, а правота 'высшего' санкционирует и оправдывает применение всех тех жестоких, беспощадных средств и приемов, которыми пользуется ЛГ как в литературной борьбе, так и шире - в борьбе с жизнью, с миром.

6.3. 'Самоуничтожение как прекращение неистинного существования'.

В ПМЦ практически нет "просто" смерти, как правило, это убийство или самоубийство. Нет и случайной смерти. Якобы нечаянная смерть - лишь видимость, в ней всегда так или иначе скрывается намеренность (ср. *Нет - "нечаянно застрелился"... - намеренно был убит Вещью, в негодование стойкой. "П.Л."*). В случае самоубийства намеренная нечаянность означает "заиграться" со смертью, "оступить в смерть" (ср. С2, 136; опасные игры со "всем, что гибелью грозит", влечение к пропасти - та "бездна", которой, по утверждению Цветаевой, всякий поэт - на краю, - соблазн падения, тяга к гибели, характерные для ЛГ Цветаевой, являются как бы "человеческим" аналогом мятежной игры природных стихий, преодолением страха смерти как равнение на стихию, "страха не знающую").

Самоубийство может осуществляться как постоянный процесс и как моментный акт. Примером медленного самоубийства является процесс последовательного выбывания ЛГ из жизни, что свойственно типу цветаевских "нежилецов" на этом свете, всех тех, кто и

живя жизнь, не живет ею, - с их презрением к жизни, не имеющей для них "цены" (отсюда пренебрежение подобной потерей), с их неучастием в жизни, отказом от жизни, тягой к небытию и пр. Моментная смерть, сам акт самоубийства в их случае - это лишь финальный жест, завершающий процесс отсутствия в жизни.

Самоубийство как моментный акт характерен и для другого типа ЛГ: для взрывающихся смертным взрывом цветаевских бунтарей, а также для тех, для кого это необычайный акт, героический поступок (прожив обычную жизнь, "вырастают" в "героя" только в смерти).

Разнообразны и способы самоубийства в ПМЦ, укажем некоторые из них. ЛГ: топится (ср. Офелия, ИП; царевич, "Ц-Д"), вешается (Федра, "Ф"), стреляется (Маяковский), вскрывает себе жилы, вариант - перерезывает, перекусывает (ИП, "Ладонь"; ИП, 303; ср. Есенин; "конь арабийский", "на полном скаку" перекусывающий себе жилу. ИП, "Жизни"), закалывается (ПР, "Клинок"), самосжигается (поэт-Феникс. ИП; ученик, входящий "на костер" учителя. ИП, 169), взрывается (сравни самовзрывающийся мост, ИП, 200; вещи в сит. 'бунт вещей', "П.Л."), травится (ср. *Мак*, погружающий в вечный сон, "Пркр."; *яд*, ср. *угощусь из смертной рюмки*. Н, 111), ложится под поезд (отвергнутая, покинутая женщина), разбивается, бросаясь с высоты: с утеса в море (отец Тезея), с балкона (ИП, "Балкон"), с моста в реку (ИП, 255), с полки на пол (стекло в "П.Л."), в кратер вулкана (Эмпедокл в Этну, ИП, 242), в пропасть и т.д., распадается, разрывается на части (ср. "выходящие из себя" вещи. "П.Л."; распадение в "Пркр."; отрывание головы от тела, шпиля от храма) и др. (Не рассматривая сейчас весь комплекс мотивов самоубийства самой Цветаевой, заметим, что набор различных ситуаций самоубийства цветаевских персонажей, в автобиографической проекции, есть как бы изживание, преодоление страха смерти, а также "примеривание смерти" - что делала Цветаева и в жизни, ср. ПКТ, 115-116; П, 630. Выбор Цветаевой, перекликающийся с ее трагической Федрой, - уход из жизни "по вертикали", как последний "взлет" над жизнью).

Наиболее существенным является различие двух основных типов самоубийства с точки зрения мотивировки. Для первого типа определяющим является причина самоубийства. Сравни смерть

от отчаяния, слабости, безумия, потери себя в ситуации беды, например любовной (ср. Офелия - "роза" из "маленького цветника безумия". ИП, 222; Анна Каренина; "красное напрасное пятно" на рельсовом полотне - "простынь", разостланная "свахой" = "отчаянием", - на которое "льстятся" покинутые любимыми "молодые женщины". ИП, "Рельсы"). Этот тип смерти - действительно смерть, последним жестом замыкающая жизненный круг, оставляющая мертвых там же, внизу, на земле (ср. *ил, дно, рельсы*), и оценивается как бесцельная, бессмысленная, напрасная смерть.

Для второго типа самоубийства, преобладающего в ПМЦ, определяющим является не причина, а цель. Инвариантная мотивировка подобного самоубийства - это целый комплекс мотивов, связанных с особенностями личности ЛГ, его видения мира, отношения к жизни, ср. напр. своеволие (самоустранение, изымание себя из жизни, самосуд), тотальный вызов - жизни, миру, Богу (сравни 'выход из круга всего земного': *выписаться из широт*. "Пркр."), жестокая расправа с "низшим собой" (убийство тела, себя-человека), вольный отказ от жизни (добровольная смерть как *добрая воля к смерти*). Самоубийство этого типа - показатель силы, мужества, победы 'высшего' в себе, это сознательно-целенаправленный акт, смысл которого - выход в иное, в преображенную высшую Жизнь как избавление, напр. от земного "удушья", ср. *видишатся в смерть* (компенсирующая часть, высший смысл самоуничтожения будет рассмотрен в описании сит. 4,5).

П р и м е ч а н и я

1. См предыдущие статьи этой серии в *Wiener Slawistischer Almanach* 3, 4 и 7 (сокращенно WSA-3, WSA-4. WSA-7).
2. Сит. 4, 5 будет рассмотрена в статье с описанием сит. 5.
3. Как правило, мотивы разных групп совмещаются: напр. гр.1 - с гр. 2 (ср. "надменность до бесчувствия" - это надменность "до потери чувств": и как высшая степеня надменности, и как надменность, порождающая бесчувствие, т.е. атрофию чувств, бессердечие, жестокость), с гр. 3 (ср. "слепота" как сознательное закрывание глаз, отгораживание завесой век от жизни), с гр. 4, с гр. 5 и с гр. 6 (атрофия, безучастие, бездействие как выбывание из жизни, вызов жизни, дематериализация) и т.д.
4. Отказываясь от всего земного, ЛГ предпочитает сладкому - горькое или несъедобное, сытости - голод (т.е. это пример

отталкивания в обратную сторону). Выбор ЛГ: *луковица, рябина, несъедобная ягода бузина* и даже сок ядовитого плода *анчара* (ср. *Страна веселого голода... презрения к еде (пресловутая испанская луковица)*). Т1, 325 *На пиршестве народа голодали, как идальго; Луковица и свобода!* – девиз цветаевских нищих гордецов, с их пренебрежением к жизненным благам, свободных от всего земного.

'Горькое, горечь' – это "вкусовая" разновидность 'горя'. Назначение 'горького' в ПМЦ – "горчить" 'сладкие' земные плоды, давать отвращение к 'сладкому', т.е. отбивать вкус к сладкой земной жизни (и шире – ко всей "жизни как она есть"), отвращать от земных соблазнов, "огорчать", "отравлять" неистинные радости и желания. Горькие, "отвратные" – внушающие отвращение к жизни, отравляющие вещества (ср. напр. *отрава, яд, горькие травы, отворотное зелье*), омрачающие жизнь подобно *горю, беде*, – имеют в ПМЦ функцию защитных: защищают ОТ жизни.

5. Чем ближе – тем хуже и само зрение и объект зрительного восприятия. 'Близкое' зрение дает нежелательное искажение, оно губительно не только для того, на что смотрят, но и для того, кто смотрит. Напр. "близкие" встречи, встречи в жизни, "здешние встречи" – ущербны: худшее, меньшее видишь, а "ТО" не видишь. *Взаимность* – это отрицательная преграда, помеха, стена: *не проникнешь в 'истинную' суть, большего, 'высшего' не увидишь*. Поэтому-то *внутри зрячим – свидание нож*. (ИП). То же в ситуации непосредственного контакта художника с жизнью. "Взаимность" в этом случае *ставит затор, создает губительную помеху Кастальскому току творческого воображения, мутит, загрязняет чистый источник, рождающий идеальные видения совершенного мира* (ср. ИП, "Заочность").

6. Помимо конфликта с внешним врагом – с миром, с жизнью, от губительного воздействия которых ЛГ страдает (сит. 3) и чье сопротивление преодолевает (сит. 4), ЛГ "цветаевского типа" вступает в конфликт с собой. "Личная" история ЛГ (в сит. 3 и сит. 4) – это поединок противоборствующих "низшего я" и "высшего я".

В сит. 3 лирический герой "претерпевает", "избывает" жизнь, исполняет 'низшее' должное как "протестантский долг", навязывая себе исполнение долга перед "жизненным собой" и принося в жертву "высшего себя". В сит. 4 долг перед "высшим собой" вызывает отказ от "низшего себя".

Таким образом, цветаевское *force refoulée, desir refoulé, живу в обратном от себя направлении* – универсально: ЛГ преодолевает напор и сопротивление как жизни, мешающей ему жить, так и себя – сам не давая жить то "высшему", то "низшему" себе. Универсален и метод борьбы: активное, насильственное преодоление. В случае борьбы с собой – это сознательное волевое (по доброй воле, т.е. долгу) подавление себя, насильственно-вольный отказ от себя (то "низшего" себя, то "высшего"). Заметим, что таким роковым для Цветаевой образом переплелись в ней "неслиянные" материнская, преобладающая, и отцовская линии ("мать" и "отец" рассматриваются нами исключительно как персонажи ПМЦ), ср. *Долг... у меня от матери, всю жизнь*

прожившей, как РЕШИЛА, - как НЕ-хотела. Не от отца, кроме ДОЛЖНОГО ничего не ЖЕЛАВШЕГО. П. 433.

7. Делание из себя героя, самосозидание - это разновидность 'мифотворчества', направленного на себя, то есть "сырьем" для преобразования в 'высшее' является "низшее я". Всякое мифотворчество в ПМЦ есть зачеркивание того "что есть" и НАДстраивание над данным, реальным того "что быть должно" - по принципу высокой компенсации. Это как бы вторичное, усложненное явление, производное от данного путем восполнения недостающего. Таким образом, природа сделанного обратна природе данного, что и помогает нам определить первоначальный характер материала, подвергнувшегося переработке. В нашем примере бесстрашие, бесчувственность, бессердечие ЛГ свидетельствуют о наличии страстей, чувств, сердца. Сам факт преодоления говорит, что ЛГ имеет что преодолевать, (что это верно для Цветаевой - подтверждается ее пониманием и толкованием "сдержанности", ср. *Сдержанный человек - это значит ЕСТЬ, что сдерживать!*. журнал "Москва" 1982, 5, 158). А по силе, страстности, яростности преодоления можем судить и о СИЛЕ ПРЕОДОЛЕВАЕМОГО, в данном случае о силе "низшего себя", своей земной природы, всей той сферы одушевленной материи (все, что - не дух), которая подвергается сознательному самоистреблению.
8. "Физика" этих структурных компонентов лирической сущности Цветаевой - свист летящей стрелы и треск раздираемой материи, "стон" разрываемой плоти, преобразующиеся в звон поющей стрелы. Ср. *Пела, как стрелы и как морены, Мчащие из под ног С звуком рвущегося атласа*. ИП, 26 ("рвущийся атлас" здесь еще и как разрывающаяся оболочка земного шара). Именно так, зрительно и в звуке, может быть представлена цветаевская формула "преодоления жизни" - победа над жизнью путем насильственного преодоления жизни.
9. С осознанием "земного себя" и всей жизненной сферы, в которую вовлечена душа, как ложного, чуждого "высшему я", связаны мотивы: 'страдание за чужое' (ср. *чужой огонь, огонь неистовости тварной - 'неистинный' огонь земных страстей, на котором сгорает душа*), 'страдание за чужие грехи', т.е. за грехи настоящего, "низшего себя", мотив 'несвоя ноша', 'насильственность греха и страдания, навязанных высшей душе земной душой' (ср. *На чужом огне сгораешь, Душа, - силком взяли. "Млд."; Щедростью твоей давясь, как щепнем, За чужие я грехи терпела*. ИП, 185). Земные грехи ЛГ - "дань" естеству, смуглому праху, уступка человеческому в нас. Этот смуглый загар - печать опаленности темным огнем (жар крови, страсти), свидетельство смутной, кумашной, шалой молодости (ср. обращение к молодости - *смуглая моя*. ИП, 186). Сравни резкий, решительный - как топором обрубить - вариант отречения от молодости: "перепаживание" бренного земного тела, как пример жестокого переделывания себя (*По загарам - топор и плуг, Хватит - смуглому праху дань!*.. ПР, 14).
10. Помимо рассматриваемого нами в сит. 4 'бунта Ист. против Неист.', в ПМЦ имеется также 'бунт Неист. против Неист.'. К этой второй разновидности 'бунта' относятся: 'бунт низов', в конфликте "низов" и "верхов", (где стихийная, буйно-раз-

бойная разрушительная сила обрушивается и на "верхи", и на "середины" и на своих) и 'бунт верхов против верхов'. Несколько примеров:

Мятеж *кумашной Руси* как сведение счетов, жестокая месть "правых во зле" за зло, творимое "верхами", сравни снятие шапочек с царских грибков как "сведение" места лобного - с местом лобным, сдирание кожи с царя на сапоги да на тулупы для бессапожной рвани, "вспарывание брюха" царю *Комару-кровососу "Ц-Д"* (Отметим взаимосвязь 'неистинных соответствий' в НМ: *царь Кумач, кумашный нос, сам "припасает" валежнику для костра своо - для красного петуха, бессоленной, бесхлебной, но кормящей его "мамки", кулашной-калашной-кумашной Руси*).

*Страсть-дела, жар-дела "кумашной", Красной гвардии "полотеров": кража (унесли бабкино кольцо), убийство (купца зарезали), разбой (господ вишаркиваем), разрушение (колотили, колотеры-молотеры крушат "мебель", причем эти разрушительные действия сопровождаются "вымахиванием молей", "вытрясыванием клопов из перин", т.е. совпадают с аналогичными действиями Ист. по уничтожению быта: очищению дома от вещей, от затхлости и вековой грязи), надругательство над скульптурой греческой богини как пример уничтожения культуры верхов и непочитания бога, сравни вызывающий тон расшалившихся в господской зале полотеров: *Того гляди, плясамши, Нос богине отобьем. Та богиня - мраморная, Нарядить - от Ламановой. "Плтр."**

Декабристский бунт, который в отличие от стихии народного мятежа есть бунт организованный (ср. *Сенатская площадь - ПОРЯДОК и во имя порядка. Т2, 288*). Хотя бунт и "низов" и "верхов" относится к сфере 'неистинного' (таковы, напр. цели социального, государственного переустройства), предпочтение Цветаевой явно отдано неорганизованному, стихийному беспорядку, сравни "чару" над ней пугачевского бунта, перед "заревом" которого "бледнеет" декабристский бунт.

Отметим, что 'бунт, мятеж' - это глубинный инвариантный мотив ПМЦ в целом, но это описание картины мира ПМЦ на уровне архиситуаций, вне ограничительного инварианта 'ист/неист.', - предмет специального рассмотрения.

11. На уровне содержания это проявляется как борьба с *простомыслием* (безмыслие, скудоумие, низкие, убогие, пошлые мысли, простые куцые истины, шаблоны здравого смысла, ходячие житейские мудрости и пр.). На уровне языка и речи этому соответствует борьба с *просторечием*, с *прямым сказанием*, т.е. с шаблонной упрощенностью языка и речи - как общепринятых *то, как люди называют*, так и искусственно-литературных (сравни прозаичность, приземленность, пошлость, серость, тусклость, мертвость, загрязненность, механичность, поверхностность, пустота и т.п.). Тема эта - предмет отдельного описания.
12. Значения слова "поэтическая" целиком определяется тем смыслом, который имеет в ПМЦ слово "поэт". Цветаевский поэт - разновидность высокого сана, явление особого духовного строя, творец иных, над-сверх-жизненных миров. "Поэтическое" есть оценочная характеристика, определяющая качество, т.е. содержание, творимого как 'истинное', безотносительно к литературной форме поэтического слова. Отсюда, в частности, осо-

бое разграничение поэзии и прозы, поэтов и прозаиков в ПМЦ, вопреки традиционному делению по несущественным, с 'истинной' точки зрения, жанровым и прочим признакам. Так, напр. Пушкин у Цветаевой поэт и в своей прозе ("Капитанская дочка"), поэт и Гоголь, а вот Брюсов и даже Маяковский - не настоящие поэты (сравни аналогичную, с соответствующим разъяснением, оценку поэта Дона-Аминадо. РА, 212).

13. Сравни как иллюстрирует этот творческий принцип сама Цветаева, на примере "вольных" рифм поэта Гронского (Т2, 127-128).
14. В плане выражения, в так называемой орудийной сфере, 'безмерность' цветаевского поэта проявляется как нарушение литературных, в частности стиховых норм, законов, приличий, то есть как нарушения формы.

Так, лирическая безмерность: лирика чувств и стиха (лирическая и поэтическая 'чрезмерность' и 'вольность') ПЕРЕХОДИТ (ЧЕРЕЗ, БОЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ, ВЫШЕ) границы меры и нормы, в данном случае нормативной формы. Отсюда, напр, обильные цветаевские нарушения привычных, законных метрико-синтаксических схем (ср. переклесты границ строк с разрывом предложений, синтагм, слов, акцентное разбиение слов на слоги, сведение слов в единые комплексы с помощью дефисов), чрезмерная и вольная пунктуация, особая графика (например преувеличенно-выделенная: старая орфография - и после революции -, крупный шрифт, разрядка, курсив, иностранный текст без перевода, особая интонация (понимаемая как голосовое выражение интенции) и т.д. Пример - лирика нарушает рамки "законной" любви и "законного" метра. *В ряды и в рифмы сдавленные, чрезмерные чувства рвут метр и меру (ибо сердце - шире)*, правда вольного, живого лирического, поэтического вымысла торжествует над ложью реальности, над фальшью мертвой законности, над лжезаконностью - *НАД метрическими лжесвидетельствами* (сравни как обыгрываются приравниваемые презренные - метрические свидетельства о браке, т.е. законная любовь "по паспорту", и законные метрические схемы, не вмещающие вольные ритмы своеобразной души поэта), цикл "Провода".

Примером 'вызывающей вольности' являются цветаевские *кон-троли*: по форме - хвала а по сути - хула (как пример обманной хвалы). Вызов и дразнение уже в самом названии стихотворения, обратном его теме. Ср. "Хвала Афродите", "Хвала богатым", "Хвала Времени" (которую сама Ц. называла *мой вызов времени*. Т1, 370), так называемая "ода пуговице" ("Крс."), которая есть ничто иное как *диверсия в сторону пуговицы*.

Пример 'поэтической дерзости' - вызывающие, неприличные рифмы Пушкина: *царскую цензуру Только с душой рифмовал, А Европы Всетник* - с ... (а далее подсказывающая опущенную рифму строка Цветаевой: *Пушкин - в роли гробокопа? "Ст.к. П."*).

15. Сравни "сниженный" вариант цветаевских персонажей и роли плаща, напр, в авантюрный, маскарадный "век Интриги и плаща": *Плащ игрока и прощелыги, Плащ - Проходимец, плащ - Амур... Плащ Казановы, плащ Лозэна, Антуанетты домино!.. Плащ-чернокнижник, вихрь-плащ... Плащ Кавалера Калиостро!* ИП, 125.
16. Этой показательной для нее фразой (и не менее характерно-цветаевским способом) Цветаева - буквально - дополняет выс-

казывание Т. Готье, таким образом, преобразуя, на свой обратный лад, смысл сказанного им: *Формула...* "je suis de ceux pour qui le monde visible existe", обрывается на самом важном: **КАК СРЕДСТВО**, а не как цель! Т1, 230. Исправленная и дополненная редакция текста Готье, эта поэтическая вольность Цветаевой, не что иное как творческое кредо цветаевского мифотворца и, шире, может послужить эпиграфом ко всей описываемой нами в данной статье ситуации контакта ЛГ с миром.

17. Надо сказать, что несмотря на самонадеянные заверения ЛГ в неподверженности губительному воздействию "ядов" (залог - иммунитет, полученный при "крещении", а также самовнушение, нейтрализующее отрицательное действие "яда", перерабатывая его во "благо"), лечение ядом оборачивалось полным "самоотравлением". Вспомним также самоотравление отрицательными чувствами, выражающими отношение ЛГ к миру, его реакцию на контакт с жизнью (см. WSA-7). Отравленная ядом неприятия этой жизни, нежелания жить этим, здесь, а также ядом неосуществимых желаний, цветаевская душа требовала этого, уже необходимого для нее как бы наркотического средства (ср. *так жалом тронутая кровь Жалуется - без ядов!* ИП, 238). Не потому ли искала Цветаева и даже сама создавала конфликтные ситуации - всякого рода преграды, препятствия, в том числе соблазны (затем только, чтобы их преодолевать, перебарывать) и прочие поводы к ранению (а фактически саморанению), в котором нуждалась, - чтобы иметь право на негодование, на ответный удар жизни, на самозащиту, в частности на применение наисильнейших средств "от жизни", вплоть до самоуничтожения?
18. Столь сильна была дидактическая нагруженность сознательной и целенаправленной борьбы с несправедливым устройством несовершенного неистинного мира, что Цветаева сама призналась как-то, что "скоро перестанет быть поэтом" и "станет проповедником".

Автор благодарит Л. Иорданскую и Ю. Цеглова, которые прочитали данную работу и сделали полезные замечания.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

I. Сокращения в области языка описания.

ВМ - Высший Мир абсолютов, часть ИМ

ИМ - 'истинный' мир

ист. - 'истинное'; Ист. - действующее лицо ПМЦ с соответствующим признаком

ЛГ - лирический герой Цветаевой в описанных нами ситуациях 2,3,4

неист. - 'неистинное'; Неист. - действующее лицо ПМЦ с соответствующим признаком

несоед. - 'несоединение'

несоотв. - 'несоответствие'; + - знак 'несоответствия'

ИМ - 'неистинный' мир, 'этот' мир

ПМ - поэтический мир

ПМЦ - поэтический мир Цветаевой

соед. - 'соединение'

соотв. - 'соответствие'; ~ - знак 'соответствия'

ТМ - 'тот', нездешний мир, часть ИМ

Ц. - Цветаева

II. Сокращения названий изданий произведений Цветаевой (часто после сокращения дается или номер страницы, или название произведения Ц. из указанного издания)

- А - 22 Альманах Поэзия, М. 1978
В - Версты, М. 1922
ИП - Избранные произведения, М-Л. 1965
ЛС - Лебединый стан, Париж 1971
МД1 и МД2 - том первый и том второй: Сочинения в двух томах, М. "Худ.л-ра" 1980
Н - Неизданное. Стихи. Театр. Проза, Париж 1976
НП - Несобранные произведения, Мюнхен 1971
П - Неизданные письма, Париж 1972
ПкБг - Письма к В.Ф. Булгакову, "Встречи с прошлым", М. 1976
ПкБх - Письма к А. Бахраху, "Мосты", 5-6
ПкВ - Письма к М. Волошину, "Новый мир", М. 2, 1977
ПкГ - Письма к Р. Гулю, "Новый журнал", кн. 58
ПР - После России, Париж 1976
ПкТ - Письма к А. Тесковой, Прага 1969
ПкЧ - Письма к Л.Е.Чириковой, "Новый журнал", кн. 124, Нью-Йорк 1976
ПкШ - Письма к А. Штейгеру, "Опыты", 5, 7, 8
РА - Письма Марины Цветаевой, "Новый мир", М. 4, 1969 (подборка писем Ц., разные адресаты)
РЦП - Из переписки Рильке, Цветаевой и Пастернака в 1926 г., "Вопросы литературы", М. 4, 1978
С1 и С2 - том первый и том второй: Стихотворения и поэмы в пяти томах. New York, Russica Publishers Inc. 1980
Т1 и Т2 - том первый и том второй: Избранная проза в двух томах 1917-1937, N.Y. 1979
ЦсВ - Marina CVETAJEVA, Studien und Materialien. *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 3, 1981

III. Сокращения названий отдельных произведений Цветаевой

- "Ар." - "Ариадна"
"Дер." - цикл "Деревья"
"Ж.о ж." - "Живое о живом"
"Иск." - "Искусство при свете совести"
"Крс." - "Крысолов"
"Млд." - "Молодец"
"М.П." - "Мой Пушкин"
"На кр.к." - "На красном коне"
"Нат.Г." - "Наталья Гончарова"
"П.В." - "Поэма Воздуха"
"П.Г." - "Поэма Горы"
"П. и вр." - "Поэт и время"
"П. и Пуг." - "Пушкин и Пугачев"
"П.К." - "Поэма Конца"
"П.Л." - "Поэма Лестницы"
"Пл.д." - "Пленный дух"
"Плтр." - "Полотерская"
"Пов. о С." - "Повесть о Сонечке"
"Пркл." - "Приключение"
"Пркр." - "Прокрасться"
"Ст. к П." - "Стихи к Пушкину"
"Ф." - "Федра"
"Ц-Д" - "Царь-Девница"

Юрий К. ЩЕГЛОВ (Montréal)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПОЭТИЧЕСКИМ МИРОМ АХМАТИВОЙ. II

(Я с тобой не стану пить вино...)

Анализируя структуру поэтического произведения, мы ставим перед собой цель понять его как единую, внутренне связную картину, в рамках которой в идеале должны найти себе место все аспекты, детали и компоненты данного текста. Единство и цельность художественного произведения обеспечиваются наличием глубинного "управляющего центра", задающего общую содержательную конфигурацию текста, его эмоциональный рисунок, тональность, угол зрения на действительность, способ обращения с поэтическими инструментами и традициями, общий стратегический план достижения эффекта и т.п. Вся эта совокупность элементов составляет тему и глубинное решение данного художественного текста. Задача анализа состоит в соотношении с ними всего множества содержательных и формальных элементов произведения - от сюжета и словесной ткани до таких технических параметров, как синтаксис, фонетика, мелодика и ритм.

Действуя таким образом, мы, по сути дела, строим идеализированную модель чтения и осмысления текста читателем, ибо нормальная реакция читателя на поэтическое произведение состоит именно в поисках единства и связности. Читатель ищет общее в разных точках стихотворения, пытается соотнести различные элементы между собой и обнаружить ключевые образы и слова, которые прольют свет на все остальное и дадут понятие о скрытом от глаз "управляющем центре". Конечно речь идет о некотором воображаемом читателе, потому что далеко не каждый читатель возьмет на себя подобный труд, и большинство не дойдет в своих поисках до последних деталей произведения. Но их осмысление читателем и не обязано быть полным или стопроцентно сознательным. Оно может выражаться косвенно - например, в том, как он интонирует для себя стихотворение и расставляет акценты, как он его внутренне слышит или читает вслух, какие слова, стихи или ритмические ходы ощущает как особенно ценные и значительные, и так далее. Зада-

чу. домысливания и эксплицитной формулировки этого читательского вживания в стихотворение берет на себя исследователь.

Когда все констатированные им соответствия между темой и элементами текста оказываются наглядно выписанными, то, как правило, некоторые из них сразу же становятся очевидными и не вызывают возражений. К этой категории часто относится сама тематическая рамка и наиболее оригинальные конструктивные решения, определяющие специфику данного текста. (Если уже эти аспекты не поддаются хотя бы приблизительной расшифровке, то тем менее вероятно уяснение функций технических элементов: стихотворение остается загадкой.) Другие наблюдения, касающиеся деталей, часто представляются более спорными, и соотнесения с темой выглядят иногда слишком малозаметными, "пунктирными" и умозрительными, чтобы можно было предположить их реальное участие в создании художественного эффекта. Так, мы вступаем на довольно скользкую почву, когда начинаем говорить о тематических и выразительных функциях ритма (например, пытаемся соотносить пиррихий или отсутствие цезуры в таком-то стихе с эмоциональным тонусом этого стиха, а через него - с темой, или делаем утверждения о влиянии словораздела в таком-то месте на выделение тематически важного слова). Граница между твердыми, "объективными" фактами, приобретающими убедительность, коль скоро они замечены и выделены, и этими более гипотетическими соответствиями между темой и текстом может в какие-то моменты становиться нечеткой.

Тем не менее, по нашему мнению, исследователь имеет право включить в свое структурное описание текста в с е утверждения о связях между темой и формальными аспектами текста, какие ему удалось сделать, при условии, что сама тематическая рамка установлена с достаточной бесспорностью. Учет всех таких соответствий, вплоть до самых гипотетических и спорных, не означает, что мы непременно считаем каждый формальный элемент неслучайным, целесообразно выбранным и "объективно" связанным с темой именно таким способом, какой нами констатируется. Он означает лишь то, что мы в принципе моделируем интерпретирующую деятельность читателя, имитируем применяемые им процедуры и стараемся довести их до полной ясности и логического предела. Читатель же имеет право, в поисках связности и единства, "вчитывать" тему всюду, где может, - даже и там, где это получается главным образом благодаря расплывчатости и абстрактности семантических потенций формальных элементов, способности этих элементов гармонировать с самыми различными интерпретациями. Конеч-

но, при этом следует воздерживаться от явных натяжек - но здесь читателю и исследователю может помочь лишь интуиция, вкус и чувство меры.

Попыткой такого структурирования поэтического текста до логического "упора" является предлагаемый ниже разбор известного стихотворения из книги *Четки*, продолжающий наши предыдущие работы о поэтическом мире Ахматовой¹.

- I 1 Я с тобой не стану пить вино,
 2 Оттого что ты мальчишка озорной.
 3 Знаю я - у вас заведено
 4 С кем попало целоваться под луной.
- II 5 А у нас - тишь да гладь,
 6 Божья благодать.
- 7 А у нас - светлых глаз
 8 Нет приказу подымать.

Декабрь 1913

Тема

Как и в предыдущих работах этой серии, мы принимаем за тему отдельного стихотворения комбинацию нескольких мотивов, выбранных из множества инвариантных мотивов, составляющих поэтический мир автора. Их возведением к более абстрактным темам мы сейчас не занимаемся, отсылая читателя к другим нашим статьям, где поэтический мир Ахматовой рассматривается как целостная система. Мотивы, играющие центральную роль в анализируемом стихотворении и принимаемые за его тему, принадлежат к группе "Долг и счастье". Это, во-первых, 'О т к л о н е н и е с о б л а з н а': лирическая героиня отказывается от предлагаемых ей счастья, веселья, лёгкой жизни (иногда даже не от самого счастья, а от воспоминаний о нем или от надежд на него), строго порицает соблазнителя и выбирает долг, скромную жизнь, самоотречение. Этот мотив представлен, например, в стихотворении *Нам встречи нет...* (имеющем и некоторые сходства в частности с объектом нашего нынешнего анализа: ср. *наглец - мальчишка озорной, мы в разных станах - у вас... у нас...*), в стихотворении *Голубя ко мне не присилай* и других. Во-вторых, этот мотив 'Ж и в ы е ч у в с т в а, п р о р ы в а ю щ и е с я ч е р е з а с к е з у и с д е р ж а н н о с т ь', представленный в стихах *Под крышей промерзшей пустого жилья, Не от-*

того ль, уйдя от легкости проклятой, в том же Нам встречи нет ... и во многих других. Главным отличием ныне разбираемого стихотворения от всех перечисленных является, однако, ключ, в котором решаются оба упомянутых мотива - светлый, игровой и кокетливый. 'Отклонение соблазна' носит откровенно не-серьезный характер и реализуется как дразнение соблазнителя, как притворная строгость и веселая увертливость, которые по сути дела равносильны приглашению и предвещают согласие. 'Прорывающиеся чувства' соответственно окрашены иначе, чем в других стихотворениях: здесь это не трогательная жалоба или подавленная страсть, а едва сдерживаемое веселье и смех.

При развертывании темы используются и некоторые другие постоянные мотивы Ахматовой, на которые мы будем ссылаться по ходу изложения.

Строфика и рифмы

Одним из наиболее оригинальных художественных решений в этом стихотворении следует считать то, как тема дразнения и увертливости находит себе соответствие в рифменно-строфической структуре. В этом плане главным принципом построения обоих катренов является обман ожиданий, оттягивание разрешения, которое казалось уже достигнутым, и вырисовывание более тонкой и сложной системы там, где читатель готов был удовлетвориться более элементарной.

I. Рассмотрим устройство рифм и строфы в первых четырех стихах. Первые две строки, взятые изолированно, почти неизбежно читаются как рифмованное двустишие; лишь продвинувшись на два стиха дальше мы убеждаемся, что имеем дело с катреном и перекрестными рифмами. Интерпретация первых двух стихов как рифмованной пары обусловлена минимальностью их различия по рифме и метру. *Вино - озорной* выглядит как нормальная рифма характерного для Ахматовой типа (ср. в тех же *Четках*: *грехи - епитрахиль, свечей - парче, сказал - глаза, губ - берегу, лучи - приручить* и т.п.). Что касается размера, то строки 1-2 представляют собой усеченный пяти- и шестистопный хорей - сочетание редкое и непривычное для слуха, вследствие чего незначительное различие длины этих стихов воспринимается нечетко и кажется скорее ритмической вольностью, чем началом регулярного чередования². Метрическая дифференциация стихов 1-2 дополнительно затрудняется отсутствием цезуры, обычно убыстряющей идентификацию многостопного размера (в частности, для шестистопного хорей типично иметь

цезуру после третьей стопы; ср., напр. стихотворение *Голос памяти*, написанное преимущественно этим размером). Наконец, иллюзия двустушия поддерживается синтаксической законченностью и точкой в конце второй строки.

Но при переходе к стихам 3-4 эта достигнутая было упорядоченность ускользает, растворяясь в более сложной структуре. Рифмовка оказывается перекрестной и при этом весьма строгой (*но - с но, ной - с ной*) и более глубокой, чем при гипотезе двустушия (выписывая в звуковой транскрипции только сходное, имеем: в 1 и 3 строках *ит'ви-но - видино*, во 2 и 4 *а-а-ой* и *-а-у-ой*). Вместо предположенной неравноstopности обнаруживается безукоризненное метрическое совпадение рифмующихся строк - 1 и 3, 2 и 4 - и эта регулярность, на фоне малости различия в длине четных и нечетных стихов, производит впечатление "ювелирной работы". Более того, в новом прочтении между рифмующимися строками выявляются значительные ритмические и интонационные соответствия: например, 2 и 4 имеют практически одинаковую картину словоразделов и пиррихий; оба четных стиха образуют понижающийся рисунок, оба нечетных - повышающийся, и др. (подробнее см. ниже). Короче говоря, читательскому зрению, настроившемуся в рамках якобы-двустушия на более простую и приблизительную схему, приходится переменить фокусировку, чтобы охватить совершенно новую степень точности и детальности межстиховых соответствий.

II. Во втором катрене (строки 5-8) снова возникает иллюзия парной рифмовки, причем еще более полная и длительная, чем в первом. После *б божья благодать* в графике стоит не только точка, как это было после *озорной*, но и пробел, благодаря которому строки 5-6 (а следовательно и 7-8) определенно выглядят как двустушие. Восприятию строк 5-8 как двух парно-рифмованных двустуший способствуют, кроме того, следующие факторы:

(а) Читатель, помнящий, как его провели в первом катрене, отмечает, что строки 5-6 срифмованы точно и не оставляют лазейки для последующей дифференциации и переосмысления парности в перекрестность, как это имело место в 1-2. И действительно, в 7 находим новую рифму *глаз*. В соответствующем месте первого катрена (конец третьего стиха) гипотеза парности уже опровергалась; здесь она подтверждается.

(б) За длинными строками катрена с перекрестной рифмовкой следуют две пары коротеньких строк, выделенные пробелами. Столь резкая смена метрико-строфического рисунка заставляет ожидать не менее чет-

кого отличия 5-8 от 1-4 и в других планах - прежде всего смысловом и рифменном. Перед глазами стоит пример сонета, где терцеты имеют иную рифменную схему, чем катрены. В данном случае естественно предположить в двустихиях парную рифму.

(в) Параллелизм в начале двустихий 5-6 и 7-8 (*а у нас... - а у нас...*) настраивает на ожидание в 7-8 такой же структуры, как в 5-6.

(г) Стилистика второго катрена явно ориентирована на примитив, на фольклорные рифмованные выкрикивания. В частности, первое двустихие: *А у нас тишь да гладь, Божья благодать* создает впечатление нарочитой безыскусности тем, что получено простым разделением на два стиха ходячей поговорки. Сюда же направлен упомянутый повтор *а у нас*. Такому поэтическому строю, очевидно, более показана парная рифмовка, чем перекрестная.

(д) Наконец, некоторую роль могут играть и внутренние рифмы в *7 а у нас светлых глаз* (переходящие частичным созвучием - *нет при-казу* - и в последнюю строку), создавая ощущение рифменной "самообеспеченности" последней пары стихов.

Тем не менее, рифмовка и на этот раз оказывается перекрестной: в конце 8 является *поднимать*, рифмующее с 6 *благодать*. Как бы в ознаменование этого вторичного торжества над читательскими ожиданиями и одновременно конца стихотворения последняя строка метрически заметно отличается от трех предыдущих, будучи длиннее их и возвращая нас к нормальному хорейскому ритму (четырёхстопный хорей).

Конечно, перекрестность выдержана не идеально, поскольку 7 не рифмуется с 5. Это обеднение рифменной схемы отчасти компенсируется наличием внутренней рифмы в 7, позволяющей соотнести второй катрен с такими вполне законными строфами, в которых четные строки связаны конечной рифмой, а нечетные - принципом внутренней рифмовки (как, например, в английских балладах, в *Вороне* Э.По и др.). Правда, в 5 внутренняя рифма отсутствует, что придает упомянутой схеме слегка неправильный, "перекошенный" вид. Тем не менее строки 5-8 в конечном счете выглядят как крепкий катрен с органичными связями между первой и второй парами стихов - главным образом благодаря следующим факторам:

(а) Несмотря на то, что 7 не рифмуется с 5, между ними имеется богатое конечное созвучие *гладь - глаз* (правда, не особенно заметное в соседстве окружающих собственно рифменных эффектов). Это, а также совпадение доцезурных частей *а у нас* и полная идентичность

ударений делает строки 5 и 7 четко соотнесенными, "почти рифмующимися".

(6) Хотя в строке 5 и нет внутренней рифмы, как в 7, в целом при сравнении двух пар строк, 5-6 и 7-8, возникает смутное ощущение, что какое-то подобие внутренней рифмы латентно присутствует и в первой паре. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в 5-6 имеется *бывшая* внутренняя рифма - та, на которой держалась поговорка *тишь да гладь, божья благодать* до её превращения в два стиха. Поскольку свою proverbialность эти слова, став стихами, сохранили в полной мере, то продолжает восприниматься и старая внутренняя рифма, хотя и в завуалированном виде, будучи отодвинута на задний план и как бы пунктиром просвечивая через новую ритмическую планировку текста. Она не может, конечно восприниматься как полноценное соответствие собственно внутренней рифме стиха 7, но подготавливает ее³ и "напрашивается" на аналогичную с ней роль в строфе.

Таким образом, второй катрен, будучи не полностью перекрестным по рифмовке, все же производит впечатление квази-правильности, тяготея одновременно в сторону обеих канонических схем: перекрестно-рифмованной и внутренне-рифмованной в нечетных стихах.

Как видим, механизм рифменно-строфического ожидания и его обмана разработан во втором катрене иными средствами и более тщательно, чем в первом, - что вполне понятно, ибо, как известно, обмануть вторично гораздо труднее, чем в первый раз.

Ритмика и интонация

I. Первая строфа интонационно представляет собой чередование энергичных повышений в нечетных строках с медленными понижениями в четных. В свете всего того, что мы знаем о теме стихотворения и о ее выражении в других планах поэтической структуры, данный интонационный рисунок может быть приближенно интерпретирован как выражение притворной, нестрашной суровости: лирическая героиня обращается к партнеру в тоне резкого порицания и как бы грозя пальцем, но постепенно сходит на затихающую, добродушно-ворчливую тональность. Рассмотрим мелодику первого катрена более детально.

Нечетные строки. В п е р в о м стихе частота ударений, стоящих на всех метрически акцентированных местах,⁴ придает отказу пить вино ясную и категорическую артикуляцию (этому эффекту непреклонности в какой-то мере способствует одинаковый ритмический рисунок

всех слов, кроме *стану*, - ударение на конце). Повышающаяся интонация обусловлена накоплением смыслового веса к концу фразы, где сосредоточены главные слова - сказуемое с дополнением.

Т р е т и й стих также имеет повышающийся рисунок, который начинается после тире; синтаксически здесь, как и в 1, имеет место сосредоточение смыслового веса и определенности к концу строки. Повышение подчеркнуто двухступенчатым усилением акцентированности и размаха: с точки зрения как логики, так и ритмики здесь налицо два отчетливых кванта *у вас/заведено*, одинаковых по просодической схеме (ударение после безударности), но нарастающих по длине (в первом кванте ударению предшествует один безударный слог, во втором ожидание ударения растянуто на три слога: u^2/uuu^2). Данная закономерность в соотношении этих двух отрезков, как нам представляется, сделана более ощутимой благодаря фонетическому и морфологическому параллелизму их начал (*ув...* - *зав...*, где *у-* и *за-* - элементы одного грамматического ряда)⁵. Эта конфигурация динамичного расширения и повышения в *у вас заведено* отказно⁶ оттенена вводящими словами *знаю я*, где наблюдаются обратные тенденции: понижение тона и укорочение элементов.

Четные строки. Во в т о р о м стихе интонационной вершиной является слово *мальчишка* вместе с предшествующим *ты*, обязанное своей выделенностью синтаксической инверсии (поставлено впереди определения). Прилагательное *озорной* добавляется в качестве некоего модифицирующего штриха к главной идее, выраженной существительным; мелодически здесь несомненно понижение, вполне согласующееся с лексическим планом, в котором данный атрибут вносит явно примирительный и симпатизирующий оттенок. Интонационная кривая состоит, таким образом, из трех частей: ровной (*оттого что*), высокой (*ты мальчишка*) и низкой (*озорной*), четкому разграничению которых способствуют: идентичность их ритмического строения (три педанта с ударением на третьем слоге), синтаксически весомые словоразделы между ними и легкое укорочение (каталектика) низкой (по смыслу - модифицирующей) последней части.

Ч е т в е р т ы й стих имеет интонационную вершину на первых двух стопах - *с кем попало*, и эта начальная резкость и громкость служит непосредственным продолжением высокого тона *у вас заведено*, которым заканчивалась третья строка. Следующее слово, *целоваться*, звучит уже в более низкой тональности, а заключительное *под луной* воспринимается как совсем уже тихое и мирное - в ещё большей степе-

ни, чем *озорной* в конце второго стиха, соответствующее ему по метрической позиции и по функции (заключительный штрих, умеряющий строгость и вносящий оттенок любования; в случае с луной он действует своей явной эстетичностью, нейтрализуя ею элемент этического осуждения в предыдущих словах). Четвертый стих, как и второй, делится на три двустопных части со словоразделами между ними: *с кем попало/ целоваться/ под луной*. Ритмический рисунок частей тот же, что и во втором стихе (пеоны). Единственное исключение - два удара вместо одного в первой части. На фоне совершенно одинакового одноударного строения остальных пяти частей в стихах 2 и 4 эта двухударность способствует выделению слов *с кем попало* в качестве интонационного пика. В остальном функция ритмической трехчастности в 4 та же, что и в 2, - обеспечивать четкую ступенчатость мелодических переходов.

Подытоживая композиционно-мелодическое развитие первого катрена на в целом, можно констатировать в нем два главных компонента, соответствующих логико-тематическому развитию: (1) первую строку, содержащую решительное заявление об отказе от легкомысленных удовольствий; (2) остальные три строки, амбивалентно и кокетливо обосновывающие этот отказ. Первая строка, как уже отмечалось, строится как отчетливо артикулированное повышение. Дальнейшая речь (обоснование) основана на фигуре повышения, за которым следует медленное примирительное понижение. Эта фигура представлена дважды, с усилением интенсивности и расширением амплитуды: в первый раз она занимает один стих (2), во второй раз два стиха (3-4). Усиление в 3-4 по сравнению с 2 состоит, помимо увеличения длины, в том, что (а) повышению предшествует отказное движение в *знаю я*; (б) повышение в 3 оттенено и детализировано - см. выше наблюдения над словами *у вас заведено*; (в) высокий тон держится дольше, чем во 2 стихе, захватывая конец 3 и начальную группу 4; (г) напряженность инвективного тона увеличивается благодаря паузе - границе стиха - после *заведено*, создающей ожидание; (д) в 4 имеем не только более интенсивное повышение, но как было сказано, и более глубокое понижение, чем в 2.

II. Во втором катрене стиховое пространство сильно сокращено; когда речь заходит о себе, лирическая героиня оказывается скупа на слова. С этим связана перемена ритмико-интонационного рисунка. В коротеньких стихах 5-8 не находится места для развертывания экстенсивных мелодических фигур, как в 1-4. В их хореическую схему искусно вмонтирована типичная ритмика фольклорных миниатюр - рифмованных прибауток, поговорок, загадок и т.д., известных именно отсутствием

хотя бы одного лишнего слова. Усечение второй хорейческой стопы в стихах 5 и 7 ($uu/\acute{u}/\acute{u}u/\acute{u}$) дает нам эффект, типичный для этих малых форм, - прерывание и возобновление правильного метрического движения в середине фразы, как, например, в анализируемой Брикком и Якобсоном загадке о кочерге: *Черный конь прыгает в огонь*. Итак, интонация в 5-8 не столько стиховая, сколько "гномическая", но, повторяем, весьма тактично вплетенная в общую хорейческую картину как ее незначительная деформация.

Общее впечатление от II катрена: сказано мало, но необычайно весомо и "с расстановкой". Повышение веса слов по сравнению с I катреном выражается прежде всего в том очевидном факте, что коротенькие стихи 5-8, будучи логическим противовесом в длинным 1-4, тем самым приравнены к ним. Во II катрене много белых пространств: справа и слева - из-за краткости строчек, сверху и снизу - благодаря пробелам, отделяющим пары строк друг от друга и от I катрена. Эта "тишина", окружающая со всех сторон последние четыре стиха (как бы передающая иконически идею *тишь да гладь*), решающим образом влияет на семантический режим II катрена. В частности, можно заметить, насколько более укрупненно выглядят слова *а у нас* по сравнению с соответствующим им *у вас* в I катрене: последнее занимало малую часть стиха и стояло у начала восходящей интонационной кривой (за ним без паузы шли более высокие и громкие слова), тогда как *у нас* занимает полстиха и выделено с обеих сторон (слева - граница стиха и противительный союз, придающий логический акцент; справа - пауза, тире). Многозначительно выделены слова *светлых глаз* (полстиха, позиция перед паузой, инвертированность), что превращает их в явный "крупный план". Наконец, расчленение клише *тишь да гладь, божья благодать* на два стиха приводит, конечно, к остранению и усилению веса каждого из входящих в него слов.

Замедленная, "с расстановкой" артикуляция во II катрене достигается благодаря членениям и паузам (уже упоминавшимся под углом зрения весомости слов), как-то: цезуры в 5 и 7, разделение четверостишия на две пары стихов, отсутствовавшее в I, разбиение фразеологического штампа на две "сукцессивные" половины, и проч.

С точки зрения темы стихотворения все это прочитывается как интригующая (дразнящая) многозначительность и таинственность, и в то же время как демонстративная невозмутимость, степенность, которыми лирическая героиня тихо наслаждается, подтрунивая над своим нетерпеливым и беспокойным партнером.

Лексика и сюжет

Этот аспект текста трудно полностью отделить от двух предыдущих, особенно от интонации, которая в большой степени зависит от порядка развертывания мысли, от эмоциональной силы и логического веса слов. Некоторые связи этого рода были отмечены выше. Теперь займемся содержанием как таковым, отвлекаясь от мелодических и строфических фигур.

В соответствии с темой стихотворения, его лексика и образность на словах провозглашают аскезу, строгость, осуждение тех, кто пытается увлечь лирическую героиню на путь греховных удовольствий; но в то же время они выдают шуточность и театральность такой позиции, дают почувствовать дерзкое притяжение героиней легких и эфемерных радостей жизни.

В высказываниях героини игриво стилизована некая традиционная, наивная и слегка простонародная ментальность, проникнутая идеями коллективизма, благочестия, следования общепринятым нормам. Это выражается прежде всего в том, что личные взаимоотношения героини и ее партнера представлены в виде противостояния двух сообществ - "вы" и "мы": с одной стороны, какое-то воображаемое братство молодых озорников, с другой - нечто вроде женского монастыря. Коллективность ("мы" = больше двух) является одной из констант поэтического мира Ахматовой. Она может принимать разные оттенки: "мы" как люди, связанные общей судьбой и общими ценностями, которые необходимо сообщать защищать от враждебных сил (*И столетие мы лелеем Еле слышный шелест шагов... Мы сохранили для себя Его дворца, огонь и воду... Доченька! Как мы тебя укривали... и т.п.*); или "мы" как сообщество простоватых, религиозных, однотипно мыслящих людей, чья скромная мораль противопоставляется греховному индивидуалистическому аморализму элиты (*Много нас таких, бездомных, Сила наша в том, Что для нас слепых и темных, Светел божий дом...*). Это вторая разновидность и представлена в нашем стихотворении. Особенность же его состоит в том, что наряду с "мы" героини, здесь имеется и мужское полухорие, к которому принадлежит ее партнер. Сходство между двумя сообществами в том, что и те и другие живут не по своему хотению, а по законам и традициям. В мире лирической героини позволяют себе только то, на что есть приказ; но и в мире ее партнера делают то, что заведено, т.е. и распущенность здесь не простая, а как бы ритуальная, с оттенком некоего оргиастического культа. Этому впечатлению обряда способствует и луна, под знаком которой часто разыгрываются у

Ахматовой торжественные любовные мистерии⁷. С идеей несвободы, конечно, должны быть соотнесены безличные грамматические конструкции: *у вас заведено, у нас нет приказы*.

Со стороны героини среди проявлений благочестия и отказа от соблазна фигурирует один из постоянных ахматовских мотивов - скромность, в частности, потупление глаз (*Только глаза подымать не смей... И опустил глаза... И дал мне три гвоздики, Не подымая глаз... Так уж глаза опускали, Бросив цветы на кровать... и т.п.*).

Легковесность послушнического маскарада тут же обнажается совершенно недвусмысленно. Наличие какого-то устава, возбраняющего подымать глаза, - лишь кокетливый *façon de parler*; монастырь, регламент которого состоит из подобных запретов, выглядит как шутка; а эпитет *светлых* говорит нам о том, что устав скорее всего нарушается и все запретное угадывается и подсматривается. За условной древнерусской настроенностью и покойно-благочестивым веселием второго катрена чувствуется иное - угарное, страшноватое веселие *fin de siècle*, те *сборища ночные* петербургской литературной и артистической элиты, атмосфера которых столь проникновенно передана в ранних книгах Ахматовой и в *Поэме без героя*. На это указывают все те же атрибуты: и вино, и луна, и множественность участников (ср. аналогичный набор аксессуаров эпохи в более поздних реминисценциях другого поэта того же круга: *Над розовым морем вставала луна, Во льду зеленела бутылка вина, И томно кружились влюбленные пары...*).

Что касается линейного развертывания лирического сюжета, то следует отметить, что описанная выше ситуация (проекция индивидуальных отношений в коллективный план - противостояние "вы" и "мы" вместо "ты" и "я") не предстает готовой с самого начала, но проясняется постепенно и не без элемента дразнения и игры, характерных для этого стихотворения. При этом играют некоторую роль типовые единицы художественной структуры. Некоторые из таких единиц были указаны выше - это типовые мотивы поэтического мира Ахматовой. Другие принадлежат общелитературному фонду. Во всяком произведении используется ряд готовых литературных конструкций, наделенных еще "в словаре", до включения в конкретный текст, определенным кругом выразительных и смысловых возможностей. Когда подобный стереотип участвует в воплощении темы конкретного текста, автор исходит из того, что читателю знаком - сознательно или бессознательно - некий "нормальный" его вариант. Поэтому выразительные и тематические эффекты могут извлекаться не только из непосредственно используемых

элементов стереотипа, но и из того, что другие его потенциальные элементы в данном тексте отсутствуют, а третьи даны в измененном виде.

В стихотворении *Я с тобой не стану пить вино* представлены две типовых единицы, в данном случае - фразеологического плана: поговорка *тишь да гладь, божья благодать* и конструкция "знаю я вас" (будем условно называть ее так). Первая из них имеет фиксированный текст. Вторая, напротив, представляет собой общую формулу, заполняемую по-разному в зависимости от нужд автора (т.е. она принадлежит к обширному классу художественных "полуфабрикатов"). Семантическое описание конструкции "знаю я вас" выглядело бы, вероятно, примерно так: (1) Персонаж А полагает, что персонаж Б хочет его обидеть, сбить с толку, перехитрить, соблазнить, использовать и т.п.; (2) А заявляет, что намерения Б для него не секрет, что пружины действий Б прозрачны, его поведение всегда одинаково и предсказуемо, его претензии на оригинальность несостоятельны; (3) А заявляет, что Б не удастся его провести, что он хитрее, чем Б, не даст себя в обиду и сам проведет кого угодно. При развертывании этого полуфабриката в текст типично применение таких деталей как: слово "знаю" или его синонимы; выражения множественности и обыкновения, кванторы всеобщности применительно к Б ("все вы одним миром мазаны", "знаю я вашего брата", "видали мы таких", и проч.); противопоставление себя (А) противнику (Б) или тем, кто склонен поддаваться его соблазнам; наконец, энергичные заверения в том, что происки Б не увенчаются успехом.

Приведем несколько литературных примеров. У Крылова ловчий отвечает волку: *Ты сер, а я, приятель, сед, И волчью вашу я давно натуру знаю* (отметим противопоставление *ты - а я*, перекликающееся с ахматовским *у вас - а у нас*, и обобщающий характер слов *волчью вашу натуру*). У Гоголя: *Знаем мы вас, как вы плохо играете* (Ноздрев - Чичикову, к которому он нормально обращается на ты). Достоевский: *Я тебя знаю! Ты опять озорничать?* (мещанин - Коле Красоткину, который морочит ему голову; повторено несколько раз; роль формы обыкновения играет *опять*; *Братья Карамазовы* 10,3). Булгаков: *Мне это отделение известно! Там кому попало выдают паспорта! А я б, например, не выдал такому, как вы! Нипочем не выдал бы!* (Бегемот - Поплавскому, *Мастер и Маргарита* 18; отметим *кому попало*, близкое к ахматовскому *с кем попало*, играющее роль квантора всеобщности, а также под-

черкнутое я, не поддающееся хитрости).

Формула "знаю я вас" имеется и в анализируемом нами стихотворении. (Выражаемое ею значение "меня не перехитришь", "я хитрее" находит себе соответствие в строфико-рифменной структуре, где, как мы видели, партнеру героини - а с ним и читателю - успешно ставится ловушка.) Конструкция "знаю я вас" делает употребление местоимения второго лица множественного числа (*у вас заведено*) в первом катрене почти автоматическим. Благодаря столь сильной мотивировке оказывается в тени роль местоимения "вы" в рамках другой конструкции, собственно ахматовской, о которой мы писали, - коллективистской модели "вы - мы" (тем более, что и второй член ее на данном этапе еще не развернут). В результате появление "мы" во втором катрене выглядит до известной степени неожиданным. Ведь выражения типа "знаю я вас" настраивают, как отмечалось, скорее на то, чтобы **м н о ж е с т в у** однотипных явлений в лагере партнера противостояли опыт и мудрость **о д н о г о** персонажа - "я", как это имеет место в примерах из Крылова и Булгакова. Так оно в общем и намечалось в первом катрене (*не стану пить вино, знаю я*). Появляясь в начале второго катрена, местоимение первого лица множественного числа (*а у нас*) подменяет эту более или менее ожидаемую оппозицию совершенно иной (но тоже вполне органичной и подготовленной, как всегда бывает при внезапном повороте), в которой партнеру и его риторически примысливаемым товарищам противостоит уже не превосходительная мудрость одной героини ("я"), а нечто симметричное им самим и сходно окрашенное - кокетливое содружество героини и ее квази-монашеского окружения. Это, конечно, меняет звучание ранее заданного стереотипа и нейтрализует заключенную в нем агрессивность.

Итак, второй катрен обнаруживает несерьезность осуждения и намекает на фактический параллелизм миров героини и ее партнера. Но одновременно у него есть и другой важный аспект - дразнение того же партнера. Оно манифестируется в фигуре лукавой скрытности, веселого увертывания от любопытных вопросов (которая, как можно было заметить, находит себе соответствия и в интонационном рисунке последних четырех стихов - в тоне загадочности, многозначительности). "Я про тебя всё знаю", говорила героиня в первом катрене. "А ты про меня - нет", так может быть интерпретирован ее жест во втором катрене. В самом деле, ее слова о себе в стихах 5-8 отмерены максимально скупой и к тому же представляют собой не что иное, как на-

смешливо-благообразную мину, типичные "ненастоящие" слова, призванные не сообщать, а скрывать и интриговать. Не случайно ею выбрана форма поговорки - готовая, нарочито гладкая и обтекаемая. Употребление штампа, расхожего афоризма вместо нормальных "человеческих" слов - один из известных способов ничего не сказать и разочаровать, а то и раздражить того, кто ждет реальной коммуникации.

(В данном случае этот эффект усугублен тем, что пустая формула, состоящая из одних синонимов, растянута на два стиха.) В свете темы дразнения, ускользания и т.п. легко приписать дополнительную функцию элементам, уже интерпретированным ранее в терминах инвариантных ахматовских мотивов, как-то: "мы" (партнер получает от героини расплывчатый коллективный ответ вместо ожидаемого персонального) и неподнимание глаз (также уклонение от прямого ответа).

В своих заметках мы, возможно, пропустили какие-то аспекты стихотворения, которые иному читателю покажутся весьма существенными. С другой стороны, не исключены и перегибы в осмыслении отдельных моментов, в их подведении под единую схему. Как мы сказали в начале, нашей целью был поиск той или иной связи с темой в возможно большем числе элементов текста. Вопрос о том, какие из этих связей общезначимы и художественно действенны, а какие привносятся индивидуальным прочтением или слишком тонки, чтобы быть реально воспринимаемыми, - предмет особых теоретических обсуждений, для которых данная статья может служить лишь сырым материалом.

П р и м е ч а н и я

1. См. Ю.К.ЩЕГЛОВ, Черты поэтического мира Ахматовой - *Wiener Slavistischer Almanach*, Band 3, 1979; его же, Из наблюдений над поэтическим миром Ахматовой (Сердце бьется ровно, мерно...) - *Russian Literature*, XI -1, January 1982.
2. Заподозрить в следующих двух стихах точное повторение той же комбинации тем труднее, что разбираемый нами катрен, по-видимому, является уникальным в русской поэзии примером данной метрико-строфической структуры. Существуют, однако, *двустипшия* с таким строением, как в 1-2: частично из них, а частично из двустипший пяти- и шестистопного усеченного безцезурного хорее состоит одно стихотворение 1912г. в *Четках*: *Я пришла тебя сменить, сестра У лесного, у высокого костра* (схема такая же как в *Я с тобой не стану пить вино*); *Поседели твои волосы. Глаза Замутила, затуманил слеза*, и т.д. Ср. также *Голос памяти* (июнь 1913) с сочетанием шести- и пятистопного хорее: *Чайку ли на синей скатерти води, Или флорентийские сады?* Можно предположить, что в метрико-строфическом мышлении молодой Ахматовой последовательность этого типа в качестве двустипшия фигурировала как некая норма, в качестве же первой половины перекрестно-рифмованного катрена -

как смелое новшество и нарушение ожиданий.

3. Прием выразительности ПРЕДВЕСТИЕ (о нем см. А.К.ЖОЛКОВСКИЙ, Ю. К.Щеглов, Поэтика выразительности. Сборник статей. Wien, 1980, стр.13-46 (*Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 2*))
4. Ударение на я (в отличие от неударного я в *знаю я* ниже) обусловлено тем, что это местоимение не является простой прокликтикой к *не стану*, но противостоит другому личному местоимению - *с тобой*. Впрочем, мы допускаем, что они оба акцентированы несколько слабее, чем последующие слова 1 стиха.
5. Раздельность двух квантов, возможно, делается еще более ощутимой благодаря стыку двух сходных согласных: *с/з*; озвончение *с* приводит к появлению удвоенного *зз*, выразительно маркирующего границу.
6. ОТКАЗ (ОТКАЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ) - прием выразительности, состоящий в том, что развитию действия в некотором направлении А предшествует оттеняющее его развитие в противоположном направлении Анти-А. В данном случае понижение от *знаю* к *я* играет роль отказного движения по отношению к повышению в *у вас заведено*. О приеме ОТКАЗ см. статью А.К.ЖОЛКОВСКОГО и автора в *Slavica Hierosolymitana V*, 1980.
7. См. нашу статью в *Russian Literature*, XI-1, 1982, стр. 72.

Alexander K. ZHOLKOVSKY (Cornell University, Ithaca)

19 ОКТЯБРЯ 1982 г.

or

THE SEMIOTICS OF A SOVIET COOKIE WRAPPER

Роняет лес багряный свой убор < ... >

*Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют < ... >*

*Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тротик экойный < ... >*

*Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.*

Пушкин, "19 октября [1825 г.]" (II:424)*

1. *Квебекистан, тов. Мельчуку И.А.*

Dear Igor',

My reasons for writing this open letter to you in English are the following:

- (i) as you have so often insisted, no such thing as Russian exists for academic purposes;
- (ii) my (and the world's) command of your stepmother tongue *laisse à désirer* (why don't you take one more step - or are you happy as *le grand linguiste québécois*?);
- (iii) I am writing this not for you (half of what follows you know and the other half about semiotics, culture, tropes etc. you will never believe anyway), but rather, by way of something known as a "pragmatic trope" (which substitutes for an explicitly mentioned addressee another, implicit one, see Kerbrat-Orecchioni 1980), for whom it may concern.

I start, as you taught me, with

2. *The Title, the Topic and the Goal of the Paper.*

The full meaning of the title and, in fact, of any word in a text, can only be made clear by the text in its totality. Here I will have to confine myself to a rough approximation.

Why the date? Because, of course, it is your 50th birthday

* For translations of Russian fragments and the reproduction of the cookie wrapper see Appendix.

(the local theme) and at the same time a ready-made type of title in Russian literature (an intertextual theme).

Why "semiotics"? As you know, I am not really a specialist, but then who is? One popular etymology derives the word from the latin *semi*-'half' + *otium* 'leisure'; hence 'half-leisure' or 'part-time job', depending on whether you see a glass as half-empty or half-full. Another definition says that "semiotics is a chain of meetings, symposia, conferences, etc. on the agenda of which there is always one and the same item: *miscellanea* (see Zholkovsky 1970: 171). But then what do you expect of a *Festschrift* essay?

Why a "cookie wrapper"? Because semiotics is interested in all signs (a noble motive), and because ever since I read Roland Barthes's (1964) analysis of an advertisement for "Pasta Panzani" in the historic *Communications*, 4, I have wanted to emulate it - to say nothing of "The Raw and the Cooked" (an ignoble, zero intertextual motive). One of Barthes's most interesting insights was that the color scheme of the ad (red, green, whitish) brings in implicitly the Italian flag, while '*l'italianité*' itself connotes 'freshness, abundance, etc.' (Barthes 1964: 41, 49).

As you will see, my cookie wrapper is both similar and different in interesting ways. Also my example, even more so than a poster, an advertisement, or commercial, illustrates the closeness and yet separateness of the referent (cookie) and the signifier (wrapper).

Why Soviet? First of all, because *homo sovieticus sum et nihil sovieticum a me alienum puto* (a nice, nostalgic motive); second, because this is an untrodden ground where one can hope to be original (a base, self-assertive motive).

My interest is, as usual, in the artistic expressiveness of the analysed structure, its rhetorical figures and strategies. Therefore,

3. Advertising in poetry, poetry in advertising.

As a typically capitalist genre, advertising has flourished in the West, especially in the U.S.; and it has attracted the scholarly attention of psychologists, sociologists, and

semioticians. Vance Packard's (1957) *The Hidden Persuaders* (itself a best-seller) focused on the rhetoric of advertisements which sell you the product by selling you on the idea that underlies it.

Leo Spitzer, in a sympathetic outsider's view of Americana and a *tour de force* of "an *explication de texte* of a good sample of modern advertising" (1962: 249), analysed an ad for *Sunkist* oranges as an instance of *Gebrauchskunst*, i.e. of прикладное искусство, a notion which, curiously, he had to paraphrase in English as "'applied practical art': that art which has become a part of the daily routine and which adorns the practical and the utilitarian with beauty" (1962: 248).

One of Spitzer's major points is about the 'disinterestedness' of this art, or to translate this into the Slavic dialect of Structuralese, its "set towards expression" (установка на выражение). I, for one, remember many ads and commercials, but hardly ever what they are supposed to sell me. For instance, on a train from New York to Boston, I saw a poster for some Irish cream liqueur which read:

*The richest freshest
Creamiest Irishest
Taste in all the world.*

This text, written by a Shelley (or at least a Shelley major), conveys its theme, 'Irish = exceptionally good and healthy', with admirable artistic skill. The pivotal word that combines 'Irishness' with 'exceptionality' is, of course, the ungrammatical, i.e. neologistic, superlative degree *Irishest*. It is supported by the entire linguistic structure of the two first lines, which prepares it in several ways:

- (i) Phonetically (and graphically), *Irishest* is an anagram of *richest* and *freshest*;
- (ii) Prosodically and metrically, it is foreshadowed by *creamiest*, a dactylic foot beginning with a long and stressed vowel (˒);
- (iii) Morphologically, the unlikely superlative *creamiest*

paves the way from the perfectly normal *richest* and *freshest* to the impossible *Irishest*.

As a result, *Irishest* is iconically "proven" to be a 'superb combination of richness, freshness and creaminess', something that is *plus lait que le lait même*, especially if the latter is advertised *à la Soviétique*: Молоко это изумительный продукт, созданный самой природой. И. Павлов [a standard plaque in the windows of Moscow dairy stores].

On American TV there is an unforgettable commercial for some shampoo. It features a succession of beautiful girls with masses of rich, "bouncy" hair repeatedly penetrated by one (sic!) long masculine arm, now on the left, now on the right side of the head, to the refrain of the girls' words "Come on, touch it!" The unmistakable connotations are 'beauty,' 'coyness,' 'invitation,' 'intimacy,' and 'phallic penetration', subliminally*) impressing on the viewer the equation 'shampoo = sex'.

My next example is again a shampoo advertisement, this time a French one (analysed in Žolkovskij and Ščeglov 1980: 37). It displays, in four black-and-white photos, four different girls, interviewed by a pollster about the pragmatic meaning of the word *fouchicotter*; in the right bottom corner a modest yellowish bottle of *L'Oréal* is offered as a panacea.

The overall formal structure of this ad is the familiar one of 'lack [=split ends]- liquidation of lack [= L'Oréal]', cf. Propp 1969. The specific rhetorical emphasis is on the theme of 'objectiveness,' which is conveyed as follows:

- (i) On the level of *plot* the ad uses the ready-made motif (= Riffaterre's, 1978, hypogram, or descriptive system) of a 'poll', with its connotations of 'random statistic evidence, documentariness';

*) Talking of the subliminal, I wonder whether the words "come on" involve additional orgasmic connotations. But, of course, to establish this I would need that Americanest of research tools, a grant, to do a statistical survey of native speakers' reactions. As you remember, even the greatest of Americans, Lincoln, needed a Grant to achieve his goal (I refer you to an informal discussion on Метростроевская *circa* March 1975 with Len Babby, of the prospects of the Толково-Комбинаторный Словарь in American universities; ВОЗ И НЫНЕ ТАМ.

- (ii) In the *composition*, 'statistics' is expressed iconically, through the expressive device of VARIATION (four pictures and girls, instead of one);
- (iii) *Compositionally*, again, the emphasis is, unobtrusively, on the 'lack', not on the advertised product (Cf. Фирма "Дженерал Моторс" в рекламе не нуждается ; Volkswagen Bug: Ugly as ever; etc.);
- (iv) The *color scheme* provides an iconic representation for 'documentariness': 'black-and-white' movies and photos now connote 'non-fictionality';
- (v) The *dialogue* implements 'objectiveness' as 'scholarly, not practical, pursuits' (note the disinterested search for an accurate lexicographic definition of the word in question).

Playing with 'objectiveness' is, of course, one of the favorite gimmicks of advertising. From time to time I get, in junk mail, invitations to participate in sweepstakes, a sort of mass lottery. In bold capital typographic letters, visible through the envelope's window, a typical ad "certifies" in a perfectly objective and trustworthy third person, indicative mood, that "MR. A. ZHOLKOVSKY WILL RECEIVE \$ 500.000 EVERY MONTH FOR LIFE", and then adds a shy disclaimer ("... if one of his numbers ...") in small print somewhere off-center.

4. "Back in the USSR"

To turn to the all too familiar Soviet turf, there seems to be little room for advertising in a country where the customer is always wrong and the government the sole monopolist seller with nobody to compete with, and not much to sell anyway. Accordingly, the advertising scene is dominated by texts like: Покупайте мороженое Мосхладоккомбината имени А.И. Микояна. "Buy the ice-cream of Mosfrozfactory named after A. I. Mikoyan" appearing in neon letters over the rooftops.

Not much of a rhetoric: a peremptory imperative (*Видь ...*), a bureaucratic-technological abbreviation (Мосхладоккомбинат), a total lack of semantic focus (mentioned, if my memory does not

fail me, in one of Padučeva's articles on focus). Is the emphasis on 'buy,' on 'ice-cream' or on the products of the particular factory (which is the only one on the market)?*)

Under these grim conditions it took a man of genius, a survivor of the Futurist era and someone well-travelled and well-versed in the West to start wondering about the techniques of persuasion common to art and advertising. Several decades before the advent of semiotics, Sergey Eisenstein was prepared to stoop to analysing cartoons, nursery rhymes, games (e.g. "Who'll be the first to say 100?", see Eisenstein 4: 695-7), or the rhetoric of door-to-door peddling. As early as 1945 (see 5: 498ff.) he quotes H. Overstreet's "Influencing Human Behavior", the chapter on "Yes-Response Technique":

The canvasser rings the doorbell. The door is opened by a suspicious lady-of-the-house. The canvasser lifts his hat. "Would you like to buy an illustrated *History of the World*?" he asks. "No!" And the door slams ...

Hence it is of the very greatest importance that we start a person in the affirmative direction. A wiser canvasser rings the doorbell. An equally suspicious lady-of-the-house opens. The canvasser lifts his hat. "This is Mrs. Armstrong?"

Scowlingly - "Yes."

"I understand, Mrs. Armstrong, that you have several children in school."

Suspiciously - "Yes."

"And of course they have much home work to do?"

Almost with a sigh - "Yes."

"That always requires a good deal of work with reference books, doesn't it - hunting things up, and so on? And of course we don't want our children running out to the library every night...better for them to have all these materials at home." Etc., etc.

We do not guarantee the sale. But that second canvasser is destined to go far! He has captured the secret of getting, at the outset, a number of "yes-responses." (Overstreet 1925: 16-17)

*) My latest guess is that the focus is on Mikoyan, the leader responsible for the food industry, who had travelled to USA and along with some advanced technology may have imported the very idea of advertising: after all, the most interesting thing about this ad is its being there. And, of course, to advertise a leader, rather than a product, is much more in the spirit of Soviet murals.

Such simple examples from low-brow genres were used by Eisenstein to illustrate the laws of "merciless", "unrelenting", "inexorable", etc. (his favorite words) composition, whose task it is to hammer home to the audience the central theme the work of art is devised to sell him on.

5. *Cracking the Code of the "October" Cracker*

Now for the *pièce de résistance* of my essay. Thanks to the reproduction (p.354), I can skip the literal description and proceed directly to its poetic interpretation. Leaving aside for the moment the potential multiplicity of readings dependent on the readers' codes, I will first concentrate on a historically specific Soviet reading and the underlying rhetorical structure.

When some 15 years ago I bought the cookies, my "native consumer" response was: aha, the usual thing. But something kept nagging me, just the way it is with an interesting paraphrase or poem. So I saved the wrap (and later smuggled it out) and started analysing my reaction.

You understand that when I say "the usual thing", I mean something very different from what a "normal" American or European audience sees in this wrapper when confronted with it at a lecture. They perceive it as a nice, if traditional, variation on the theme of 'autumn', along the familiar Breughel-Vivaldi lines. If there is anything that surprises them it is the lack of connection with the cookie.

There is none. In the USSR you do not sell crackers, you sell ideas. The wrapper design is thus ultimately disinterested and ultimately *engagé* at the same time, its engagement being highly politicized. And it is here that an unexpected subtlety lurks.

I had assumed I saw the usual "Red October" stuff, the umpteenth reproduction of a stable motif (October revolution *cum* red flags, etc.) which, in fact, provides the name of the biggest and most popular candy factory (ф-ка "Красный Октябрь"). On closer inspection it turned out, however, to be 'red' and 'October' but not a 'Red October' (just like that French guy

who was *roux et sot, mais pas un Rousseau**)).

The whole point was that, in a feat of ambivalent "yes-and-no-technique", it both evoked the cliché and evaded it. It let you - and the censor **) - read it as a 'yes', but pointedly avoided stating so. The avoidance is quite marked if seen in the context of innumerable "Red Octobers", or even subtler, but quite explicit structures, like the painting entitled "The October Wind", with Lenin walking along the Neva embankment, the hems of his overcoat floating in the wind, presumably around 10/25, Old Calendar.

In our case "the usual thing" could have resulted in red flags or at least red splotches all over the wrapper. Instead, there are red leaves: it is they, and not October, that are red, and thus the obligatory political motif is replaced by an apolitical, eternal, natural, "abstractly humanistic" one. How is this effect achieved?

The color scheme is so devised that it covers practically all four seasons: the green oak leaves and the light yellow background stand for the spring-and-summer sunlight and verdure; the red maple leaves for autumn; the white unspecified (birch?) leaves, for winter.

The felicitous find is, of course, the maple leaves, which in nature are of a reddish-brown colour when they fall in October. The central role of these leaves and of autumn in general is stressed by:

- (i) the intensity of the leaves' colour (they also outnumber the second brightest oak leaves);
- (ii) the fact that they carry the word 'cookie', in both Russian and Latvian;
- (iii) their direct connection with the title ('October');
- (iv) the upward windswept flight of all the leaves, which, via the motif of 'falling leaves', identifies the season as '(revolutionary) October'.

*) Any resemblance to real persons, living or dead, is, of course, purely coincidental.

**) Because every scrap of printed matter is subject to censorship (Igor', you could do without this piece of information, but they cannot).

The red maple leaves play the double role of 'falling leaves' and 'red flags'. Indeed, their blood-red colour is exactly that of revolutionary flags, and rather unlike that of reddish-brown falling leaves of maple. Thus, in this combination, the natural motif ('the month of falling leaves') is represented by the *shape* of the 'leaves', while the political motif ('the month of Revolution') is represented by their *colour*. Of the two, the former is by far more explicit, so that the combination as a whole follows the overall pattern of downplaying the official 'Red October' theme and squeezing it down into the subtext.

What is the point of such tightrope balancing on the brink of an official cliché without falling into it completely? I think it is a fine *gebrauchskünstlerische* implementation of the attitude, quite widespread among the semi-dissident Soviet intelligentsia and known in Russian as a *кукиш в кармане* (which can be translated into English roughly as "giving them the finger from one's pocket"). This is the position of "decent" people in the USSR who accept collaboration with the regime as inevitable, but insist on avoiding personal involvement and commitment whenever possible. "You want an "October" wrapper designed? Here you are: it is 'October' and 'red', but you won't get me to spell it out as 'October 25, 1917'." This mild but firm resistance is probably to be expected, since the actual wrapper is made in one of the Baltic republics, Latvia, where the Soviet regime is a relatively recent and most flagrantly lawless innovation.

In fact, the Latvian part of the text provides a direct reference to the date of the annexation, *alias* "voluntary reunification", of Latvia, June 17, 1940. In very small letters it appears as the name of the Riga factory that manufactured the cookie. This seems to add a final comment on the central ambivalence - the absence of a similar explicit statement on the level of the design's major components: October remains un-red and undated.

6. *The Lessons of "October"*

The *descriptive* interest of such an analysis involves a wide range of subjects: "disinterestedness" of artistic advertising on either side of the iron curtain; differences in the social context of advertising; respective favorite messages sold to consumers ('sex', 'objectiveness' 'freshness' vs. 'politics', 'eternal nature', 'non-conformism'); various ideological attitudes characteristic of the Soviet scene and their reflection in "applied art".

This latter subject leads to another group of conclusions, the *theoretical* ones. The rhetorical figure that underlies our wrapper (one might call it "Covert Substitution", in this case, of 'apolitical nature' for 'official politics') should find its place alongside other figures (various tropes; making strange "остранение"; etc.). Detailed description of these figures is both of theoretical interest and can shed more light on ideological patterns and strategies.

Incidentally, one such figure is involved in Eisenstein's reference to the art of canvassing. I might have created the impression that he quoted Overstreet as a rhetorician from whom to learn and borrow. In light of Eisenstein's persistent interest in persuasion techniques, there is little doubt that this was his real meaning, but the overt purport was quite different. Advertising tricks served as examples of the barrenly materialistic American mentality, against which a loveable "Charlie the Kid" (the title of Eisenstein's Russian article) is pitted in a losing battle. Eisenstein had thus resorted to a device familiar to intellectuals in totalitarian societies: ostensibly denouncing the "ideologically alien" source, he in fact introduced it to his starved readers, предоставил трибуну врагу.

This deconstruction of Eisenstein's own duplicitous rhetoric reminds us of the essential non-uniqueness of the actual interpretation I offered for the wrapper. Reading depends on the code. Some differences would be of a, so to speak, *polysemantic* kind. If the delicate balance that ensures the ambivalence

discussed above were to be toppled, this would result either in a naive apolitical reading ('falling leaves'), or in a chichéed official interpretation ('Red October'). The latter may lead to the canonization of a non-conformist (fellow-traveller, dissident,...) artist, deliberately overlooking his subtle noncommittance and integrating him into the official culture.

Further away from the socially and historically most probable interpretation will be readings based on what we may call the *homonymy* of signs in different codes. Imagine someone trying to interpret the same design in terms of national symbols, with birch leaves symbolizing Russia, oak leaves symbolizing Germany, red maple leaves symbolizing Canada, red, white and green, the national colours of Italy (cf. above), yellow, green and white - those of Lithuania, and so on and so forth. A potential multiplicity, even infinity, of readings becomes, at least theoretically, plausible.

7. *Envoi*

For semiosis is an expanding universe. "Any attempt to codify context can always be grafted onto the context it sought to describe, yielding a new context which escapes the previous formulation. Wittgenstein's suggestion that one cannot say "bububu" and mean 'if it does not rain I shall go out for a walk' has, paradoxically, made it possible to do just that" (Culler 1981: 25).

When all is said and deconstructed, I can confess that one goal of all my "blablabla" was to inscribe indelibly on this wrapper a reference to a red-haired October-born citizen of a maple country. Another was, of course, to bring to your *schriftliches* feast a modest Platonic cookie, which I hope kindly *veuille agréer* with your mind's palate. (А нет, так нет, as the joke goes, *de gustibus ...*). For best results, when serving,

Завари же в преддверие тьмы,
Полувечером, мнимозимой
Псевдокофий, что ложнокумой
Квазимодною даден взаимы.

Саша Соколов. "Записка XVI. Стих о прекрасной бобылке" (1980:82)

REFERENCES

- BARTHES, Roland. 1964. Rhétorique de l'image. *Communications*, 4, 40-51.
- CULLER, Jonathan. 1981. Convention and Meaning: Derrida and Austin. *New Literary History*, XIII, 15-30.
- EISENSTEIN, Sergey. 1964-1970. *Izbrannye proizvedeniya v šesti tomach*, vv. 4, 5. Moscow: Iskusstvo.
- KERBRAT-ORECCHIONI, Catherine. 1980. Comprendre l'implicite. *Documents de Travail et Prépublications*. Urbino: Centre International de Sémiotique (forthcoming).
- LÉVI-STRAUSS, Claude. 1964. *Le Cru et le Cuit*. Paris: Plon.
- PACKARD, Vance. 1957. *The Hidden Persuaders*. New York: D. McKay Co.
- PROPP, Vladimir. 1969. *Morphology of the Folktale*. Austin and London: University of Texas Press.
- PUSHKIN, A. S. 1937-1949. *Polnoe sobranie sočinenij*, vv. I - XVI. Moscow: AN SSSR.
- RIFFATERRE, Michael. 1978. *The Semiotics of Poetry*. Bloomington and London: Indiana University Press.
- SOKOLOV, Saša. 1980. *Meždu sobakoj i volkom*. Ann Arbor: Ardis.
- SPITZER, Leo. 1962. *Essays on English and American Literature*. Ed. by Anna Hatcher. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- ŽOLKOVSKIJ, A. K. 1970. "Otsutstvujuščaja struktura" (Umberto Eco). *Voprosy filosofii*, 1970, 1, 171-177.
- ŽOLKOVSKIJ, A.K. and Ju. K. ŠČEGLOV. 1980. *Poëtika vyrazitel'nosti. Sbornik statej*. Wien. (=Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 2)

A P P E N D I X

Translations of Russian Fragments

The title and the epigraph:

The 19th of October, 1982

The forest is shedding its purple attire <...>

I drink alone, and on the banks of the Neva

My friends call my name today <...>

Of the alien skies a restless lover?

Or maybe you are again crossing the sultry tropic <...>

Wherever fate might throw us
And wherever luck might lead us,
We are still the same: for us the entire
 world is an alien land:
Our fatherland is Carskoe Selo.

Pushkin, "The 19th of October (1825)"

Section 1:

Quebecistan, Comrade I. A. Mel'čuk

Section 2:

in compensation

Section 3:

"Milk is an amazing product, created by Nature itself."

I. Pavlov.

Metrostroeovskaja Street

Explanatory-Combinatorial Dictionary

The cart is still there (a proverbialized line from
a Krylov fable)

GM does not need to be advertized

Section 5:

the "Red October" factory

Section 6:

ceded the floor to the enemy

Section 7:

lit. If no, then no (the punch-line of a Soviet Jewish joke)

So make, at the threshold of the darkness,

On a half-evening, in a mock-winter,

Some pseudo-coffee that from the quasi-modish

Phony-godmother is gotten on loan.

Sasha Sokolov. "Note XVI. A verse
about a beautiful widow."

The Wrapper (from top to bottom):

"October" cookie (in Latvian)

(Abbreviations for) Latvian Soviet Socialist Republic,

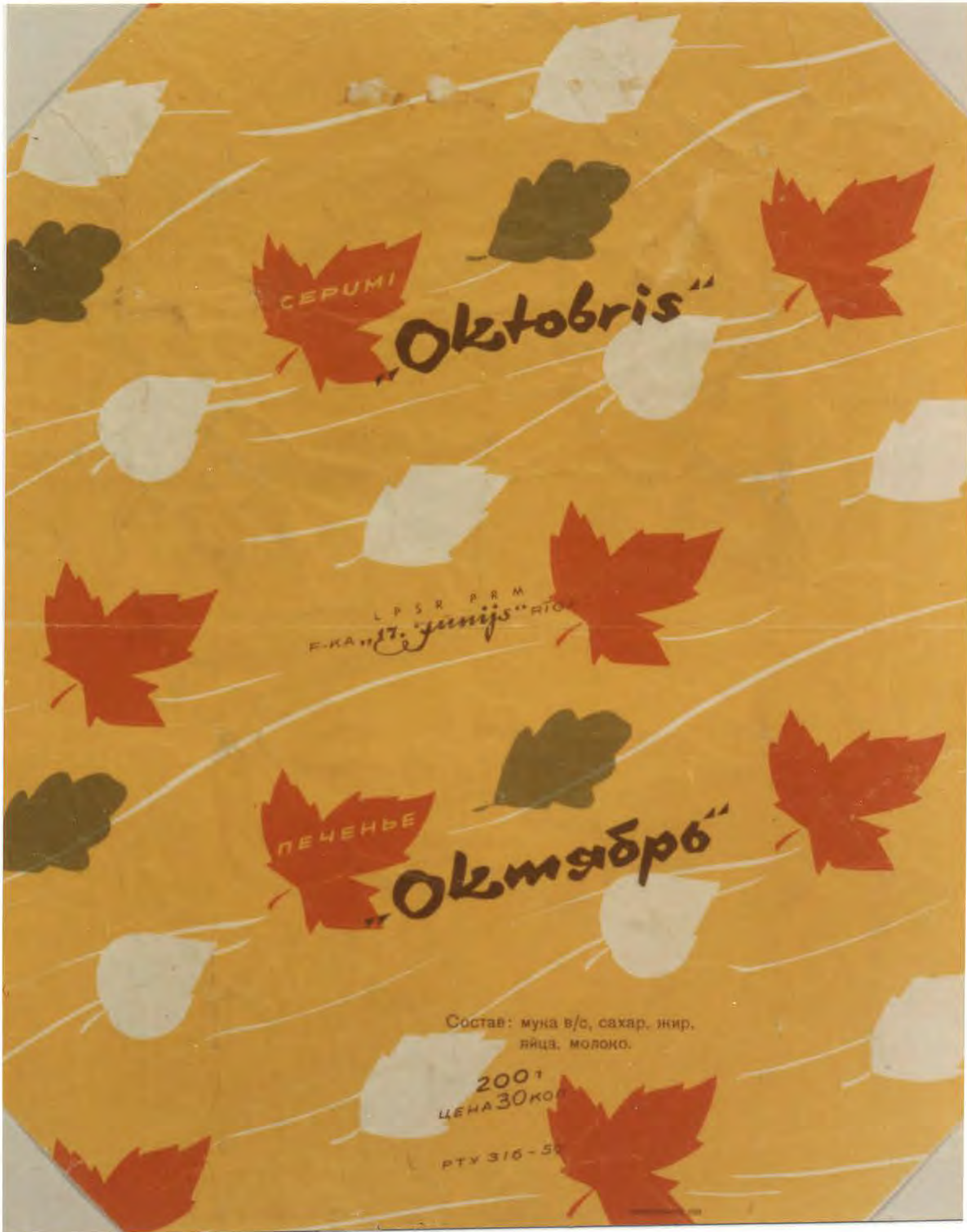
Ministry of Food Industries, the Factory of "June 17th", Riga.

"October" cookie (in Russian)

Ingredients: high-quality flour, sugar, fat, eggs, milk
200 grams

Price 30 kopecks

The product's identification number

Klaus HARTENSTEIN - Peter SCHMIDT (Bochum - Konstanz)

KOMMENTIERTE BIBLIOGRAPHIE ZUM "SMYSL ⇔ TEKST"-MODELL,

O. Vorbemerkungen

Der vorliegenden Bibliographie liegt eine doppelte Zielsetzung zugrunde:

1. Es sollen - mit annähernder Vollständigkeit - diejenigen Publikationen (einschließlich Mehrveröffentlichungen und Übersetzungen) erfaßt werden, die im Rahmen der von Ju.D. APRESJAN, I.A. MEL'ČUK und A.K. ŽOLKOVSKIJ begründeten 'Смысл ⇔ Текст' - Theorie (ST-Theorie) vorgelegt worden sind.¹ Darüber hinaus sollen Arbeiten anderer Autoren angeführt werden, die thematisch mit dem ST-Ansatz verbunden sind, indem sie ihn bzw. bestimmte seiner Teilaspekte darstellen, kritisch besprechen oder bei linguistischen Beschreibungen anwenden.

2. Durch eine geraffte Darstellung der Hauptcharakteristika der ST-Theorie und eine kurze Kommentierung ausgewählter Veröffentlichungen, die grundlegende und ausführliche Erörterungen wesentlicher Aspekte des Ansatzes enthalten, soll dem Benutzer die Möglichkeit gegeben werden, sich in die ST-Theorie einzuarbeiten, wobei die Kommentare als Lektürehinweise dienen sollen.²

Die Rubriken der Bibliographie ergeben sich aus den Beschreibungsebenen des 'Смысл ⇔ Текст'-Modells (модель 'Смысл ⇔ Текст', ST-Modell) sowie aus den bisherigen Arbeitsschwerpunkten im Rahmen der ST-Theorie.

Bei der Auswahl der Titel sind nur solche Arbeiten berücksichtigt worden, die explizit auf die ST-Theorie Bezug nehmen. Zusätzlich sind diejenigen Vorarbeiten zur ST-Theorie (bis ca. 1965) aufgenommen worden, die auch noch aus heutiger Sicht für

das Verständnis und die Fundierung des Ansatzes wichtig sind. Vorveröffentlichte Arbeiten, angekündigte und im Druck befindliche Publikationen werden, soweit zugänglich, ebenfalls erfaßt. Veröffentlichungen zu geringen Umfangs sind nicht berücksichtigt worden.

1.1. Das 'СМЫСЛ ↔ Текст' Modell

Bevor auf die einzelnen Teilgebiete der ST-Theorie und die dazugehörige Literatur eingegangen wird, sollen hier zunächst die zentralen Postulate und Merkmale des ST-Ansatzes und die Struktur des ST-Modells kurz skizziert werden.

Die ST-Theorie, deren wissenschaftsgeschichtliche Grundlagen und Motivation einerseits im Paradigma der (generativ-) transformationellen Linguistik, andererseits im Bereich der maschinellen Sprachanalyse und speziell der automatischen Übersetzung zu suchen sind, begreift sich als Theorie der funktionalen Modelle der sprachlichen Kompetenz im engeren Sinn ('СМЫСЛ ↔ Текст'-Modelle), wobei letztere definiert wird als Fähigkeit zur Zuordnung von B e d e u t u n g e n und T e x t e n - im Sinn von "Ausdrücken" (высказывания) - in einer gegebenen Sprache bzw., unter Betonung des Aspekts der Sprachproduktion/Synthese, als Beherrschung der s y n o n y m (i s c h) e n M i t t e l einer Sprache, d.h. der vielfältigen Ausdrucksmöglichkeiten für eine gegebene Bedeutung.

Das ST-Modell ist ein r e i n f u n k t i o n a l e s Modell der Sprachkompetenz in dem Sinn, daß es zwar die Fähigkeit des kompetenten Sprechers simuliert, gegebenen Bedeutungen alle sie in einer bestimmten Sprache ausdrückenden Texte und umgekehrt gegebenen Texten einer bestimmten Sprache alle von ihnen ausgedrückten (sprachlichen) Bedeutungen zuzuordnen, jedoch keinerlei psychologische oder neurophysiologische Realität beansprucht.

Das ST-Modell ist ein funktionales Modell der Sprachkompetenz in dem Sinn, daß es, obwohl insgesamt als d y n a m i s c h e s Modell der Zuordnung von Texten und Bedeutungen konzipiert, als zentrale l i n g u i s t i s c h e Komponente allein die separate "statische" Beschreibung der Zuordnung von

Bedeutungen und Texten in Form eines Kalküls enthält, die zu ergänzen wäre durch eine algorithmische Modellierung der konkreten Prozeduren/Mechanismen der Synthese/Analyse von Texten; in diesem Zusammenhang ist auch das prinzipielle Verbot extrinsischer Regelordnung im ST-Modell zu erwähnen.

Das ST-Modell ist ein funktionales Modell der Sprachkompetenz in dem Sinn, daß es sich auf die Modellierung der rein sprachlichen Fähigkeit der Zuordnung von Bedeutungen und Texten beschränkt, unter vollständiger Abstraktion von der Analyse der Bedeutungen selbst, die als Gegenstand separater - und separabler - psychologischer Modelle von kognitiven Fähigkeiten ('Bedeutung \leftrightarrow Realität'-Modelle) betrachtet wird. Dementsprechend werden Probleme der semantischen Wohlgeformtheit (semantische Anomalie/Kontradiktion etc.) und der Auflösung syntaktischer Homonymie durch Bedeutungsanalyse im Rahmen des ST-Modells nicht behandelt; Gegenstand des ST-Modells als Sprachmodell ist allein die Zuordnung zwischen allen grammatisch wohlgeformten Texten und den von ihnen ausgedrückten Bedeutungen (s. 1.2.).

Das ST-Modell ist konzipiert als strikt synchrones Modell der natürlichen Sprache als eines reinen Kommunikationssystems; andere Funktionen der Sprache, Fragen des Spracherwerbs, sprachhistorische und sprachsoziologische Fragestellungen etc. werden ausgeklammert.

Der ST-Ansatz unterscheidet sich in bezug auf seine theoretische und forschungspraktische Orientierung in einigen Aspekten wesentlich z.B. vom generativ-transformationellen Ansatz. Die Ausrichtung des ST-Ansatzes, wie sie in den folgenden Maximen zum Ausdruck kommt, ist in mehrfacher Hinsicht eine primär deskriptive; s. (150, S.57):

- "Beschreibung von Einzelsprachen statt Suche nach ihren bestmöglichen Grammatiken";
- "Feststellung von Einzelfakten in Einzelsprachen statt Jagen nach Generalisierungen oder Entdecken von sprachlichen Universalien";
- "Kybernetische Modellierung von muttersprachlicher Intuition

statt mathematischer Erforschung formaler Systeme, die Sprache repräsentieren."

Diese Orientierung erfolgt aus der Grundannahme, daß zur Zeit das primäre Forschungsziel der Linguistik in der deskriptiv adäquaten und möglichst vollständigen Erfassung von Einzelsprachen besteht, die notwendigerweise jedem ernsthaften Versuch einer empirischen Generalisierung vorausgehen muß. Aus dieser Einschränkung erklärt sich auch die Konzentration des ST-Ansatzes auf das *L e x i k o n* als primäre Quelle der weitgehend unerforschten sprachlichen Einzelfakten und die zentrale Rolle des Lexikons in der Organisation des ST-Modells (" ... eine Grammatik ... ist nichts als eine Menge von Generalisierungen über einem guten Lexikon"; s. (150, S.57) und die Ablehnung rein deduktiver und nicht an den konkreten Problemen der Sprachbeschreibung orientierter Forschungsaktivitäten sowie der primären Konzentration auf interne Probleme der Beschreibungsformalismen; letztere werden im ST-Modell als sekundäre, reine Repräsentationsmittel aufgefaßt, die zwar strikt formal und explizit sein müssen, deren spezifische Form aber primär durch die konkreten Erfordernisse der Sprachbeschreibung motiviert und dementsprechend auf der Basis qualitativ neuer Kategorien von Daten jederzeit modifizierbar ist.

Das ST-Modell gehört seiner Struktur nach zur Klasse der "Stratifikationsmodelle" der Sprache - zusammen mit Ansätzen wie z.B. der *S t r a t i f i k a t i o n s* grammatik (LAMB et al.) und dem *f u n k t i o n a l - g e n e r a t i v e n* Ansatz (SGALL et al.) - , da es die komplexe Zuordnung von Bedeutungen und Texten durch den Ansatz einer Vielzahl von Repräsentationsebenen und Regeln der Zuordnung von Repräsentationen benachbarter Ebenen zu erfassen sucht.

In seiner gegenwärtigen Form umfaßt das ST-Modell die folgenden Repräsentationsebenen:

- *Semantik* (семантический уровень): Darstellung der Bedeutung in Form semantischer Netze; lexikalische Dekomposition.
- *Tiefensyntax* (глубинный синтаксис): semantikorientierte Repräsentation der globalen syntaktischen Struktur mit Hilfe einer weitgehend universalen Dependenzsyntax.

- *Oberflächensyntax* (поверхностный синтаксис): ausdrucksorientierte Repräsentation der syntaktischen Struktur mit Hilfe einer einzelsprachspezifischen Dependenzsyntax.
- *Tiefenmorphologie* (глубинная морфология): Satzrepräsentation als Folge von Wortform-Repräsentationen.
- *Oberflächenmorphologie* (поверхностная морфология): morphematische Repräsentation (Satz als Morphemkette).
- *Phonologie* (фонологический уровень).
- *Phonetik* (фонетический уровень).

Das ST-Modell ist nicht *g e n e r a t i v*, sondern *t r a n s l a t i v / t r a n s f o r m a t i o n e l l*, sowohl in bezug auf seine Gesamtstruktur als auch in bezug auf das Format seiner Regeln.

Es ist global translativ in dem oben beschriebenen Sinn, indem es die Sprachkompetenz nicht primär unter dem Gesichtspunkt der generativen Aufzählung der Menge der wohlgeformten Ausdrücke beschreibt, sondern unter dem Gesichtspunkt der wechselseitigen Zuordnung von Ausdrücken und Bedeutungen. Insbesondere enthält es keine "erzeugende" Syntax z.B. im Sinn der Standardtheorie CHOMSKYS, aber auch keine "erzeugende" Semantik. Die Zuordnung von Bedeutungen und Texten wird im Prinzip als *u n g e r i c h t e t* aufgefaßt, auch wenn bei der konkreten Formulierung der Entsprechungsregeln meist entweder der Synthesestandpunkt (MEL'ČUK) oder der Analysestandpunkt (APRESJAN) eingenommen wird.

Das ST-Modell ist "transformationell" in bezug auf das Format der Regeln in dem Sinn, daß diese als Entsprechungen von Repräsentationen auf benachbarten Ebenen formuliert sind.

Die Zuordnungsregeln sind zusammengefaßt zu vier Regelkomplexen, den sog. *Komponenten* (компоненты) des Modells, die jeweils die Entsprechungen von Repräsentationen zwischen zwei benachbarten Ebenen insgesamt beschreiben:

der *semantischen Komponente* (семантический компонент: *S e m a n t i k* ↔ *T i e f e n s y n t a x*), der *syntaktischen Komponente* (синтаксический компонент), die zerfällt in die *tiefensyntaktische Komponente* (глубинно-синтаксический компонент: *T i e f e n s y n t a x* ↔ *O b e r f l ä c h e n s y n t a x*) und die ober-

flächensyntaktische Komponente (поверхностно-синтаксический компонент: O b e r f l ä c h e n s y n t a x \leftrightarrow T i e f e n m o r p h o l o g i e) , der ebenfalls zweiteiligen *morphologischen Komponente* (морфологический компонент) , die aus der *tiefmorphologischen Komponente* (глубинно-морфологический компонент: T i e f e n m o r p h o l o g i e \leftrightarrow O b e r f l ä c h e n m o r p h o l o g i e) und der *oberflächenmorphologischen Komponente* (поверхностно-морфологический компонент: O b e r f l ä c h e n m o r p h o l o g i e \leftrightarrow P h o n o l o g i e) besteht, und der *phonologischen Komponente* (фонологический компонент: P h o n o l o g i e \leftrightarrow P h o n e t i k) .

Abgesehen von ebenenspezifischen minimalen Wohlgeformtheitsforderungen für die Repräsentationen, die nur die Beschreibungssprache der jeweiligen Ebene definieren, wird die grammatische Wohlgeformtheit von Sätzen durch folgende Typen von Beschränkungen ("Filter") sichergestellt:

(1) durch die Entsprechungsregeln selbst, (2) durch Beschränkungen der Entsprechungsregeln, (3) durch generelle Beschränkungen für die Strukturen einer Ebene (z.B. globale Wortstellungsregeln), (4) durch idiosynkratische Beschränkungen der Kombinierbarkeit, Valenz, Rektion, Formenbildung etc. einzelner Lexeme.

Der lexikalischen Information kommt im ST-Modell, das nach dem Prinzip der maximalen Dezentralisierung der Wohlgeformtheitsbeschränkungen organisiert ist, eine entscheidende Rolle zu. Sie ist zusammengefaßt in dem als integraler Bestandteil zum ST-Modell gehörenden L e x i k o n , dem sog. *erklärend-kombinatorischen Wörterbuch* (толково-комбинаторный словарь); s. 1.3.

Die bisherige Forschung im Rahmen des ST-Ansatzes erstreckt sich, wenngleich in unterschiedlichem Maße, auf nahezu alle Sprachebenen; die entsprechenden Publikationen sind unten in den Abschnitten zu den einzelnen linguistischen Teilgebieten und Forschungsschwerpunkten aufgeführt und kommentiert.

Oben ist bereits die starke lexikalische Orientierung des ST-Ansatzes hervorgehoben worden, die sich niederschlägt in einer Fülle von Arbeiten zur lexikalischen Semantik, Phraseologie, Valenz und Rektion und in den Projekten zur Erstellung

von erklärend-kombinatorischen Wörterbüchern für verschiedene Sprachen; hier sind insbesondere die langjährigen umfangreichen Arbeiten zu einem erklärend-kombinatorischen Wörterbuch des Russischen zu erwähnen, von denen J. NICHOLS in (218) mit Recht feststellt, daß der generativ-transformationelle Ansatz auf diesem Gebiet nichts Vergleichbares hervorgebracht hat.

Daneben sind als weitere Forschungsschwerpunkte die Bereiche der Morphologie und der (Oberflächen-)Syntax zu nennen, denen gerade in jüngster Zeit zahlreiche Publikationen gewidmet sind. Die Forschung im Bereich der Syntax ist im ST-Modell bisher primär syntagmenorientiert; Probleme des komplexen Satzes, der Pronominalisierung etc. sind nicht systematisch behandelt worden. Die Arbeiten zur Semantik sind hauptsächlich der lexikalischen Semantik zuzurechnen, allerdings existieren auch Ansätze zur Behandlung satzsemantischer Fragen (s. 1.2.).

Pragmatische oder textlinguistische Fragestellungen sind bisher im ST-Ansatz kaum berührt worden.

Die ausführlichste zusammenhängende Darstellung des ST-Ansatzes bietet nach wie vor die Monographie (176), die die theoretischen Grundlagen des ST-Modells eingehend behandelt und ausführliche Darstellungen aller Aspekte der Semantik (semantische Repräsentation, lexikalische Funktionen, erklärend-kombinatorisches Wörterbuch, Rektionsmodell, Paraphrasesystem, semantische Komponente) und der Syntax (Tiefen-/Oberflächensyntax, syntaktische Komponente) im ST-Modell enthält. Als vorläufiger Ersatz für eine aus äußeren Gründen bisher nicht zustandegekommene Publikation zur morphologischen Komponente des ST-Modells kann die Aufsatzsammlung (126) gelten.

Daneben existieren zahlreiche kürzere Überblicksarbeiten zum ST-Modell: (131, 139, 167, 193, 197, 201, 269), und insbesondere (150), wo neben der Darstellung des ST-Modells auch Informationen zur äußeren und inneren Geschichte des ST-Ansatzes sowie ein kurzer Forschungsbericht und eine Auswahlbibliographie enthalten sind.

Die ältere Version des ST-Modells ist dargestellt in (271) und (275). Ein Kapitel über das ST-Modell ist auch in (6) enthalten. Eine kritische Darstellung des ST-Modells gibt (218); (254) vergleicht das ST-Modell als Beispiel für ein entwickeltes

strukturalistisches Sprachmodell mit der generativen Linguistik; (216) enthält eine Darstellung des ST-Modells und einen Vergleich von ST-Modell und der generativen Transformationsgrammatik am Beispiel der russischen agenslosen Passivkonstruktionen.

1.2. Semantik

Wesentliche Charakteristika des Bereichs der Semantik im ST-Modell sind:

- (1) das Bedeutungskonzept;
- (2) die semantische Sprache des ST-Modells und die semantische Repräsentation/Bedeutungsexplikation (vgl. zur lexikographischen Variante der semantischen Sprache 1.3);
- (3) die Prinzipien der Bedeutungsexplikation;
- (4) das Verständnis der sprachlichen Wohlgeformtheit von Texten;
- (5) die semantische Komponente des ST-Modells.

Die unter (1), (2) und (3) genannten Punkte sind darüber hinaus ebenfalls für das Gebiet der Lexikologie/Lexikographie (s.1.3.) von unmittelbarer Relevanz; gleiches gilt im Hinblick auf den Bereich der Semantik für den größten Teil der dort behandelten Begriffe wie z. B. für das Rektionsmodell und die lexikalischen Funktionen.³

Eine ausführliche Darstellung der Semantik im ST-Modell gibt die Monographie (15); verschiedene Probleme der semantischen Beschreibung werden auch in den Monographien (36, 176, S.9-206) behandelt. Die Arbeiten (28, 33, 37, 72, S.9-137; 72a, 141, 224, 246, 254) geben überblicksartige (Teil)darstellungen des Gebiets der Semantik.

Die durch **T e x t e** ausgedrückte Bedeutung (смысл) wird im ST-Modell als Invariante aller *synonymischen* (синонимические) - im weitesten Sinn - Paraphrasen definiert, wobei der *Synonymie/Bedeutungsgleichheit* (синонимия/равнозначность) als intuitiv gegebener Eigenschaft von Texten der Status eines Grundbegriffs zukommt, vgl. (176, S.10 f.; 271).

Die Bedeutung von *l e x i k a l i s c h e n* Einheiten (= lexikalische Bedeutung, значение) setzt sich im wesentlichen aus zwei Bestandteilen zusammen: a) der "Semantik" des Zeichens, und b) bestimmten Teilen der "Pragmatik" des Zeichens, dem auf das Bedeutungskonzept von A. WIERZBICKA zurückgehenden *modalen Rahmen* (модальная рамка) und den *assoziativen Merkmalen/Konnotationen* (ассоциативные признаки/коннотации). Eine Differenzierung der lexikalischen Bedeutung in Sinn und Bedeutung (gemäß der Terminologie von G. FREGE) schlägt APRESJAN allerdings für die Beschreibung von (lexikalischen) Konversiven vor; vgl. (15, S. 256-263).

Die lexikalische Bedeutung gegebener lexikalischer Einheiten wird außerdem - im Idealfall in Abhängigkeit von der jeweiligen ko- und kontextuellen Einbettung - in einen *Präsuppositions-* und einen *Assertionsteil* (пресуппозиция/утверждение) aufgespalten.

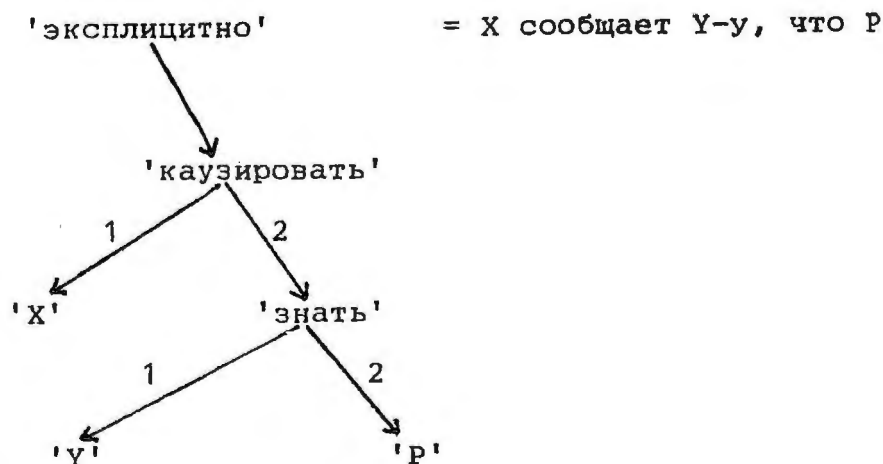
Das Konzept der lexikalischen Bedeutung wird in (15, S. 56-69; 36, S. 48-50) behandelt; dem speziellen Problem der Definition des Konnotationsbegriffs ist (96) gewidmet, eine kritische Untersuchung des Begriffs der Bedeutungsnuance (im Zusammenhang mit dem Problem der Polysemie/Ambiguität und der Kombinierbarkeit von Lexemen) stellt (38) dar. Fragen der Festlegung des modalen Rahmens und des Präsuppositions- bzw. Assertionsteils bei der Beschreibung gegebener lexikalischer Bedeutungen werden (u.a. im Hinblick auf die Wohlgeformtheit von Texten) in (8, 36, S. 48-54) erörtert. Die Problematik der Einstufung von Bedeutungen lexikalischer Einheiten im Hinblick auf deren Repräsentation im ST-Modell u.a. als grammatische bzw. nichtgrammatische Bedeutungen wird in (113, 155) angesprochen; s. auch 1.5.

Die *semantische Sprache* ("семантический" язык) des ST-Modells ist - in ihrer jetzigen Version - eine prädikatenlogischen Kalkülen ähnelnde spezielle Metasprache, die zur formalen Notation der *Dekomposition* (разложение/декомпозиция) gegebener Bedeutungen auf der Ebene der semantischen Repräsentation dient. Ausdrücke in der semantischen Sprache werden in der Form *semantischer Graphen* (семантические графы) abgefaßt, bei denen es sich um Netze mit gerichteten Kanten handelt. Die Knoten

können durch zwei verschiedene Typen von Einheiten ("Wörtern"), die das Inventar/"Lexikon" ("словарь") der semantischen Sprache konstituieren, besetzt werden:

(1) durch Funktoren mit den Untertypen: Prädikate, Junktoren und Quantoren; (2) durch Bezeichnungen für Gegenstände/Klassen von Gegenständen (einschließlich Eigennamen).

Die syntaktische Funktor - Argument - Strukturierung der semantischen Graphen bzw. deren *Bildungsregeln* (правила образования) ergeben sich aus den syntaktischen Eigenschaften der o.g. Einheiten. Von Funktoren können Pfeile sowohl ausgehen als auch in sie hineinlaufen; in die nur als Argumente fungierenden Gegenstandsbezeichnungen können Pfeile nur hineinlaufen. Die Pfeile der semantischen Graphen bleiben inhaltlich uninterpretiert, sie sind gegebenenfalls durch Zahlenindizes etikettiert, um zwischen den verschiedenen Argumenten eines Funktors zu unterscheiden; vgl. z.B. den semantischen Graphen von сообщать (s. auch (176, S. 63)):

Die Einheiten der semantischen Sprache, bei denen es sich nach MEL'ČUK um postulierte Größen bzw. forschungstechnische Konstrukte handelt, deren Auffindung intuitiv erfolgt, sind inhaltlich von unterschiedlicher Komplexität. Neben *elementaren Bedeutungen/semantischen Primitiven* (атомы смысла, элементарные смыслы/значения, семы, indefinibilia), deren "elementarer" Charakter nicht absolut, sondern relativ zur

jeweils intendierten Tiefe der Dekomposition gegebener Textbedeutungen definiert wird, umfaßt deren Inventar auch bestimmte Zusammensetzungen aus elementaren Bedeutungen, die semantischen Teilgraphen entsprechenden *Semanteme* (семантемы), die durch ihre - in der Regel monolexematischen - objektsprachlichen Ausdrucksäquivalente repräsentiert werden. Die Einbeziehung der Objektsprache zur Erweiterung der Ausdrucksmittel der semantischen Sprache und die Verwendung von *Umformungsregeln* (правила преобразования) für semantische Graphen führen zum *erweiterten "Lexikon"* (расширенный "словарь") der semantischen Sprache.

Neben der hier dargelegten Variante existiert eine frühere Version der semantischen Sprache des ST-Modells, das im Rahmen der englisch-russischen automatischen Übersetzung (semantische Synthese) entworfene *Basic Russian*. Diese ältere Konzeption der semantischen Sprache, durch die mit Hilfe der Teilkomponenten *Tiefenlexik* (глубинная лексика) und *Tiefensyntax* (глубинный синтаксис) Textbedeutungen in Form *lexikalisch-semantischer* (Tiefen-)Strukturen (лексико-семантические структуры) beschrieben werden, entspricht dem Beschreibungsinstrumentarium, das in der aktuellen Version des ST-Modells auf der tiefensyntaktischen Ebene angewendet wird; s. 1.4.

Ausführlich wird das *Basic Russian* in (271) dargestellt, weitere Darstellungen finden sich in (15, S.50-55; 261, 272, 275). Am Format des *Basic Russian* orientiert sich ebenfalls die (erste) von APRESJAN entwickelte formale lexikographische Variante der semantischen Sprache; s. 1.3.

Die aktuelle Version der semantischen Sprache des ST-Modells wird detailliert in (176, S.53-77) besprochen, weitere Darstellungen geben (36, 141, 219, S.21-27; 230, 246, 254). Allgemeine Probleme der metasprachlichen Bedeutungsbeschreibung vermittelt einer semantischen Sprache wie z.B. die Frage nach dem Status und der Auffindung ihrer Einheiten, das Konzept des erweiterten "Lexikons" der semantischen Sprache u.a. werden in (15, S.70-94; 25, 28, 36, S.10, S.17; 72, S.11-62; 72a, 141, 150, 176, S.53-77; 246, 254) erörtert.

Die *semantische Repräsentation* von Textbedeutungen (семантическое представление) bzw. die *Bedeutungsexplikation* von le-

xikalischen Einheiten (толкование, (лексикографическое) определение), die im ST-Modell auf der semantischen Ebene (семантический уровень/уровень семантического представления) erfolgt, umfaßt zwei Teilstrukturen: den mit Hilfe der semantischen Sprache notierten semantischen Graphen (s.o.) und die *kommunikative Organisation/semantisch-kommunikative Struktur* (коммуникативная организация) der gegebenen Bedeutung.

Die kommunikative Organisation einer gegebenen Bedeutung, die - bislang allerdings nur als Thema-Rhema-Gliederung (s.u.) - im semantischen Graphen selbst vermerkt wird, beschreibt bestimmte Aspekte der Sprechereinstellung zur Äußerung, die weitgehend dem im ST-Modell zugrundegelegten Verständnis der Pragmatik des sprachlichen Zeichens (s.o.) entsprechen: a) die Thema-Rhema-Gliederung, b) die "alte" (Sprecher und Hörer bekannte) und die "neue" (vom Sprecher übermittelte) Information, c) die (prädikativ ausgedrückte) Vordergrundinformation und die (attributiv ausgedrückte) Hintergrundinformation, d) emphatische Hervorhebungen. Probleme der kommunikativen Organisation semantischer Graphen werden in (176, S.65-67; 193) diskutiert.

Die doppelte Ausrichtung des ST-Modells auf die Textanalyse und -synthese erfordert Prozeduren, mit deren Hilfe bei der Textanalyse die Bedeutungsexplikationen (semantischen Teilgraphen) gegebener lexikalischer und grammatischer Einheiten des Ausgangstexts zur semantischen Repräsentation des Gesamttexts zusammengefaßt ("summiert") werden bzw. Prozeduren, durch die bei der Textsynthese die semantische Repräsentation in Teilrepräsentationen aufgegliedert werden kann, die lexikalischen Einheiten/Phrasen der Objektsprache entsprechen.

Für die Textanalyse sind solche die semantische Syntagmatik beschreibenden Prozeduren in Form von Regeln, die mit *nichttrivialen semantischen Merkmalen* (нетривиальные семантические признаки) operieren, und in Form von *semantischen Interaktionsregeln* (правила взаимодействия значений) zum Teil formuliert.

Mit Hilfe von nichttrivialen semantischen Merkmalen werden semantische Inkompatibilitäten zwischen Lexemen und Grammemen bzw. Lexemen untereinander ausgeschlossen. Semantische Interaktionsregeln, die APRESJAN ab 1980 - vgl. (9, 36, S. 73-94) -

in die Untertypen *Skopusregeln* (правила области действия), *Modifikationsregeln* (правила модификации) und *Tilgungsregeln* (правила зачеркивания) aufteilt, geben an, wie aus den Bedeutungsexplikationen der Textkonstituenten die semantische Gesamtrepräsentation konstruiert werden kann. Das Konzept der nichttrivialen semantischen Merkmale wird in (18, 36, S. 25-47), das der semantischen Interaktionsregeln in (9, 15, S. 79-94; 26, 36, S. 73-94) vorgestellt; die Problematik des Negationsskopus behandeln (60, 62).

Überlegungen zu einer weiteren Aufspaltung der Ebene der semantischen Repräsentation in eine Ebene der *tiefensemantischen Repräsentation* (глубинно-семантический уровень) und eine Ebene der *oberflächensemantischen Repräsentation* (поверхностно-семантический уровень), die er auch als *Ebene der universalen Semantik* (уровень универсальной семантики) und *Ebene der "nationalen" Semantik* (уровень национальной семантики) bezeichnet, stellt APRESJAN unter Hinweis auf den einzelsprachspezifischen Charakter semantischer Strukturen in (36, S. 10-24) an. Die Tatsache, daß verschiedene Sprachen sich in der Obligatorik/Fakultativität des grammatischen und/oder lexikalischen Ausdrucks bestimmter Bedeutungen unterscheiden, veranlaßt ihn, bei der Analyse eines gegebenen Texts der tiefensemantischen/universalsemantischen Ebene ausschließlich die Beschreibung solcher obligatorisch auszudrückender einzelsprachspezifischer Bedeutungen zuzuweisen, die für den gegebenen Text *k o m m u n i k a t i v* relevant sind, während auf der Ebene der oberflächensemantischen/"national"-semantischen Repräsentation des Texts *s ä m t l i c h e* in der gegebenen Sprache obligatorisch auszudrückende Bedeutungen modelliert werden sollen. Mit der von APRESJAN postulierten Untergliederung der Ebene der semantischen Repräsentation in zwei Subebenen gehen auch Unterschiede im Ausdrucksbestand der auf der jeweiligen Subebene verwendeten semantischen Sprachen einher, die durch die angestrebte Tiefe/Feinheit der Dekomposition einer gegebenen Textbedeutung motiviert sind: die universal-semantische Sprache der tiefensemantischen Repräsentationsebene, auf der die übereinzelsprachliche Synonymie von Texten beschrieben werden soll, umfaßt eine relativ geringe Anzahl elementarer Bedeutungen/semantischer Primitive, von denen

die Funktoren über maximal zwei Argumentstellen verfügen (s.o.), die "nationale" semantische Sprache der oberflächensemantischen Repräsentationsebene umfaßt dagegen - analog zur lexikographischen Variante der semantischen Sprache (s. 1.3) bzw. zum erweiterten "Lexikon" der semantischen Sprache (s.o.) - einen umfangreicheren Bestand an nichtelementaren Bedeutungen/"Wörtern" sowie fünf- bis sechsstellige Prädikate.

Eine Darstellung und kritische Würdigung des Konzepts der oberflächensemantischen Ebene geben (246, 254). Einzelsprachspezifische Probleme des Ausdrucks bestimmter Bedeutungen werden im Zusammenhang mit dem Übergang von der Ebene der semantischen Repräsentation zur Ebene der tiefsyntaktischen Repräsentation in (176, S. 187-190) diskutiert.

Die Bedeutungsexplikation/lexikographische Definition der lexikalischen Einheiten orientiert sich im wesentlichen an vier Beschreibungsprinzipien:

- (1) Die Dekomposition der Bedeutung gegebener lexikalischer Einheiten soll diese nicht direkt in semantische Primitive/elementare Bedeutungen zerlegen, sondern es soll eine sukzessive Reduktion über lexikalische Einheiten mit abnehmender semantischer Komplexität erfolgen.
- (2) Die Bedeutungsexplikationen dürfen nicht zirkulär sein.
- (3) Die Bedeutungsexplikationen lexikalischer Einheiten mit sog. prädikativer Bedeutung erfolgt in deren *Situations-* bzw. *Satzform* (ситуационная/сентенционная форма), d.h. innerhalb eines syntagmatischen Kontexts, der sämtliche Aktanten der durch die zu explizierende Einheit typischerweise bezeichneten Situation aufweist.
- (4) Die Bedeutung der zu explizierenden Einheit soll vollständig beschrieben werden, so daß zwischen Definiens und Definiendum die Relation der totalen Synonymie besteht bzw. alle Komponenten der Bedeutungsexplikation hinreichend und notwendig für die Bedeutung der lexikalischen Einheit sind.

Die Bedeutungsexplikation/lexikographische Definition macht einen der Hauptbestandteile der Lexikoneinträge des erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs (s. 1.3) aus.

Das unter (4) genannte Prinzip der Vollständigkeit der Bedeutungsexplikation wird im ST-Modell durch die beiden folgenden

Postulate präzisiert:

- (1) In der Bedeutungsexplikation soll nur das "naive" Weltbild von Sprechern beschrieben werden.
- (2) Mit Hilfe der semantischen Sprache sollen ausschließlich die Bedeutungen der sog. abstrakten Lexik, die in hohem Maße an synonymischen Paraphrasen teilnimmt, expliziert werden; die sog. konkrete Lexik soll dagegen ostensiv definiert werden.

Beide Postulate dienen dazu, im Zusammenhang mit der Definition der sprachlichen Kompetenz im ST-Modell (s. 1.1) die Grenze zwischen Sprach- und Weltwissen bzw. zwischen entsprechend motivierten Paraphrasen zu ziehen.

Die Prinzipien der Bedeutungsexplikation werden ausführlich in (15, S. 56-69, S. 95-106; 19, 25, 37, 72, S. 63-113) erörtert, Kurzdarstellungen finden sich in (31, 37, 47, 141, 176, S. 110-113; 226, 272). In (262) werden die Prinzipien der Bedeutungsexplikation zum ersten Mal skizziert, (117a) ist dem Konzept der Situationsform gewidmet. Kritisch setzen sich mit den Prinzipien der Bedeutungsexplikation (72, S. 63-113; 108, S. 6-46; 248) auseinander, (51) ist dem speziellen Problem der Tautologie in Bedeutungsexplikationen gewidmet. Die Problematik der Trennung von Sprach- und Weltwissen wird in (269) besprochen.

Dem ST-Modell liegt ein spezifisches Verständnis der *Wohlgeformtheit* (языковая/грамматическая правильность) von Texten zugrunde. Die Wohlgeformtheit von Texten wird im Hinblick auf *b e l i e b i g e* gegebene Bedeutungen definiert: Wohlgeformt ist ein Text, wenn er die gegebene Bedeutung ausdrücken kann, andernfalls gilt er - relativ zur gegebenen Bedeutung - als nichtwohlgeformt; absolut nichtwohlgeformt sind somit Texte, für die keine Bedeutung existiert, die durch sie ausgedrückt werden könnte. Die Problematik der semantischen Wohlgeformtheit von Texten (die Beschreibung der verschiedenen Typen semantischer Anomalien u.ä.) fällt deshalb - im Gegensatz z.B. zur Semantik in der generativ-transformationellen Grammatik - nicht in den Zuständigkeitsbereich des ST-Modells (s. 1.1). Ein weiteres Definitionskriterium für die sprachliche Wohlgeformtheit von Texten besteht in der Forderung nach der grammatisch-idiomatischen Korrektheit des Ausdrucks.

Die Grammatikalität/Idiomatizität syntagmatischer Kombinationen von lexikalischen Einheiten bzw. von Lexemen und Grammemen wird durch das Rektionsmodell und die lexikalischen Funktionen (s. 1.3) bzw. bestimmte nichttriviale semantische Merkmale (s.o.) beschrieben. Den verschiedenen Typen von Restriktionen, die das Rektionsmodell für die Realisierung der syntaktischen Valenzen spezifizieren kann, kommt dabei im Zusammenhang mit dem spezifischen Konzept der sprachlichen Wohlgeformtheit im ST-Modell eine besondere Rolle zu: Sie werden nur dann formuliert, wenn sich semantisch äquivalente lexikalische Einheiten ausschließlich durch ihre idiosynkratischen kombinatorischen Eigenschaften unterscheiden.

Das Konzept der sprachlichen Wohlgeformtheit von Texten wird ausführlich in (8, 176, S. 20-26) besprochen, (246) setzt sich kritisch mit einigen seiner Aspekte auseinander.

Die *semantische Komponente* des ST-Modells, die als Menge aus Regelkomplexen verschiedenen Typs konzipiert ist, hat die Aufgabe, zwischen den Ebenen der semantischen Repräsentation und der tiefsyntaktischen Repräsentation zu vermitteln, indem sie semantischen Repräsentationen alle ihnen entsprechenden tiefsyntaktischen Repräsentationen zuordnet. Die Arbeit der semantischen Komponente, für die das erklärend-kombinatorische Wörterbuch (s. 1.3) einen großen Teil der notwendigen Angaben zu den semantischen, syntaktischen und morphologischen Eigenschaften lexikalischer Einheiten zur Verfügung stellt, erfolgt - bei der Textsynthese - in drei (einander partiell bedingenden) Schritten bzw. mittels entsprechender Regelkomplexe:

- (1) Die gegebene semantische Repräsentation wird in semantische Teilrepräsentationen zerlegt, die in ihrer Abfolge den einzelnen *Sätzen* (фразы) entsprechen, aus denen der zu synthetisierende Text aufgebaut ist. (Im Vergleich zu den beiden folgenden ist diese Etappe im ST-Modell noch völlig unbearbeitet.)
- (2) Jeder semantischen Repräsentation von Satzumfang werden alle ihre untereinander synonymischen tiefsyntaktischen Basisstrukturen zugeordnet (s. 1.4). Auf diese Weise wird die Synonymie zwischen tiefsyntaktischen Strukturen erfaßt, die sich aufgrund der unterschiedlichen Lexikalisierung (=Aufgliederung

in Semanteme) ein und derselben Satzbedeutung nicht mit Hilfe von lexikalischen Funktionen (s. 1.3) beschreiben läßt. Die Zuordnung der verschiedenen tiefensyntaktischen Basisstrukturen zu einer gegebenen semantischen Repräsentation erfolgt durch Translationsoperationen, die auf verschiedenen Typen von Regeln beruhen: Lexikalisierungsregeln (einschließlich semantisch-idiomatischer und semantisch-funktionaler, d.h. lexikalische Funktionen angebender Regeln), semantisch-morphologischen Regeln, anaphorischen Regeln und Regeln der kommunikativen Organisation.

- (3) Jeder tiefensyntaktischen Basisstruktur werden alle ihr synonymen tiefensyntaktischen Strukturen zugeordnet, die sich vermittels lexikalischer Funktionen (лексические функции = ЛФ) erfassen lassen (ЛФ-синонимичные глубинно-синтаксические структуры). Diese Aufgabe übernimmt das *Paraphrasesystem* (система перифразирования, система синонимических перифраз/преобразований). Die Paraphrasierung erfolgt in drei sukzessiven Operationen:

1. Mit Hilfe von lexikalischen und syntaktischen Regeln werden einer gegebenen tiefensyntaktischen Basisstruktur synonyme (ЛФ-синонимичные) tiefensyntaktische Strukturen zugeordnet.
2. In einem weiteren Arbeitsgang werden die Symbole für lexikalische Funktionen in allen tiefensyntaktischen Strukturen durch deren Wert(e) aus dem Wörterbuch ersetzt.
3. Im letzten Schritt werden die lexikalischen Regeln und/oder syntaktischen Regeln erneut auf die im zweiten Arbeitsgang gewonnenen tiefensyntaktischen Strukturen angewendet.

Dem im ST-Modell zugrundegelegten weiten Synonymiebegriff (s.o.) entsprechend werden die lexikalischen Regeln des Paraphrasesystems in *Bedeutungsäquivalenzen* (смысловые эквивалентности) und *Bedeutungsimplicationen* (смысловые импликации) unterteilt.

Die für den Übergang von der tiefensyntaktischen Repräsentation zur (oberflächen)semantischen Repräsentation bei der Analyse erforderlichen Translationsoperationen erfolgen in zwei Etappen:

- (1) Die gegebene tiefensyntaktische Repräsentation/Struktur eines Texts wird zur semantischen Interpretation vorbereitet, indem

all diejenigen Lexem- und Grammembedeutungen ausgefiltert werden, deren Realisierung durch die morphologischen, syntaktischen, lexikalischen und semantischen Beschränkungen der gegebenen tiefensyntaktischen Repräsentationen blockiert ist.

- (2) Die Lexem-/Grammeme Symbole in der gegebenen tiefensyntaktischen Repräsentation werden durch entsprechende (oberflächen)semantische Repräsentationen/Teilgraphen ersetzt; besondere Regeln steuern dabei, falls notwendig, die Komposition der Textbedeutung aus den Einzelbedeutungen der Lexeme.

Für die beiden Arbeitsschritte stehen zwei Regelkomplexe zur Verfügung: die mit nichttrivialen semantischen Merkmalen operierenden Regeln und die semantischen Interaktionsregeln (s.o.). Sie bilden mit den Regelkomplexen, die für die Synthese bereits genannt wurden (s.o.), die semantische Komponente des ST-Modells.

Eine kurze Charakterisierung und Exemplifikation der semantischen Komponente vom Synthesestandpunkt aus enthält (176, S. 177-187). Ausführlich(er) ist die semantische Komponente in (21) sowie vor allem in (36) - dort gemäß der Trennung in Tiefensemantik und Oberflächensemantik als *oberflächensemantische Komponente* (поверхностно-семантический компонент) bezeichnet - entwickelt, allerdings vom Analysestandpunkt aus.

Das Paraphrasesystem wird detailliert in (176, S. 146-177, S. 190-204) besprochen und an russischem Material exemplifiziert, weitere Darstellungen geben (15, S. 316-343; 34, 273). In (30) werden synonym(isch)e Paraphrasen mit deverbalen Substantiven, in (79) mit inchoativen Verben behandelt. (55, 105) besprechen das Konzept der synonymischen Paraphrase im Hinblick auf bestimmte lexikalische Funktionen, (30) thematisiert die Problematik der "Filter" im Paraphrasesystem.

1.3 Lexikographie/Lexikologie

Zentral für das relativ gut ausgearbeitete Gebiet der Lexikographie/Lexikologie, auf dem intensive Bemühungen unternommen werden, ein nicht ausschließlich auf das ST-Modell bezogenes erklärend-kombinatorisches Wörterbuch - insbesondere des Russischen, und zuletzt auch des Französischen (s. 205, 215) - für (Nicht-) Muttersprachler zu erstellen, sind die folgenden Begriffe:

- (1) die l e x i k o g r a p h i s c h e Variante der semantischen Sprache; vgl. zur semantischen Sprache auch 1.2
- (2) das Rektionsmodell
- (3) die lexikalischen Funktionen

Das erklärend-kombinatorische Wörterbuch stellt in Form umfangreicher Wörterbuchartikel, die den als *Stichwörtern* (заглавные/ключевые слова) ausgewählten lexikalischen Einheiten zugewiesen werden, vielfältige Angaben zu deren semantischen und kombinatorischen Eigenschaften zur Verfügung. Die im erklärend-kombinatorischen Wörterbuch enthaltenen Daten spielen insbesondere für die Arbeit des Paraphrasesystems (s. 1.2) eine wichtige Rolle.

Darstellungen von unterschiedlicher Ausführlichkeit der lexikologischen Grundlagen des erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs geben (15, S. 56-312; 19, 25, 47, 72, S. 3-137; 72a, 176, S. 110-138; 226, 246); zu den Prinzipien der Bedeutungsexplikation/semantischen Repräsentation sowie zum Bedeutungskonzept s. 1.2.

Bei der semantischen Sprache des erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs handelt es sich um eine "künstliche" Metasprache bzw. "quasisemantische" Sprache, mit deren Hilfe Wortbedeutungen expliziert bzw. Bedeutungsexplikationen/lexikographische Definitionen von lexikalischen Einheiten formalisiert werden. Die semantische Sprache ist ein in struktureller Hinsicht stark reglementierter Ausschnitt aus der Objektsprache (Russisch, Französisch etc.), der sich - in letzter Konsequenz - auf eine geringere Anzahl elementarer Bedeutungen/semantischer Primitive reduzieren läßt.

Für die semantische Sprache des erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs existieren zwei formale Varianten und eine in den lexikographischen Arbeiten fast ausschließlich verwendete wortsprach-

liche (=russische) Notationsvariante. Die wortsprachliche Notationsvariante sei anhand der lexikographischen Definition von нести (in einer seiner Bedeutungen) illustriert; vgl. auch (36, S. 58):

X несет Y в/на Z-е из W-а в Q = 'Существо X каузирует то, что объект Y перемещается из места W в место Q, потому что X идет или перемещается по-хожим на ходьбу способом из W-а в Q, держа Y в/на Z-е - части тела X-а - или имея Y в/на емкости Z, которую X держит, и перемещение Y-а в Q является целью X-а.'

Die eine (von APRESJAN entwickelte) formale Variante der semantischen Sprache des erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs, deren Dependenzbäume dem Basic Russian (s. 1.2) bzw. der tiefensyntaktischen Struktur des ST-Modells (s. 1.4) ähneln, jedoch sich von beiden dadurch unterscheiden, daß ihre Pfeile vermittelt 25 verschiedener semantischer Dependenzrelationen inhaltlich interpretiert werden, wird in (15, S. 7off., S. 119ff., S. 205; 19) vorgestellt. Die andere (von MEL'ČUK, und seit 1980 auch von APRESJAN verwendete) formale Variante der semantischen Sprache des erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs gleicht der Metasprache der Ebene der semantischen Repräsentationen des ST-Modells (s. 1.2); vgl. auch (36).

Probleme der semantischen Sprache werden vor allem in (15, S. 7off., S. 119ff.; 19, 25, 43, 141, 176, S. 53-75; 230, 271) thematisiert. Es werden u.a. das Inventar der Ausdrucksmittel der semantischen Sprache (deren elementares und erweitertes "Lexikon" sowie Syntax) und deren Auffindungs- und Konstruktionsprinzipien besprochen und anhand von Bedeutungsexplikationen gegebener Lexeme illustriert. (72, S. 138-255) untersucht in einem linguistischen Experiment die Verwendbarkeit der semantischen Sprache zur Bedeutungsexplikation in Definitionslexika. (106, 108, S. 6-32) setzt sich kritisch mit der semantischen Sprache des erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs auseinander.

Mit Hilfe des Rektionsmodells und der lexikalischen Funktionen werden wesentliche Eigenschaften des idiosynkratischen kombinatorischen Potentials (сочетаемость, комбинаторика) von Lexemen/Wortverbindungen beschrieben.

Das *Rektionsmodell* (модель управления) ordnet den *semantischen Valenzen* (семантические валентности ≈ FILLMOREsche Tiefenkasus)

eines gegebenen Lexems/Stichworts dessen syntaktische Valenzen zu. Es enthält verschiedene Angaben zu den morphologischen Realisierungsmöglichkeiten der syntaktischen Valenzen, zu den morpho-syntaktischen, semantischen und lexikalischen Beschränkungen von deren individuellem Ausdruck, zu deren Obligatorik/Fakultativität und zur Kompatibilität der verschiedenen Realisierungsmöglichkeiten. Darstellungen des Rektionsmodells finden sich in (49) - u.a. im Hinblick auf dessen Didaktisierung - und in (15, S. 133-155; 176, S. 134-139); (10, 11) erörtern das Problem der Festlegung der semantischen Valenzen von Lexemen und deren syntaktischer Realisierung. Eine kritische Würdigung des Rektionsmodells geben (107, 108, S. 47-80).

Die *lexikalischen Funktionen* (лексические функции) beschreiben bestimmte paradigmatische und syntagmatische (in der Regel semantische) Relationen zwischen Lexemen/Wortverbindungen. Eine lexikalische Funktion definiert für ein gegebenes Lexem/Syntagma als ihr *Argument* (аргумент) die - jeweils individuellen - Ausdrücke (Lexeme/Wortverbindungen) als ihre(n) *Wert(e)* (значение, выражение, лексический коррелят), die zu dem Argument in einer Relation des o.g. Typs stehen. Die lexikalischen Funktionen bilden im wesentlichen zwei Untertypen: die *lexikalischen Standardfunktionen* (стандартные лексические функции) und die *lexikalischen Nichtstandardfunktionen* (нестандартные лексические функции); einen auf formale Aufgaben beschränkten Status haben die sog. *konstanten lexikalischen Funktionen* (лексические функции-константы).

Die lexikalischen Standardfunktionen, die die wichtigste Rolle für die lexikographische Beschreibung im erklärend-kombinatorischen Wörterbuch spielen, sind dadurch charakterisiert, daß

- a) ihre Werte durch das jeweilige Argument determiniert werden, d.h. sie mit ihm phraseologisch verbunden sind, da deren Auswahl von den idiosynkratischen Eigenschaften der als Argument fungierenden lexikalischen Einheit abhängt;
- b) sie für eine hinreichend große Anzahl von Argumenten definiert sein müssen;
- c) die Ausdrucksvielfalt der Werte bei den verschiedenen Argumenten groß genug sein muß.

Zu den lexikalischen Nichtstandardfunktionen und zu den kon-

stanten lexikalischen Funktionen sowie zur weiteren Unterteilung der lexikalischen Standardfunktionen in *elementare* (элементарные) und *komplexe* (сложные) lexikalische Funktionen s. (176, S. 79ff., S. 100ff.).

Lexikalische Funktionen zerfallen in *Substitutionen* (замены) und *Parameter* (параметры). Mit Hilfe der Substitutionen werden paradigmatische semantische Relationen zwischen Lexemen/Wortverbindungen erfaßt, vgl. die lexikalischen Funktionen Conv (= 'Konversion'), z.B. Conv(покупать) = продавать, Conv(бояться) = пугать, страшить, und Syn (= 'Synonymie'), z.B. Syn(огромный) = громадный, Syn(лингвистика) = языковедение, языковедение. Durch die Parameter werden syntagmatische Relationen beschrieben, vgl. die lexikalischen Funktionen Magn (= 'Intensität, hoher Grad'), z.B. Magn(спать) = крепко, без задних ног, сном праведника, Magn(дождь) = проливной, und Oper₁/Oper₂ (durch sie werden sog. Funktionsverben beschrieben, d.h. solche Verben, die eine syntaktische Verknüpfung herstellen zwischen der Bezeichnung der Situation als erstes Objekt (= meist Akkusativobjekt) und der Bezeichnung des ersten/zweiten Aktanten dieser Situation als grammatisches Subjekt), z.B. Oper₁(решение) = принимать, Oper₁(вывод) = делать, Oper₂(экзамен) = держать, сдавать, Oper₂(сопротивление) = встречать, наталкиваться на. Je nach dem Realisierungstyp der Werte von Parametern - ob als autonome, vom gegebenen Argument separate lexikalische Einheiten (wie in den bisherigen Beispielen) oder als mit dem gegebenen Argument zusammen in einer lexikalischen Einheit realisierte Ausdrücke - werden die Werte der lexikalischen Parameterfunktionen in *nichtverschmolzene* (несклеенные) und *verschmolzene* (склеенные) Ausdrücke unterteilt, wobei letztere durch den Zusatz // ausgewiesen sind, z.B. Magn(дождь) = //ливень.

Für die lexikographische Beschreibung im erklärend-kombinatorischen Wörterbuch werden bislang ca. 50 (elementare und komplexe) lexikalische Standardfunktionen eingesetzt; vgl. die Auflistungen der lexikalischen Funktionen in (15, S. 43-49; 49, 176, S. 82-100; 271). Das Konzept der lexikalischen Funktionen wird in (15, S. 43-50; 72, S. 119-130; 72a, 168, 219, S. 21ff.; 226, 246) besprochen, ausführlichere Darstellungen finden sich in (144, 147, 165, 271) und vor allem in (176, S. 78-109). Beispiele für die An-

wendung von lexikalischen Funktionen in der lexikographischen Beschreibung des Russischen, Französischen, Englischen und Deutschen geben (176, S. 82-101, S. 113-131; 207, 217, 225, 226, 229, 249); (250, 251) sind der lexikographischen Beschreibung des Russischen mit Hilfe spezieller lexikalischer Funktionen gewidmet. Möglichkeiten des Einsatzes lexikalischer Funktionen für die Sprachvermittlung werden in (49, 111) diskutiert; der bislang erste Versuch, lexikalische Funktionen für die Wortschatzpräsentation in einem Lehrwerk des Russischen nutzbar zu machen, findet sich in (215a).

Neben intensiven Bemühungen, mittels lexikalischer Funktionen einen großen Teil der phraseologischen (=idiomatischen) Wortverbindungen vornehmlich des Russischen zu beschreiben, werden im Rahmen des ST-Modells auch Überlegungen zur allgemeinen Theorie der Phraseologie angestellt. Dieser Problematik ist (23) gewidmet; dort findet sich auch eine Anwendung des Phraseologiebegriffs u.a. auf Einheiten unterhalb der Wortgrenze.

Die Problematik der Beschreibung von Bedeutungsbeziehungen zwischen Lexemen/Wortverbindungen (Synonymie, Antonymie, Konversion) sowie der lexikalischen Homonymie und der Polysemie (Ambiguität/Vagheit) wird u.a. in (7, 14, 15, S. 175-315; 16, 17, 22, 24, 32, 39, 61, 80, 103, 104, 176, S. 45-48; 181, 182, 245, S. 71-83) behandelt. Eine Kritik der in (31) geäußerten Überlegungen zur Synonymie stellt (248) dar, bei (20) handelt es sich um die entsprechende Replik.

Semantische und formale Fragen der Wortbildung werden in (15, S. 164-215) - zusammen mit dem Problem der Polysemie - erörtert, weitere Untersuchungen finden sich in (161, 169, 181, 182).

Detaillierte Beschreibungen umfangreicher Ausschnitte aus dem russischen Wortschatz nach den Konstruktionsprinzipien des erklärend-kombinatorischen Wörterbuchs (zum Teil in Form kompletter Wörterbuchartikel) geben (48, 66, 88, 89, 90, 94, 114, 115, 118, 124, 176, S. 113-131; 241, 257, 274, 279), die zusammengekommen als ein fragmentarisches einsprachiges erklärend-kombinatorisches Wörterbuch des Russischen angesehen werden können; für 1984/85 ist ein größeres mehrbändiges Lexikon dieses Typs angekündigt, s. (215). Ansätze für ein zweisprachiges englisch-

russisches, französisch-russisches, deutsch-russisches, somalisch-russisches und polnisch-russisches erklärend-kombinatorisches Wörterbuch stellen - unter mehr oder minder starker Berücksichtigung des Russisches als Ziel-/Ausgangssprache - die lexikographischen Untersuchungen (46, 64, 65, 95, 101, 147, 184, 205, 207, 222, 223, 226, 228, 256, 259, 278) dar.

1.4 Syntax

Die syntaktischen Aspekte von Texten sind im ST-Modell repräsentiert auf den Beschreibungsebenen der *Tiefen-* und der *Oberflächensyntax* und in den *syntaktischen Komponenten*, d.h. Zuordnungen der Repräsentationen benachbarter Ebenen, der *tiefensyntaktischen Komponente* (*Tiefensyntax* \leftrightarrow *Oberflächensyntax*) und der *oberflächensyntaktischen Komponente* (*Oberflächensyntax* \leftrightarrow *Tiefenmorphologie*).

Zur Repräsentation syntaktischer Strukturen werden im ST-Modell zwei (jeweils ebenenspezifische) Varianten der Dependenzsyntax verwendet; Hauptbestandteil der *tiefen-* bzw. *oberflächen-syntaktischen Repräsentation* (глубинно-/поверхностно-синтаксическое представление) ist die *tiefen-* bzw. *oberflächensyntaktische Struktur* (глубинно-/поверхностно-синтаксическая структура), in beiden Fällen ein Dependenzbaum ohne lineare Ordnung der Knoten, der zusätzlich strukturiert ist durch Angaben zur Thema-Rhema-Gliederung etc. (*kommunikative Struktur*), zur Koreferenz (*anaphorische Struktur*) und zu bedeutungstragenden Prosodien (*prosodische Struktur*).

Tiefen- und oberflächensyntaktische Repräsentation unterscheiden sich sowohl in bezug auf ihre Lexik als auch in bezug auf ihre Dependenzstrukturen.

Auf der Ebene der Tiefensyntax sind nur die globalen syntaktischen Charakteristika von Sätzen repräsentiert, unter weitgehender Abstraktion von ihren einzelsprachlichen Ausdrucksmitteln. Die tiefensyntaktische Struktur enthält nur Korrelate der

bedeutungstragenden lexikalischen und morphologischen Mittel des Satzes, sog. *verallgemeinerte Lexeme* (обобщенные лексемы: Vollwörter, lexikalische Funktionen, fiktive Lexeme, Symbole für komplette idiomatische Wendungen), jeweils indiziert mit Exponenten der bedeutungstragenden grammatischen Kategorien und verbunden durch universale *tiefensyntaktische Dependenz* (6 Aktantenrelationen, Modifikation, Koordination, Parenthese), und ist semantisch expliziter als die oberflächensyntaktische Struktur, indem sie z.B. Korrelate von impliziten Konstituenten (z.B. Subjekte von Infinitiven und Gerundien) und anstelle von anaphorischen Proformen deren Bezugswörter enthält.

Die tiefensyntaktische Ebene ist intern hierarchisiert durch das Paraphrasesystem (s. auch 1.2): Alle tiefensyntaktischen Strukturen, deren Synonymie sich allein durch lexikalische Funktionen beschreiben läßt - d.h., die durch reguläre lexiko-syntaktische Operationen wie z.B. Wortklassenkonversion oder Diathese (im weitesten Sinne) verbunden sind - , werden indirekt über einen kanonischen Repräsentanten, die *tiefensyntaktische Basisstruktur* (базовая глубинно-синтаксическая структура), erzeugt/interpretiert, mit dem sie über eben jene bedeutungserhaltenden lexiko-syntaktischen Transformationen verknüpft sind.

Die oberflächensyntaktische Repräsentation stellt dagegen die einzelsprachspezifischen syntaktischen Aspekte von Sätzen dar. Die Lexik der oberflächensyntaktischen Struktur entspricht weitgehend der des realen Satzes (s.u. zu Ellipse und "Null") - Voll- und Hilfsörter, Werte der lexikalischen Funktionen, syntaktisch "ausbuchstabierte" idiomatische Wendungen und analytische Flexionsformen, anaphorische Proformen - ,wiederum indiziert allein mit den bedeutungstragenden Flexionskategorien. Die lexikalischen Einheiten der oberflächensyntaktischen Struktur sind verknüpft durch sog. *oberflächensyntaktische Relationen* (поверхностно-синтаксические отношения). Jede oberflächensyntaktische Relation repräsentiert einen (gegebenenfalls bedeutungsunterscheidenden) Komplex von syntaktischen Ausdrucksmitteln (Wortstellung und/oder morphologische Markierung) der betreffenden Sprache. Wo sich die syntaktische Gruppierung innerhalb eines Satzes mit dependentiellen Mitteln allein nicht vollständig darstellen läßt, wird die oberflä-

chensyntaktische Struktur durch Angaben zur Konstituentenstruktur ergänzt (dies betrifft z.B. koordinierte Glieder).

Die tiefensyntaktische Komponente beschreibt die Entsprechung zwischen tiefensyntaktischen Repräsentationen und oberflächensyntaktischen Repräsentationen vermittelt eines Systems von Transformationsregeln zwischen tiefensyntaktischen Strukturen und oberflächensyntaktischen Strukturen und zwischen den übrigen Komponenten von tiefensyntaktischen Repräsentationen und oberflächensyntaktischen Repräsentationen. Dabei werden bei der *Synthese* u.a. folgende Operationen durchgeführt: Pronominalisierung, Einführung von Hilfswörtern, bestimmte Tilgungen bei Koordination und bei der Bildung nicht-finiten satzwertiger Konstruktionen, Bildung komplexer Sätze.

Die oberflächensyntaktische Komponente enthält, wiederum vom Synthesestandpunkt aus betrachtet, folgende Regelkomplexe: *Morphologisierungregeln* zur Einführung der rein syntaktisch bedingten morphologischen Markierungen (Kongruenz, Rektion etc.), *Linearisierungsregeln* zur Determination der Wortfolge, *prosodische Regeln* und *Tilgungsregeln* (Tilgung von syntaktischen "Null"-Elementen und sog. *oberflächensyntaktische Ellipsen*).

Die ausführlichste zusammenhängende Darstellung aller Aspekte der Syntax im ST-Modell, exemplifiziert am Russischen, enthält (176, Kap.2), eine vergleichende Charakterisierung von Tiefen- und Oberflächensyntax (127).

Das Paraphrasesystem und die syntaktische Rolle der lexikalischen Funktionen sind am ausführlichsten in (271) beschrieben - im Rahmen der älteren Version des ST-Modells (s. 1.2) - ; ausführliche Darstellungen geben auch (176, S. 141-176, S. 190-206; 273).

(69) gibt eine Formalisierung des Transformationsbegriffs, der den Regeln des Paraphrasesystems und der tiefensyntaktischen Komponente zugrundeliegt. Zur Darstellung der tiefensyntaktischen Komponente des Russischen s. (70, 176, S. 237-259).

Oberflächensyntaktische Repräsentation und Komponente sind ausführlich in (44) beschrieben und für das Russische exemplifiziert; s. dort besonders die Gegenüberstellung von oberflächensyntaktischer Ellipse (elliptische tiefenmorphologische Repräsentation), Ellipse von tiefensyntaktisch obligatorischen Aktanten

(elliptische oberflächensyntaktische Repräsentation) und syntaktischer "Null" (syntaktische Konstrukte in der oberflächensyntaktischen Repräsentation, in der tiefenmorphologischen Repräsentation obligatorisch nicht realisiert). Zum Begriff des syntaktischen "Null"-Elements (am Beispiel der unpersönlichen und unbestimmt-persönlichen Passive des Russischen) s. im einzelnen (160).

Die Arbeiten zum Begriff der oberflächensyntaktischen Struktur und der oberflächensyntaktischen Relationen reichen bis in die Zeit vor der Formierung des ST-Modells zurück; s. (123), insbesondere die Ausführungen zur syntaktischen Abhängigkeitsstruktur und die Liste der oberflächensyntaktischen Relationen des Russischen, S. 17-27; vgl. (86, S. 7-39) zum Begriff der korrekten syntaktischen Struktur - eine Liste der oberflächensyntaktischen Relationen findet sich auf S. 194f. Ausführungen zum Begriff der oberflächensyntaktischen Relationen enthalten außerdem (44, S. 254-265; 127, 137, 176, S. 207-221); weitere Listen von oberflächensyntaktischen Relationen des Russischen finden sich in (44, S. 221-235); mit zahlreichen Erläuterungen, und (44, S. 265ff.).

Fragen der Ansetzung und Unterscheidung von oberflächensyntaktischen Relationen werden erörtert in (199), besonders Kriterien für syntagmatische Verbundenheit und Abhängigkeitsrichtung, und in (164), speziell Kriterien zur Unterscheidung von oberflächensyntaktischen Relationen.

Die oberflächensyntaktische Beschreibung des Russischen ist naturgemäß besonders weit entwickelt; es existieren Beschreibungen des prädikativen Satzkerne (84), der Objekt- und Kopula-Syntagmen (85), der Attribution (74, 75, 76), der Apposition (252, 253), der koordinativen und Vergleichs-Syntagmen (233-240), und der Zahlwort-Syntagmen (186).

Einige dieser Arbeiten sind von weiterreichendem theoretischem Interesse, da sie allgemeinere Fragen der syntaktischen Repräsentation und Darstellbarkeit mit Hilfe der oberflächensyntaktischen Relationen ansprechen. So enthalten (186) und (252) auch Erörterungen der Kriterien zur Etablierung der Abhängigkeitsrichtung, in (237, 238) wird eine begrenzte Überschreitung des Baum-Formats der oberflächensyntaktischen Struktur zwecks Erhöhung der Beschreibungskraft für bestimmte Typen von Koordination vorgeschlagen, in (240) wird gezeigt, daß bestimmte Vergleichskonstruktionen optimal

nur als tiefsyntaktische Ellipsen im Rahmen des Formalismus des ST-Modells zu beschreiben sind. Außerdem existieren noch einige Arbeiten zu Einzelproblemen der syntaktischen Analyse des Russischen, die Probleme der Abgrenzung von Syntax, Semantik und Lexikon behandeln:

(216) vergleicht die Beschreibungsmittel des generativ-transformationellen und des ST-Ansatzes für Diathese-Probleme und beschreibt die unbestimmt-persönlichen Passivkonstruktionen des Russischen mit Hilfe des in (160) entwickelten Begriffs des syntaktischen "Null"-Elements.

(59) führt den Begriff des Skopus von Prädikatswörtern als Alternative zum Begriff des syntaktischen Aktanten ein.

(60, 62) behandeln die Negation im Russischen.

(81, 82) untersuchen lexikalische, syntaktische und morphosyntaktische Aspekte der symmetrischen Prädikate (lexikalische vs. syntaktische Repräsentation der Valenz- und Rektionsvarianten, Adäquatheit der Beschreibung mit oberflächensyntaktischen Relationen, Diathese).

(97) behandelt Konstruktionen mit direkter Rede, die nicht von Verba dicendi abhängig sind.

Neben den Arbeiten zur Oberflächensyntax des Russischen existieren auch Ansätze zur Oberflächensyntax des Englischen (208-211), zur Oberflächensyntax des Aljutorischen (212) und zur Syntax des Somali (260, 264).

Das Problem der Wortstellung ist für das Russische behandelt in (178) (s. auch die überarbeitete Version in (176, S. 268-289)) und (50) (Wortstellung und Prosodie); s. (87) zur Stellung der nominalen Klitika im Französischen.

(206) entwickelt einen allgemeinen Begriff der Diathese als Zuordnung von semantischen und tiefsyntaktischen Aktanten eines Prädikats, der besonders für das Problem der Ergativkonstruktionen fruchtbar gemacht worden ist: s. (194) zur Definition von "Ergativkonstruktion", (189, 190) zur Ergativkonstruktion im Dyirbal, (135, 136) zur Ergativkonstruktion im Lesgischen und (212) zum Ergativ im Aljutorischen.

Zum Problemkomplex der Morphosyntax seien hier nur solche Arbeiten genannt, die sich speziell mit morphosyntaktischen Frage-

stellungen beschäftigen; eine strikte Abgrenzung zu den Problemen der Interaktion von Syntax und Lexikon und der Bestimmung grammatischer Kategorien läßt sich nicht durchführen (s. die Arbeiten zum Rektionsmodell zur Darstellung von Rektionsinformation, (10, 24), und die Arbeiten zu den grammatischen Kategorien im Abschnitt 1.5).

Der Grundbegriff der *morphologischen Dependenz* (als Oberbegriff zu Kongruenz, Rektion und verwandten Phänomenen) wird eingeführt und erläutert in (199, S. 1-11); zum Problem der Definition von "Kongruenz" s. auch (24). Die Behandlung von Kongruenzphänomenen ist generell beschrieben in (44, S. 288ff.; 176, S. 260ff.), Beschreibungen der morphologischen Markierung in einzelnen Konstruktionen finden sich in den o.g. Arbeiten zur Oberflächensyntax des Russischen (73-77, 84, 85, 186, 239, 253); zur Morphosyntax der Zahlwort-Syntagmen s. auch (148). (247) illustriert die heterogene Motivation identischer Kasusmarkierungen für den russischen Dativ (semantisch vs. tiefensyntaktisch determinierte Kasus).

In (213, 232) wird der Begriff der *syntaktischen Alternation* eingeführt, zur Beschreibung von syntaktisch kontextabhängigen morphologischen Markierungen (z.B. Genitiv des Objekts im Kontext der Negation im Russischen) als Abwandlung von Basis-Markierungen durch Merkmalstransformationen.

1.5 Morphologie

Im Bereich der Morphologie lassen sich im weiteren Zusammenhang des ST-Ansatzes drei Kategorien von Fragestellungen und dementsprechend auch von Arbeiten unterscheiden, die sich auf verschiedene Weise und auch unterschiedlich direkt auf das ST-Modell beziehen:

- allgemeine Fragestellungen der theoretischen Morphologie,
- Einzelprobleme der morphologischen Analyse in konkreten natürlichen Sprachen, die Fragen von generellem theoretischen Interesse berühren und unter Bezug auf die Prinzipien der allgemeinen morphologischen Theorie diskutiert werden,
- Fragen der konkreten Struktur und Organisation der morphologischen Komponente des ST-Modells.

In Anlehnung an (126, S. 18-25) kann der Bereich der theoretischen Morphologie folgendermaßen unterteilt werden:

- (1) Theorie der Grundlagen der Morphologie ("Metamorphologie"), d.h. die Konstruktion eines kohärenten Systems formaler Begriffe für die Morphologie auf der Basis elementarer semiotischer und extralinguistischer Ausgangsbegriffe. Diesem Bereich ist die Monographie (196) zuzurechnen (s. auch die Vorarbeiten (132, 140, 175)), die einen Ausschnitt eines solchen Begriffssystems für den Bereich der morphologischen Ausdrucksmittel liefert, in Form eines Netzes expliziter Definitionen der relevanten Grundbegriffe (wie z.B. "sprachliches Zeichen", "darstellbar", "leer", "segmental", "Morph", "Morphem") und der spezifischen Typen des morphologischen Ausdrucks (wie "Modifikation", "Alternation", "Affix", "Apophonie").
- (2) Theorie der morphologischen Ausdrucksmittel, d.h. die Klassifikation und Analyse der universal möglichen Typen der morphologischen Markierung: Hier sind - neben den relevanten Abschnitten der unter (1) genannten Arbeiten - (166) zum Begriff der inneren Flexion, das auch eine Typologie der Affixe und Infixe enthält, (145) zum Begriff der Konversion, wo auch eine allgemeine Typologie der morphologischen Mittel ansatzweise entwickelt wird, und (142) zur Frage der Auswahl zwischen konkurrierenden morphologischen Analysen zu nennen.
- (3) Theorie der morphologischen Bedeutungen: In diesem Bereich ist (143) unverändert aktuell, das eine Definition der Begriffe "grammatische Bedeutung", "lexikalische Bedeutung", "nicht-syntaktische Bedeutung", "syntaktische Bedeutung" und eine Erörterung ihres Zusammenhangs enthält; s. dazu auch die kurze Darstellung in (155). In (146) findet sich eine zusammenfassende Darstellung des Forschungsstandes zum Problem des Kasus und eine allgemeine Definition des Kasusbegriffs.
- (4) Theorie der "morphologischen Syntaktik": Das Wortartenproblem ist exemplarisch in (186, Kap.4) für die russischen Zahlwörter diskutiert. Erörterungen zum Begriff der Rektion enthalten (10, 24).
- (5) Theorie der Korrelationen zwischen morphologischen Zeichen: (182) enthält eine universale Typologie der möglichen Korrela-

tionen zwischen Zeichen und entsprechende Definitionen der verschiedenen Typen von Derivation, des Suppletivismus, der Konversion. Das Problem der Derivation, die im ST-Modell zur Morphologie gerechnet wird, wird separat behandelt in (138), die semantische Komplexität bei Derivationsbeziehungen in (169), die Konversion in (145), der Suppletivismus in (161).

Die Arbeiten zu einzelsprachlichen Problemen der morphologischen Analyse sind in unterschiedlichem Maße auf die spezifische Struktur und Begrifflichkeit des ST-Modells bezogen, auch wenn sie sich generell als Exemplifikationen und Diskussionen der fundamentalen Postulate zur morphologischen Analyse und zum Zusammenhang von Syntax, Morphologie und Lexikon auffassen lassen, die dem ST-Ansatz insgesamt zugrundeliegen.

Hier ist zum einen der Komplex von Arbeiten zur Zahlwort-Syntax und -Morphologie des Russischen zu nennen, die vollständig in der Monographie (186) zusammengefaßt werden.

Neben den o.g. Arbeiten zum Wortartenproblem (186, Kap.IV, Exkurse 2-8, 11), die zum Teil separat publiziert sind (124, 148) und in denen Fragen der Wortartzugehörigkeit bestimmter quantitätsbezeichnender Lexeme oder des Wortstatus von Zahlwörtern (Wort vs. Morphem) behandelt werden, existieren einige Arbeiten zu den grammatischen Kategorien in Zahlwortsyntagmen: zum Problem der Zählbarkeit bei Substantiven (159), zur Kategorie der Belebtheit bei Zahlwörtern (122) und zum Kasus in Zahlwortsyntagmen (156, 186, Kap.IV, 12, 14).

Darüber hinaus existieren Arbeiten zur Interpretation der Kasusformen in russischen Syntagmen des Typs идти в солдаты (157), zu den grammatischen Kategorien des Englischen (221) und zu den Possessivformen des Substantivs im Ungarischen (158).

Die morphologische Beschreibung im ST-Modell erfolgt auf den beiden m o r p h o l o g i s c h e n R e p ä s e n t a t i - o n s e b e n e n (Tiefen- und Oberflächenmorphologie) und in den m o r p h o l o g i s c h e n K o m p o n e n t e n (tiefenmorphologische Komponente: Tiefenmorphologie \Leftrightarrow Oberflächenmorphologie; oberflächenmorphologische Komponente: Oberflächenmorphologie \Leftrightarrow Phonologie). Die tiefenmorphologische Repräsentation eines Satzes ist eine Kette von tiefenmorphologischen Repräsentationen aller

Wortformen des Satzes, die mit zusätzlichen Angaben zu prosodischen Charakteristika (Intonation, Pausen, Phrasenakzente) versehen ist. Die tiefenmorphologische Repräsentation einer Wortform besteht aus der Angabe des zugehörigen Lexems, das mit den Exponenten all seiner grammatischen Kategorien indiziert ist.

Die oberflächenmorphologische Repräsentation eines Satzes ist eine Folge von - jeweils einer Wortform entsprechenden - Ketten von Symbolen für Morpheme und bedeutungstragende morphologische Operationen (Apophonien, Konversionen etc.), wiederum versehen mit Angaben zu den prosodischen Charakteristika des Satzes.

Die tiefenmorphologische Komponente beschreibt die Entsprechung von tiefenmorphologischen Repräsentationen und oberflächenmorphologischen Repräsentationen von Wortformen mit Hilfe von Regeln zur Auswahl und Anordnung von Morphemen und bedeutungstragenden morphologischen Operationen, d.h. vom Synthesestandpunkt aus gesehen beschreibt sie die Zusammenfassung von Grammemen zu Morphemen und deren lineare Anordnung untereinander und in bezug auf das lexikalische Morphem, die Einführung leerer Morpheme, die nicht-segmentale Realisierung bestimmter Grammemen etc.

Die oberflächenmorphologische Komponente besteht aus vier Regelkomplexen:

- (1) Regeln zur Realisierung der Morpheme der oberflächenmorphologischen Repräsentation durch Morphe und zur Anwendung der bedeutungstragenden Operationen der oberflächenmorphologischen Repräsentation
- (2) Akzentuierungsregeln
- (3) morphologische Regeln zur Beschreibung von nicht bedeutungstragenden morphologisch konditionierten Alternationen
- (4) phonologische Regeln zur Beschreibung von nicht morphologisch konditionierten Alternationen.

Ausgabe der oberflächenmorphologischen Komponente bei der Synthese ist die phonologische Transkription des Satzes (sowie prosodische Merkmale), die dann durch die (bisher nicht ausgearbeitete) phonologische Komponente in eine phonetische (oder alternativ: graphische) Repräsentation überführt wird.

Darstellungen der Gesamtstruktur der morphologischen Komponente und der verschiedenen Regeltypen finden sich in den Arbeiten

zur Morphologie der russischen Substantive und Adjektive (68), zur Deklination der ungarischen Substantive (151) und zur spanischen Konjugation (153).

(56, 57, 58) behandeln das Problem der Formalisierung der morphologischen Komponente des ST-Modells.

Außerdem existieren neben (151) noch einige weitere Arbeiten zur Morphologie nicht-indogermanischer Sprachen im Rahmen des ST-Modells: (152) zur Konjugation im Aljutorischen, (98, 100) zur Morphologie des Tatarischen und (99) zur Morphologie der Turksprachen.

Die einzige Arbeit aus dem Bereich der Phonologie ist (154) zur Behandlung der spanischen Halbvokale.

Viele der genannten Aufsätze zur theoretischen und deskriptiven Morphologie und zur morphologischen Komponente des ST-Modells sind enthalten in dem Sammelband (126), der auch eine allgemeine Einführung in die morphologische Konzeption des ST-Ansatzes gibt.

1.6 Maschinelle Sprachanalyse

Wie oben in 1.1 ausgeführt, ist die spezifische Konzeption des ST-Modells wesentlich in Auseinandersetzung mit den Problemen der maschinellen Sprachanalyse, insbesondere der maschinellen Übersetzung, entwickelt worden. Zentral war dabei die Idee der Übersetzung vermittelt einer *semantischen Interlingua* (язык-посредник), wie sie in (110, 143) und verschiedenen Beiträgen in dem berühmten Band 8 der Serie Машинный перевод и прикладная лингвистика von 1964 entwickelt wird; s.o., 1.2. Wesentliche Teile der Konzeption der Oberflächensyntax (oberflächensyntaktische Repräsentation, Morphologisierungsregeln, Wortstellungsregeln) sind bereits in den unmittelbar auf Probleme der maschinellen Sprachanalyse ausgerichteten Arbeiten (86, 123, 178) enthalten, die inhaltlich der Phase vor der Formierung des ST-Modells im engeren Sinne zuzuordnen sind (s.o., 1.4). (86, 123) beschreiben in algorithmischer Form die automatische syntaktische Analyse des Russischen, d.h., die Zuordnung aller korrekten oberflächensyntaktischen Strukturen zu einem gegebenen Satz, (178) die Linearisierungsregeln bei der Synthese (s.o.); s. auch (91) zur syntaktischen Homonymie im Russischen.

Umgekehrt ist auch das ST-Modell als Grundlage von Systemen der maschinellen Sprachanalyse benutzt worden; zur maschinellen Realisierung des Paraphrasesystems vgl. (52, 53, 109), ferner (63, 102, 220) und die theoretischen Arbeiten (41, 42, 45, 67).

A N M E R K U N G E N

1. Zur individuellen wissenschaftsgeschichtlichen Rolle der genannten Linguisten s. (150, 254); zum vorher von APRESJAN vertretenen distributionell-transformationellen Ansatz in der Semantik s.:
 - Апресян, Ю.Д.: Экспериментальное исследование семантики русского глагола. Москва 1967.
 - Апресян, Ю.Д.: Описание семантики через синтаксис. In: Sign - Language - Culture. Hrsgg. v. A.J. Greimas et al. The Hague/Paris 1970, 195-215 (engl. Übersetzung: A Description of Semantics by Means of Syntax. In: Linguistics 96 (1973), 5-32).
2. Die vorliegende Bibliographie erscheint uns trotz der Existenz der ausgezeichneten Überblicksarbeit (150), die bereits eine kommentierte Auswahlbibliographie enthält, aus zwei Gründen nützlich: Erstens existiert bisher keine annähernd vollständige ST-Bibliographie, und zweitens soll diese Arbeit dazu dienen, den ST-Ansatz speziell der deutschsprachigen Slavistik zugänglich zu machen.
Die notwendigen und notwendigerweise sehr knappen darstellenden Teile der Arbeit sollen dem Leser neben einer oberflächlichen Orientierung in erster Linie einen Anreiz zur Beschäftigung mit der Primärliteratur geben.
3. Inhaltlich ist eine klare Grenzziehung zwischen den Bereichen der Semantik und der Lexikologie/Lexikographie oft schwierig bzw. unmöglich. In der vorliegenden Arbeit ist die Zuordnung der verschiedenen Begriffe zu dem einen oder anderen Gebiet daher ebenfalls nicht frei von Willkür.

L I T E R A T U R

Abkürzungen:

ИАН	Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. Москва.
ИРЯ	Институт Русского Языка
IRSL	International Review of Slavic Linguistics. Edmonton.
ИВСЛИАП	Информационные Вопросы Семиотики, Лингвистики и Автоматического Перевода. Москва.
МПипЛ	Машинный Перевод и Прикладная Лингвистика. Москва.
НТИ	Научно-Техническая Информация. Серия 2. Москва.
ПГЭПЛ	Проблемная Группа по Экспериментальной и Прикладной Лингвистике
Пред. пуб.	Предварительные публикации
ПСЛ	Проблемы Структурной Лингвистики. Москва.
РЯНШ	Русский Язык в Национальной Школе. Москва.
РЯШ	Русский Язык в Школе. Москва.
ВЯ	Вопросы Языкознания. Москва.
WSLA	Wiener Slawistischer Almanach. Wien.

1. APRESJAN, Ju.D.: Antonimy leksykalne i przekształcenia wyrażeń antonimicznych. In: Tekst i język. Problemy semantyczne. Hrsgg. v. M.R. Mayenowa. Wrocław 1974.
- russ. Original: (16)
2. APRESJAN, Ju.D.: Concerning one rule in the amalgamation of lexical meanings. In: Linguistics 185 (1977), 5-25.
- russ. Original: (26)
3. APRESJAN, Ju.D.: Die semantische Sprache als Mittel der Erklärung lexikalischer Bedeutungen. In: Theoretische Linguistik in Osteuropa. Hrsgg. v. W.Girke/H.Jachnow. Tübingen 1976, 22-48.
- russ. Original: (15, S.56-78)
4. APRESJAN, Ju.D.: Eléments sur les idées et méthodes de la linguistique structurale contemporaine. Paris 1973.
- russ. Original: (6)
5. APRESJAN, Ju.D.: Ideen und Methoden der modernen strukturellen Linguistik. München 1971.
- russ. Original: (6)
6. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Идеи и методы современной структурной лингвистики. Москва 1966.
- s. S.232ff. zur älteren Version des ST-Ansatzes
- Übersetzungen: dt. (5), engl. (27), frz. (4), poln. (13)

7. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Явления нейтрализации в области лексической семантики. In: *Filologické studie. Sborník Pedagogické Fakulty University Karlovy v Praze* 5 (1974), 99-111.
- tschech. Résumé
8. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Языковая аномалия и логическое противоречие. In: *Tekst - Język - Poetyka. Hrsgg. v. M.R. Maęenowa. Wrocław* 1978, 129-151.
9. АПРЕСЯН, Ю.Д.: К формальной модели семантики: правила взаимодействия значений. In: *Представление знаний и моделирование процессов понимания. Hrsgg. v. A.C. Нариньяни. Новосибирск* 1980, 47-78.
10. АПРЕСЯН, Ю.Д.: К понятию глагольного управления. In: *WSIA* 3 (1979), 179-205.
11. АПРЕСЯН, Ю.Д.: К построению языка для описания синтаксических свойств слова. In: *ПСЛ* 1972 (1973), 279-325.
12. АПРЕСЯН, Ю.Д.: К теории семантических преобразований. In: *ИВСЛИАП* 1 (1971), 3-15.
13. APRESJAN, Ju.D.: *Koncepcje i metody współczesnej lingwistyki strukturalnej. (Zarys problematiki). Warszawa* 1971.
- russ. Original: (6)
14. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Конверсивы как средство синонимического преобразования языковой информации. In: *Проблемы прикладной лингвистики. Тезисы межвузовской конференции, ч. I, II. Москва* 1969, 16-22.
15. АПРЕСЯН, Ю.Д.: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва* 1974.
- enthält: S.119ff. (11), S.176ff. (22), S.79ff. (26)
- engl. Übersetzung: (17a), dt. Übersetzung eines Kapitels: (3)
- Rezensionen: Cichońska, M., in: *Język polski* 56 (1976), 146-149.
Dahl, Ö., in: *Russian Linguistics* 3 (1976/77), 90-93.
Savický, N., in: *Jazykovědné aktuality* 12 (1976), 167-169.
ders., in: *Československá rusistika* 20 (1975), 211-213.
Stanojčić, Ž., in: *Južnoslovenski filolog* 32 (1976), 227-230.
Wierzbicka, A., in: *IRSL* 1/1 (1976), 141-163.
16. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Лексические антонимы и преобразования с ними. In: *ПСЛ* 1972 (1973), 326-348.
- poln. Übersetzung: (1)
17. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Лексические конверсивы в русском языке. In: *Linguistica Silesiana* 1 (1975), 71-99.
- 17a. APRESJAN, Ju.D.: *Lexical Semantics. Ann Arbor* 1981.
- russ. Original: (15)

18. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений. In: Восприятие языкового значения. Hrsgg. v. А.П. Журавлев. Калининград 1980, 27-48.
19. АПРЕСЯН, Ю.Д.: О языке для описания значений слов. In: ИАН 28/5 (1969), 415-428.
20. АПРЕСЯН, Ю.Д.: О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики. Ответ Н.Ю. Шведовой. In: ВЯ 1971/1, 23-26.
21. АПРЕСЯН, Ю.Д.: О поверхностно-семантическом компоненте в модели "Смысл - Текст". In: Логико-семантические вопросы искусственного интеллекта. (= Ученые записки Тартуского Государственного Университета, вып. 551). Тарту 1980, 5-27.
22. АПРЕСЯН, Ю.Д.: О регулярной многозначности. In: ИАН 30/6 (1971), 509-523.
- engl. Übersetzung: (29)
23. АПРЕСЯН, Ю.Д.: О свободных и фразеологических семантических связях внутри слова, словосочетания и словообразовательного типа. In: Труды Самаркандского Гос. Ун-та, вып. 178. Самарканд 1970, 14-28.
24. АПРЕСЯН, Ю.Д.: О возможности определения лингвистических понятий. In: Russian Linguistics 6 (1982), 175-196.
25. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Об экспериментальном толковом словаре русского языка. In: ВЯ 1968/5, 34-49.
26. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Об одном правиле сложения лексических значений. In: ПСЛ 1971 (1972), 439-458.
- engl. Übersetzung: (2)
27. APRESJAN, Ju.D.: Principles and Methods of Contemporary Structural Linguistics. The Hague/Paris 1973.
- russ. Original: (6)
- erweitertes Kapitel über ST-Ansatz
28. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Принципы семантического описания единиц языка. In: Ученые записки Тартуского Гос. Ун-та, вып. 519. Тарту 1980, 3-24.
29. APRESJAN, Ju.D.: Regular polysemy. In: Linguistics 142 (1974), 5-32.
- russ. Original: (22)
30. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Семантические преобразования и синтагматические фильтры. In: МПиПЛ 14 (1971), 3-43.
31. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Синонимия и синонимы. In: ВЯ 1969/4, 75-91.
- engl. Übersetzung: (35)
32. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Синонимы и конверсивы. In: РЯШ 1970/6, 8-17.
33. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Современная лексическая семантика. I. Вопросы семантического описания. In: РЯНШ 1972/2, 2-14.

34. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Современная лексическая семантика. II. Синонимические средства языка и правила перифразирования. In: РЯНШ 1972/3, 19-27.
35. APRESJAN, Ju.D.: Synonymy and synonyms. In: Trends in Soviet Theoretical Linguistics. Hrsgg. v. F.Kiefer. Dordrecht 1973, 173-199.
- russ. Original: (31)
36. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "СмыслТекст". Wien 1980. (= WSLA Sonderband 1)
37. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. In: ИАН 28/1 (1969), 11-23.
38. АПРЕСЯН, Ю.Д.: Значение слова и оттенок значения. In: ИАН 33/4 (1974), 320-330.
39. АПРЕСЯН, Т.А./АПРЕСЯН, Ю.Д.: Об изучении смысловых связей слов. In: Иностранные языки в школе 1970/2, 32-43.
40. АПРЕСЯН, Ю.Д./БАБИЦКИЙ, К.И.: Работы ЛМП МГПИИЯ по семантике. In: Computational Linguistics 5 (1967), 1-18.
41. АПРЕСЯН, Ю.Д./БОГУСЛАВСКИЙ, И.М./ИОМДИН, Л.Л. и др.: Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода ЭТАП-I. In: Разработка формальной модели естественного языка. Hrsgg. v. А.С. Нариньяни. Новосибирск 1981, 3-28.
42. АПРЕСЯН, Ю.Д./БОГУСЛАВСКИЙ, И.М./ИОМДИН, Л.Л. и др.: Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения. Москва 1978.
43. АПРЕСЯН, Ю.Д./БОГУСЛАВСКИЙ, И.М./ИОМДИН, Л.Л. и др.: Типы и формальные способы представления информации в толково-комбинаторном словаре. Москва 1979.
44. АПРЕСЯН, Ю.Д./ИОМДИН, Л.Л./ПЕРЦОВ, Н.В.: Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка. In: IRSL 3 (1978), 249-312.
45. АПРЕСЯН, Ю.Д./КУЛАГИНА, О.С.: Проблемы разработки системы машинного перевода. In: Актуальные вопросы практической реализации системы автоматического перевода. Ч. I. Москва 1982, 5-23.
46. APRESJAN, Ju.D./MEL'ČUK, I.A./ŽOLKOVSKIJ, A.K.: Materials for an explanatory combinatory dictionary of Modern Russian. In: Trends in Soviet Theoretical Linguistics. Hrsgg. v. F.Kiefer. Dordrecht 1973, 411-438.
47. APRESJAN, Ju.D./MEL'ČUK, I.A./ŽOLKOVSKIJ, A.K.: Semantics and lexicography: towards a new type of unilingual dictionary. In: Studies in Syntax and Semantics. Hrsgg. v. F.Kiefer. Dordrecht 1969, 1-33.

48. АПРЕСЯН, Ю.Д./ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей. In: НТИ 1968/11, 8-21.
49. АПРЕСЯН, Ю.Д./ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: Об одном способе изучения сочетаемости слов. In: РЯИШ 1969/6, 61-72.
50. ARBATSCHEWSKY-JUMARIE, N.: Ordre des mots et prosodie de la phrase russe en fonction de sa structure syntaxico-communicative. In: WSLA 9 (1982), 225-256.
51. АРБАТСКИЙ, Д.И.: О сущности тавтологии в семантических определениях. In: ВЯ 1974/2, 56-63.
52. АРСЕНТЬЕВА, Н.Г.: О первых экспериментах по семантическому синтезу. In: МПиПЛ 11 (1969), 122-139.
53. АРСЕНТЬЕВА, Н.Г.: Реализация системы перифразирования на машине и результаты эксперимента. In: (54), 5-82.
54. АРСЕНТЬЕВА, Н.Г./БАЛАНДИНА, Н.А./КРАСОВСКАЯ, А.И.: О машинной реализации системы перифразирования. Москва 1969. (пред. пуб. Ин-та Прикладной Математики АН СССР, 25-27).
55. BABBY, L.H.: Lexical functions and syntactic constructions: Russian existential sentences. In: CLS Parassession on the Lexicon. Chicago 1978, 26-33.
56. БИДЕР, И.Г./БОЛЬШАКОВ, И.А.: Формализация морфологического компонента модели "Смысл↔Текст". I. Постановка проблемы и основные понятия. In: Техническая кибернетика 1976/6, 42-57.
57. БИДЕР, И.Г./БОЛЬШАКОВ, И.А.: Формализация морфологического компонента модели "Смысл↔Текст". II. Динамика морфологических преобразований. In: Техническая кибернетика 1977/1, 32-50.
58. БИДЕР, И.Г./БОЛЬШАКОВ, И.А.: Некоторые принципы построения формальных морфологических моделей. In: МПиПЛ 19 (1981), 3-25.
59. БОГУСЛАВСКИЙ, И.М.: О понятии сферы действия предикатных слов. In: ИАН 39/4 (1980), 359-368.
60. БОГУСЛАВСКИЙ, И.М.: О понятии смещенного отрицания. In: Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 107. Москва 1978, 9-20.
61. БОГУСЛАВСКИЙ, И.М.: О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? In: ИАН 36/3 (1977), 270-281.
62. БОГУСЛАВСКИЙ, И.М.: Отрицание в предложениях с обстоятельствами в русском языке. In: Studia grammatyczne 2. Wrocław 1978, 122-136.
63. ЧЕХОВ, А.С.: Некоторые средства обработки местоимений-заместителей при синтаксическом анализе (на материале английского местоимения "which"). In: МПиПЛ 15 (1972), 35-53.
64. ЕЛНИЦКИЙ, Л.Л.: SEARCH. Материалы к англо-русскому многоаспектному автоматическому словарю. In: МПиПЛ 17 (1974), 100-105.

65. ELNITSKY, L.: Une description du verbe FLAMBER: exercice dictionnaire. In: Cahiers de lexicologie 40/1 (1982), 95-111.
66. ЭРАСТОВ, К.О.: Примеры словарных описаний. In: МПИПЛ 11 (1969), 36-59.
67. ЭРАСТОВ, К.О./КУЛАГИНА, О.С./МЕЛЬЧУК, И.А.: Об одной возможной системе машинного перевода. Москва 1971. (пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 21)
68. ЕСТЬКОВА, Н.А./МЕЛЬЧУК, И.А./САННИКОВ, В.З.: Формальная модель русской морфологии, I: Формообразование существительных и прилагательных. Москва 1971. (пред. пуб. ИРЯ АН СССР вып. 15)
69. ГЛАДКИЙ, А.В./МЕЛЬЧУК, И.А.: Грамматики деревьев. I. Опыт формализации преобразований синтаксических структур естественного языка. In: ИВСЛИАП 1 (1971), 16-41. - engl. Übersetzung: (71)
70. ГЛАДКИЙ, А.В./МЕЛЬЧУК, И.А.: Грамматики деревьев. II. К построению Δ -грамматики для русского языка. In: ИВСЛИАП 4 (1974), 4-29.
71. GLADKIJ, A.V./MEL'ČUK, I.A.: Tree grammars. I. A formalism for syntactic transformations in natural languages. In: Linguistics 150 (1975), 47-82. - russ. Original: (69)
72. HARTENSTEIN, K.: Das erklärend-kombinatorische Wörterbuch im "Smysl+Tekst"-Modell - Studien zu den lexikologischen Grundlagen der Bedeutungsexplikation und ihrer lexikographischen Verwendbarkeit. München 1981. (Slavistische Beiträge Bd. 148)
- Rezension: Reuther, T., in: WSLA 9 (1982), 337-341.
- 72a. HARTENSTEIN, K.: Konzeptionen der sowjetischen Semantik. In: Handbuch des Russisten - Sprachwissenschaft und Grenzdisziplinen. Hrsgg. v. H.Jachnow. Wiesbaden 1983 (im Druck)
- enthält ein Kapitel zur lexikalischen Semantik im ST-Ansatz
- 72b. HARTENSTEIN, K.: Lexikalische Funktionen und Wortschatzarbeit. In: Beiträge zur Fremdsprachvermittlung aus dem Konstanzer SLI 13 (1983) (im Druck).
73. ИОМДИН, Л.Л.: Еще раз о синтаксическом согласовании в русском языке. Москва 1980. (пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 122)
74. ИОМДИН, Л.Л.: Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. Оператор согласования для определительных конструкций (прилагательное + существительное). Москва 1979.
75. ИОМДИН, Л.Л.: Фрагмент русского поверхностного синтаксиса. Определительные синтагмы. Москва 1982. (im Druck)
76. ИОМДИН, Л.Л.: К построению формальной модели современного русского языка. Оператор синтаксического согласо-

- вания для определительных конструкций. In: Ученые записки Тартуского Гос. Ун-та вып. 551 (1980), 51-70.
77. ИОМДИН, Л.Л.: Некоторые трудные вопросы русского согласования. In: Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения. Hrsgg. v. A.C. Нариньяни. Новосибирск 1979, 141-163.
78. ИОМДИН, Л.Л.: О некоторых группах отглагольных существительных в современном русском языке и семантических преобразованиях с ними. In: Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. Москва 1972, 234-251.
79. ИОМДИН, Л.Л.: Об одной группе семантических преобразований с глаголами становления в современном русском языке. In: МПиПЛ 16 (1972), 31-41.
80. ИОМДИН, Л.Л.: Об одном классе английских каузативных глаголов, образованных способом конверсии. In: МПиПЛ 15 (1972), 99-142.
81. ИОМДИН, Л.Л.: Симметричные предикаты в русском языке. In: ПСЛ 1979 (1981), 89-105.
82. ИОМДИН, Л.Л.: Симметричные предикаты в русском языке и проблема взаимного залога. Москва 1980. (пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 131)
83. IOMDINE, L.L./MEL'CHUK, I.A./PERTSOV, N.V.: Fragment de modèle de syntaxe russe de surface. Les syntagmes prédicatifs. In: Analyse et validation dans l'étude des données textuelles. Hrsgg. v. M.Borillo/J.Virbel. Paris 1977, 83-122.
- russ. Original: (84)
84. ИОМДИН; Л.Л./МЕЛЬЧУК, И.А./ПЕРЦОВ, Н.В.: Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. I. Предикативные синтагмы. In: НТИ 1975/7, 30-43.
- frz. Übersetzung: (83)
85. ИОМДИН, Л.Л./ПЕРЦОВ, Н.В.: Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. II. Комплетивные и присвязочные конструкции. In: НТИ 1975/11, 22-32.
86. ИОРДАНСКАЯ, Л.Н.: Автоматический синтаксический анализ. II. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск 1967.
87. IORDANSKAJA, L.N.: Le placement linéaire des clitiques pronominaux non-sujets en français contemporain. In: *Linguisticae Investigationes* 6/1 (1982), 145-188.
88. ИОРДАНСКАЯ, Л.Н.: Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств. In: МПиПЛ 16 (1972), 3-30.
89. ИОРДАНСКАЯ, Л.Н.: О семантике русских глаголов "воспринимать", "ощущать" и "чувствовать". In: *WSLA* 3 (1979), 207-215.
- engl. Übersetzung: (94)

90. ИОРДАНСКАЯ, Л.Н.: Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувств. In: МПиПЛ 13 (1970), 3-26.
- engl. Übersetzungen: (92), (93)
91. ИОРДАНСКАЯ, Л.Н.: Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза). In: НТИ 1967/5, 9-17.
92. IORDANSKAJA, L.N.: Tentative lexicographic definitions for a group of Russian words denoting emotions. In: Trends in Soviet Theoretical Linguistics. Hrsgg. v. F. Kiefer. Dordrecht 1973, 389-410.
- russ. Original: (90)
93. IORDANSKAJA, L.N.: Tentative lexicographic definitions for a group of Russian words denoting emotions. In: (227), vol.II, 87-118.
- russ. Original: (90)
94. IORDANSKAJA, L.N.: The semantics of three Russian verbs of perception: *vosprinimat'* '(to) perceive', *oščuščat'* '(to) sense' and *čuvstvovat'* '(to) feel'. In: Linguistics 17 (1979), 825-842.
- russ. Original: (89)
95. IORDANSKAJA, L.N./ARBATCHEWSKY-JUMARIE, N.: Lexicographic applications of lexical functions: two sample lexical entries from an explanatory-combinatorial dictionary. In: Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley 1982, 364-372.
96. ИОРДАНСКАЯ, Л.Н./МЕЛЬЧУК, И.А.: Коннотация в лингвистической семантике. In: WSIA 6 (1980), 191-210.
97. IORDANSKAJA, L.N./MEL'ČUK, I.A.: On a class of Russian verbs which can introduce direct speech (constructions of the type "Ostav'te menja!" - *ispugalsja bufetčik*: lexical polysemy or semantic syntax?). In: Festschrift Sørensen. Kopenhagen 1981
98. ИСХАКОВА, Х.Ф.: Автоматический синтез форм существительных в татарском языке. In: НТИ 1968/3, 23-26.
99. ИСХАКОВА, Х.Ф.: К вопросу о формальном описании морфологии тюркских языков. In: Советская тюркология 6 (1971), 32-44.
100. ИСХАКОВА, Х.Ф.: Модель татарского спряжения (образование синтетических форм глагола в современном татарском языке). In: Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. Hrsgg. v. Э.А.Макаев. Москва 1971, 108-126.
101. JANUS, E.: Пять словарных статей: *KLESKA*, *PASAŻER*, *WALKA*, *ZWYCIĘSTWO*, *ZWYCIĘŻAC*. In: НТИ 1971/11, 21-24.
102. КОРОЛЕВ, Э.И.: Использование пассива при автоматическом синтезе русского предложения. In: МПиПЛ 11 (1969), 177-192.

103. КОРОЛЕВ, Э.И.: О классификации возвратных глаголов и их записи в словаре. In: НТИ 1968/3, 19-22
104. КОРОЛЕВ, Э.И.: Различение одного случая омонимии возвратных глаголов. In: МПИЛ 12 (1969), 124-135.
105. КОРОЛЕВ, Э.И./ЭРАСТОВ, К.О.: О некоторых новых семантических параметрах и правилах преобразования в системе семантического синтеза. In: НТИ 1968/11, 28-33.
106. КОТЕЛОВА, Н.З.: Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки). In: ВЯ 1974/5, 48-63.
107. КОТЕЛОВА, Н.З.: Лексическая сочетаемость слова в словаре. In: Современная русская лексикология 1976. Hrsgg. v. А.М.Бабкин. Ленинград 1977, 36-53.
108. КОТЕЛОВА, Н.З.: Значение слова и его сочетаемость. (К формализации в языкознании). Ленинград 1975.
109. КРАСОВСКАЯ, А.И.: Возможные варианты порядка применения правил к лексико-синтаксической структуре (ЛСС). In: (54), 119-132.
110. KULAGINA, O.S./MEL'ČUK, I.A.: Automatic translation: some theoretical aspects and the design of a translation system. In: Machine Translation. Hrsgg. v. A. Booth. Amsterdam 1967, 139-171.
111. LEED, R.L./NAKHIMOVSKY, A.D.: Lexical functions and language learning. In: Slavic and East European Journal 23 (1979), 104-113.
112. LEONT'EVA, N.N.: A synthesis model of the Russian sentence based on a semantic notation. In: (227), vol.I, 143-154.
113. LEONT'EVA, N.N.: Definitions of words denoting time and temporal relations. In: (227); vol.I, 235-254.
- russ. Original: (114)
114. ЛЕОНТЬЕВА, Н.Н.: Описание слов со значением времени. In: МПИЛ 8 (1964), 33-49.
- engl. Übersetzung: (113)
115. ЛЕОНТЬЕВА, Н.Н./НИКИТИНА, С.Е.: Опыт описания семантики предлогов. In: МПИЛ 8 (1964), 161-183.
116. LEONT'EVA, N.N./NIKITINA, S.E.: Semantic relations expressed by Russian prepositions. In: (227); vol.I, 321-404.
- russ. Original: (117)
117. ЛЕОНТЬЕВА, Н.Н./НИКИТИНА, С.Е.: Смысловые отношения передаваемые русскими предлогами. In: Slavica 9 (1969), 15-63.
- engl. Übersetzung: (116)
- 117а. МАРТЕМЬЯНОВ, Ю.С.: О форме записи ситуации. In: МПИЛ 8 (1964), 125-148.
118. Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. Москва 1970-1976. (пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 2, 4, 7, 14-17, 23, 26, 28, 29, 34-38, 42, 62, 63, 80, 85, 86).

119. MELCSUK, Igor: A magyar főnévragozás egy újabb modellje. In: Magyar Nyelv 64 (1968), 176-192.
- russ. Original: (151)
120. MEL'ČUK, I.A.: A model of Spanish conjugation. In: (227); vol.I, 43-93
- russ. Original: (153)
121. MEL'ČUK, I.A.: A Model of Spanish Conjugation. In: (126), 210-257.
- russ. Original: (153)
122. MEL'ČUK, I.A.: Animacy in Russian cardinal numerals and adjectives as an inflectional category. In: Language 56/4 (1980), 797-811.
- auch in: (186), Kap.IV, Exkurs 13
123. МЕЛЬЧУК, И.А.: Автоматический синтаксический анализ. I. Общие принципы. Внутрисегментный синтаксический анализ. Новосибирск 1964.
124. МЕЛЬЧУК, И.А.: Числительное "пол¹" в современном русском языке. In: WSLA 1 (1978), 195-205.
- engl. Übersetzung: (188)
125. MEL'ČUK, I.A.: Cybernetics and linguistics: some reasons for as well as some consequences of bringing them together. Wien 1977. (Österr. Studiengesellschaft für Kybernetik)
126. MEL'ČUK, I.A.: Das Wort. Zwischen Inhalt und Ausdruck. Hrsgg. und eingeleitet v. J.Biedermann. München 1976.
127. MEL'ČUK, I.A.: Dependency Syntax. In: (183), 1-21.
128. MEL'ČUK, I.A.: Die Konversion als morphologisches Mittel. In: (126), 288-318.
- russ. Original: (145)
129. MEL'ČUK, I.A.: Ein linguistisches Modell des Typs "smysl ⇔ tekst" (Inhalt ⇔ Text). Die Ebenen der Darstellung sprachlicher Äußerungen. In: Theoretische Linguistik in Osteuropa. Hrsgg. v. W.Girke/H.Jachnow. Tübingen 1976, 49-67.
- russ. Original: (167)
130. MEL'ČUK, I.A.: Ein Modell zur Deklination der Substantive im Ungarischen. In: (126), 162-209.
- russ. Original: (151)
131. MEL'ČUK, I.A.: Esquisse d'un modèle linguistique du type "sens ⇔ texte". In: Problèmes actuels en psycholinguistique. Current problems in psycholinguistics. Actes du Colloque International organisé à Paris, 13-17 déc. 1971. Colloques internationaux du Centre National de la Recherche Sci. 206. Paris 1974, 291-317.
- engl. Résumé
132. МЕЛЬЧУК, И.А.: Формализация языка лингвистики (К постановке вопроса). In: IRSL 3/3 (1978), 209-213.
133. MEL'ČUK, I.A.: Grammatical meanings in interlinguas for automatic translation and the concept of gramm-

- tical meaning. In: (227), vol.I, 95-113.
- russ. Original: (143)
- Zweitveröffentlichung: (134)
134. MEL'ČUK, I.A.: Grammatical Meanings in Interlinguas for Automatic Translation and the Concept of Grammatical Meaning. In: (126), 319-338.
- russ. Original: (143)
135. MEL'ČUK, I.A.: Grammatical Subject and the Problem of the Ergative Construction in Lezgian. In: IRSL 5 (1980), 229-276.
- Zweitveröffentlichung: (136)
136. MEL'ČUK, I.A.: Grammatical Subject and the Problem of the Ergative Construction in Lezgian. In: Studies in the Languages of the USSR. Hrsgg. v. B.Comrie. Edmonton 1981, 231-276.
- Original: (135)
137. МЕЛЬЧУК, И.А.: К понятию поверхностно-синтаксического отношения (ПСО). Москва 1975. (пред. пуб. ИРЯ АН СССР вып. 71)
138. МЕЛЬЧУК, И.А.: К понятию словообразования. In: ИАН 1967/4, 352-362.
- dt. Übersetzung: (202)
139. МЕЛЬЧУК, И.А.: К построению действующей модели языка. In: Проблемы языкознания. Москва 1967, 82-89.
- engl. Übersetzung: (195)
140. МЕЛЬЧУК, И.А.: К построению системы понятий для морфологии. In: Studia linguistica Alexandro Vasilii filio Issatschenko a collegis amicisque oblata. Hrsgg. v. H. Birnbaum/L'.Đurovič et al. Lisse 1978, 267-287.
141. МЕЛЬЧУК, И.А.: К принципам описания означаемых. (О лингвистической семантике). In: Язык и человек. Hrsgg. v. В.А.Звегинцев. Москва 1970, 201-217.
- auch in revidierter Form in: (176), 53ff.
142. МЕЛЬЧУК, И.А.: К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений. In: Фонетика, фонология, грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. Hrsgg. v. Р.И.Аванесов/Ф.П.Филин и др. Москва 1971, 211-220.
- dt. Übersetzung: (203)
143. МЕЛЬЧУК, И.А.: К вопросу о "грамматическом" в языке-посреднике. In: МПлП 4 (1960), 25-45.
- revidierte Version in engl. Übersetzung: (133)
144. МЕЛЬЧУК, И.А.: К вопросу о внешних различительных элементах: семантические параметры и описание лексической сочетаемости. In: To Honor Roman Jakobson. Vol.II. The Hague/Paris 1966, 1340-1361.
145. МЕЛЬЧУК, И.А.: Конверсия как морфологическое средство. In: ИАН 32/1 (1973), 15-28.
- dt. Übersetzung: (128)

146. MEL'ČUK, I.A.: Le cas. In: Revue des Études Slaves 50/1 (1977), 5-36.
147. MEL'ČUK, I.A.: Lexical functions in lexicographic description. In: Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley 1982, 427-444.
148. МЕЛЬЧУК, И.А.: Лично-количественные ('собирательные') числительные в русском языке. In: Russian Linguistics 6 (1982), 307-334.
- auch in: (186), Kap.IV, Exkurs 11
149. MEL'ČUK, I.A.: Meaning-Text Linguistic Models and the Role of the Dictionary in Linguistic Description. In: Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists. Tokio 1982. (erscheint 1983)
150. MEL'ČUK, I.A.: Meaning-Text Models: A Recent Trend in Soviet Linguistics. In: Annual Review of Anthropology 10 (1981), 27-62.
151. МЕЛЬЧУК, И.А.: Модель склонения венгерских существительных. In: ПСЛ. Москва 1967, 344-373.
- Übersetzungen: dt. (130), ungar. (119)
152. МЕЛЬЧУК, И.А.: Модель спряжения в аляutorском языке. I-II. Москва 1973. (пред. пуб. ИРЯ АН СССР вып. 45-46).
153. МЕЛЬЧУК, И.А.: Модель спряжения в испанском языке. In: МПИЛ 10 (1967), 21-53.
- engl. Übersetzungen: (120), (121)
154. МЕЛЬЧУК, И.А.: О фонологической трактовке "полугласных" в испанском языке. In: ВЯ 1965/4, 92-109.
- erweiterte engl. Übersetzungen: (172), (173)
155. МЕЛЬЧУК, И.А.: О некоторых типах языковых значений. In: О точных методах исследования языка. Hrsgg. v. O.C. Axmanova и др. Москва 1961, 33-39.
- engl. Übersetzung: (180)
156. МЕЛЬЧУК, И.А.: О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа "(больше) на два мальчика" или "по трое больных". In: Russian Linguistics 5/1 (1980), 55-74.
- auch in: (186), Kap.IV, Exkurs 15
157. МЕЛЬЧУК, И.А.: О падеже существительного в русских конструкциях типа "идти в солдаты". In: Svantevit 5/1-2 (1979), 5-28.
158. МЕЛЬЧУК, И.А.: О притяжательных формах венгерского существительного. In: ПСЛ 1967 (1968), 326-343.
- engl. Übersetzungen: (174), (179)
159. МЕЛЬЧУК, И.А.: О семантических особенностях "исчисляемых" и "неисчисляемых" существительных в русском языке. In: WSLA 2 (1978), 177-181
- auch in: (186), Kap.IV, Exkurs 1

160. МЕЛЬЧУК, И.А.: О синтаксическом нуле. In: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Hrsgg. v. А.А.Холодович. Ленинград 1974, 343-361.
- engl. Übersetzung: (187)
161. МЕЛЬЧУК, И.А.: О супплетивизме. In: ПСЛ 1971 (1972), 396-438.
- revidierte und erweiterte engl. Übersetzung: (170)
163. МЕЛЬЧУК, И.А.: О терминах "устойчивость" и "идиоматичность". In: ВЯ 1960/4, 73-80.
164. МЕЛЬЧУК, И.А.: О типах поверхностно-синтаксических отношений (три критерия различения). In: Russian Linguistics 3/3-4 (1977), 245-270.
- erweiterte Version in engl. Übersetzung: (200)
165. МЕЛЬЧУК, И.А.: О "внешних" различительных элементах (о семантических параметрах). In: To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his 70th Birthday. The Hague 1967, 352-363.
166. МЕЛЬЧУК, И.А.: О "внутренней" флексии в индоевропейских и семитских языках. In: ВЯ 1963/4, 27-40.
- dt. Übersetzung: (204)
167. МЕЛЬЧУК, И.А.: Об одной лингвистической модели типа "Смысл ⇔ Текст". Уровни представления языковых высказываний. In: ИАН 33/5 (1974), 436-447.
- dt. Übersetzung: (129)
168. МЕЛЬЧУК, И.А.: Об одном классе фразеологических сочетаний (описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров). In: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула 1968, 51-65.
169. МЕЛЬЧУК, И.А.: Об определении большей/меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях. In: ИАН 28/2 (1969), 126-135.
- engl. Übersetzung: (171)
170. MEL'ČUK, I.A.: On suppletion. In: Linguistics 170 (1976), 45-90.
- russ. Original: (161)
171. MEL'ČUK, I.A.: On the Notion of "More/Less Complex Semantically" in Derivation. In: (126), 115-137.
- russ. Original: (169)
172. MEL'ČUK, I.A.: On the phonemic status of "semivowels" in Spanish. . In: Linguistics 109 (1973), 35-60.
- russ. Original: (154)
- Zweitveröffentlichung: (173)
173. MEL'ČUK, I.A.: On the Phonemic Status of "Semivowels" in Spanish. In: (126), 381-418.
- russ. Original: (154)
174. MEL'ČUK, I.A.: On the possessive forms of the Hungarian noun. In: Generative Grammar in Europe. Hrsgg. v. F.Kiefer/N.Ruwet. Dordrecht 1973, 315-332.
- russ. Original: (158)

175. МЕЛЬЧУК, И.А.: Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии. (К формализации языка лингвистики). In: Семиотика и информатика 6 (1975), 5-50.
- engl. Résumé
176. МЕЛЬЧУК, И.А.: Опыт теории лингвистических моделей "Смысл-Текст". Семантика, синтаксис. Москва 1974.
- enthält: S.53ff. (141)
- Rezensionen: Dahl, Ö., in: IRSL 2/1 (1977), 147-162.
Honselaar, W., in: Linguistics 214 (1978), 77-86.
Krupa, V., in: Asian and African Studies 12 (1976), 188-190.
Lehfeldt, W., in: Germanistik 16 (1975), 763-764.
177. MEL'ČUK, I.A.: Ordre des mots en synthèse automatique des textes russes. In: T.A. Informations 8/2 (1967), 65-85.
- russ. Original: (178)
178. МЕЛЬЧУК, И.А.: Порядок слов при автоматическом синтезе русского текста (предварительное сообщение). In: НТИ 1965/12, 36-44.
- frz. Übersetzung: (177)
179. MEL'ČUK, I.A.: Possessive Endings in Hungarian. In: (126), 138-161.
- russ. Original: (158)
180. MEL'ČUK, I.A.: Several types of linguistic meanings. In: Exact methods in linguistic research. Hrsgg. v. O.S.Akhmanova et al. Berkeley/ Los Angeles 1963, 36-43.
- russ. Original: (155)
181. МЕЛЬЧУК, И.А.: Словообразование и конверсия. In: Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 30. Москва 1972, 38-45.
182. МЕЛЬЧУК, И.А.: Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. In: ИАН 27/5 (1968), 426-438.
- engl. Übersetzungen: (191), (192)
183. MEL'ČUK, I.A.: Studies in Dependency Syntax. Ann Arbor 1979.
- Rezensionen: Nichols, J., in: Language 56/4 (1980), 862-867.
Reuther, T., in: WSLA 4 (1979), 479-480.
184. МЕЛЬЧУК, И.А.: Супплетивологические этюды. I. Об одном лексикокоитонематическом казусе в современном французском: embrasser > baiser > foutre. In: IRSL 2/2-3 (1977), 313-328.
- dt. Version: (185)
185. MEL'ČUK, I.A.: Suppletivologische Etüden. I. Über einen lexikokoitonematischen Fall im Französischen. In: Wiener Linguistische Gazette 12 (1976), 57-65.
- russ. Version: (184)

186. MEL'ČUK, I.A.: Surface syntax of Russian numeral expressions. (Поверхностный синтаксис русских числовых выражений). Wien 1984 (WSLA Sonderband, i.V.)
- enthält: (122), (124), (148), (156), (159), (199)
187. MEL'ČUK, I.A.: Syntactic, or Lexical, Zero in Natural Language. In: Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley 1979, 224-260.
- russ. Original: (160)
188. MEL'ČUK, I.A.: The numeral *pol'*¹ 'half' in Modern Russian: An autonomous word or a bound morpheme? In: Journal of linguistic research 2/1 (1982), 49-62.
- russ. Original: (124)
- auch in: (186), Kap. IV, Exkurs 4
189. MEL'ČUK, I.A.: The Predicative Construction in Dyirbal. In: (183), 23-90.
190. MEL'ČUK, I.A.: The Predicative Construction in the Dyirbal Language: Towards the notions 'grammatical subject', 'transitivity', 'accusative case', 'ergative construction', and 'grammatical voice'. Bloomington 1977.
191. MEL'ČUK, I.A.: The structure of linguistic signs and possible formal-semantic relations between them. In: Recherches sur les systèmes signifiants. Hrsgg. v. J.Rey-Debove/K.Fenton. The Hague 1973, 103-135.
- russ. Original: (182)
192. MEL'ČUK, I.A.: The Structure of Linguistic Signs and Possible Formal-Semantic Relations between them. In: (126), 89-114.
- russ. Original: (182)
193. MEL'ČUK, I.A.: Théorie de langage, théorie de traduction. In: Meta 23/4 (1978), 271-302.
194. MEL'ČUK, I.A.: Toward a definition of the concept 'Ergative Construction'. In: Proceedings of the 12th International Congress of Linguists. Wien 1983, 384-387.
195. MEL'ČUK, I.A.: Towards a functioning model of language. In: Progress in linguistics, Hrsgg. v. M.Bierwisch/K.E.Heidolph. The Hague 1970, 198-207.
- russ. Original: (139)
196. MEL'ČUK, I.A.: Towards a language of linguistics. A system of formal notions for theoretical morphology. München 1982.
- Rezension: Lehfelddt, W., in: WSLA 11 (1984).
197. MEL'ČUK, I.A.: Towards a linguistic "Meaning⇌Text" model. In: Trends in Soviet Theoretical Linguistics. Hrsgg. v. F.Kiefer. Dordrecht 1973, 33-57.
- Zweitveröffentlichung: (198)

198. MEL'ČUK, I.A.: Towards a Linguistic 'Meaning⇔Text' Model. In: (126), 26-62.
- Original: (197)
199. MEL'ČUK, I.A.: Types de dépendance syntagmatique entre les mots-formes d'une phrase. In: Bulletin de la Société de Linguistique de Paris 76/1 (1981), 1-59.
- auch in: (186)
200. MEL'ČUK, I.A.: Types of Surface-Syntactic Relations. In: (183), 91-150.
- russ. Original: (164)
201. МЕЛЬЧУК, И.А.: Уровни представления высказываний и общее строение модели "Смысл ⇔ Текст". In: Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 30. Москва 1972, 3-37.
202. MEL'ČUK, I.A.: Zum Begriff der Wortbildung (Derivation). In: (126), 63-88.
- russ. Original: (138)
203. MEL'ČUK, I.A.: Zum Problem der Auswahl einer Beschreibung, wenn die Ausschließlichkeit einer morphologischen Lösung nicht feststeht. In: (126), 339-353.
- russ. Original: (142)
204. MEL'ČUK, I.A.: Zur "inneren Flexion" in den indoeuropäischen und semitischen Sprachen. In: (126), 258-287.
- russ. Original: (166)
205. MEL'ČUK, I.A./ARBATCHEWSKY-JUMARIE, N./ELNITSKY, L. et al.: Vers un dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. (im Druck)
206. МЕЛЬЧУК, И.А./ХОЛОДОВИЧ, А.А.: К теории грамматического залога (Определение. Исчисление). In: Народы Азии и Африки 1970/4, 111-124.
- engl. Résumé
207. MEL'ČUK, I.A./IORDANSKAJA, L.N./ARBATCHEWSKY-JUMARIE, N.: Un nouveau type de dictionnaire: le Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain (six entrées de dictionnaire). In: Cahiers de lexicologie 38 (1981), 3-34.
208. МЕЛЬЧУК, И.А./ПЕРЦОВ, Н.В.: Фрагмент модели английского поверхностного синтаксиса (предварительное сообщение). In: Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 35. Москва 1973, 3-18.
209. МЕЛЬЧУК, И.А./ПЕРЦОВ, Н.В.: Модель английского поверхностного синтаксиса. Перечень синтагм. Москва 1975. (Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 64, 65).
210. МЕЛЬЧУК, И.А./ПЕРЦОВ, Н.В.: Поверхностно-синтаксические отношения в английском языке. Москва 1973. (Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 43).
211. MEL'ČUK, I.A./PERCOV, N.: Surface Syntax of English. A Formal Model within the Meaning-Text Framework. Amsterdam. (i.V.)

212. МЕЛЬЧУК, И.А./САВВИНА, Е.Н.: О формальной модели синтаксиса алюторского языка. In: Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 55. Москва 1974, 15-32.
- engl. Übersetzung: (213)
213. MEL'ČUK, I.A./SAVVINA, E.N.: Toward a formal model of Alutor surface syntax: predicative and completive constructions. In: Linguistics, Special Issue, 1978, 5-39.
- russ. Original: (212)
214. MEL'ČUK, I.A./ŽOLKOVSKIJ, A.K.: Towards a functioning "meaning-text" model of language. In: Linguistics 57 (1970), 10-47.
- russ. Original: (269)
215. MEL'ČUK, I.A./ŽOLKOVSKIJ, A.K./APRESJAN, Ju.D.: Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian. A Semantico-Syntactic Study of Russian Vocabulary. Wien 1984/85 (WS1A Sonderband, i.V.)
- 215a. NAKHIMOVSKY, A./LEED, R.: Advanced Russian. Columbus (Ohio) 1980.
216. NAKHIMOVSKY, A.: Voice and the indefinite-personal construction in Russian: a comparison between the Meaning-Text and the Transformational-Generative schools of linguistics. Cornell University, Ph. D., 1979.
217. NEUBAUER, F.: Die Struktur der Explikationen in deutschen einsprachigen Wörterbüchern. Eine vergleichende lexiko-semantische Analyse. Hamburg 1980.
- enthält dt. Beispiele für lexikalische Funktionen, S.21-32
218. NICHOLS, J.: The meeting of East and West: confrontation and convergence in contemporary linguistics. In: Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley 1979, 261-276.
219. НОВИКОВ, Л.А.: Семантика русского языка. Москва 1982.
220. ПЕРЦОВ, Н.В.: Грамматическое представление английской глагольной формы для целей автоматического перевода. In: Linguistica Silesiana 2 (1977), 139-163.
221. ПЕРЦОВ, Н.В.: О грамматических категориях английского глагола. Москва 1976. (Пред. пуб. ИРЯ АН СССР вып. 90).
222. ПИВОВАРОВА, Т.В.: SIGNAL 1 и SIGNAL 2. Материалы к англо-русскому многоаспектному автоматическому словарю. In: МПиПЛ 17 (1974), 94-99.
223. ПОТЕМКИНА, Т.Г.: REQUIRE. Материалы к англо-русскому многоаспектному автоматическому словарю. In: МПиПЛ 17 (1974), 86-93.
224. RASKIN, V.: Recent Trends in Soviet Semantics: A Review Article. In: Slavic and East European Journal 23/1 (1979), 114-124.

225. REUTHER, T.: Немецкие фразеологические словосочетания типа "in völliger Verzweiflung sein" и их русские эквиваленты. In: WSlA 5 (1980), 207-219.
226. REUTHER, T.: Plädoyer für das Wörterbuch. In: Linguistische Berichte 57 (1978), 25-48.
227. ROZENCVEJG, V. Ju. (Hrsg.): Machine translation and applied linguistics. Vols. I, II. Frankfurt/M. 1974.
228. РОЗЕНМАН, А.И./АПРЕСЯН, Ю.Д.: Англо-русский синонимический словарь. Москва 1979.
229. ШАЛЯПИНА, З.М.: О способах выражения семантических параметров в английском языке. In: МПиПЛ 11 (1969), 106-121.
230. ШАЛЯПИНА, З.М.: Семантические элементы как основа лексикографического описания: общие принципы и формальный аппарат. In: МПиПЛ 15 (1972), 54-98.
231. САННИКОВ, В.З.: Есть ли чередования в синтаксисе? (к проблеме синтморфологии). In: WSlA 8 (1981), 269-293.
232. САННИКОВ, В.З.: О чередованиях в синтаксисе (К проблеме синтморфологии). Москва 1980. (Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 137).
233. САННИКОВ, В.З.: О формальном представлении русских сочинительных и сравнительных конструкций. In: Формальное описание структуры естественного языка. Hrsgg. v. А.С.Нариньяни. Новосибирск 1980, 20-38.
234. САННИКОВ, В.З.: О русских сочинительных и сравнительных конструкциях. Москва 1980. (Пред. пуб. ПГЭПЛ ИРЯ АН СССР вып. 135).
235. САННИКОВ, В.З.: О типах русских сочинительных конструкций. In: Russian Linguistics 4/3 (1980), 235-247.
236. САННИКОВ, В.З.: Правила сочетаемости членов русских сочинительных конструкций. (im Druck)
237. САННИКОВ, В.З.: Сочинительные и сравнительные конструкции: их близость, их синтаксическое представление. I. In: WSlA 4 (1979), 413-431.
238. САННИКОВ, В.З.: Сочинительные и сравнительные конструкции: их близость, их синтаксическое представление. II. In: WSlA 5 (1980), 221-241.
239. САВВИНА, Е.Н.: Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. III. Сравнительные конструкции (сравнительные и союзные синтагмы). In: НТИ 1976/1, 38-43.
240. САВВИНА, Е.Н.: О неадекватности описания одного типа сравнительных конструкций с использованием понятия поверхностно-синтаксического эллипсиса. In: WSlA 6 (1980), 211-230.

241. ЩЕГЛОВ, Ю.К.: Две группы слов русского языка. In: МПиПЛ 8 (1964), 50-66.
- engl. Übersetzung: (244)
242. ЩЕГЛОВ, Ю.К.: К понятиям логических субъекта и предиката. In: МПиПЛ 8 (1964), 109-124.
- engl. Übersetzung: (243)
243. ŠČEGLOV, Ju.K.: On logical subjects and predicates. In: (227), vol.I, 275-290.
- russ. Original: (242)
244. ŠČEGLOV, Ju.K.: Two groups of Russian words. In: (227), vol.I, 255-274.
- russ. Original: (241)
245. SCHLOSSER, H.: Theorien der lexikalischen Synonymie im Russischen. Frankfurt/M. 1977.
246. SCHMIDT, P.: Lexical Semantics in the 'Meaning⇌Text' Approach. In: Russian Linguistics 6 (1981), 121-149.
247. SEIDEL, H.-E.: Zur Beschreibung des russischen Dativs: Indirektes Objekt und Inhalt-Text-Modell. In: Slavistische Linguistik 1977. Hrsgg. v. W.Girke/H.Jachnow. München 1978, 208-223.
248. ШВЕДОВА, Н.Ю.: Некоторые замечания по поводу статьи Ю.Д. Апресяна "Синонимия и синонимы". In: ВЯ 1970/3, 36-44.
249. УБИН, И.И.: Синтагматика семантических элементов и ЛФ Magn в русском и английском языках. In: МПиПЛ 17 (1974), 117-133.
250. УБИН, И.И.: Выражение параметра Magn в русском языке. In: МПиПЛ 11 (1969), 60-105.
251. УБИН, И.И.: Замечания о взаимоотношениях "оценочных" параметров. In: МПиПЛ 13 (1970), 27-34.
252. УРЫСОН, Е.В.: Направление синтаксической зависимости в русских аппозитивных конструкциях. (Manuskript)
253. УРЫСОН, Е.В.: Поверхностно-синтаксическое представление русских аппозитивных конструкций. In: WSLA 7 (1981), 155-215.
254. WEISS, D.: Sowjetische Sprachmodelle. In: Handbuch des Russisten. Sprachwissenschaft und Grenzdisziplinen. Hrsgg. v. H.Jachnow. Wiesbaden 1983. (im Druck)
255. ŽOLKOVSKIJ, A.K.: Introduction. In: (227), vol.I, 171-182.
- russ. Original: (262)
256. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К.: К лексикографическому описанию сомалийских существительных. In: Народы Азии и Африки 1967/1, 93-102.
257. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К.: Лексика целесообразной деятельности. In: МПиПЛ 8 (1964), 67-103.
- engl. Übersetzung: (265)

258. ŽOLKOVSKIJ, A.K.: Materials for a Russian-Somali dictionary. In: (227), vol.II, 53-86.
- russ. Original: (259)
259. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К.: Материалы к русско-сомалийскому словарю (на основе лексических функций). In: МПиПЛ 13 (1970), 35-63.
- engl. Übersetzung: (258)
260. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К.: О глубинном и поверхностном синтаксисе (на материале языка Сомали). In: ИАН 29/5 (1970), 427-439.
261. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К.: О правилах семантического анализа. In: МПиПЛ 8 (1964), 17-32.
- engl. Übersetzung: (263)
262. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К.: Предисловие. In: МПиПЛ 8 (1964), 3-16.
- engl. Übersetzung: (255)
263. ŽOLKOVSKIJ, A.K.: Rules for semantic analysis. In: (227), vol.I, 155-170.
- russ. Original: (261)
264. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К.: Синтаксис Сомали (Глубинные и поверхностные структуры). Москва 1971.
265. ŽOLKOVSKIJ, A.K.: The vocabulary of purposeful activity. In: (227), vol.I, 197-234.
- russ. Original: (257)
- 265a. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./ЛЕОНТЬЕВА, Н.Н./МАРТЕМЬЯНОВ, Ю.С.: О принципиальном использовании смысла при машинном переводе. In: МПиПЛ 2 (1961), 17-46.
266. ŽOLKOVSKIJ, A.K./LEONT'eva, N.N./MARTEM'JANOV, Ju.S.: On the basic use of meaning in machine translation. In: (227), vol.I, 115-142.
- russ. Original: (265a)
267. ŽOLKOVSKIJ, A.K./MEL'ČUK, I.A.: Construction d'un modèle actif de la langue: "sens ⇌ texte". In: La sémantique en U.R.S.S. Recueil de textes trad. et commentés par A.Ambrosi, D.Paillard et P.Pognan. Paris 1971, 11-50.
- russ. Original: (269)
268. ŽSOLKOVSKI, A.K./MEL'CSUK, I.A.: Értelmi összefüggések felhasználása természetes nyelvek mondatainak szintézisére. In: Dokumentáció és nyelvészet. Hrszg. v. D.Varga. Budapest 1969, 61-176.
- russ. Original: (271)
269. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: К построению действующей модели языка "Смысл ⇌ Текст". In: МПиПЛ 11 (1969), 5-35.
- Zweitveröffentlichung: (270)
- Übersetzungen: engl. (214), (277); frz. (267)
270. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: К построению действующей модели языка ("смысл-текст"). In: Sign - Language - Culture. Hrszg. v. A.J.Greimas et al.

- The Hague 1970, 159-194.
- Original: (269)
271. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: О семантическом синтезе. In: Проблемы кибернетики 19 (1967), 177-238.
- frz. Übersetzung: (276)
- ungar. Übersetzung: (268)
272. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: О системе семантического синтеза. I. Структура словаря. In: НТИ 1966/11, 48-55.
273. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: О системе семантического синтеза. II. Правила преобразования. In: НТИ 1967/2, 17-27.
274. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: О системе семантического синтеза. IV. Образцы словарных статей. In: НТИ 1972/9, 35-47.
275. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./МЕЛЬЧУК, И.А.: О возможном методе и инструментах семантического синтеза. In: НТИ 1965/6, 23-28.
276. ZHOLKOVSKIJ, A.K./MEL'CHUK, I.A.: Sur la synthèse sémantique. Paris 1971. (= T.A. Informations 1970/2)
- russ. Original: (271)
277. ŽOLKOVSKIJ, A.K./MEL'ČUK, I.A.: Towards a functioning 'meaning-text' model. In: (227), vol.II, 1-52.
- russ. Original: (269)
278. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./ПИВОВАРОВА, Т.В.: Into и out of (к семантическому толкованию двух английских предлогов). In: ИВСЛиАП 3 (1972), 86-96.
279. ЖОЛКОВСКИЙ, А.К./РАЗЛОГОВА, Е.Е.: О системе семантического синтеза. VI. Образцы словарных статей. In: ИВСЛиАП 4 (1974), 36-62.

I(gor') A. MEL'ČUK, Towards a Language of Linguistics. A System of Formal Notions for Theoretical Morphology. - Revised and edited by Ph. Luelsdorff. München: Fink 1982 (Internationale Bibliothek für allgemeine Linguistik 44), 161 S.

Der Verfasser des zu besprechenden Buches hat bereits in einer Reihe von früheren Aufsätzen einen wichtigen Beitrag zur Erarbeitung einer präzisen linguistischen Begriffssprache geleistet. Ich erinnere hier lediglich an seine Bemühungen um eine Definition der Begriffe "Wortbildung" und "Suppletivismus" (MEL'ČUK 1967 bzw. 1972) sowie an seinen Vorschlag für die Konstruktion eines morphologischen Begriffssystems (MEL'ČUK 1975; 1978), auf den ich im weiteren noch zurückkommen werde. Liest man die erwähnten und einige andere Arbeiten in der Abfolge ihrer Veröffentlichung, so erkennt man deutlich das Streben des Vf., nach und nach die Beschäftigung mit linguistischen Einzelbegriffen aufzugeben, um stattdessen umfassendere Begriffssysteme zu erarbeiten. So darf man also gespannt darauf sein, zu erfahren, welches Stadium dieses Bemühen in dem seit langem angekündigten und nun endlich vorliegenden Buch erreicht hat. Ich werde zunächst eine kurze Übersicht über Aufbau und Inhalt von Mel'čuks neuer Monographie geben. Dieser Übersicht werde ich sodann einige wertende und kommentierende Anmerkungen folgen lassen.

Das Buch besteht aus zwei sehr kurzen und einem sehr umfangreichen Kapitel. In dem ersten Kapitel (S. 13-17) erläutert der Vf. die Absicht, die er mit seiner Arbeit verfolgt: es sollen Probleme erörtert werden, die sich beim Aufbau einer linguistischen Metasprache ergeben. Genauer gesagt, es geht um den Aufbau einer Metasprache, in der die Begriffe und entsprechenden Termini fixiert sind, mit deren Hilfe die natürlichen Sprachen analysiert und beschrieben werden können. Nach der Auffassung des Vf. muß es sich bei dieser Metasprache um ein formales System von linguistischen Begriffen und den entsprechenden Termini handeln. Diese Auffassung läuft auf die Forderung hinaus, auf der Grundlage einer genau festgelegten Menge undefinierter Grundbegriffe ein System von Begriffen zu konstruieren, die sämtlich - unmittelbar oder mittelbar - auf die Grundbegriffe zurückgeführt werden können und eben dadurch miteinander verbunden sind. Diese Forderung entspricht, wie leicht zu sehen ist, dem Postulat, daß im "Erklärend-kombinatorischen Wörterbuch" der "'Bedeutung \longleftrightarrow Text'-Theorie" die Explikationen der Bedeutung sämtlicher Lexeme auf eine festgelegte Menge semantischer Primitive zurückführbar sein müssen. Ein derartiges Begriffssystem nun soll in Form eines Wörterbuchs linguistischer Begriffe fixiert werden. Im Unterschied zu den meisten der bereits existierenden linguistischen Wörterbücher, die lediglich den herrschenden Sprachgebrauch beschrieben, soll dieses neuartige Wörterbuch präskriptiver, normativer Natur sein. Dieses Ziel impliziert, wie der Vf. unterstreicht, keineswegs einen totalen Bruch mit der sprachwissenschaftlichen Tradition, von der sich Mel'čuk nur so weit entfernen will, wie es sei-

ne Aufgabe unbedingt erforderlich macht.

Die Beschaffenheit eines Begriffssystems hängt natürlich entscheidend von der linguistischen Konzeption ab, der die Grundbegriffe entstammen. Verständlicherweise orientiert sich der Vf. an der hauptsächlich von ihm selbst entwickelten Konzeption, die unter dem Namen "'Bedeutung \longleftrightarrow Text'-Theorie" bekannt ist. Hierbei spielen jedoch nicht sämtliche "technischen Details" dieser Konzeption eine Rolle, sondern nur deren Grundprinzip, nach der "A description of a natural language is a description of the correspondences between its meanings and its texts" (S. 17; zu diesem "Korrespondenzpostulat" vgl. im einzelnen MEL'CUK 1974: S. 9-12).

Im zweiten Kapitel (S. 18-22) erörtert der Vf. den Aufbau der Artikel des anzustrebenden Begriffswörterbuchs. Insgesamt unterscheidet er zwölf Gliederungspunkte, auf die wir hier nicht im einzelnen eingehen können. Wichtig ist der Gesichtspunkt, daß die einzelnen Artikel nicht nur eine Definition des jeweils in Rede stehenden Terminus enthalten sollen, sondern ihnen darüber hinaus die Aufgabe zukommt, Verständnis und richtigen Gebrauch der definierten Termini durch weitere Angaben zu fördern. Diese Angaben betreffen etwa die semantisch-syntaktischen Valenzen eines Terminus, seine paradigmatischen Relationen zu anderen - synonymen, antonymen bzw. hyponymen - Termini usw. Wir wollen hier gleich festhalten, daß die in dem zweiten Kapitel aufgestellten Forderungen in dem Wörterbuchfragment, das den Kern des Buches bildet, nur teilweise verwirklicht sind, abgesehen natürlich davon, daß in keinem Artikel die Definition fehlt und der Vf. das Homonymie-, das Synonymie- und das Zirkularitätsverbot strikt beachtet. Auf diesen Umstand weist der Vf. selbst ausdrücklich hin und präzisiert damit die von ihm verfolgte Absicht: er will nicht ein fix und fertiges linguistisches Begriffssystem präsentieren, sondern anhand eines Begriffsfragments, dessen Bestandteile mehr oder weniger vollständig ausgearbeitet sind, den Leser an die Probleme heranführen, die sich bei der Konstruktion eines solchen Begriffssystems stellen.

Diese Absicht verwirklicht der Vf. in dem 100 Seiten umfassenden dritten Kapitel (S. 22-122). Dieses Kapitel soll als Muster für ein vollständigeres Begriffswörterbuch dienen. Es enthält im wesentlichen das Fragment eines Systems von Begriffen und zugehörigen Termini, mit deren Hilfe es möglich sein soll, die Morphologie von natürlichen Sprachen in zusammenhängender Form zu beschreiben. Die insgesamt 47 morphologischen Stichwörter, die in diesem Systemfragment behandelt werden, beziehen sich sämtlich auf die Ausdrucksebene. Inhaltsbezogene Begriffe wie etwa "grammatische Bedeutung" und "grammatische Kategorie" werden - zumeist in Form von Fußnoten - nur in dem Maße erörtert, wie das im Hinblick auf die eigentliche Aufgabe unumgänglich ist. Außer den 47 morphologischen Termini werden in dem Fragment auch noch die drei Termini 'Idiom-', '-eme' und 'Allo-' definiert.

Dem eigentlichen Wörterbuchteil des Kapitels sind drei Abschnitte vorangestellt, in denen die "Bausteine" der Definitionen besprochen werden. Der erste dieser Abschnitte enthält die Grundbegriffe "signifiant", "signifié" und "syntac-

tics", die sämtlich Relationen repräsentieren. Sie werden selbstverständlich nicht definiert, sondern mehr oder weniger informell erläutert. Der Vf. unterstreicht die "Breite" seiner Interpretation der beiden zuerst genannten Begriffe: "..., I tend to call a signifiant any linguistic₁ [= sprachliche, W.L.] entity which has, as its counterpart, another linguistic₁ entity which is deeper, or nearer to meaning" (S. 24). "Under signifié I understand everything that could be communicated by means of speech: any kind of information which can be detected in an utterance" (S. 25).

Mit dem Ausdruck 'syntactics' werden die Angaben über die im weitesten Sinne zu verstehende grammatische Kombinierbarkeit eines gegebenen Paares (signifiant;signifié) zusammenfassend bezeichnet, die nicht aus dem jeweiligen signifiant bzw. dem signifié allein abgeleitet werden können. Hierzu zählen beispielsweise Informationen über die grammatischen Kategorien und Bedeutungen sowie die Wortartzugehörigkeit eines Terminus, gegebenenfalls über dessen Rektion, über Alternationen, die eine gegebene sprachliche Größe bei benachbarten "bewirken" ("condition") kann usw.

Im zweiten Abschnitt werden zehn linguistische Begriffe - vgl. etwa "(natural) language L", "phoneme", "word-form", "grammatical meaning" - aufgezählt und erläutert, die in dem gegebenen Rahmen nicht die Rolle von Grundbegriffen spielen und daher definitionsbedürftig sind, hier aber als bekannt = definiert vorausgesetzt werden.

Der letzte "Bausteinabschnitt" umfaßt die in den Definitionen gebrauchten logischen ("object", "set", "ordered" etc.) und quasilogischen ("similar in x", "simple", "sufficiently", "rule", "majority") Begriffe sowie englische Wörter mit rein syntaktischer Funktion.

Nachdem wir alle vorbereitenden Stadien durchlaufen haben, gelangen wir in dem vierten und letzten Abschnitt des dritten Kapitels endlich in das Allerheiligste, zu den Wörterbuchartikeln. Die Definitionen, der wichtigste Bestandteil eines jeden Artikels, sind rein begrifflicher, nicht operationaler Natur. Mit anderen Worten, die einem Terminus zugeordnete Definition gibt an, welche Eigenschaften eine Größe besitzen muß, um mit dem Terminus benannt werden zu können, sagt aber nichts darüber aus, mit Hilfe welcher Verfahren bestimmt werden kann, ob in einem gegebenen Fall diese Eigenschaften vorhanden sind oder nicht. Ferner fehlen auch Hinweise darüber, wie die definierten Termini bei der Analyse und Beschreibung von Sprachen verwendet werden können oder sollen, d.h., der Rückgriff auf das von Mel'čuk erarbeitete Begriffssystem bietet an und für sich noch keine Gewähr für die "uniqueness" verschiedener Beschreibungen eines und desselben Gegenstandsbereiches.

Ich kann hier selbstverständlich nicht sämtliche 50 Stichwortartikel analysieren. Der Verdeutlichung halber nenne ich einige der definierten Termini: 'linguistic₁ sign', 'representable', 'modification', 'alternation', 'morph', 'root', 'morphological process', 'morpheme', 'supramorpheme', 'apophony', 'conversion', 'megamorph', 'suppletion'. Unten werde ich einige Definitionen etwas ausführlicher besprechen.

Den Hauptteil der Artikel machen, wenn man von den Definitionen absieht, mehr oder weniger ausführliche Kommentare und Beispiele aus. Zahlreiche Erläuterungen findet man in den zum Teil sehr langen Fußnoten. Den Abschluß des Buches bilden eine Bibliographie, ein Sachverzeichnis sowie eine Zusammenstellung der zitierten sprachlichen Formen.

Will man Mel'čuks Buch gebührend würdigen, so darf man nicht das erste Wort des Titels, "towards", aus dem Auge verlieren. Der Vf. will einen Anstoß geben, er will in erster Linie demonstrieren, wie man bei der Konstruktion eines linguistischen Begriffssystems vorzugehen habe. Für mich steht außer Frage, daß der von Mel'čuk eingeschlagene Weg grundsätzlich richtig ist. Ich bin auch der Meinung, daß es dem Vf. gelungen ist, die Notwendigkeit und die Fruchtbarkeit seiner Konstruktionsprinzipien überzeugend nachzuweisen. Das axiomatisch-konstruktive Vorgehen, wie es Mel'čuk demonstriert, ist, wie ich meine, die einzige Möglichkeit, das babylonische Metasprachengewirr in der Linguistik zu beenden. Daher ist dem Buch eine möglichst große Schar von Lesern zu wünschen, ungeachtet seines in vielerlei Hinsichten fragmentarischen Charakters, unbeschadet auch der Unvollständigkeit des morphologischen Begriffssystems.

Wenngleich es also sicherlich ungerechtfertigt und ungerecht wäre, ganz allgemein die "Lückenhaftigkeit" des Buches zu kritisieren, so darf uns diese Haltung natürlich nicht dazu verleiten, in dieser Hinsicht einen Generalpardon auszusprechen. Was der Leser, der mit Mel'čuks älteren Arbeiten zur Sprache der Linguistik einigermaßen vertraut ist, vermißt, ist ein Hinweis auf die Beziehung zwischen der Monographie und insbesondere der Abhandlung aus dem Jahre 1975. Ein Vergleich zwischen dem "Wörterbuchabschnitt" des Buches und dem entsprechenden Abschnitt der erwähnten Arbeit erweist, daß beide sich weitgehend decken, was die bearbeiteten Stichwörter anbelangt. Zwar enthält der Aufsatz von 1975 nur 27 Artikel gegenüber 50 in der Monographie, aber die Differenz von 23 ist, von Ausnahmen (s.u.) abgesehen, rein "optisch". Sie erklärt sich nämlich daraus, daß einige Termini, die 1975 in jeweils einem Artikel zusammen behandelt wurden, jetzt sozusagen selbständig geworden sind und einen eigenen Artikel bekommen haben. Das gilt etwa für den Begriff "affiks" von 1975, in dessen Artikel auch die Begriffe "konfiks", "infiks", "cirkumfiks", "transfiks" untergebracht waren. Letztere haben sich 1982 sämtlich "emanzipiert".

Nach meiner Rechnung stellen lediglich die Definitionen der Termini 'elementary₂', 'zero', 'empty_{1/2}', 'reduplication₁', 'reduplication₂', 'morphological process', 'suprasegmentally-bound apophony', 'segmentally-bound apophony', 'submorph', 'suppletion' und 'idiom' wirkliche Neuerungen dar. Natürlich soll in keiner Weise verkannt werden, daß die Kommentare und Beispielsammlungen, die wir in dem Buch bei den "alten" Stichwörtern finden, zumeist beträchtlich an Umfang gewonnen haben, aber es gilt eben doch, daß die Monographie in einer Weise auf der Arbeit von 1975 basiert, die einen deutlichen Hinweis verdient hätte. Der Aufsatz "K postroeniju sistemy

ponjatij dlja morfologii" aus dem Jahre 1978, der 19 morphologische Stichwortartikel enthält, wird nicht einmal in der Bibliographie verzeichnet. Mit alldem soll, nota bene, die Berechtigung, das Buch in seiner vorliegenden Form zu veröffentlichen, nicht angezweifelt werden, um so weniger, als die russische Abhandlung von 1975 wohl nur einen recht kleinen Leserkreis - jedenfalls im Westen - gefunden haben dürfte.

Im folgenden gehe ich noch auf einige von Mel'čuks Definitionen ein. Hierbei interessieren mich besonders diejenigen, in denen Ansichten zum Ausdruck kommen, denen auch im Rahmen der vorgegebenen Grundbegriffe und der aus ihnen abgeleiteten "Zwischendefinitionen" andere Anschauungen gegenübergestellt werden können, für die ich mich hier einsetzen möchte. Bezogen auf das zur Debatte stehende Begriffssystem heißt das, daß ich dafür plädieren möchte, die "Füllungen" einiger Definitionen zu modifizieren. Meine Bemerkungen laufen also nicht auf eine immanente Kritik an Mel'čuks morphologischem Begriffssystem hinaus, sondern verstehen sich als Beitrag zu einer Auseinandersetzung über die deskriptive Erfassung gewisser sprachlicher Erscheinungen.

Beginnen wir mit dem Begriff "modification". Die Definition lautet: "an elementary₁ substitution applicable to a segmental or suprasegmental signifiant S₁, such that

1) the result of its application is also a segmental or suprasegmental signifiant S₂

and

2) either (i) S₁ und S₂ have an identical signifié or (ii) the signifiés of S₁ and S₂ differ by a regular signifié" (S. 53 f.).

Unter formalen, d.h. unter signifiant-bezogenem Gesichtspunkt zerfallen die Modifikationen in zwei Klassen, "replicas" und "alternations":

"A REPLICa: a modification of the form

$$/X/ \implies f /X/C,$$

where /X/ is a string of phonemes, and f is iteration of this string, with possible changes " (S. 54). "C" steht für die Bedingungen der "replica".

"An ALTERNATION = a modification different from replica" (S. 58).

Die Bedingungen 2i und 2ii der zuerst angeführten Definition, die aus bestimmten, hier nicht näher interessierenden Gründen erforderlich sind (vgl. S. 54), erlauben es dem Vf., die beiden Modifikationsklassen unter signifié-bezogenem Aspekt jeweils noch einmal in zwei Unterklassen zu zerlegen: "1) full₁ modifications, which have each a signifié of their own (...) [wenn Bedingung 2ii vorliegt, W.L.]; 2) empty₁ modifications, which have no signifiés at all (...) [im Falle von Bedingung 2i, W.L.]" (S. 54).

Die Definitionen, für sich betrachtet, enthalten keine eindeutige Vorschrift darüber, wo genau die Grenze zwischen den beiden Unterklassen zu ziehen ist. Bei diesem Problem handelt es sich aber auch nicht um die Frage nach der Operationalisierung der Begriffsdefinitionen, die ja, wie wir gesehen haben, in dem Buch nicht zur Debatte steht. Zumindest

implizit nämlich ist für den Vf. die Grenzlinie deutlich gezogen, wie seine Beispiele zeigen.

Betrachten wir hier nur die Klasse der "alternations", die in "full₁ alternations", auch "apophonies" genannt, und "empty₁ alternations" zerfallen. Wie die Beispiele zu ersteren erweisen (S. 98 ff.), ist für den Vf. eine Alternation nur dann "full₁", d.h. "an elementary₂ sign whose signifiant is an alternation" (S. 98), wenn durch sie allein ein - "regulärer" - signifié-Unterschied zum Ausdruck gebracht wird; vgl. etwa engl. *tooth* - *teeth*, wo der reguläre (in diesem Fall grammatische) signifié-Unterschied 'Singular' - 'Plural' allein durch die Alternation /u/ \Rightarrow /ī/ angezeigt wird. Wird ein regulärer signifié-Unterschied außer durch eine Alternation auch noch durch andere Ausdrucksmittel, etwa durch Affixe, signalisiert, so ist die Alternation für Mel'čuk "empty₁"; vgl. etwa die Alternation /k/ \Rightarrow /č/ in russ. "/ruk-(á)/ 'hand' - /ruč-(noj)/ 'hand-' " (S. 62).

Die hier zum Ausdruck kommende Auffassung entspricht ziemlich genau der in der Sowjetunion besonders von A.A. Reformatskij vertretenen Unterscheidung zwischen "grammatischen" (= full₁) und "morphologischen" (= morphological empty₁) Alternationen (vgl. etwa REFORMATSKIJ 1967: S. 276-287). Die von Reformatskij zu Mel'čuk führende Traditionslinie tritt hier besonders deutlich zutage. Der Hinweis auf diese Linie muß allerdings durch einen anderen ergänzt werden: Mel'čuk ist sich der Relativität der Unterscheidung zwischen "full₁ modifications" und "empty₁ modifications" durchaus bewußt, wie - unter anderem - folgende Erörterung erweist: "Let us take Engl. *wive-*, an automatic variant of *wife* before the plural suffix *-s*. It is commonly held that the alternation *f* \Rightarrow *v* is here meaningless, i.e., empty₁, since the meaning 'plural' in *wives* is imparted by the suffix *-s*. Yet exactly because the appearance of the *v*-alternant before *-s* is in this noun quite automatic and obligatory, this alternant unmistakably signals the presence of *-s* and *eo ipso* of the meaning 'plural'. Thus, in reality the alternation *f* \Rightarrow *v* (at least in this case) does carry (or, at least, point to) some meaning" (S. 52 f.).

Obzwar also Mel'čuk die Signalfunktion der erwähnten und einiger anderer Alternationen durchaus anerkennt, hält er schließlich doch an ihrer Einstufung als "empty₁" fest; denn: "obviously, although they do communicate something, this information is redundant, since it duplicates the information carried by the affixes, preceding phonemes, and the like" (S. 53). Aus diesem Argument, das wiederum deutlich an Reformatskij erinnert, wird besonders gut ersichtlich, daß die Einstufung einer Alternation - allgemein einer Modifikation - als "empty₁" wenn nicht immer, so doch zumindest in sehr vielen Fällen daherrührt, daß ein anderer "morphological process" wie beispielsweise die Affigierung als "main (= autonomous)" (S. 134) klassifiziert worden ist. Das offenbar als Selbstverständlichkeit angesehene Streben nach einer derartigen Hierarchisierung a priori führt natürlich automatisch zu der Notwendigkeit, sich ohne Unterlaß in weitschwei-

figen Erörterungen darüber zu ergehen, welcher "morphological process" als "main" und welche als bloß "accompanying" anzusehen seien (vgl. das instruktive Beispiel S. 133 f.).

Ist aber eine solche Hierarchisierung a priori wirklich notwendig? Nehmen wir einmal an, wir verzichten auf sie. Was würde das bedeuten? Offenbar würden wir uns dann damit begnügen, zunächst schlicht anzugeben, welche "morphological processes" den Unterschied zwischen zwei oder mehr signifiants "regulär" differierender signifiés ausmachen. Erst in einem zweiten Schritt würden wir dann, sofern wir das wünschen, danach fragen, ob einer dieser "morphological processes" den in Rede stehenden signifié-Unterschied etwa "besser" signalisiere als ein anderer. Hierbei kommt es natürlich immer darauf an, wie viele (bei Mel'čuk sind es immer nur zwei) und welche signifiants wir überhaupt vergleichen - eine methodische Frage, die in der einschlägigen Literatur kaum je gestellt wird, obwohl gerade ihr erstrangige Bedeutung zukommt.

Das hier nur angedeutete Vorgehen hätte u.a. den Vorteil, daß man sich bei der Beschreibung von Modifikationen, Affixen usw. um Einstufungen wie "empty₁", "full₁", "autonomous", "main" o.ä. zunächst gar nicht zu kümmern brauchte, da die rein deskriptive Untersuchung der Ausdrucksmittel und deren Bewertung im Hinblick auf ihre funktionale Belastung auf verschiedenen Etappen vor sich gehen würden. Mit Rücksicht auf die Begriffe der zu den deskriptiven Zwecken der ersten Untersuchungsetappe benötigten morphologischen Metasprache würde dies bedeuten, daß "funktionsbezogene" Unterscheidungen, wie sie durch die Begriffe "empty₁", "full₁" usw. ausgedrückt werden, einfach wegfallen könnten.

Eine der nach meiner Meinung problematischsten Definitionen ist die des Begriffes "empty₂". Als "empty₂" wird ein sprachliches Zeichen, beispielsweise ein Morph, eingestuft, "whose signifié is an empty set" (S. 52). Das hauptsächliche Motiv für die Einführung dieses Begriffs ist der Wunsch, gewisse sprachliche "items", etwa die Themavokale russischer Verben, die "very similar to suffixes except for meaning" (S. 71) sind, trotz ihrer "semantischen Leere" als Zeichen, eben etwa als Suffixe bezeichnen zu können (vgl. S. 71).

Rein formal betrachtet, wird durch den Begriff "empty₂" sichergestellt, daß die allgemeine Zeichendefinition - "*X is a linguistic₁ sign = X is an ordered triple*

$$X = \langle Y; Z; W \rangle$$

where Y is the signifiant for Z, Z is the signifié of Y, and W is the syntactics for the pair (Y; Z)" (S. 40) - unbeeinträchtigt bleibt. Aber genügt ein derartiger formaler Kunstgriff, um uns die Vorstellung von "leeren Zeichen" plausibel zu machen? Ich glaube nicht, und zwar um so weniger, als diese Vorstellung nicht einmal systemimmanent zwingend ist: die von Mel'čuk zur Verdeutlichung angeführten Beispiele (S. 52; S. 69-71) illustrieren einzig und allein den Fall der "semantischen Leere" von Zeichen - vgl. etwa dt. *es* in dem Satz *Es wurde getanzt*, von dem es ausdrücklich heißt,

es sei "semantically void" (S. 52). Wenn ein Zeichen "semantisch leer" ist, so impliziert dies aber noch nicht, daß das signifié eines solchen Zeichens als "empty set" aufgefaßt werden muß, denn bei der Erläuterung des Grundbegriffs "signifié" unterstreicht der Vf. nachdrücklich seine Auffassung, daß "a signifié need not be necessarily meaning: the signifié of a linguistic₁ item can be a syntactic dependency or a class of syntactic dependencies, the command to change the combinatorial properties of a different item (see pp. 73-74), etc. (This implies, in particular, that the notion 'signifié' is broader than the notion 'meaning' and that 'semantic' and 'syntactic' signifiés should be distinguished.)" (S. 25). Selbst wenn wir also ohne weiteres zugeben, daß dt. *es* in dem zitierten Satz sowie die ihm entsprechenden engl. *it* und frz. *il* "semantically void" sind, so heißt das eben noch nicht, daß wir allein deshalb die signifiés dieser Zeichen überhaupt als "empty" betrachten müssen. Und tatsächlich könnte ja gerade dieses Beispiel den Gedanken nahelegen, die signifiés der genannten Wörter im Sinne der auf S. 25 angegebenen allgemeinen Erläuterungen zum signifié-Begriff als "syntactic" zu beschreiben, wozu es freilich notwendig wäre, genau zu wissen, was sich hinter dem "etc." des angeführten Zitats alles verbirgt. Wie auch immer eine konkrete Lösung aussehen mag, so sollte jedenfalls der dubiose Begriff des "leeren Zeichens" aus dem morphologischen Begriffssystem eliminiert werden.

Eine letzte kritische Bemerkung: auf S. 71 heißt es: "Any (Hervorhebung von mir, W.L.) empty₂ morph can in principle be described as an insertion, ..." Was die "insertion" anbelangt, so wird diese auf S. 58 als einer von insgesamt "four types of segmentally-bound alternations" definiert. Die in Rede stehenden Alternationen sind ihrerseits ein Spezialfall der Modifikation, d.h. einer "elementary₁ substitution applicable to a segmental or suprasegmental signifiant S₁" (S. 53; Hervorhebung von mir, W.L.). Es ist mir unverständlich, wie es möglich sein soll, die zitierten *es*, *it*, *il*, von denen es auf S. 52 ausdrücklich heißt, es handele sich bei ihnen um "empty₂ word-forms, consisting each of a single empty₂ morph" als "insertions" im definierten Sinne aufzufassen.

Zum Schluß möchte ich unterstreichen, daß die in dieser Rezension vorgebrachten Einwände gegen einige Teile des von Mel'čuk erarbeiteten morphologischen Begriffssystems die Gesamtleistung des Vf. nicht schmälern können und es auch gar nicht sollen. Die Ausführlichkeit, mit der die ausgewählten Probleme hier erörtert worden sind, sollte als Indiz dafür angesehen werden, welche anregende Lektüre das besprochene Buch bietet. Die neue Monographie von I.A. Mel'čuk wird hoffentlich dazu beitragen, in das zur Zeit noch herrschende linguistische Metasprachengewirr etwas mehr Harmonie hineinzutragen. Bei allem Optimismus dürfen wir natürlich nicht damit rechnen, daß dieses Gewirr demnächst durch Sphärenklänge ersetzt wird.

L I T E R A T U R

- MEL'ČUK, I.A. 1967, K ponjatiju slovoobrazovanija, *Izvestija AN SSSR, Serija literatury i jazyka* 26, S. 352-362.
- MEL'ČUK, I.A. 1972, O suppletivizme, *Problemy strukturnoj lingvistiki 1971*, Moskva, S. 396-438.
- MEL'ČUK, I.A. 1974, *Opyt teorii lingvističeskich modelej "Smysl ↔ Tekst"*. Semantika, Sintaksis. Moskva.
- MEL'ČUK, I.A. 1975, Opyt razrabotki fragmenta sistemy ponjatij i terminov dlja morfologii (k formalizaciji jazyka lingvistiki), *Semiotika i informatika* 6, S. 5-50.
- MEL'ČUK, I.A. 1978, K postroeniju sistemy ponjatij dlja morfologii, *Studia linguistica Alexandro Vasiliij filio Issatschenko a collegis amicisque oblata*, Lisse, S. 267-287.
- REFORMATSKIJ, A.A. 1967⁴, *Vvedenie v jazykovedenie*, Moskva.

Igor' A. MEL'ČUK (Montreal)

SUPPLETIVOLOGICAL STUDIES:

On a Lexicocoitonematical Case in Contemporary French.

Autor's note: The present article was written in 1975 for the occasion of the seventy-fifth birthday of Aleksandr Aleksandrovič Reformatskij (1900-1978), an eminent Russian linguist, whose student, friend, and subordinate I had the honour of being over a period of twenty years. It turned out to be impossible to publish an official Festschrift for this anniversary, because the scholarly powers-that-be in the USSR did not consider Reformatskij to be of sufficient stature to warrant the publication of two anniversary miscellanies (one such, *Fonetika, Fonologija, Grammatika*. Moscow: Nauka, 1971, had already been published to mark his seventieth birthday). Therefore the friends and admirers of Reformatskij, or "San Sanyč", as he was known in Moscow linguistic circles, published an unofficial Festschrift in a single, typewritten copy; the article that follows was part of this collection. It gave pleasure to its recipient: he told me so himself. I report his opinion with pride, because to please San Sanyč, especially in such an area of research, was very difficult.

Almost five years have passed since the death of my teacher. But I hope I may be permitted to pay homage to his memory with this joke, for San Sanyč himself thought that there was nothing more serious than a joke, and provided many powerful examples of the use of frivolous material for completely serious scholarly conclusions.

Translator's note: Since the present article contains many references to matters which might be obscure to readers not thoroughly familiar with the ambience of Moscow linguistic circles, the author has asked me to prepare an appropriate commentary. The translator's notes are provided with alphabetic superscripts in order to distinguish them from the author's.

John Barnstead
Dalhousie University
Halifax, Canada

Editor's note: The structure of the article is as follows:
Main part - Appendix - Literature - Postscriptum - Author's notes - Addenda I-V - Translator's notes.

J'AI BAISÉ TA BOUCHE
I OKANAAN
J'AI BAISÉ TA BOUCHE

EMBRASSER > BAISER > FOUTRE > ...
 ↓ ↓
 (Le) BAISER (La) BAISE

Variations on a favourite theme of Iskander Islahi.^a

"Private Sidorov, what do you think about when you gaze upon the broad expanse of the fields, the factory smokestacks, the ribbons of the highways, the streams of cars, and the merry little flocks of children?"

"About cunts, comrade colonel!"

"What's the matter with you, Sidorov, have you gone bananas? Why?!?"

"But I'm always thinkin' about 'em!"

A Soviet joke.

Among the many laudable characteristics of A.A. Reformat-skij's scientific achievements one might single out the following two, at least, as most deserving attention:

1. Insistence upon the systematic, stern, and absolute stripping away of any and all clothing, masks, and fig leaves (assuming their presence): Reformat-skij has always taught that truth is exactly like cabbage-root, palatable only when unadorned (see Reformat-skij 1975, p.9).¹ One must penetrate every surface phenomenon, tangled or glittering, variegated or monotonous; one must attain the interior, the heart, the goal ... one must strive toward the particulars^b (v. infra)! Not in vain did B.L. Pasternak write: "I wish to attain the essence in everything." These words form quite an appropriate motto for Reformat-skij.

2. Unwavering attention to every fact of a language, even to seemingly insignificant peculiarities, on the basis of which Reformat-skij executes so masterfully his most deeply penetrating thrusts. From *tošč'ca* 'small point' - *tašč'ca* 'small wheelbarrow' - *pjataščec* 'snout'^c to *jazv* 'ulcers (Gen.Pl.)' vs. *JažF* (Jaroslav-skij Zavod Flomasterov),^d from *k Ire* 'to Ira' vs. *Kire* '(to) Kira (Dat.Sg.)' to *xlop!* 'bang!' and *top!* 'stomp!'^e ... there is seemingly no end to Reformat-skij's famed particulars. Although

he *is* the author of the celebrated unpublished short story "Keep your paws off my particular!", this ill-conceived command which constitutes the title belongs, after all, not to him but to his heroine, who, we may hope, suffered sufficient loss for her light-hearted declaration (assuming, of course, that Reformatskij obeyed this instruction: after all, he has always been (and even more so over half a century ago!) a master of the art of touching particulars). Cf. another of his unpublished stories: "How and with what Volodja Sidorov killed Naden'ka Lurija's cat": "... and so she and I started to go into particulars ..." etc., etc., etc. However, consideration of these thematics and copious citation would lead us too far astray.^f

Both of these characteristics of Reformatskij's scholarly activities were instrumental in permitting him to note a curious phenomenon in contemporary French which he brought to the attention of the present writer a couple of years ago.

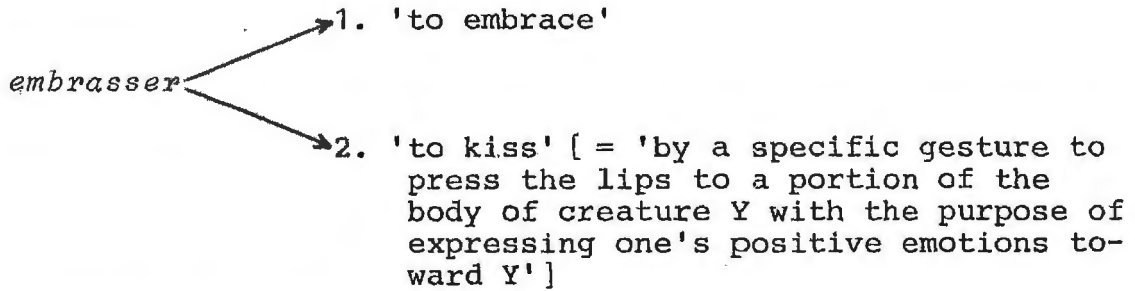
As is well known, the French verb *foutre* 'futuer' has at present almost gone out of use in its direct meaning (it continues to be used freely in the construction *être foutu*, i.e. seemingly in the passive with the meaning 'to perish, to fail, to be in a desperate situation': *Nous sommes foutus!* 'We're fucked!', i.e. 'We're finished!', and also in expressions of the type *Fous-moi le camp!* or *Va te faire foutre!* 'Fuck off!', i.e. 'Go to hell!'; cf. also *Fous-moi la paix!* 'Leave me (the fuck) alone!'). As A. Zaliznjak,^g eminent Russian futuerologist² (whom we know and value highly not merely for this:^h he is also celebrated as the author of a famous problem in linguistics, v. infra) informed me during a dinner conversation, his Parisian lady-friend could, upon his personal request, construct only one context in which *foutre* could be understood in its literal sense: *Elle s'en est allée se faire foutre.*

One can easily imagine what a breach might have opened in the French lexical system (why, there's no word meaning 'futuer'! And in French of all languages! Quelle horreur!) if another word had not taken the place of *foutre*: *baiser* 'to kiss', which thus acquired a new meaning. Cf. the following examples from a contemporary French author (R.Gary) which clearly demon-

strate this: *Est-ce qu'on baise ou on rigole?* ("Education européenne"); *Sa fille baisait à gauche et à droite* ("Adieu, Gary Cooper"). In this new sense *baiser* has developed completely new syntactic properties as well: in particular, intransitive ("middle ") usage; however, we cannot stop to consider its syntax here. Rather, the important point is that the verb *baiser* lost the meaning 'to kiss' (at least in a number of contexts, v. infra). As A. Ju. Rozencvejkⁱ has repeatedly indicated in his investigations of bilingualism and interlanguage interference, he has noted the following fact. At a literary conference in Moscow (at the end of the 1940s) with foreign guests participating, a Soviet writer criticized young people's literature for its anti-realism, insipidity and prudery; in particular he read an excerpt from a novella where two enamoured school children, hesitant to unite in ecstasy, finally made so bold as to kiss through a sheet of paper. The simultaneous interpreter phrased it: *Enfin, ils se sont baisés à travers une feuille de papier...* V. Ju. Rozencvejk emphasizes that the francophone audience almost laughed itself into a state of semiconsciousness. ^j

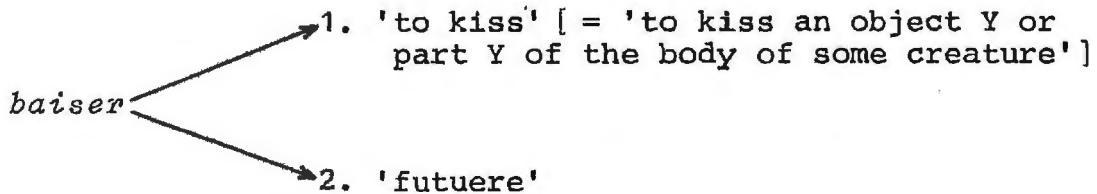
Thus, *foutre* abandoned its well-established position, laying bare 'futuere'; *baiser* plugged this (quite pleasant, avouons-le) embrasure, baring its not less (or perhaps just a bit less?) important position: 'to kiss'. And eo ipso in French such thoughts as 'Nikolaj kissed Natalja tenderly', 'Natalja is kissing Nikolaj passionately', and 'Nikolaj kissed all the girls one after another' might have become completely inexpressable, as in Hopi or Puki-Puki^k. But nature abhors a vacuum, and the verb *embrasser*, which until this meant 'to embrace' (from *bras* 'arm') took the place of *baiser*: *Nicolas embrassa à tour de rôle toutes les jeunes filles* means exactly what is required, i.e. 'Nikolaj kissed all the girls one after another' - not at all the same meaning as *Nicolas baisa à tour de rôle toutes les jeunes filles* (although this second, generally speaking, is not necessarily worse).

Along with this, *embrasser* retained its old sense of 'to embrace', so that here we have a striking example of unquestionable polysemy:

The presence of a considerable common semantic component in both senses is obvious: '[X performs an action on Y - different for both senses] with the purpose of expressing positive emotions toward Y'.

The verb *baiser* also retained, at least partially, its original meaning: *Nicolas lui baise la main* 'Nikolaj kissed her hand', *Tout le monde a baisé le drapeau* 'Everyone kissed the flag', *En partant, il a baisé la terre qu'il quittait pour toujours* 'On departing he kissed the soil he was leaving forever', etc. Thus we obtain

We can see that semantically *baiser 1* ≠ *embrasser 2*; both these lexical units share a large common semantic content but include differing fragments as well, i.e. *baiser 1* and *embrasser 2* intersect in meaning¹.

All very well, but how are both senses of *baiser* itself correlated? Is there a sufficient substantive (= nontrivial) common element between 'to kiss' (in the narrow sense, i.e. a hand or a flag) and 'futuere'? After all, one may kiss, i.e. *baiser 1*, without any 'futuere', and one may 'futuere' without kisses (i.e. *baiser 1*), especially if one is talking about kissing hands, flags, and native soil of the motherland (as in *baiser 1*). Further, on the one hand, in *baiser 1* two semantic kernels may be isolated: 'a specific gesture - a special movement of the lips' and 'with the purpose of expressing special positive emotions (towards the object of the kissing)'; in *baiser 2*, surely, the first of these is absent (what would lips³ have to do with

it?)⁴ and most probably the second as well: one could hardly assert that coitus is undertaken to express positive emotions toward the object. On the other hand, in *baiser 2* the basic semantic content (the above-mentioned portions of the participants' bodies, their mutual geometry and typology, the naive physics of the corresponding displacements and a whole series of substantive details) is such that it is completely absent in *baiser 1*. If this is correct, then *baiser 1* and *baiser 2* are good examples of homonymy. (However, the controversy concerning the ontological essence of *baiser 1* versus *baiser 2* is not to be resolved here. Perhaps there is nevertheless common ground between the two? Obviously, broad empirical investigations are still required, and each investigator needs to acquire his own rich data base.)

And so, what may we conclude? The verb *foutre* in its basic meaning went out of use, and this led to the bifurcation of the verb *baiser* into two homonyms: *baiser 1* 'to kiss (hand, flag, coffin lid)' and *baiser 2* 'future'; this in its turn triggered a shift in the semantic structure of the verb *embrasser*, which split into two units joined by the relation of polysemy: *embrasser 1* 'to embrace' and *embrasser 2* 'to kiss (a person)'.

But this is not all: in spite of all these shifts the word *le baiser* 'the kiss' remained in place, i.e. preserved its meaning and its basic usage. And as a result a new suppletive pair was formed in French: *embrasser 2* 'to kiss' - *le baiser* 'the kiss', in analogy with such well-known pairs as *tomber* 'to fall' - *chute* 'fall' or *croire* 'to believe' - *avis* 'opinion'. Such word-formational suppletion was described long ago by eminent linguists like O. Jespersen and Ch. Bally, but, alas, they remained unaware of this wonderful example of Reformatskij⁵; V.G. Gak, an expert in contemporary French who has also written on suppletion in word formation, missed it as well. Reformatskij's unwavering attention to the basic problems of the existence of language and its speakers permitted him to observe this most interesting fact, around which - like honey-agaric mushrooms^m on a mouldering stump - a whole series of general theoretical linguistic problems arises:

- questions of polysemy;
- questions of homonymy;
- questions of suppletion;
- questions of euphemization;
- etc.

And so we wish dear Professor Reformatskij many more years of mental energy and penetrating vision, physical strenght and intellectual interest in the most interesting subjects and passionate love for that essence!

A P P E N D I X

Perhaps it would not be superfluous to note that the verbal meaning 'futuere' is linguistically relevant in Russian as well, where the corresponding verb permits one to resolve the grammatical problem of the gender of pluralia tantumⁿ. One might recall the case of the school boy who in answer to his teacher's question, "What is the gender of *šči* ['cabbage soup']?" said decisively, "Feminine!" "Why?" asked the teacher in surprise. "Because when Dad comes home and Mom gives him *šči* for supper, he gets mad and says, '*Šči* again! I'll fuck this *šči*!'"

Moscow, October 1975

L I T E R A T U R E

Reformatskij 1975. *Fonologičeskie ètjudy*. Moscow: Nauka, 135 pp.

Postscriptum

It is curious to note that the verb *baiser* in the meaning 'futuere' was widely used already in the 17th century. Cf. the satirical ditty about the relationship of Cardinal Mazarini and Anna of Austria (the mother of Louis XIV), attributed to Claude de Chovigny, baron de Blot l'Eglise (1651):

<i>Allez-vous faire foutre</i>	<i>Vous embarbouillez la France.</i>
<i>Monsieur de Mazarin!</i>	<i>Si Dame Anne le vouloit</i>
<i>Quoi! pour un peu de foutre</i>	<i>On la baiseroit et chevaucheroit</i>
<i>Qui sort de votre engin</i>	<i>Bien mieux que votre Eminence!</i>

(cited in Guy Breton, "Histoires d'amour de l'histoire de France", vol. 4. Paris 1960, p. 39).

A U T H O R ' S N O T E S

1. A.S. Narin'jani, with his customary subtle insight and scholarly daring, has noted (orally) that a relevant connection may exist between Reformatskij's penchant for naked truth and the feminine gender of the Russian word *istina* 'truth' (cf. the objections of early 19th century Russian censorship against the phrase "naked truth": "Truth, like a lady, would be indecent if it were naked.")
2. Making use of this convenient opportunity, we adduce here this miniature chef-d'oeuvre of witty linguistic meaning.

Zaloznjak's Problem: "The Careless Stranger"

Given: Someone is driving a Moskvič^o and, lost in thought, cuts off a large dump truck, which almost crashes into the Moskvič. However, both drivers are able to brake to a stop, after which the driver of the truck flings open his door and addresses himself in a rage to the driver of the Moskvič with a speech such that:

- (1) Its general meaning may be roughly paraphrased by 'Oh careless stranger! Now I shall punish you with a blow to the face!'
- (2) The structure of this speech may be represented with the help of variables in the following manner: 'Oh X! Now I'm gonna really Y your Z!'
- (3) X and Z are nouns, Y a verb, and X, Y, and Z are formed from one root.

Assignment: Translate the truck driver's speech into good Russian, observing conditions

(1) - (3) P.

This problem may be recommended for use in first and second year courses in linguistics and Slavic studies at universities, as well as for high school students.

Hint: The root belongs to what E.F. Galkina-Fedoruk has termed "the cursion lexicon"; after successfully defending her dissertation on this lexicon she employed it (the lexicon, not the dissertation) with regard to a certain plumber, who ... however, this is another story entirely, to which we hope one day to return, but with which we shall conclude for the nonce.

3. A.S. Narin'jani kindly brought to my attention that in order to avoid misunderstanding one ought to write 'lips 1' everywhere here (to differentiate it from 'lips 2').
4. However, there is a curious hitch here: does *baiser 2* have the meaning of Latin *irrumare* as well? If this were to be the case, then one would have to admit the marginal/peripheral participation of the lips in *baiser 2* as well (though, so to speak, in the opposite direction). There is also a possible connection between *baiser 2* and the meaning 'fellari'. However, since I am not

a native speaker and moreover not a native fucker, it is difficult for me to make judgments in this area; even A.A. Zaliznjak (*Ma vie à Paris, parmi et avec les Parisiennes*, 124-e éd., 6000 pp., ill., tabl., sch., clrd insrts.) was unable to provide this author with trustworthy information. "Da, tugo eto zaverčeno - i pritom gandiboberom^d", as A.A. Reformatskij used to say.

5. In light of the abovementioned considerations it will be necessary to reexamine the following riddle, a favorite which Reformatskij has repeatedly posed his students, co-workers and colleagues

Someone sends the following telegram while on a mission:

"Šest' šček celuju tolstogo kota."

'Six cheeks [I] kiss fat cat.'

Solution: Translating the text into French word for word we obtain *Six joues baise gros chat*, which in Russian transcription yields *Si žu bez gro ša*, meaning "Sižu bez groša" 'I'm sitting without money'.

However, as has now become clear, this problem contains a substantive inaccuracy: the correspondence *celuju - baise*. The required alternation of the Russian text would lead to obscenity; what is to be done? (A question which has been posed at least twice ^r.) This absorbing problem awaits its investigator.

6. We may note in conclusion yet another attractive particular, associated with all the foregoing though sidetracking us to some extent. The verb *baiser* ² has acquired a new nomen actionis, formed completely regular: *la baise*. First, it would be interesting to ascertain whether it admits quantification - *une baise, des baisés, 1937 baisés?* - and, if this is true, to what extent it is so. Second, what should be the semantic description of the noun *baise* and, especially, its translation into Russian? Here the most attractive prospects open before lovers of Russian speech.

As a first contribution towards solving the problem of quantification of meanings of the type *une baise* (what should be considered a single quantum here?), I will make so bold as to put forward the following two stories, both of which refer to confession.

(1) *In a Russian village church:*

Woman: I have sinned, Father, sinned with that cursed Kol'ka.

Priest: How many times?

Woman: (pondering) Two and a half.

Priest: (pondering) You know, my dear, I'm not too good at fractions, so go finish fucking to a full three and then I'll assign your penance!

(2) *In a Catholic church in the U.S.A.*

A priest in a confessional is hearing the confessions of various girls. His friend, a rabbi, is sitting next to him (unbeknownst to the penitents). This rabbi is studying the Catholic experience (after all, the age of liberalization and integration of the churches is upon us ...). All the confessions are quite routine:

Girl: I have sinned, Father.

Priest: How many times?

Girl: Three times, Father.

Priest: That's bad, daughter. Put thirty dollars in the poor box and say a hundred Hail Mary's and a hundred Our Father's. Your sins are forgiven you ... etc.

And so it went. At last a girl had just entered the confessional when the priest was called away to attend to a dying man. He said to his friend the rabbi: "Here's a good chance for you to get in some practice. Sit in my place and do everything the way I did - after all, they can't see who they are talking to. But be sure you don't forget about the thirty dollars!"

The rabbi took the priest's place.

Girl: I have sinned, Father.

Rabbi: How many times?

Girl: Once, Father.

Rabbi: (at loss, pauses to think for a minute) That's bad, daughter. (He ponders) Put thirty dollars in the poor box and don't forget that the Church still owes you two fucks.

ADDENDUM I (November, 1976)

My colleague and friend Yves Gentilhomme (Besançon University, France) upon acquainting himself with this article, informed me in a letter (dated 3 November 1976) concerning the following curious facts having to do with the verb *baiser* 'futuer' and its derivatives in contemporary French:

1. The word *la baise* is not used, practically speaking, by members of the older generation (aged 50 and above); it is found primarily in the speech of youth. Denoting an activity rather than an event, *la baise* cannot be quantified. (Thus, the answer to the first question in note 6 above must be negative. The answer to the second question is immediately obvious: *la baise* = *eblja* 'fucking'). Here is one of the normal contexts for the word *baise*: *Il est très porté sur la baise* 'He does a lot of fucking', 'All he thinks about is fucking'. *La baise* is synonymous with *le baisage*, which is used by members of the older generation as well. Note in passing that in Russian vulgar speech a noun is available to denote an indivisible quantum of *la baise*: *poebók*, or *poëbka*, denoting a single coi-

tus (until climax is reached). Another word, very much in use, is *palka* 'stick': *postavit'* [ej] *palku* or *kinut'* [ej] *palku* 'to screw her once'.

2. There exists a verb *baisailler* (with nomen actionis *baisaillage*) synonymous to the verb *baiser* 'futuere' but adding an affectionate shading to its meaning (or, on the contrary, a pejorative tinge, depending on the general intonation and context).
3. Other derived words in the sense being examined here: *BAISODROME* 'place where people fuck'; example: *Foutez-moi le camp, ce n'est pas un baisodrome ici!* 'Get out of here, this is not a fuck factory!'. *BAISEUR* 'fucker', e.g. *Quel baiseur ce mec!* 'What a fucker!', *C'est un sacré baiseur!* 'He is a first-class fucker!'. *BAISEUSE*, feminine form of *baiseur* (there does not appear to be a precise equivalent in English or Russian); example: *C'est une sacrée baiseuse!*

As L.P. Krysin has informed me orally, the lack of a feminine counterpart to 'fucker' in Russian (*ëbar'*) may be explained by the fact that the verb 'to fuck' (*ebat'*) in Russian does not permit female grammatical subjects, in contrast to French and English. Thus *Vanja i Maša ebutsja* 'Vanja and Maša are fucking' implies *Vanja ebët Mašu* 'Vanja is fucking Maša', but not **Maša ebët Vanju* 'Maša is fucking Vanja'. [But compare *Vanja i Maša celujutsja* 'Vanja and Maša are kissing' which implies both *Vanja celuet Mašu* and *Maša celujet Vanju*; *celovat'sja* is a reciprocal verb, while *ebat'sja* is middle. Thus it's possible to say both *Vanja ebëtsja s Mašej* and *Maša ebëtsja s Vanej*].

Y. Gentilhomme notes that of the productive prefixes only *re-* combines with *baiser* 'futuere'.

4. Besides the meaning 'futuere' the verb *baiser* has acquired the meaning 'to deceive', 'to hoodwink', 'to use for one's own purposes': *Il nous a tous baisés* 'He's really taken us!' In this regard *baiser* is completely analogous to *avoir* (Cf. *On s'est fait avoir*, etc.). The derived words *baiseur* and *baiseuse* also have the meaning 'deceiver'; thus *C'est un sacré baiseur* is, strictly speaking, ambiguous:
 1. 'He's a first-class fucker.'
 2. 'He's a real shyster.'(We may note that the direct Russian equivalent of the verb

baiser 'futuere' has the meaning 'to curse', 'to chew out', 'to punish'; compare the following camp proverb cited by Solzhenitsyn: "You're not being fucked so don't squirm!"^s meaning 'Don't interfere in something that doesn't concern you to defend someone if you aren't being hurt yourself'. Or the anecdote about the chairman of a kolkhoz, who submitted his urine for analysis, got the result "Three months pregnant", and summed up the situation like this: "Why, it's obvious! I get fucked by the local party committee, fucked by the city party committee, and fucked by the regional party committee - I must have got caught someplace!"

However, the meaning 'to deceive', 'to hoodwink' is lacking in the Russian verb; cf., though, the derived verb *ob"ebat'* 'to fuck someone over', i.e. 'to lead someone on', and the expression *ebat' mozgi* [komu-libo] 'to hoodwink somebody'. Thus there opens before us a fascinating area for comparative semantic studies designed to explicate the differences in development of peripheral meanings of verbs with the meaning 'futuere', as well as the peculiarities of the French and Russian national cultures and characters.^t

In conclusion, we may note that, as another colleague, Christian Boitet (Grenoble University, France) has indicated to me, the expression *Elle s'en est allée se faire foutre* is used in contemporary speech only in the following form: *Elle est allée s'faire foutre*.

I am happy for the opportunity to express my sincere appreciation to my French colleagues for their invaluable advice.

A D D E N D U M II (August, 1977)

1. My colleague and friend, Felix Dreizin, has drawn my attention to a Russian argot equivalent to the French term *baiseuse*: *boruxa* (see above, Addendum I, item 3). I am grateful to him for broadening my linguistic horizons.
2. The semantic connection between the meanings 'to kiss' and 'futuere' may be traced on the basis of the following Moscow lullaby:

*My s milënkom u metra
Celovalis' do utra.
Celovalis' by eščë,
Da bolit vlagališčë!*

By the tube my dear and I
Kissed until the night flew by.
We'd have kissed a whole lot more,
But boy, my cunt is really sore!

A D D E N D U M III (January 1978)

Speakers of Russian and English may find the following examples with *baiser* 2 taken from an ordinary French novel interesting; the source is H.-F. Rey, "Les pianos mécaniques", Paris: R. Laffont, 1962.

- (1) *Tout le monde baise sur ce bateau* (p. 87).
- (2) *Et lui sur elle, et lui dans elle, et elle qui crie. Il baise. Il y met toute sa force, toute sa puissance. Il baise* (p. 109).
- (3) *Je vais aller baiser Orange. Je la baise et je m'endors... La bonne solution... Je la baise, parce que je suis bon, et j'ai envie de faire plaisir* (p. 285).

A further example is provided by B. Clavel, "Le tonnerre de Dieu", Paris: R. Laffont, 1958.

- (4) *T'es une putain qui se fait baiser sans que ça serve jamais à rien* (p. 120).

A D D E N D U M IV (May 1978)

Prof. André Clas (Université de Montréal, Canada) has acquainted me with excerpts from anonymous materials for a dictionary *Les amis du lexique française* (14 Rue Beaurepaire, Paris Xème, France) in which numerous derivatives of the verb BAISER are given as well as the verb itself with all necessary commentaries, examples, references, etc. I consider it appropriate to reproduce all of this priceless data here.

BAISABLE adj.: 1) (d'une femme) qui possède le minimum d'attraits physiques sur un plan sexuel (TFx, cf 1967a). Synonyme: METTABLE. 2) compréhensible (qui peut être saisi par l'intellect) (J/A étudiants, milieu XXe s.).

BAISADE n.f.: coït, fornication (P/L 1850 Flaubert Correspondance 1850; Journal Goncourt 1860); BAISAGE n.m.: même sens (P/Lx 1903b).

BAISAILLER v.intr. et tr.: donner des baisers (F vers 1922, cf FEW, rare: on dit plutôt "baisoter"; le sens "faire des visites" donné par FEW ne se comprend pas; fréquentatif et diminutif de "baiser"). Pourrait signifier également "baiser" au sens libre.

BAISANCE n.f.: (petite) valise (J/A élèves officiers de Sète 1951, Esnault; variante de BAISE-EN-VILLE, d'emploi beaucoup plus restreint et qui ne semble pas confirmé).

BAISANT adj.: 1) agréable, plaisant, "marrant" (d'une personne ou d'une chose) (A/Px, cf 1918a qui, cependant, donne à tort ÊTRE BAISANT = être content (?), cf également 1932a; 1965d ... "j'ai été ficelé au poteau de torture et je vous jure C'EST PAS BAISANT...", et 1967a lequel traduit: "qui n'est pas accueillant, qui n'a pas l'esprit coopératif"; à noter que le mot s'emploie surtout dans des tournures négatives); 2) étonnant, surprenant (J/A jeunes, lycéens milieu XXe s.; d'un sens particulier de BAISER).

BAISATOIRE adj.: relatif à l'amour physique (P/L/N 1903b: "la continuation de leurs brillants exploits BAISATOIRES"). De la même manière, on peut imaginer le voisin BAISATIF.

BAISE n.f.: 1) fait d'être pris, "attrapé", dans ÊTRE DE LA BAISE = être refait, "baisé" (J/A soldats 1916; déverbal de BAISER); 2) l'amour physique (A/Px milieu XXe s.; s'emploie presque exclusivement avec l'article défini); 3) retenue (privation de sortie) (J/A Grandes écoles, cf 1963b, mais certainement bien antérieur). Une demi-retenu est une DEMI-BAISE.

BAISE n.m.: baiser; ce mot noté populaire par Delasalle 1896a est plutôt dialectale; voir en conséquence la série locale.

BAISÉ p.p. et adj.: pris, refait, "possédé" (Pxx 1881a; variantes contemporaines de style plaisant: BAISÉ EN CANARD (1963b); BAISÉ EN LEVRETTE (1970b); 2) fou, "piqué", "maboul" (J/A A-M. Angers 1930; argotique, peut s'appliquer à des inanimés; cf 1972c DES JOBS BAISÉS, sens voisin de DINGUE); 3) étonné, estomaqué (J/A A-M. Angers 1930).

BAISE-CUL n.m.: vil flatteur, flagorneur (P peut-être XVIIe s., cf dans Rabelais, "Pantagruel" 1532 le seigneur de BAISECUL; est aussi régional). Voir LÈCHE-CUL.

BAISE-EN-VILLE n.m.: 1) "petit bagage qu'on emporte le dimanche" (J/F répétiteurs de lycée 1934; Ecole Polyt. 1938; s'est popularisé après la guerre TFxx; cf dans le parler matelot 1976a: "très petite valise utilisée lors des descentes à terre de courte durée"); 2) valise (J/F voyageurs de commerce 1952, Esnault); 3) sac à main (de dome) (quand il contient un nécessaire de toilette) (A/P 1965a, pour le moins douteux).

BAISER v.intr.: faire l'amour (TFxx(B), déjà dans Villon 1461, voir BAISER, v.tr.). REM.: La littérature érotique renferme d'innombrables syntagmes décrivant les postures amoureuses sur le modèle BAISER (ou FOUTRE) À LA.../COMME.../EN... etc. Nous donnons ci-après les principaux, dont on retrouvera quelques-uns dans la nomenclature; pour les explications et pour d'autres exemples se reporter notamment à Restif 1798b, à Delvau 1867a, à Lagail 1903b: BAISER À BLANC/À COUILLES ou COUILLONS RABATTU(E)S/À LA DRAGONNE/À LA DUC D'AUMALE/À LA HUSSARDE/À LA RICHE/À LA PAPA/À LA PARESEUSE/À VIT SEC/COMME UN DIEU/D'UNE AUTRE SORTE/EN AISSELLE/EN ARTILLEUR/EN CUL/EN CYGNE/EN ÉPICIER/EN GAMIN/EN LEVRETTE/ EN MAÇON/ EN TETONS/PAR DERRIÈRE/SUR LE POUCE etc.

BAISER v.tr.: 1) posséder charnellement (TFxx XIIe s., peut, à la rigueur, être affecté d'un B, quoique de plus en plus répandu et admis, peut-être sous l'influence du deuxième sémantisme). REM.: On ne peut parler de ce verbe sans consulter John Orr dans 1963a; l'illustre linguiste britannique nous apprend que BAISER dont l'emploi euphémique remonte au XVe s. (et sans doute beaucoup plus haut) était, au XVe s. déjà, devenu ce qu'il est aujourd'hui un mot cru, brutal; au début du XVIIe s., il est remplacé à son tour par un euphémisme FAIRE L'AMOUR, tour ancien qui signifiait "courtiser" ("to make love" de l'anglais): "Voilà, mon grand Amy, ce qu'on soulait en Cours/De tout temps appeller f..tre ou BAISER sa mie,/Mais de nos Huguenots la simple modestie/ Nous apprend que ce n'est sinon FAIRE L'AMOUR". (Parnasse satyrique, 1622); 2) (au sens de "prendre" et de certains de ses composés,

au propre et au figuré dont: a) "avoir", "posséder" qn, le duper (TFxx, un hapax vers 1500, seulement bien attesté à la fin du XIXe s., cf Rigaud 1881a); b) serrer (avec une pince selon Esnault; c) prendre en faute, surprendre; arrêter, "pincer"; d) voler (un exemple chez La Varende 1953); e) boire (une bouteille), voir BAISER UNE FILLETTE; Rem.: Pour tous ces sémantismes, les tours passifs: ÊTRE BAISÉ (voir ci-dessus BAISÉ) et SE FAIRE BAI-SER sont particulièrement fréquents, avec toutes les nuances que peuvent revêtir les verbes précédents; nous avons noté, par exemple, en 1970 de la bouche d'un chauffeur de maître SE FAIRE BAI-SER = se faire tuer dans un accident de la route; 3) par spécialisation en milieu étudiant, surprendre, étonner, enthousiasmer (J/A A-M. Angers 1930; encore vivant, cf; 1968a); 4) comprendre (saisir intellectuellement), "piger" (J/A Ecole Polyt. Esnault donne la date de 1939, mais ce sémantisme, qui s'est largement répandu en milieu scolaire et universitaire où il est en concurrence avec le synonyme BITER, remonte sans doute bien plus haut; syntagmes, Y BAISER DES QUEUES, QUE DALLE, QUE POUIC, etc).

BAISER (SE) v. pron. récip.: se posséder (charnellement) (TFx Flaubert, Correspondance 1852).

BAISER À BLANC v.intr.: se masturber (J/L libertins, 1867a). Voir BLANC.

BAISER LA CAMARDE: mourir (A/L 1842a; n'a aucune réalité orale).

BAISER LE CUL: 1) flatter de la façon la plus servile (Px XVIIe s., cf Aca 1694a); 2) s'embarquer sur une piste sans issue (J/F police Paris, 1975a; à rapprocher du suivant).

BAISER LE CUL (et, par euphémisme, LE FOND) DE LA VIEILLE: perdre une partie sans faire un seul point, être capot (J/F joueurs XVIIe s., cf 1718a; var; À LA VIEILLE, Landais 1834; l'expression est encore vivante, notamment à la boule lyonnaise, et sous la forme BAISER LE CUL DE LA FANNY ou FAIRE FANNY, 1902; étendue aussi à la pétanque).

BAISER UNE FILLETTE: boire une petite bouteille de muscadet (J/F parlet matelot, cf 1976a).

BAISER LA GUEULE (à qn): avoir, posséder, "clouer le bec" (Px 1967a; cf également AIR EN BAISE GUEULE, dans 1972c).

BAISER n.m.: embrasser lascif, déduit (sens libre) (L XVIIe s., Ablancourt cité par 1735a).

BAISETTE n.f.: 1) jeu pratiqué dans les bars et cafés parisiens (A/P 1963b; sans doute parce que le gogo s'y fait...baiser!); 2) membre viril (P, cf 1967a qui écrit aussi BÉSETTE (ou BÉZETTE), le faisant dériver de l'anglais "to beset" ou de l'allemand "besitzen" (?), et d'où il tire FRIGIDAIRE À BAISETTE n.m.: femme frigide, de style burlesque et plus littéraire qu'oral); a donné également ZÉZETTE n.f., idem, diminutif.

BAISEUR n.m.: 1) homme qui fait l'amour, et plus particulièrement qui se distingue sur ce chapitre (TFxx XVIIe s. "Parnasse des Muses", cité par 1735a; aussi Journal des Goncourt 1860); le féminin BAISEUSE est également très employé, populairement, pour désigner une femme ardente au déduit, début XXe s. (cf 1903b); 2) spécialement homosexuel qui pratique le chantage aux moeurs (J/A police de Paris, cf 1975a); mais on dit plus souvent TRU-QUEUR.

BAISEUSES n.f.: lèvres (A/P 1894a; rare).

BAISIFIER v.tr.: épater, stupéfier (J/A A-M. Angers 1910; équivalent de BAISER 3) ci-dessus).

BAISIN n.m.: coït, "baise" (A/P 1968a, non réattesté; mot d'auteur?).

BAISODROME n.m.: chambre, endroit où l'on fait (beaucoup) l'amour (A/Px, plais. 1963b).

BAISOGNER v.tr.: posséder charnellement (L/N, jeu graphique de J.P. Clébert, "La Vie sauvage", rapporté par M. Rhéims). Voir BESOGNER.

BAISOIR n.m.: 1) même sens que "baisodrome" (P/L XIXe s.(?)); 2) sexe de la femme (P/L, cf 1967e, citant la traduction de "Sexus" de Miller).

BAISOT-E n.m. et f.: enfant préféré (P 1967a qui écrit aussi: BÉZOT-E).

BAISOTTE n.f.: membre viril (P 1967a); variante de BAISLETTE.

BAISOT(T)ER v.tr. (peut être également intr. au sens 2): 1) donner de petits baisers répétés (Px 1556 Ronsard; rare de nos jours, on dit de préférence BÉCOTER); 2) "baiser" (sens libre), souvent ou de façon médiocre, parcimonieusement (Px Journal des Goncourt 1884; cf aussi 1967a). BAISOT(T)ER (SE), au sens 1), familier chez Huysmans, 1879b = "se bécoter".

BAISOUILLE n.f.: amour physique, "baise" (P, cf 1972c qui écrit BAIZOUILLE).

BAISOUIILLER v.tr. et intr.: 1) faire l'amour, posséder charnellement (Px 1963b; forme fréquentative, avec les nuances possibles, rapidement ou à répétition); 2) sens figuré, v.tr.: "avoir", posséder, duper (Px). REM.: La création ouverte n'est pas exclue en l'occurrence, d'où la forte probabilité de rencontrer, dans la langue parlée surtout, les dérivés BAISOUILLAGE et BAISOUIILLEUR.

A D D E N D U M V (August 1979)

Madame Veronique Jobert, niece of A.A. Reformatskij, in her letter of August 1978, kindly pointed out to me that there is another derivative of *baiser* 2 which is widely used by the younger generation: *baisable* 'good in bed', 'fuckable' (of a female): *Elle n'est pas baisable* or *Elle est tout à fait baisable*. Mme Jobert has also quoted to me a French joke illustrating the figurative sense of *baiser* 2, i.e. 'to hoodwink', 'to deceive':

An old spinster, very ugly, decides to buy a used car although she cannot drive. The dealer to whom she addressed herself sells her an old jalopy that probably cannot make even three miles. But that evening, when leaving his office, the dealer sees the car in the same spot, with the old lady at the wheel. Growing ashamed (it is a bit awkward, after all!) he goes up to her and asks what the matter is, and offers to help her start the motor. "Oh, no," she answers, "everything is ok. But I have been told that when one buys a used car, *on se fait baisé à coup sûr* 'you're sure to get fucked' - so I am waiting!"

T R A N S L A T O R ' S N O T E S

- a. Iskander Islahi was one of A.A. Reformatskij's most frequent pseudonyms; Iskander is the Arabic form of the name Alexander, while *islāh* means 'reform' in Arabic.
- b. 'Panticular' has been invented as an equivalent for the Russian word *pandrobnost'*, obviously derived from *podrobnost'* 'detail', 'particular'. The Russian [-n-] is no doubt a reflex of the Indo-European nasal infix, indicating "le passage du procès à la réalisation" (Meillet, *Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes*, p. 196). While the English word is derivationally related to the verb *particulate*, one may doubt the connection some scholars have attempted to draw with *Pantagrue*. Etymologically, *pandrobnost'* may be associated with English *Pander* as well as Greek *Pan* (god of Acadia and son of Hermes) and, somewhat more distantly, to *Pandora* (cf. *Pandora's box*; *box* is an English slang term for 'cunt'). *Panticular* is closely related to *pant* 'to breathe rapidly and heavily'.
The correspondence *panticular:particular* / *pant:part* would suggest, however, an Indo-European heteroclitic; compare
1. Hittite *water, wetenas*;
 2. German, English *watēr*, Norse *vatn*;
 3. Slavic *voda*, PS *ǰadar*? Consider *vydra* 'otter'; *vedro* 'bucket' but Russian *povon*'; Ukrainian *povin*', *poveni* < PS *ǰadan*;
 4. Slavic *vesna* 'spring', Lithuanian *vasarā*.
- Of course, water and spring are female sexual symbols, so perhaps the word is rooted in the old matriarchy. An ablaut alternation may relate *panticular* with English *pintle* 'penis'.
- c. A reference to Reformatskij's article in *Voprosy kul'tury reči*, vyp.2, Moscow: AN SSSR, 1959, pp. 230-232, on neologisms and their role in defining the morphological structure of language. All three examples are neologisms by Vladimir Majakovskij, Russian revolutionary poet.
- d. A reference to a note published by Reformatskij in 1971, and included in his *Fonologičeskie etjudy*, Moscow:Nauka, 1975, pp. 129-133, dealing with problems of word-final devoicing.
- e. References to a Reformatskij's note in *Voprosy jazykoznanija* 2, 1957, p. 101, on the role of phoneme positioning in assigning sense, and "Glagol'nye formy tipa *šlop!*", *Izvestija AN SSSR, serija literatury i jazyka*, vol. 22, vyp. 2, pp. 127-129.
- f. V.N. Sidorov was a marvellous Russian linguist, dialectologist, morphologist and phonologist, a close friend of Reformatskij. The reference here is to a party held sometime at the beginning of the 1930's, during which Sidorov went into the kitchen to sober up a bit after drinking, and accidentally sat on a cat when he found A.A. and Naden'ka ...
- g. Zaliznjak: eminent linguist, author of *Russkoe imennoe slovoizmenenie* (Russian Noun Inflection), Moscow:Nauka, 1967, and *Grammatičeskij slovar' russkogo jazyka*, Moscow:Russkij jazyk, 1977.
- h. A catch-phrase from a popular Soviet joke: "This is Radio

Erevan. We have been asked: "Who is Peter Tchaikovsky?" We answer: "A most famous Russian pederast. But we love and value him not merely for this!"

- i. Rozencvejg: Professor at the Thorez Institute of Foreign Language in Moscow, a specialist in French-Russian translation and interlanguage contacts, founder and director of the famous Moscow Laboratory for Machine Translation (1958).
- j. Not a single Russian-French dictionary (with the exception of the sixth edition of Ganshina 1971) nor the *Larousse élémentaire* and *Petit Larousse* which are used in Russia, give this meaning of *baiser*. The *Petit Robert* provides it.
- k. An invented language. The name is based on the Russian verb *pukat'* 'to fart'. I would not rule out a connection with English *puke*.
- l. As an illustration of this principle see the accompanying drawing by Aubrey Beardsley. A visual pun permits one to view Salome as riding on a giant male organ. The illustration was originally intended for an edition of Oscar Wilde's *Salome*.
- m. Russian *opjata*, particularly good when accompanied by vodka. The word is a good example of metaanalysis by analogy with Russian *rebënok* - *rebjat*, etc.
- n. In Russian nouns which have only plural endings one cannot distinguish
- o. A Moskvič is a very tiny automobile. It is a well-known fact that Zaliznjak drove a Moskvič, so that the hero of the problem is likely Zaliznjak himself.
- p. The solution: *U, raz"ebaj! Sejčas kak ëbnu tebe po ebal'niku!*
- q. An untranslatable phrase, meaning roughly 'Everything is almost unnaturally complicated'.
- r. By Černyševskij and by Lenin. [*Čto delat'?*]
- s. The Russian word here is *podmazivat'*, meaning 'the active motions upward of a woman meeting a man's thrusts during copulation'.
- t. The English verb *to fuck* is thoroughly analyzed in this regard in a series of articles in *Studies Out in Left Field: Defamatory Essays Presented to James D. McCawley*, Edmonton: Linguistic Research, Inc., 1971, edited by A. Zwicky, P. Salus, R. Binnik and A. Vanek. There are articles on the analogous verb in Russian and Latvian as well.

Искандер ИСЛАХИ

ЕЩЕ ОДИН ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС *

Как-то раз, выходя их забегаловки, что на углу Пушкинской площади и Страстного бульвара, я, по обыкновению, икнул и вдруг остановился, сам еще не осознав, что произошло. Но тут сработала моя феноменальная наблюдательность, которая всегда поражала фундаторов МФШ (Московская фонологическая школа): я понял, что икнув, я произнес на месте гласного переднего ряда верхнего подъема И – гласный верхнего же подъема, но среднего ряда Ы. Не ИК, а ЫК. Но позвольте!! Ведь eo ipso, вопреки всем правилам, звук Ы оказался в абсолютной инициали, и не в каких-то придуманных *икать – иканье*, а в естественном речевом акте, взятом в его колоритнейшем узоре, без всяких там фиглей-миглей книжного языка.

Необходимо было повторить опыт, но т.к. в кармане оставалось 26 копеек, пришлось отложить проверку на завтра. После очередных ста пятидесяти граммов (СПГ, по терминологии МФШ) я явственно произнес ИК. Значит, все вернулось на круги своя! Но накануне-то я отчетливо слышал ЫК! Так "ЫК или не ЫК – вот в чем вопрос" (Гамлет, *Гамлет* Вильяма Шекспира, в переводе М. Лозинского). Стало ясно, что эксперимент должен продолжаться, что придется попарадоксировать, разворошить все pro и contra. Ежедневное повторение опыта в течение месяца, даже с применением трехэтажной системы А.А. Реформатского, не дало ничего нового: неизменно ИК. Привлечение к эксперименту информантов (исключительно коренных москвичей с соответствующим опытом) также не привело к нужным результатам. В 82% случаев данное явление вообще не нашло никакой звуковой репрезентации, поскольку информанты оказались неподготовленными к должной глубине охвата данного фактора и не обнаружили, следовательно, никакой прагматической хватки; остальные 18% упорно йкали. Впрочем, опыты с информантами пришлось прекратить ввиду быстрого истощения ассигнованных на это дело средств.

Я уже отчаялся разгадать этот паразитальный фоналкоголи-

* Iskander Islahi war eines der Pseudonyme des sowjetischen Linguisten Aleksandr A. Reformatskij. Der folgende Text stammt aus der Feder von Viktor D. Levin (nun Hebrew University, Jerusalem) und war Teil der 1975 zusammengestellten inoffiziellen Festschrift zum 75. Geburtstag Reformatskijs. Es ist bekannt, daß auch Igor' Mel'čuk an dieser Parodie zu Ehren seines geliebten Lehrers und Freundes großes Vergnügen gefunden hat (Anm. d. Red.).

ческий феномен, даже стал сомневаться, "был ли мальчик" (Максим Горький, *Жизнь Клима Самгина*), и продолжал эксперимент уже более по привычке, когда неожиданное и случайное обстоятельство помогло мне все же распутать этот клубок и обнаружить кочерыжку (в смысле Шпета). В этот день, направляясь к Пушкинской площади, я был как всегда занят разными лингвистическими сюжетами. Первый касался произношения инициала О в сочетании с фамилией: получалось безударное О без редукции, ср. *Алѐк/Олег/ Трубачѐв* и *О. Трубачѐв*. Родилось двустишие:

Мне сам О. Брок
платил оброк.

Выходило - *обрóк* и *абрóк*. Забавно!

Второй сюжет был связан с произношением аффрикаты Ц перед звонким согласным. Размышления об одном выдающемся современном лингвисте привели меня естественным путем к фразе "из задниц задница", в которой я невольно заслушался сочетанием ДЗ-З на стыке слов.¹ Оба сюжета, разумеется, нисколько не продвинули меня в отношении злополучного ЫК, но третий!... Началось с вариаций на тему "севрюга", и после фразы "Эх, севрюжки бы, трах-тара-рах!" прорезалось воспоминание: в тот поворотный для истории отечественной фонологии день закусывали севрюгой, что побудило меня тогда прибавить к СПГ еще СГ (сто граммов); значит, в тот день было реализовано ДПГ (двести пятьдесят граммов), а опыты-то велись на СПГ. Не здесь ли и зарыта собака?

Благодаря непостижимой и счастливой для науки оплошности одного члена ССП (Союз Советских Писателей)² я имел возможность проверить эту заманчивую гипотезу немедленно. Результаты были поражающими: ЫК! Так вот она, та самая ванна³, сидя в которой гениальный сиракузец достиг своего поразительного мокропрозрения!

Следовало, однако, провести новую серию экспериментов для выявления нижней и верхней границ явления. Первое решалось просто: с промежутками в десять граммов проводилась трехкратная проверка действия соответствующего фактора. Результаты видны из следующей таблицы:

	160	170	180	190	200	210
1	ик	ик	ик	ик	ЫК	ЫК
2	ик	ик	ик	ик	ик	ЫК
3	ик	ик	ик	ЫК	ЫК	ЫК

Как видно из таблицы, переход от сочетания с гласным переднего ряда к сочетанию с гласным среднего ряда образует зону 190-210 гр. Сложней (а, главное, убыточней) оказались опыты по выявлению верхней границы. Они еще не закончены. Могу лишь сказать, что все факторы свыше 210 гр. пока дают устойчивое ЫК. Впрочем, уже 800 гр. и более сулят новый "ряд волшебных изменений милого лица". Так, последний эксперимент (820 гр.) дал результат весьма любопытный: с трудом, но все же достаточно отчетливо прослушивался сложный вокалический сегмент, не вполне однородный на всем своем протяжении, но безусловно Ы-образного характера - что-то в роде Ы^{ээ}Ы. Следовало бы проверить этот результат на сегментаторе, но, как любезно разъяснили мне мои друзья-экспериментаторы из ИРЯЗ, любая аппаратура окажется бес- сильной перед столь сложной материей.

Вот и все пока. "In vino veritas," - любил повторять мой покойный приятель Прохор Вильгельмович Хаимзон, старший простран- щик Сандуновских бань и тонкий ценитель античной кухни. Приятно цитировать эти мудрые слова - только придется внести поправку: veritas-то veritas, но для СПГ и для ДПГ она разная, эта veritas. Вот в этой поправочке - главный мотив моей новой рапсодии.

Любопытно, что скажут теперь мои заклятые ленинградские⁴ друзья. Впрочем, думается, никто из них не рискнет проверить предложенный мною опыт даже в его нижних параметрах. Suum cuique, как говаривал все тот же незабвенный Прохор Хаимзон.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. мое исследование о Ж₂, в истории русского языкознания.
2. Здесь имеется в виду супруга А.А. Реформатского - Наталья Иосифовна Ильина, известная друзьям под прозвищем "Писатель-ница. Под "оплошностью" следует, по-видимому, понимать незапертый ящик стола или что-либо подобное (примечание редактора сборника).
3. Sapienti sat (примечание редактора).
4. Ленинградская фонологическая школа, во главе с Л.Р. Зиндером (примечание редактора).

Февраль 1975 г.

Опубликовал:

Prof. Le-vin

DIALOG DER TEXTE

HAMBURGER KOLLOQUIUM ZUR INTERTEXTUALITÄT

Herausgegeben von Wolf Schmid und Wolf-Dieter Stempel

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH

S O N D E R B A N D 11

Inhalt: K.STIERLE, Werk und Intertextualität. - D.SCHWANITZ, Intertextualität und Äquivalenzfunktionalismus. Vorschläge zu einer vergleichenden Analytik von Geschichten. - Ch.GRIVEL, Serien textueller Perzeption. Eine Skizze. - W.-D.STEMPEL, Intertextualität und Rezeption. - H.U.GUMBRECHT, Intertextualität und Herbst / Herbst und neuzeitliche Rezeption des Mittelalters. - W.SCHMID, Sinnpotentiale der diegetischen Allusion. Aleksandr Puškins Posthalternovelle und ihre Prätexte. - U.BUSCH, Gogol's "Mantel" - Eine verkehrte Erzählung. Schriftsteller, Autor, Erzähler in intra-und intertextueller Beziehung. - R.GRÜBEL, Die Geburt des Textes aus dem Tod der Texte. Strukturen und Funktionen der Intertextualität in Dostoevskijs Roman "Die Brüder Karamazov" im Lichte seines Mottos. - I.P. SMIRNOV, Das zitierte Zitat. - A.A.HANSEN-LÖVE, Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort- und Bildkunst - Am Beispiel der russischen Moderne. - V.KARBUSICKY, Intertextualität in der Musik.

Wien 1983. 404 Seiten. öS 200.-, DM 28,50.-

BESTELLUNG / ORDER an: WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH, Institut für Slawistik der Universität Wien, Liebiggasse 5, A-1010 Wien

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH

S O N D E R B Ä N D E

1. Ju.D.APRESJAN, Tipy informacii dlja poverchnostno-semantičeskogo komponenta modeli "smysl ↔ tekst", 1980, 125 S. ÖS 120.-, DM 17.-, \$ 9.-
2. A.K.ŽOLKOVSKIJ / Ju.K.ŠČEGLOV, Poëtika vyrazitel'nosti. Sbornik statej, 1980, 256 S., ÖS 200.-, DM 28, \$ 15.-
3. Marina Cvetaeva. Studien und Materialien, 1981, 310 S. ÖS 250.-, DM 35,-, \$ 16.-
4. I.P.SMIRNOV, Diachroničeskie transformacii literaturnykh žanrov i motivov, 1981, 262 S., ÖS 200.-, DM 29.-, \$ 12.-
5. A.STONE NAKHIMOVSKY, Laughter in the Void. An Introduction to the Writings of Daniil Kharm's and Alexander Vvedenskii, 1982, 191 S., ÖS 180.-, DM 25,70.-, \$ 11.-
6. E.MNACAKANOVA, Šagi i vzdochi. Četyre knigi stichov, 1982, S. 216, ÖS 150.-, DM 21,40.-, \$ 9.-
7. Marina Cvetaeva, "Krysolov". Der Rattenfänger, herausgegeben, übersetzt und kommentiert von M.-L.BOTT, mit einem Glossar von G.WYTRZENS, 1982, 326 S., ÖS 200.-, DM 28,50.-, \$ 12.-
8. S.SENDEROVIČ, Aleteja. Elegija Puškina "Vospominanie" i problemy ego poëtiki, 1982, 350 S., ÖS 250.-, DM 35.-
9. Th.LAHUSEN, Autour de l' "homme nouveau". Allocution et société en Russie au XIX e siècle (Essai de sémiologie de la source littéraire), 1982, 338 S., ÖS 200.-, DM 28,50.-
10. Erzählgut der Kroaten aus Stinatz im südlichen Burgenland. Kroatisch und deutsch. Herausgegeben von Károly Gaál und Gerhard Neweklowsky unter Mitarbeit von Marianne Grandits, 1983, LXX+339 S., ÖS 200.-, DM 28.-

Alle Bestellungen an WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH, Institut für Slawistik der Universität Wien, A-1010 Wien, Liebigg. 5.

I.A. Mel'čuk, A.K. Zholkovsky and Ju.D. Apresjan
(with a lexicographic team)

TOLKOVO - KOMBINATORNYJ SLOVAR' RUSSKOGO JAZYKA
(Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian)

is scheduled to be published in Vienna

by

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH

in 1984.

The dictionary (ECD), the first work of this kind ever to be published, includes about 250 Russian vocables (approx. 1000 lexemes; 1200 pages) and features a lengthy *Introduction* (50 pages) in English, which describes in detail the lexicographic approach elaborated and applied by the authors. Essentially linked to the 'Meaning ↔ Text' linguistic theory, it claims originality in at least three aspects:

- Formal semantic representations for all lexical data (no logical circles in the definitions; explicit decomposition of lexical meanings; the use of semantic variables).
- Formal presentation of the correspondences between the semantic and syntactic actants of any lexeme, with all selectional restrictions stated (the government pattern).
- Formal exhaustive description of restricted lexical cooccurrence (lexical functions - never before in a monolingual dictionary).

The number of copies to be printed is limited; all interested colleagues are, therefore, advised to order right now !!

The approximate (lowest possible) price: 30.00 \$-US

Send your orders to the following address:

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH, Institut für Slawistik,
Universität Wien, Liebiggasse 5, A-1010 Wien, Austria.

Those who order now (not later than Dec. 31, 1983) will not pay the difference if the actual prices proves to be higher!

ERZÄHLGUT DER KROATEN AUS STINATZ IM SÜDLICHEN BURGENLAND.
Kroatisch und deutsch. Herausgegeben von Károly Gaál und Gerhard
Neweklowsky unter Mitarbeit von Marianne Grandits. Wien 1983,
LXX+339 Seiten (=Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 10)

In dem Buch werden die Ergebnisse einer dorfmonographischen For-
schung mit soziaethnologischer Zielsetzung sowie dialektologische
Untersuchungen zum Stinatzter kroatischen Dialekt, die 1964/65
durchgeführt worden waren, vorgelegt. Kernstück des Buches bilden
57 ausgewählte kroatische Erzähltexte (Märchen, Sagen, Legenden,
Schwänke) mit paralleler deutscher Übersetzung. Die kroatischen
Texte sind im Stinatzter Dialekt abgefaßt, wobei eine Transkription
gewählt wurde, die einerseits wissenschaftlich getreu, andererseits
aber leicht lesbar ist. Die Erzählstücke sind nach dem Katalog von
Aarne-Thompson klassifiziert. Die Erzählerpersönlichkeiten und
die Formen der Kommunikation werden geschildert. Das Erzählgut
ist innerhalb einer mehrsprachigen Landschaft für vergleichende
Forschung geeignet.

Interessenten: Slawisten, Erzählforscher, Literaturwissenschaftler,
Volkskundler, Germanisten

BESTELLUNG/ ORDER an: WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH, Institut
für Slawistik der Universität Wien, Liebiggasse 5, A-1010 Wien.
ÖS 200.-, DM 28.-, US-\$ 12.00

Alexander ZHOLKOVSKY (Cornell University)

ADDENDA TO MY ARTICLE ON
'DISTRIBUTIVE CONTACT': A SYNTACTIC INVARIANT IN PASTERNAK,
WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH 9, 1982, 119-149.

The examples of 'distributive contact' (DC) given in my article are far from complete. Along with my apologies I can offer a list of additions. I am citing them in the order of their appearance in Pasternak 1965; their distribution among the categories set up in my article should present no problem. One statement of that article, though, has to be taken back as a consequence: it can no longer be claimed that Comparative DCs are "less numerous than Coord(inative) DCs" (p.140).

- (1) I Zoluška bežit - vo dni udač na drožkax,
A sdan poslednij groš, - i na svoix dvoix. (72)
- (2) Stuža v ix knigax - studenej moej,
Ix otkrovenij - temnee znamen'e. (75)
- (3) Mokroj sol'ju s oblakov
I s uđil
Bol', kak pjatna s bašlykov,
Vyvodil. (118)
- (4) I, kak uđol' po risunku
Grjanul liven' vsem pletnem. (148)
- (5) On vašu sestru, kak vakxanku s amfor,
Podymet s zemli i ispol'zuet (149)
- (6) što ja obđaju
Ognem, kak na njux moj, zlovon'em vaš knaster? (160)
- (7) V ego ustax zvučalo "zavtra",
Kak na ustax inyx "včera" (163)
- (8) Ix - što ptic po kustam, što gribov za mežoj. (183)
- (9) On vešaet oblako buri kirpičnoj,
Kak robu na vešalku na leto v škof. (191)

- (10) V očistivšejsja panorame
Obrisovalsja v dvux šagax
Ot šara - krejser pod parami,
Kak kočegar u očaga. (288)
- (11) on šel
Rassejannej, čem za gorod, svobodnej,
Čem s vypuska, za škol'nyj častokol. (326)
- (12) No vse ix smenoju odeto,
Kak pen'e morja penoj voln. (343)
- (13) Ja ljublju ix <... ..>
Nebo v černom, zemlju v belom ... (382)
- (14) Ix šum pribit k skale,
Kak kandeljabr k karnizu. (393)
- (15) na golyj led,
Kak zerkalo na podzermal'nik,
Postavljen černyj nebosvod. (399)
- (16) Jablone - jabloki, eločke - šiški. (403)
- (17) V obmoroke konnyj, deva v stolbnjake. (439)
- (18) Im milosti vozveščeny
Zemlej - v každoj kamennoj treščine,
Travoj - iz-pod každoj steny <...>
Zemlej - každoj kamennoj skvažine,
Travoj - v posovice krivoj (461)
- (19) Gde ljudi v rodstve so stixijami,
Stixii - v sosedstve s ljud'mi,
Zemlja - v každom kamennom vyeme,
Trava - pered vsemi dver'mi. (462)
- (20) Oni taščili vverx rojal'
Nađ šir'ju gorodskogo morja,
Kak s zapovedjami skrižal'
Na kamennoe ploskogor'e. (469)
- (21) I gorod v sviste, šume, game,
Kak pod vodoj na dne legend,
Vnizu ostalsja pod nogami. (469)
- (22) On sred' ženščin naxodčiv,
Sred' mužčin - neljudim. (478)
- (23) Ili vzroslye ženščiny v gneve, <...>
Vyrastali v dverjax, kak derev'ja
Po krajam gorodskix cvetnikov. (485)